

к 84.09(=446)
к 89
к-62 121

**ВЛАДИМИР
КУЗЬМИН**

**Под радугой
дружбы и любви**

Национальная библиотека ЧР

к-062121

Геннадию Максимову -
на память.

К 84.03 (ч. 1)
К 89
В. Кузьмин

Владимир КУЗЬМИН

12.12.08 г.

Под радугой дружбы и любви

Чебоксары
«Новое Время»
2008

УДК 821.512.111

ББК 84(2Рос=Чув)6-444-47 x 444,3

К 89

К 84.09 (=Чув)Б-444-47

Чувашский писатель Владимир Прокопьевич Кузьмин родился в 1937 году. Родина его — Хорнзорская земля Вурнарского района Чувашии. С малых лет трудился в колхозе. Его именем названа одна из улиц родной деревни. Служил в Советской Армии. Получил высшее образование. Сорок шесть лет работал в республиканских средствах массовой информации. Журналистские и литературные труды отмечались призами всесоюзных, всероссийских и всечувашских творческих конкурсов. Он награжден почетными грамотами ряда союзных, российских министерств и союзов журналистов СССР, РФ.

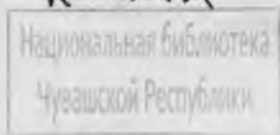
Пишет на чувашском и русском языках. Автор многих очерков, фельетонов, повестей, романов, пьес.

Кузьмин В.

Под радугой дружбы и любви. Повести. — Чебоксары: «Новое Время», 2008 — 256 с.

О нерушимой дружбе и сотрудничестве, взаимопомощи чувашского и украинского народов, о верной и вечной любви чувашской и украинской молодежи.

К-6212

© Кузьмин В., 2008

РАДУГА В ДУГЕ

Повесть

Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!

Тарас ШЕВЧЕНКО

Шагайте бодрее и тверже.
Отцизны любимой сыны.
Не можем отстать мы. — не можем! —
От поступи нашей страны.

Михаил СЕСПЕЛЬ

1

Иван Сариванов в воскресенье вернулся из Лебединога в родную деревню. Возникшая в начале оврага и утопающая теперь в ветлах Приозерная, спрятавшаяся за кудрявым лесом вдоль оврага и за рабочим поселком Вурнары, встретила его домашним духом. Поставив черную легковую автомашину чуть подальше от озера, взял в руку маленький чемоданчик и вышел на свежий воздух. Разукрашенным резными узорами родовым пятистенным домом и русскими воротами он любителю в каждый приезд, вот и сейчас смотрит на них, стоя на одном месте. Выполненные мастерскими руками деда узоры заставляют глубоко задуматься. Кажется, что бесконечный полет маленьких лебедей на оконных наличниках будто окрыляют человека. Дикие звери над большой дверью пляшут без устали. Вырезанные на дубовых столбах медведи, вон, играют на гармошке, медведицы хлопают в ладошки, а медвежата пустились в пляс. На калитке — вечно не стареющая чета: мужчина гнет подкову, женщина кормит ребенка грудью. Наверху, на фронтоне дома, космическое пространство. В середине вырезано круглое окошечко, напоминающее солнышко, и от стеклышка отражаются светлые лучи. Месяц застенчиво глядит на землю. Сверкают звезды. Между ними летит сказочный Батыр. Пульс жизни, живую природу очень образно сумел показать его дед Сариван. Оказывается, в умелых руках и дерево оживает, приобретая душу.

Перед домом зеленеет трава-мурава. Вдоль берега, как тальниковые поросли, разрослась крапива. Под сказочно ветвистой разладистой ветлой в грязи лежат свиньи, спокойно хрюкая. В разрыхленных ими ямках деловито копаются спесивый петух и три курицы. За плавающими вдоль и поперек по глади озера кричающими утками остаются сверкающие следы. Внезапно выпрыгнувшая из воды рыбешка серебристо сверкнет под солнцем и шлепается в игристые волны. Над Апнерским лугом, готовые вот-вот свалиться на землю, парят сине-коричневые облака. Там во всей красе встала радуга.

Красота природы и картина деревни еще больше подняли итак радужное настроение Ивана. Перебросив маленький чемоданчик в левую руку, он открыл калитку. Увидев знакомого человека, из сарая навстречу выбежал лохматый Улайкка, дотрусив до него, он с визгом начал прыгать вверх по его ноге. В то же время во двор из огорода зашла мать. Стройная Укахви — только что перешагнувшая пятидесятилетний возраст красивая женщина. Сегодня она в ситцевом кружевном платье и вышитом переднике. На ногах блестят светлые галоши. Кончики шелкового платка трепещут на ветру. На продолговатых щеках заметны неглубокие морщины. Своими карими глазами она на человека смотрит пронизывающе. Опрятная, прямая, трудолюбивая его мать. Иван слышал, что про таких говорят: следит парой глаз, трудится двумя руками. Душой и сердцем любит он свою мать, и сейчас поздоровался с ней, заключив в объятия, затем поспешил сообщить о своей большой радости:

— Машину купил я, мама!

Мать посмотрела в сверкающие глаза сына и ласково сказала:

— Значит, наконец осуществилась твоя мечта.

— Айда, айда, покажу, мама, тут у ворот. Айда, прокачу немножко, — Иван взял мать под руку. — Видишь, как блестит? «Волга». В Горьком выпускают.

— Ай, боже! Эта твоя машина, сынок, действительно похожа на откормленного овсом вороного коня. А стоит, наверное, ой-ой?..

— Немного, мама. Лишь пятнадцать тысяч.

— Пятнадцать тысяч?.. Как дорого. Деньги-то остались хоть жить самому?

— Есть, мама, есть: и себе, и вам помогать хватит. Ведь работаем.

— Тогда уж ладно. Ой, на сердце легче стало. Наверное, купил по необходимости. Постоянно толкаться в автобусах и мучиться тоже надоедает. За покупку машины я тебе ничего плохого не скажу. Все же не бестолковая трата денег на пьянство, как поступают некоторые. Только води себя примерно. Сейчас много машин сталкиваются...

— Мама, ты же прекрасно знаешь, что я не балуюсь пивом-водкой. Что горевать-то? Садись-ка? Как замечательно в ней! И мощностю сто лошадиных сил. Давай-ка, прокачу, мама?

— Сейчас некогда, сынок, в другой раз покатаемся. Отец с дедом в Норусово ушли, к их приходу нужно успеть сварить суп. Ведь сегодня там ярмарка. У деда твоего, старого, одно на уме, кадки-бочки мастерить. Чем без дела сидеть, лучше подол шубы тереть, так, видимо, думает он по-древнему. Сам знаешь, не работаешь, и добра не будет. Пусть возится, пока есть силы. Отец твой сказал, что подбросит его попутно. Они и сегодня возят кирпич на машине. В деревне, тут, и в выходные дни редко когда отдохнешь летом. У вас там, кажись, не так.

— У нас, мама, работа несколько раз горячее здешнего. Быстрее надо положить газовые трубы в землю. Очень торопят. Ну я помчусь забрать деда.

— Как же не поевши? Хоть что-нибудь да поешь. Не ходи голодным, сынок. Встань утром да умойся, умойся да хлеб возьми в руку, говорили издревле.

— Перед выездом поел я.

— Голод пусть не будет ямщиком хлеба. Сытым и в дорогу выйти легче, — этими словами Укахви обошла вокруг машины, с любопытством рассматривая ее, затем отошла в сторону.

Иван сел в машину, завел мотор и длинно посигналил. Услышав ржание «вороного коня», утки в пруду раз за разом крикнули. Иван медленно тронулся с места и через Верхнюю улицу выехал за околицу, проехав немного по большаку и северной окраины Вурнар, сбавил скорость. С левой стороны мелькнули вагоны и «бочки». Там, в этих странных «домах», живут строители-газовики. Справа по всему полю кучами лежат стальные трубы и плиты железобетонных конструкций. По грязной ухабисто-рытвинной дороге двигаются тяжеловесные автомашины, из железнодорожной станции возят разное оборудование и большие трубы. По узкой дороге не так-то разгонишься. Пропуская встречные большие «КрАЗы» и «МАЗы», или обгоняя их, нужно быть очень осторожным за рулем. Купивший аргамака только вчера, он еще не имеет достаточного навыка. Но не на минуту не хочется отпустить вожжи из рук.

Доехав до Норусова и оставив машину на открытой площадке у автовокзала, посвистывая, он быстро пошагал к рынку. Вот, спустившись вниз к речке Цивилю и ступив на мост, дошел до середины и встал как вкопанный. Навстречу шла Марьяна Стасына с какой-то молодой женщиной, о чем-то мирно беседуя! В платье с голубыми цветочками, молочно-белых туфлях на высоких каблуках. Льянные волосы убрала под косынку. Приблизившись, Марьяна вскинула голову и молнией ослепила карие глаза Ивана. Подошла к нему и, мило улыбнувшись прясличными губами, нежно протянула руку в сторону парня:

— Ой, это же ты, Иванушка?! Привет!

— Привет, Марьяна, привет! — лицо парня обожгло, как-будто стоял близко к огню.

Неожиданно Марьяна смело обняла Ивана и чмокнула в щеку. Отпустила руки только тогда, когда мимо проезжал «Урал», грохоча мостовыми досками. Из кабины высунулась взлохмаченная голова давнишнего товарища Сариванова — Арсентия Ламсуркина, который, грозя огромным кулачищем, что-то крикнул. От прибавленного газа мотор взревел громогласно, густой темный дым, валивший вулканом из глушителя, распространился вокруг. Лишь тогда, когда груженная сваренными из трех труб длинным звеном автомашина с прицепом поднялась в гору, парень осмелился спросить:

— Слушай-ка, Марьяна, с какой тучи ты свалилась?

— Вон с той последождевой тучи. Ладно, как я попала сюда, расскажу позже. Теперь повернись обратно и айда с нами. Идем в кабак пообедать. Ой, Иванушка, с каких пор не видела тебя!.. Ой, забыла познакомить вас. Это — моя сверстница Оксана из нашей деревни. Это — мой... Иванушка, чувашский парень. Ой, прости-те меня, дуру. Мы же однажды в клубе вместе танцевали. Не помните?

Удивленная неожиданной встречей Оксана ничего не смогла сказать.

В этот момент перед глазами Ивана Сариванова как в кино промелькнули картины из жизни на Украине.

Воинская часть. Солдаты отдыхают. Иван тоже свободен. Он зашел в Ленинскую комнату, почитал газеты, полистал журналы, вот тогда-то он и был заморожен цветной фотографией на всю страницу в украинском молодежном журнале. Девушка в поле цветущего льна показалась тогда ему ангелом, выходящим из волн синего моря. Тонкое платье, покрывающее ее красивое тело, развевается на ветру. Длинные косы играют с цветами льна. Из-за высоко поднятой головы круглые как надутый мяч груди красиво выпучены вперед. Похожие на спелую черемуху глаза смотрят чарующе, завораживают. Солдат прочитал подпись внизу страницы: «Звеньевая колхоза имени Чапаева Золотоношского района Черкасской области Марьяна Стасына...»

По понуждению какой-то чувственной силы рядовой Сариванов аккуратно вырвал страницу из журнала и, вернувшись в казарму, приклеил на фотоальбом. И с того момента ни на минуту не исчезал с глаз образ девушки, плывущей по льняному морю, словно белая лебедушка. И ложась спать, Иван заснул, бредя ею. А на другой день, освободившись от службы, парень написал девушке письмо.

Теперь он знает, что это коллективное хозяйство украинских крестьян расположено недалеко от их войсковой части, значит, и Марьяна близка, и письмо должно прийти быстро, и ответ... Каждый день с нетерпением ждал Иван его, но не оправдалась надежда чувашского молодца. Украинская мадонна не подала голоса. «Чай, не мало поступающих легкомысленно, как я, после публикации ее фотографии в журнале, пожалуй тысяча писем пришли к этой красавице от солдат, горящих желанием плавать в бурливых волнах любви только с нею», — успокаивать начал себя Иван.

Однажды их повезли в колхоз помочь сельским жителям. Помешанный на образе красавицы из журнала, солдат среди работающих в поле молодежи все высматривал Марьяну Стасыну, но спрашивать, где она может быть, постеснялся. Нет, не увидел, не нашел он девушку с льняными волосами. Оказывается, Марьяна из другой бригады. Вечером в клубе Золотоноши, как в сказке, она сама появилась перед ним.

Обрадованный Иван сразу пригласил ее на танец, взял крепкой солдатской рукой за тонкую талию и, не чувствуя пола под ногами, закружился в танце. Марьяна танцует с воодушевлением, легко, время от времени взглянет в глаза пылающего парня и тут же отводит голову в сторону. Никому не хотелось отдать Ивану свое счастье, долго не отпускал он ее из рук, танцуя, заговорил с ней. «Эх, Иванушка, почтальонка устала, наверное, нося ко мне солдатские письма, их у меня целая кipa. Нет у меня времени читать их все, тем более отвечать на них. Мне нужно выращивать лен и кукурузу. Извини уж. Спасибо за то, что пожелал написать ко мне теплые слова», — сказала Марьяна. «Я все же жду ответа», — просяще посмотрел Иван на блестящие как

звезды глаза девушки. «Там видно будет, сразу обнадеживать не стану. Подожди-ка, я тебя познакомлю со своей сверстницей».

В этот момент гармонь замолкла, и танцующие смешались в зале. Иван так и не увидел девушку, которую позвала Марьяна. Вот она теперь перед ним, рядом с ним, стоит, поправляя завитые каштановые волосы правой рукой, смотрит на чувашского парня завистливо, исподлобья. Наверное Марьяна тогда хотела подтолкнуть приставшего к ней как оса солдата к этой Оксане. Но Ивану не удалось познакомиться с ней, и он до конца танцев кружился с Марьяной. На удивление, и сама Марьяна не отошла от него. Между девушкой из Золотоноши, расположенной на берегу буйного Днепра, и парнем с Волги, что же родилось в тот вечер: любовь, или дружба? Начавшиеся с фотопортрета страдания, Ивану казались любовью. И он постоянно вспоминал строки из стихотворения чувашского поэта Михаила Сеспеля «Выдуманным глазам»:

О глаза, любимые мной —
Темной сини две черных звезды.
Не в насмешку ли над собой
Вас я песней терзанья создал?

А для Марьяны?.. У девушки был парень, работавший в районном потребительском обществе, — Артем Ковальчук. Марьяна назвала его Артемкой, или Артемом Остаповичем. Гуляя с ним, видимо, симпатизировала и Ивану, со временем начала писать письма. В выходные дни пришедшего к ней с увольнением солдата не прогоняла от себя...

Иван Сариванов с увлечением рассказывал девушке о древней Чувашии, чувашском народе, чувашских обычаях и традициях. Марьяна — о жизни земляков.

— Наш замполит, майор Волгин, земляк. Из Чебоксар, — вдохновлялся солдат. — Со всего батальона собрал всех чувашей. Целое отделение будет. Открыл «ликбез». Политграмоту проводит с нами. «Вы должны гордиться своим именем чуваш, — наставляет он. — Ибо чуваш он — великий представитель одного из древнейших народов мира. Поэтому каждый из вас должен прекрасно знать историю своего народа, историю своих далеких предков».

Марьяна, легко улыбаясь, говорит:

— Чую, какой «ликбезовец» трется возле меня, языкастый, башковитый, сам как учитель объясняешь.

— Ой. Как интересно было слушать нашего майора... А ведь и вправду не знали мы свою национальную историю. Не учили как следует нас об этом в школе. Действительно, только здесь прозрел я. Разве я мог подумать, что чуваша вышли из огурско-булгарских и суварско-сибирских племен на Иртышском верховье, а их древние предки, так называемые гунны, обитали там в конце прошлого тысячелетия до нашей эры.

— Представляю по карте древней истории откуда течет твоя кровь — кровь гуннская.

— Из суровой Сибири. Но... колесо истории покатилося оттуда в сторону Запада. Сдвинули его с места китайцы. Разбили гуннов, в первом веке. И большая часть из них и засела на Северном Кавказе. Здесь предки чувашей жили пятьсот лет. Называли их тюрками. С Приазовья они перемещались в Средневожье. В десятом веке ими создается раннефеодальное государство Волжская Булгария. Через двести лет эту цветущую страну разоряет внук Чингиза Хан Батый и подчиняет Золотой Орде. Начинается кровавая борьба с монголами за освобождение от неволи. В это время часть болгар переселилась в междуречье Суры и Свияги. Там постепенно они смешались с финно-угорскими племенами. Булгар-сувары называли себя сувазами. Постепенно они стали чувашами. Когда в пятнадцатом веке пала Золотая Орда, Волжская Булгария вошла в состав Казанского ханства. Сто с лишним лет шли войны на территории Чувашии между русскими княжествами и Казанским ханством. Только вхождение нашего края в 1551 году в состав Русского государства спасло нас от грабежей иноземцев и исламизации. Чуваш-язычники все же не поддались, противостояли татарской ассимиляции, иначе бы...

— Иначе бы не стоял передо мной чуваш Иван Сариванов.

— Точно так, — сказав твердо, парень нежно поцеловал девушку.

— Ох, эта история... И нам, украинцам, довелось пережить веками нападения иноземцев со всех сторон. Хорошо, что дал нашему народу Бог мудрого козака, выдающегося полководца Богдана Хмельницкого...

Иван перебил ее:

— О-о, о нем я знаю немного. Ваш исторический герой. Даже у нас в Чебоксарах есть улица Богдана Хмельницкого.

— По всему Союзу известен он, даже за границей. Возглавив освободительную войну народных масс, он в 1654 году добился воссоединения Украины с Россией. Спас нас от поработителей. Слава ему. Если бы не он...

— Передо мной не сияла бы солнышком украинская дивчина Марьяна Стасына.

Они снова обнялись.

— Я — представительница сорока восьми миллионного великого народа, — прошептала она, — дарю тебе любовь и ласку украинского народа.

— А я — сын двухмиллионного великого народа, дарю тебе любовь и силу чувашского народа. Как наши деды и отцы защищали от врагов ваш цветущий и богатый край, так же буду защищать я тебя от чужих хитрых, опасных глаз. Уведу в свой край ста тысяч песен...

— Не знаю, милый, неизвестно еще что впереди ждет нас. А может, ты полюбишь наш край — край тоже ста-ста тысяч песен и танцев.

Сариванов отпустил ее из объятия и оглянулся вокруг:

— Какой одухотворяющий живой край. А знаешь, Марьяна, твоя Черкащина по-чувашски как называется?

— Как же, скажи?

— Живой край. В этом крае живет моя любовь. В этом крае Земли живет вечная лира — лирика, песня талантливого народа. Люблю вашего вечного

певца «Кобзаря» Тараса Шевченко, — восторженно говорил Иван. — А знаешь какой умный, интересный сосед есть у меня в деревне? Дядя Симон, учитель. У них, у Говоруных, вообще род башковитый. И этот Симон Григорьевич, с нами от души болтал о литературе. И вспомнился сейчас один из рассказов его о жизни — пути Шевченко. А знаешь, великого украинского поэта-революционера за вольнолюбивые стихи и агитацию против самодержавия сослали в Оренбургскую губернию солдатом, запретив писать и рисовать. Со своей воинской частью он попал на полуостров Мангышлак, после кончины своего губителя царя Николая I, освобожденный от неволи, в августе 1857 года на пароходе «Князь Пожарский» выехал из Астрахани. В длительном плавании любовался прекрасной Волгой. Проезжая мимо Чебоксар, пристально вглядывался в город, и в свой дневник записал так: «живописный и грязный, ничтожный но картинный город с обилием церквей». А сейчас... Вот тебя бы повезти туда и показать изменившийся город...

— А я недавно прочитала о любимом твоём чувашском поэте, — вспомнила Марьяна. — Оказывается, ваш Михаил Сеспель жил на Украине, не очень далеко от нас. Запомнила: город Остер Черниговской губернии. И похоронили его на нашей земле. Его друг, украинский поэт Федор Пакрышень, на его могильном памятнике написал так. Я специально выписала, вот прочту-ка:

Оця єдина могила
Великого поета сховала.
С ним багато писень нових
Буденна земля втеряла.

— С пламенным сердцем, решительные, смелые, никогда не вешавшие головы богатыри были, оказывается, они — Шевченко и Сеспель. И ваш Тарас, и наш Михаил горели в борьбе за справедливость, за просвещение своего народа, за достойную жизнь стали звездой родного народа. Шевченко в действительности зачинатель новой украинской литературы, а Сеспель певец новой жизни чувашей. Сеспель любил Шевченко, на Украине переводил его стихи на наш язык, и они зазвучали на чувашском языке. Вот это, например:

Кёрлет мён Днепр: ахлатать вёл,
Силеннё сил сулса татать.
Йа́мрасене сёрех авать вёл.
Ту пек: ту пек хум хускатать...

— Ой, как песня звучит твой голос, Иванушка...

— Язык наш песенный, соловьиный, как ваш, украинский.

— А как же по-русски Шевченковский стих? Знаешь?

— Конечно, знаю. Читал «Кобзаря» и на чувашском, и на русском языках. Сосед мой, дядя Симон, хотел выпестовать из меня учителя словесности.

И сам я увлекся в то время литературой. Жаль, мечта моя не сбылась. Мой учитель уехал из деревни, в Москве учился в академии общественных наук, в обкоме компартии учил уму-разуму народ. Но меня не забывал, в каждый приезд экзаменовал. Наизусть надо было ему рассказать стихи. Вот я и цитировал, особенно из «Кобзаря». Вот так:

Широкий Днепр ревет и стонет,
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет.

— Умываясь водами вашей Волги и нашего Днепра, качаясь на волнах двух великих рек, они поднимали на этой славной земле дух своих народов — наших народов. Не так ли, Иванушка? — добавила тогда Марьяна.

В ушах, вот, опять зазвенел ее голос, похожий на звон колокольчика:

— Ты что, Иванушка, в мою сверстницу влюбился что ли? — засмеялась Марьяна. — Слишком уж масляными глазами смотришь на нее, или мне показалось? Смотри, у нее муж очень строгий.

— Человека не запретишь ни симпатизировать, ни любить. Внутренними чувствами каждый сам хозяин, — обоих взял Иван под руки. — Которую больше люблю — ту и заворюжу.

— Все же, кого из нас хочешь заворужить? — спросила Марьяна, повернув голову.

— Оксану, — пошутил Иван. — Ты же хотела познакомить меня с ней в вашем клубе. Вот, посажу в машину и укачу с ней. Не побоюсь даже строгого ее мужа.

— «Украсть» невесту ты, видимо, мастер, паря, — с намеком сказала Оксана.

— Нет, нет, никуда, никому не отдам свою сверстницу. За нее я в ответе перед ее мужем Славиным. Владимир Васильевич итак почти под расписку еле-еле отпустил жену свою.

— А если сама соглашусь? — молодая женщина погладила волосы и, чуть скривив губы, выдавила подобие улыбки. — Любовь она опаснее пожара...

Марьяна прикрыла рот ровесницы.

Перед глазами Ивана опять встали картины прошлого. После увольнения из Советской Армии Сариванов не отправился с товарищами сразу на железнодорожную станцию. А поспешил в Золотоношу, к Марьяне. По предварительной договоренности, девушка, видимо, действительно ждала его: заметив в окно, тут же выбежала навстречу, почему-то не пригласила в дом, взяла чемодан из руки солдата и занесла в сени, затем предложила Ивану:

— Погуляем?

— Я не против, если нужно погулять — погуляем, — парень попытался обнять девушку за тонкую талию.

Марьяна ловко увернулась и загадочно погрозила:

— Не балуй, Иванушка... Баловство до добра не доведет.

— Кто кого любит, тот того и ласкает, — ответил Иван.

Неожиданно Марьяна прикоснулась губами к краю его губ и побежала за огород. Парень следом очутился в поле. Марьяна показала ему зеленеющие участки кукурузы и льна. И в этом году она со своим звеном намерена выйти в победители. Очень проворная, трудолюбивая девушка Марьяна Стасына. Ее имя гремит и в своем районе, и в области, и в союзной республике. Была делегатом съезда ВЛКСМ, удостоилась золотой медали ВДНХ в Москве. В душе и Иван гордится ее успехами, невольно нежно погладил ковыльные волосы девушки, которая в тот момент наклонилась и гладила головки цветущего льна. Марьяна выпрямилась, увидела сияющие радостью глаза парня и нежно улыбнулась. Иван не растерялся, прикоснулся губами к близко находящимся к его лицу обветренным губам девушки. Она не оттолкнула парня. Иван крепко прижал Марьяну к груди. Горячие словно угли губы, обжигающие сквозь гимнастерку груди лишили парня рассудка. Он боялся открыть глаза. Ему казалось, что он, открыв глаза, лишится волшебного момента. Сoreвнуясь, бьются сердца. До слуха доносятся трель жаворонка и плач чибиса. Между ног шаловливо играет ветер...

Шагая по оврагу вдоль опушки леса, оба долго молчали. Когда подошли к ограде огорода со стороны поля, Марьяна еще раз поцеловала Ивана. Тогда-то и пообещал Сариванов, что заберет милую в свою Чувашию, на берега Волги.

— Приедем в деревню и на троицу сыграем свадьбу.

— Спешись, Иванушка, спешись с женитьбой. Надо подумать. Слишком уж как во сне чувствую себя. Ничего не пойму, что происходит. Голова кружится.

Девушка с парнем лишь к вечеру тихо зашли в дом. Мать не ложилась спать, ждала их, спешно поставила на стол украинский борщ, сало толщиной с ладонь, блины... и графин с горилкой. У Стасыных солдат стал большим гостем.

И при матери, и наедине Иван несколько раз попытался уговорить Марьяну, но она не согласилась с предложением парня, не захотела покинуть родную Золотоношу.

А сейчас Марьяна шагает рядом с ним, все прижимаясь и прижимаясь к нему, обжигая парня горячим телом.

2

Оказывается, в ресторане Норусова, известного старого села, готовят очень вкусно. Приехавшим издалека гостям особенно понравилась печенка.

Накрошенную говяжьёю печенку, накрыв тестом, сварили в котле, затем пожарили на сковородке. Назвали ее «печенкой в тесте». Очень добротная еда, ничего не скажешь.

Марьяна понаблюдала несколько мгновений за поднимающимися со дна тонкого фужера мелкими пузырьками и тяжело вздохнула.

— Глядите-ка, как быстро унимается эта сладкая водица, — сказала она, не поднимая головы. — Оказывается, лишь пробка сдерживает ее газовое давление. Только раскупорь, она с шипением утихнет. Одни первыми пьют ее, другие следом. Оксана, не таковы ли и у нас, у женщин, девичий век? Бьющаяся под золотым венком живая сила, кажется, вот так же затухает, как только порвут венок...

— Надо постоянно взбалтывать бутылку, тогда вновь будет пениться содержимое. — Иван разлил по фужерам шампанское.

Марьяна добавила:

— В жизни нужны не только те, кто рвет венок, но и те, кто взбалтывает, прижимает...

Оксана резко осадилла сверстницу:

— Не осуждай. Осуждающему остатки достанутся, говорят вон чуваши. Я своего Славина с первой же встречи и без всякой опаски горячо обняла и отдала ему в пылу любимой ласки свой золотой венок. Ты ведь тоже не сдержалась, подарила ему самое дорогое. А сейчас сама виновата. Почему в свое время отказала Иванушке стать его женой? Вот, сейчас он рядышком, угощает нас, как ласково смотрит на тебя... Может, еще не поздно, подумай хорошенько. Счастье, оно, словно солнце: приветливо улыбнется и вмиг исчезнет.

— Теперь уж, видимо, поздно, Оксана, солнце не спрячешь за пазуху. Близок локоть, да не укусишь. При падении не сумеешь схватиться за гриву, то за хвост тем более не схватишься.

Лишь Иван не сказал ни слова, осторожно положил правую руку на плечо рядом сидящей Марьяны. Перед глазами вновь промелькнули никогда не стареющие, никогда не исчезающие картины.

Когда украинская красавица отказалась выйти за него замуж, вернувшись домой с подавленной душой, Иван стал бесшабашно гулять со сверстниками. Тоску-печаль начал подавлять одурманивающей жидкостью. Хорошо, что дед вовремя образумил его. Мастеривший под сарайным навесом кадки-бочки, он посадил внука на колоду и начал учить уму-разуму: «Если не сможешь надеть на себя обруч, как вот на эту бочку, и крепко держать себя в руках, то никогда не получишь в народе доброго имени. Не одним обручем, а двенадцатью обручами крепи себя. И отца твоего я так учил, оказывается, и тебя образумить пришло время. Старый скажет, прок будет. Запомни и никогда не забывай эти мои слова».

Иван не пропустил мимо ушей вовремя преподанный золотой совет деда, постоянно держал в памяти, обручи сдержанности всегда подкреплял, старался быть подальше от тех товарищей, которые уже головой лезли в винные бочки, сторонился их. Устроился шофером в Вурнарах, возил председателя

райпо. Место хорошее. Районный потребительский союз славился добрым именем.

Сколько писем он отправлял на Украину, а пришел один лишь ответ. Ответ был печальным. Марьяна сообщала, что согласилась выйти замуж за Артема Ковальчука.

В Золотоноше Иван несколько раз видел Артема, однажды даже довелось с глазу на глаз разговаривать с ним. Он, конечно, недолюбливал солдата. Но Марьяна, имея парня, почему-то встречалась с Иваном, на краю оврага, расположенного рядом с льяным полем, впервые девичий пыл подарила ему. Почему? Почему эта Марьяна с льяными волосами и тонкой талией хочет осчастливить сейчас не его, а другого? В голову нахлынуло столько разных мыслей, будто переполнилось Лебединое озеро, расположенное рядом с их домом. Они поместились ровно в одну тетрадь. Толстое письмо Иван отправил на Украину заказным. Только не дождался ответа. Вместо него...

Их колхоз имени Чапаева уже двадцать лет соревнуется с колхозом с таким же названием из Украины. Дружба все крепла, постепенно соперничество между Золотоношским и Вурнарским районами перешло в настоящее состязание. Ежегодно делегации совершают взаимные визиты, чтобы ознакомиться с новыми трудовыми успехами, ростом развития культуры. По заведенной традиции золотоношцы и в этом году посетили Вурнары накануне чувашского праздника Акатуй — Свадьбы Пашни. Иван узнал, что в составе гостей-делегации с председателем райпо Ковальчуком есть и Марьяна.

После расставания с этой украинской девушкой на берегу Днепра не прошло и двух месяцев, тем не менее, для чувашского парня оно показалось целой вечностью. Приехать приехала его красавица, но как встретиться и поговорить с ней? Гости ни одного дня не свободны, их постоянно возят по району, показывая достижения в труде и культуре.

Но у Сариванова счастье, видимо, с собой же. Тогда Иван с Марьяной встретился в гостинице «Дружба». Председатель райпо отправил Сариванова в гостиницу, чтобы он привез на машине гостей к нему. Он поднялся на второй этаж, тихо постучался в нужную дверь. Там никого не оказалось. В это время открылась дверь напротив и вышел черноволосый знакомый человек. Ковальчук посмотрел на Ивана с усмешкой, невольно подал руку. «Артем Остапович, я приехал за вами, карета подана», — сказал шофер. Тот обнадежил, что быстро оденется, и скрылся в своем номере.

Иван, оставшийся в коридоре один, осмелился заглянуть в приоткрытую дверь, откуда только что вышел Ковальчук, и... Внутри, перед зеркалом, Марьяна расчесывает длинные волосы. Спустившиеся ниже талии концы льянных кос играют упругим телом. Лучи восходящего солнца насквозь просвечивают тонкое платье девушки, из-под которого просматриваются округлые голые бедра и полные ноги молодухи. В легоньком движении стройное тело играет своей музыкой. Почуввав ли, что кто-то на нее смотрит, Марьяна резко повернулась и обомлела.

Иван не выдержал, стремительно ворвался в номер, крепко обнял Марьяну и начал страстно целовать ее в губы, щеки, брови. Не выдержав жаркого тела, Иван совсем изнемог.

— Ой, вот это встреча... Как ты сумел разыскать меня, Иванушка? Ой, Иванушка! Истинно под счастливой звездой родился ты... Ой, видя тебя, совсем обессилилась. Прости ты меня, прости. Сама не пойму, почему обидела тебя? Почему-то не сумела оттолкнуть его от себя. Почему-то согласилась выйти за него замуж. Артемка говорит, что осенью сыграем свадьбу.

Иван поднял ее на руки, покружил по комнате и пристально посмотрел в блестящие как звезды глаза.

— Эх, обожаемые и любимые мной когда-то глаза — две черные звезды в ночной синеве... Теперь я, Марьяна, никуда от себя не отпущу тебя, посажу в машину и увезу к нам домой. Выйди за меня замуж. Мы же будущую совместную жизнь завязали в узел еще там у вас, в овраге за вашим огородом под серенаду чибиса...

Тут открылась дверь, и в комнату вошел Ковальчук. Иван с рук посадил Марьяну на кровать, ему стало неловко. Артем Осипович посмотрел исподлобья, как бык, но сдержался и недобро ухмыльнулся: «Где двое — третий лишний».

Иван повез гостей из гостиницы в назначенное место быстрее ветра. Тогда-то родилась у него в голове отчаянная мысль: «Зашедшую в двери района девушку не выпущу обратно!». Да. Так и было...

Парень позвал официантку, достал из кармана сто рублей и положил на стол. Та пошла разменять их в буфет.

Когда вышли из ресторана, Иван повел сверстниц к автовокзалу, где стояла его «Волга», открыл дверь машины и пригласил: «Красавицы, пожалуйста, садитесь».

— Вот тебе и «бедный парень», Марьяна. Этот не жмот, как твой председатель райпо, — пропустила сверстницу вперед Оксана. — Купил, чай, на заработанные деньги...

— Можете не шушукать, я все слышу, — сказал Сариванов, садясь за руль. — Если сами не заработаем, никто нам сверху не сбросит. Да и не нужно дармовых.

— Может, в лотерею выиграл? — попыталась пошутить Марьяна.

— Нет, Марьяна, это не свалившееся с клочком бумажки счастье, а кованое своим потом, — Иван завел машину, проехал мост и, свернув направо, спустился на базарную площадь.

Ярмарка шумит, гудит. Разодетый по-праздничному народ кишит, как муравьи в муравейнике. Со всей республики приехали сюда машины с разнообразным товаром, чуть ли не все магазины Чувашии участвуют в ярмарочном торге. Чего только тут нет. Мастера всевозможных ремесел из деревень разложили свои товары прямо на траве. Среди них Иван издали заметил своего деда, залихватски вскинувшего свою белую бороду, и стал сквозь тол-

пу протискиваться к нему. Женщины шли следом. Дед обрадовался внуку, на время оставил его вместо себя.

Иван жалостливо смотрел вслед удаляющемуся шаркающей походкой деду. «Что заставляет его, старца, заниматься этим трудом, день и ночь мастерить кадки-бочки?» Вспомнил слова матери: «Сейчас даже в деревне не хотят покупать бочки, старые уничтожены. Молочные фляги заменили двенадцати орешниково-обручные дубовые бочки. Заливают флягу кипяченой водой, размешивают с сахаром, про солод уж забыли, добавляют хмель и чуть ли не насилу принуждают пить это «молочко от бешеной коровы». Народ постепенно разучивается варить настоящее пиво. Потому-то и не желают покупать бочки деда. А он, бедняга, все тужится над ними. На этом он и держится на ногах. Иначе давно бы слег. Сам себя воодушевляя, сам себе придавая силы, продлевает свой век».

И вправду, за время отсутствия деда ни один человек не подошел и не спросил о стоимости бочки. Они продали одну кадку. Ее, разумеется, покупают держать в ней воду или солить овощи.

— Утром одну бочку продал, — радостно погладил бороду дед. — Нашелся чувашский старец как и я. Нынешней молодежи до бочки ли? Когда мы перемрем, в чем же будут настаивать пиво? Нет сейчас прилично мастеров бочки, видимо, в нашем округе мы с одним двое и остались. Пиво, оно, у чувашей будет всегда, пока на земле растет хмель. Хотя бы в праздники оно нужно. Как бы ни ругали. Только купаться нельзя в нем. Ладно, это неважно. Отца своего не видел? Он обещался попутно забрать меня. А ты как оказался тут?

Иван не преминул похвастаться перед дедом, что приобрел машину, сообщил, что уже успел заехать домой, что на ярмарку приехал специально за ним. Но дед настоял, что дождется сына, ведь нужно увезти кадки-бочки.

Расставшись с дедом, Иван повел украинок по ярмарке, покатал на карусели.

— Ничуть не хуже Сорочинской ярмарки, — похвалила Оксана.

— Еще почему наша Норусовская ярмарка должна быть хуже вашей, хохляндской? А ведь мы тоже!.. — размахивая руками, страстно говорил Сариванов. — Есть такая река, приток Волги, Сура. Во второй половине шестнадцатого века, во времена заложения малых городов-укреплений Российского государства, Норусово стало знаменитым во всем огромном округе. По водным путям потянулись в наш край караваны купцов-иностранцев, а соседей — нижегородцев, самарцев, симбирцев, татар, мордвы, марийцев сколько было... В каждый четверг шумел, торговал на разных языках базар. В обе стороны реки Цивиль растянулись торговые улицы. Славилась мои земляки мастерством, местной мануфактурой, дубовыми изделиями, предметами рукоделия, хмелю, медом, орехами, чудесными иконами. На церковной площади организовывали выставки товаров, для показа силы коней был ипподром. В кругу торгующих трубками-чубуками кружилось облако ароматного табачного дыма. Мастера скрипок, волынок, гуслей соревновались друг с другом, показывая достоинство и красоту своих товаров. К этой гармонии присоединялись многочисленные разные звуки петухов, гусей, уток, поросят... Ярмарка

рочный концерт продолжался до захода солнца. Захмелевшие от чувашской крепкой медовой браги торгоши и мужики искали под луной свои страстные приключения...

— Ой ты, болтун, — легонько ткнула ему в нос украинская красуля Марьяна, — ай как похвалялся, словно сам находился в этой чудесной среде, не хвастун-заливайка ли передо мной...

Иван не обиделся на нее, улыбнувшись, продолжил свой вдохновенный рассказ:

— Нет, не хваленым медом кормлю я вас, а чистым и сладким чувашским медом, вот так...

От горячего и крепкого поцелуя девушка даже согнулась и издала тонкий звук.

— Вот так... — глубоко вздохнул он. — Разве нынешняя ярмарка беднее прошлой? Не-ет, еще богаче. Почему, думаете? Потому что здесь присутствуют вы и вы, лепестки «Сорочинской ярмарки». Ах, как бы вы все понимали красноречивый и образный, иносказательный чувашский язык... Этот язык поднимет до неба, покатит по земле, смешит и без надувательства, веселит. Нисколько не отстает от языка героев Гоголя.

Вот черная автомашина опять споро катит по дороге Норусова.

— Марьяна, скажи-ка хоть сейчас, почему не согласилась ты тогда? — спросила у сверстницы Оксана.

Марьяна в шутку ответила коротко:

— У него тогда не было вороного коня, как сегодня, а был только худой жеребец.

Вновь перед Иваном начало вставать прошлое. Сегодня — вот ярмарка. В тот день проходил районный акатуй. Проводив Артема Остаповича и Марьяну до райкома партии, где собираются гости, Сариванов помчался на машине к товарищу в Приозерную. С ним договорился: он должен запрячь лошадей и после обеда незаметно подъехать на луг Лебединого, где проводится праздник, остановиться недалеко от места, которое отведено гостям. Остальное должно произойти по ходу дела.

После торжественной части и концерта гостей повезли к лесному озеру. В машине Ивана расположились два председателя райпо, Марьяна и сестренка Ивана Валентина. Сариванов не мог отвести глаз от переднего зеркала. В продолжение всего пути следил в зеркало, как разговаривает Марьяна, как смеется, или как некоторое время сидит в задумчивости молча.

Сестренка Ивана Валентина, шустрая, сообразительная, смелая. После окончания Чебоксарского музыкального училища вернулась в Вурнары. Работает во Дворце культуры. И на сегодняшнем празднике похвалили ее «артистов». И в лесу она всю инициативу взяла на себя. Организовала хоровод. Участники его ходят по кругу, напевая старинную чувашскую песню:

Вниз по улице по нашей
Легки саночки скользят...

Тайком поглядывая на пританцовывающую рядом с ним Марьяну, крепко держащую его за руку, Иван любовно сравнивал ее с тонкой гибкой волжской ивой из песни. Какие плавные движения, какой гибкий стан, когда она, хлопывая в ладошки, приплясывает! Не за руку, а за талию взяв, хочется прижать к себе пылкую девушку. Но с другой стороны, как рак с клешнями, неотпускаемо держит девушку ее земляк, долговязый чернявый парень. Марьяна, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, сыплет искры из звездных глаз, да при этом ловко притоптывая в пляске. На язык Ивана напрашиваются слова из стихотворения Сеспеля «Выдуманым глазами»:

Но любимые мной глаза
С той же Тайной в меня глядели,
И хотелось опять показать
Любям их откровенья зелень.

Когда хороводные игры прекратились, Валентина Сариванова заставила по очереди петь одних чувашские, других украинские песни, сплясать пляски двух народов. Гости, видимо, готовились к приезду сюда. Все в национальной одежде. И по творческому мастерству не отстанут ни от кого. Артем Ковальчук придумал в «гопака». А Марьяна, глубоко вздохнув, запела в полную грудь:

Рі дна мати моя, ти ночей не доспала
І водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку ти мене на зори проводжала,
І рушник вишиваний на щастя дала...

После хоровода не зная передышки так хочется говорить чувашскому парню с украинской красавицей, хочется вспомнить встречи в дни службы в армии, льняные поля, цветущий склон за Золотоношей, плач чибиса, шум Днепра при расставании. Но он почему-то при посторонних глазах стесняется близко подойти к Марьяне. Какая-то сила сдерживает его. А голову сверлит мысль: «Прибывшую почти в родной дом по своей воле ни за что не отпущу обратно». Поэтому он девушку не отпускает из вида. Вон Марьяна с Валентиной отделились от группы и под ручку направились к берегу. Ивану это и нужно было. И сестренка будто потворствует его замыслу. Он выбежал им навстречу, без слов облапошил Марьяну, поднял на руки и поспешил к телеге. От неожиданности и испуга Марьяна вскрикнула: «Ой, Иванушка, что ты делаешь?!» Не понимая, что происходит, Валентина вытаращила глаза. Марьяне Иван сообщил, что увезет ее к себе. Девушка сопротивлялась, отбивалась руками и ногами, случайно цапнула лицо парня. Иван бросил ее на середину телеги и крикнул товарищу: «Гони!» Задремавший в тени ямщик, чуть хмельной, растерявшийся от этой комедийной постановки, дергал-дергал вожжи, но никак не смог выдернуть их из-под трех человек. Затянутые вожжи не давали лошади тронуться с места.

Наим К-6212
Чувашской Республики

Со стороны поляны уже слышится шум-гам. Вон, люди бегут к ним. Впереди всех чернявый ухажер Марьяны мерит землю длинными ногами.

Кое-как вырвав вожжи, ямщик ударил по крупу лошади. Телега резко дернулась. От неожиданной встряски Иван отпустил руки. Марьяна свалилась с телеги. Умыкатели невесты помчались по лесной дороге.

Хмыкая, лежащую в высокой помятой траве Марьяну Артем Ковальчук помог встать, потянув ее за руку.

Вспомнив это, проехав Норусово, Иван в шутку сказал:

— Теперь вожжи в моих руках, не «украсть» ли тебя, Марьяна?

— С этим, наверное, опоздал ты. Теперь уже кому я нужна? Если сама виновата, кого теперь упрекать-то? — печально опустила голову Марьяна.

— Хорошо, «не украдем», — вытянул Иван губы. — Итак как каленым железом взгрили меня. Ай-яй, научили красть красавиц, хорошо проучили. В народе, наверное, не зря говорят, чтобы жениться или выйти замуж — следует заново родиться. Может, и правильно. Все же я вас не высажу и буду гнать машину до тех пор, пока не расскажете, каким образом вы оказались у нас.

3

Проводив дембеля-чуваша, Марьяна Стасына мучилась не меньше, чем быющая птица с подрезанными крыльями. Ей хотелось летать, парить в вышине, в зените любви. Но... оказывается, счастье и горе живут рядом. Сначала, избегая солдата, прогнав его от себя, одно крыло поранила сама. Вовремя не ожесточенный мягкий характер сломил ее другое крыло. Лишь возвратившись из Вурнар, Марьяна почувствовала, что происходит у нее внутри, в утробе, и тогда обуял ее ужас. Как же она выйдет замуж за Артемку в положении? Не от него же...

Артемка день и ночь приставал одним и тем же: пришлю сватов.

По древней традиции, когда заявятся сваты со стороны Ковальчуков, чем же встретить Марьяне их: вышитым полотенцем на деревянном подносе, или тыквой? В мечтах она уже сыграла свадьбу. Вот, будто бы сваты берут с ее рук полотенце. После ухода сватов у Стасыных родные жениха и невесты заключают радостное соглашение. Марьяна дарит подружкам полотенца. С обеих сторон готовятся к свадьбе. Мать девушки испечет каравай. Подружки из соновых лап плетут венок, украшают его лентами, колосьями и цветами — подчеркивают молодость и красу. В день свадьбы жених отправляет в дом невесты группу родных, их встречает Марьяна, они приглашают родителей и родственников Стасыных на свадьбу. За девушку платят калым. Молодую пару сажают на «квашню». Марьяна и Артемка завязанными полотенцем руками из одной чашки одной рукой едят суп. Два головных обруча, два каравая, два голубя... Товарищи жениха и подружки невесты — участники свадьбы поют песни, подтрунивают друг друга частушками. Рассекая воздух, тонко визжит

скрипка, звенит цимбал от ударов маленьких молоточков, однотонно звучат барабанные палочки. Свадьба разгорается... Свадьба вылетает из головы и куда-то исчезает... Вместо нее... она чувствует шевеление в утробе, дрыгания живой души сотрясает молодое женское тело сильнее барабанного боя в ее мечтах. Чувствовала это только она, об этом она никому пока не сообщала. Артемка торопился жениться, не внимал просьбам девушки «чутко подождать», послал сватов. Марьяна встретила их с тыквой на деревянном подносе. Слух о том, почему Марьяна обидела сватов, отказалась выйти замуж, распространился в народе лишь после того, как стал заметным ее живот. Артем Ковальчук сразу же после этого бросил «развратную девушку».

О чем только не думала беременная Марьяна. Временами и жить не хотелось. Проходя по берегу Днепра, иногда с завистью смотрела на бурливую воду. Завязав горе в узел, хотела его утопить в реке. Шевеление живой души в животе заставляло ее смотреть на солнце. Постепенно она взяла себя в руки, успокаиваясь тем, что горя не залить слезами.

У нашедшей счастье в труде Марьяны Стасыной лишь на зените любви пока не показывалось счастье. После рождения сына ей было очень стыдно показываться на людях. Они с матерью вдвоем ласкали и растили малыша Иванушку. Назвали его отцовским именем. Молодая мать иногда думала и от обиды плакала: «Почему я тогда сбежала с телеги Иванушки, почему же не узнала раньше, что уже в положении?» Но прошлое не вернуть, как говорят в народе, в какой воде купаешься, ту воду и приходится пить.

Как раз к тому времени в деревню вернулась сверстница Оксана. Вышедшая в Сибири замуж за одного инженера, она давно звала Марьяну приехать к ним. Марьяне не хотелось расстаться с родной Золотоношей, с любимой работой. Сверстница ее, сохнувшую как осенний цветок, старалась оживить, поливая ласковыми теплыми словами, постепенно все же переманила в свою сторону. И Марьяна, оставив маленького Иванушку с матерью, со слезами уехала из Золотоноши. Муж Оксаны Владимир Васильевич Славин, работающий на прокладке газовых магистралей, ей нашел работу, помог поступить в техникум на заочное отделение. С тех пор Марьяна работает радиооператором. Вместе со Славинными сколько километров пути для голубого пламени не проложила она! Только свой жизненный путь порядком проложить не смогла.

Из Сибири в Вурнары большой артелью они прибыли зимой. Сердце Марьяны билось так сильно, как будто вот-вот вырвется из груди, из глаз катились бусинки слез. От горя ли плакала, или от радости, она сама не знала. Вытирая слезы, Марьяна видела три солнца. «Ах, мое солнышко, где ты сейчас? Теперь ты, Иванушка, для меня должен быть светлым и теплым средним солнцем, как вот это, а мы, с маленьким Иванушкой, были бы рядом с тобой».

Марьяна Стасына вспомнила, как пять лет назад их, прибывших из Украинны миссией дружбы, встречали на этом перроне с цветами и веселой чувашской музыкой, а через неделю, после акагуя, провожали с песней под гармош-

ку. Она тогда очень рассердилась за то, что Иванушка попытался украсть ее с веселой поляны на лошади, когда прошли страх и злость, она тем не менее искала его среди толпы, но заметила лишь тогда, когда поезд уже тронулся. Парень стоял на самой верхней ступени вокзала и махал цветастым платком. Чьим же платком? Ой, ее же платком, подаренным, будучи солдатом, в Золотоноше, который она уронила днем на поляне. «Хранит ли его сейчас Иванушка?»

У кого какая забота, у прокладывающих газовые трубы одна забота: вновь «открывать новые земли», вновь «строить новые города». Газ Северной Сибири должен проходить здесь.

Начальник газонасосной станции Владимир Славин поручил жене и Марьяне в первую очередь заняться хозяйственными вопросами, сам поспешил на станцию, где шла разгрузка машин и оборудования. С товарищами готовил рабочее место, ставил «город». Таким образом за сосняком наметились улицы вагонов и «бочек». Не выдержал Владимир Васильевич, в выходной день встал на лыжи. «Трудясь так день и ночь, забудешь и о звании мастера спорта, пробегусь-ка для успокоения души», — говорил он себе. Не отста- ли и Оксана с Марьяной. Споря с ветром, подминая мягкий снег, любуясь тремя солнышками, бежали они по направлению в сторону Шумерли, где должна проходить путь голубого пламени.

С лыжной прогулки Славин вернулся довольный, товарищам рассказал о «секретах» местности, где должна пройти трасса. Нелегко будет и здесь. Немало хлопот доставят возвышенности, низины, овраги. Закаленная вместе со Славиным молодежь, конечно, не боится их. По газовым трассам «Дружба», Нижневартовск-Куйбышев, Усть-Балык — Тюмень — Курган — Москва, они ведь прошли лишь с победой. Не хуже проложат и трассу Уренгой — Помары — Ужгород.

Вскоре на железнодорожную станцию Вурнары начали прибывать длинные трубы диаметром полтора метра. Мощные автомашины вывозили их на открытую площадку, аккуратно укладывали краном порядно. Сварщики сварным швом соединяли по три одиннадцатиметровые трубы, их отправляли на магистраль между Волгой и Сурой. Там их еще удлиняли сваркой, клали под землю.

Марьяна из диспетчерского пункта контролировала всю работу газовиков, связывала их пункты друг с другом. Все вести приходили к ней, приказы каждого начальника распространялись через нее. Работа ей нравилась. Временами она горевала, вспоминая своего ребенка, и отца сынишки. Но Марьяна не знала, что деревня Иванушки расположена тут, рядом с ними, всего в километре от них...

На развилке дорог Иван Сариванов повернул руль направо, и машина помчалась вдоль опушки леса на восток.

— Наверное, прямо к своим повезешь ты нас, Иванушка? Заодно покажи уж, в какой дыре расположена ваша деревня? — сказала Марьяна.

— Вон, видите, это моя деревня! — показал рукой Сариванов. — Вот эта и есть моя родная Приозерная.

— Вон та? На краю Лебединого? Вот это действительно чудо! Ишь где встречаются по провидению... — покрутила голову из стороны в сторону Славина.

— Какое еще провидение? — спросила Марьяна.

— Да, да, встреча по провидению. Вспомнилась ваша чувашская сказка, Иван. Я ее читала в книжке по прибытии сюда. Хотите послушать?

Марьяна и Иван с радостью согласились. Оксана попросила остановить машину у «городка» газовиков и между тем рассказала сказку:

— Когда-то в древности, когда боги ходили по земле, когда люди знали язык зверей и птиц, жил один молодой охотник. Он хотел жениться, но нигде не находил девушку, расторопную как чибис и звонкоголосую как соловей. Однажды, преследуя волка, он очутился в дремучем лесу. Тут настала ночь. Охотник вышел на одну поляну. Там стояла небольшая изба. Постучавшего в окно охотника впустила на ночлег вдовая женщина, предупредив, что она собралась рожать, чтобы он устроился в сенях рядом с овцой.

Ночью охотник проснулся от крика у-а-а! Где-то шептались невидимые провидцы. «Что запишем в Книгу судьбы новорожденной?» — спрашивал один. «Когда вырастет, пусть выйдет замуж за этого охотника», — отвечал другой.

Охотник разозлился: «Вон какую долю пророчат мне провидцы! Жди-ка еще хотя бы семнадцать-восемнадцать лет!»

Между тем волк бежал по лесной дороге навстречу провидцам. Эти велели волку разорвать и съесть единственную овечку той женщины. Охотник стал преследовать волка, убил его, снял шкуру и в благодарность за предоставленный ночлег, оставил ее в сенях той женщины. Сам побежал за провидцами. Он запыхался, во рту все высохло, и спросил у провидцев, где можно попить водицы. Те показали ему тропинку. Сквозь чащу он вышел к вонючему болоту. Червивую и отдающую пригарью воду он не стал пить и вновь разыскал провидцев. «Вы меня заставляете страдать жаждой, наверное, из-за того, что я помог женщине избавиться от волка, убив его. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Подумайте-ка сами, мне ведь надо жениться, нужно найти девушку. Как мне выдержать, пока она вырастет? Покажите дорогу к чистой воде, иначе я умру от жажды», — умолял он.

Провидцы показали ему другую дорогу. По ней охотник вышел к светлому-светлому озеру. Охотник напился студеной водицы из родничка, бьющегося на берегу озера, и огляделся вокруг. Вот, в камышах показалась головка лебедя, он, умоляя, заговорил человеческим языком: «Добрый молодец, вытащи стрелу лука, иначе я умру. А ты на всю жизнь останешься одиноким». После того, как охотник вытащил стрелу, лебедь ему сказал так: «Я не лебедь, а девушка-сиротка. Меня в озерную птицу превратила старуха-колдунья. Нынче ночью я предстала перед тобой новорожденной. Женись на мне, и я снова стану девушкой».

От радости охотник крикнул на весь лес: «Если ты действительно превратишься в расторопную как чибис и прекрасно поющую как соловей девушку, то тут же женюсь!»

В тот же миг перед ним вместо белого лебедя явилась изумительно стройная красавица с льняными волосами, звездными очами, длинной шеей, прямым носом, прясличными губами, соловьиной трелью, расторопней чибиса, с тонкой талией, и запела: «Озеро переполнилось, ай, моими слезами, хорошо, провидец увидел тяжкую долю, он дал нам это счастье — пророчил нам добрую судьбу». Девушка поет-поет и щупает бок. «Что у тебя болит, душечка моя?» — спрашивает парень. «Там рана от твоей стрелы, лечи ты ее, тогда заживет», — отвечает красавица. Парень вылечил рану поцелуями. Вот так и осуществилось «предопределение бога». Охотник женился на девушке. Жили в согласии, растили детей. С тех пор озеро называли Лебединым. На его берегу охотник поставил добротную избу. С нее и началась деревня.

— Иванушка, — Марьяна осторожно толкнула парня в бок. — Слушая Оксану, я почему-то подумала, что эта сказка сложена про ваше озеро — Лебединое, про вашу деревню — Приозерную. И охотник напоминает тебя.

— Вполне может быть, — повернулся Сариванов. — Наверное, в старину не зря дали такие названия. Да и красавица из сказки точь в точь ты, Марьяна. Ай, какая мастерица на выдумки жена этого Славина.

— И вам встретиться вдвоем, наверное, пророчил добрый провидец из той сказки, — рассмеялась Оксана и вышла из машины.

Следом вышла и Марьяна, поблагодарила Ивана за катание на вороном аргамеке, хотела отойти, но, опустив голову, осталась на месте как вкопанная.

— Иванушка, сам ты откуда, с какого облака свалился сегодня к моим ногам?

Выскочив из машины, Сариванов поднял Марьяну на руки. За спиной раздался голос Оксаны:

— Ай-яй, так действительно крадут мою сверстницу? Не спрашивая нас, ни с кем не согласуя. Ай-яй!

Марьяна из открытого окошка лишь махнула ей рукой.

— Слушай-ка, Иванушка, пожалуйста, не вези меня сегодня к себе домой, прошу тебя, — застенчиво сказала Марьяна, когда «Волга» тронулась с места.

— Почему?

— Почему, скажу попозже. А сейчас послушай меня, не торопись. Поспешишь...

— Поспешишь, людей насмешишь, говорят в народе.

— В таком случае, бери во внимание и мои слова, и эту народную мудрость.

Иван сбавил скорость и, наклонив голову, взглянул на нее. «Когда я был на Украине, под ее глазами было гладко, а теперь появились складки. И возле прямого продолговатого носа заметны линии».

— Скажи-ка., Марьяна, с Артемом Ковальчуком же сошлись?

— Нет.

— Что еще случилось? Надеюсь же ты, что тогда осенью сыграете свадьбу?
— Между нами пробежала черная кошка.
— Все же хочется знать, с кем тогда живешь?
— Ни с кем.

— Что до сих пор не вышла замуж?

— Нет. За кого же мне выйти? Сам не взял сюда — оставил. Когда сама приехала в гости — не сумел умыкнуть. Больше смелого хлопца не встретила.

— Врешь ведь. Не хочется верить.

Марьяна опустила голову, вынув из рукава носовой платочек, протерла лицо.

У озера Сариванов остановил машину. В день акатия они вместе приехали сюда. С тех пор прошло пять лет. Из машины он вышел первым и, открыв дверь с другой стороны, взял Марьяну на руки, затем стал целовать в влажные щеки, глаза.

— На самом деле ты не вышла замуж, Марьяна, да? — еще раз спросил парень.

— Вот не сумела, Иванушка, из-за своей мягкой натуры не смогла найти так называемого мужа. И ты... — вдруг она осеклась.

— Что не досказала до конца?

— Да и ты исчез...

— Теперь, вот, гляди, нашелся же. Теперь ведь нам никто не мешает быть вместе, смеяться вместе, петь вместе. Вот так!

С Марьяной на руках Иван притоптывая покружился несколько раз, но, споткнувшись о муравейник, пошатнулся, и оба растянулись на берегу.

— Марьяна, я тебя до сих пор не перестал любить. Не могу. Почему не согласилась выйти замуж? И я до сих пор не женат. Поездил по свету — не смог найти девушку. Если бы ты согласилась теперь...

Уставившаяся в синее небо Марьяна понаблюдала за пролетающей над головой пару голубей и, повернувшись к парню, дрожащим голосом сказала:

— У меня есть ребенок, Иванушка. Ой, помеха есть.

— Ребенок?! — Иван стремительно вскочил на ноги, будто его в бок ужалила змея. — Неужели не выйдя замуж родила ты?

— Ой, дурак. Неужели думаешь, что детей рожают только замужем? Да, у меня действительно есть ребенок. Потому-то не вольная птица я.

Радужное лицо Ивана сменилось осенней пасмурностью, он долго смотрел куда-то вдаль и присел рядом с ней. «Видимо, не врет, вон и груди не округлые как в девичестве», — заключил свои думы он и положил голову на ее тело.

— Ты, Иванушка, все пытаешь меня, скажи-ка, где ты сам работаешь?

— На прокладке газопровода. Сварщик. Из Лебединого управления. Живу в Лебедином же.

— Значит, одну и ту же работу выполняем, на пути голубого пламени. Приезжая в свою деревню, заглядывай и к нам. Соседи ведь. А теперь проводи меня.

Иван Сариванов оставил Марьяну у «городка» газовиков и поспешил домой.

В отсутствие мужчин мать не успокоилась приготовлением ужина, еще истопила баню. Дед и отец не дождались Ивана, вдвоем попарились в бане. К появлению пропавшего ямщика они сидели за столом и не спеша хлебали ароматный чай из листьев малины и смородины. Отец сразу же стал расспрашивать о ходкости машины. Дед узнал о цене и удивленно закивал головой:

— Вот жизнь так жизнь, никогда не захочешь умереть.

— Давай жить, дедушка, еще много-много лет жить, — Иван сел рядом с ним. — Мы родились не умирать.

Поставив осторожно на стол чайную посуду, Сариван ласково похлопал внука по спине:

— Хорошо, хорошо, внучек. Умеешь экономно обращаться с деньгами. Ишь сумел накопить на приобретение аргамака. Нужно, и это нужно. Дорожная рысь все ускоряется. А цена... Да и жизнь сейчас. Славная. В достатке. Лишь бы мир сохранялся на белом свете. Где мир — там и пир.

Иван ему ответил так:

— Дедушка, вы же сами, взрослые, с детства учили меня знать цену деньгам. Так что по этой части я вырос на крепком фундаменте. Моя задача сейчас укрепить его еще крепче. На сооруженном своими руками фундаменте жизни надежней расположиться.

— Ты, внучек, правильно мыслишь, верно говоришь. Вот этими руками добивались и мы достатка, — дед оглядел внутренность комнаты. — Чего только теперь у нас нет: шкафы-стенки для одежды и белья, мягкие стулья и диван, барская кровать, ковры, палас на полу да цветной телевизор. Под потолком — хрустальная люстра. А одежды! Одни шубы стоимостью в несколько тысяч. У отца твоего своя машина, у тебя — своя... И для сельского жителя засветило солнце на небосклоне. Мне, претерпевшему всякую нужду в жизни, все это кажется сном.

— Но ни одной лишней вещи нет, — добавил сын. — Все необходимое. Все приобретено для повседневной нужды, не для накопительства, не для показа. Вы с матерью учили нас так жить. «Не в деньгах счастье, а в умении пользоваться ими», — любил говорить ты, отец.

— Так-то так оно, сынок. Мы за длинным рублем не гнались, как говорится, курица насытится, клевая по зернышку, так и мы, складывали копейку к копейке. Когда осиротел после кончины отца, пришлось ставить дом. А потом — купили корову. Затем... пришлось растить детей. В своей жизни я три дома поставил. А этот, сложенный из кирпича, на многие поколения хватит. Я вас учил быть трудолюбивыми, бережливыми. За сына, Ивана, я не беспокоюсь, в деревне он известный человек. Мне кажется, что и ты, внучек, идешь по его стопам.

Ивану хотелось подольше посидеть рядом с дедом, вот так толково беседовать с ним, хотелось всем сообщить, что его счастье находится недалеко от их деревни, но промолчал, послушав мать, отправился в баню.

Плеснув воду на горячие камни, поддал жару, от души попарился, всплеснулся холодной водой и вышел в огород. Глядя на растущую перед баней яблоню, стал разговаривать сам с собой: «Ведь ты рядом, моя любовь, нас разделяет лишь тысяча шагов. Не успеешь даже пробежаться».

Со стороны «городка», казавшегося под светом луны светло-голубым, послышался звук гармошки. Под ее мелодию запела женщина:

Бьется стежка попід чаєм,
Бьется сердце завмирає,
Щастям-радістю цвіте —
Милый стежкою іде.

Бьется стежка попід чаєм,
Бьется сердце, завмирає,
В сердці радості прибий —
Вже прийшов коханий мій.

Долетающая через ржаное поле песня возбудила сердце парня, родила в душе бурю. «Марьяна когда-то пела эту песню на берегу Днепра. Ведь ее этот голос. Не меня ли к себе зовет она?»

Он быстро-быстро домылся и влетел в избу, открыл чемодан и в своих вещах разыскал цветастый платок. Оставшийся в его руке на берегу Лебединого озера платок Марьяны. Кажется, что и сейчас он пахнет луговыми цветами. Не забыла ли она о нем?

Иван завернул платок, положил в карман и побежал по тропинке через ржаное поле. Прибежал к «бочкам» запыхавшийся. Отдышавшись, прислушался. Вокруг тишина. Не слышны давешняя игра гармошки и голос певицы. Лишь однообразно стучат колеса поднимающегося в сторону Вурнар товарняка. На спор с ними учащенно бьется сердце. Где, в которой «бочке», в котором вагончике обитает Марьяна? Ждет ли она Ивана? Может, у нее сейчас сидит другой кавалер? Все может быть...

На свете лучей фар приближающейся по шоссе машины Сариванов различил две человеческие фигуры. Свернув с дороги, они вошли в «городок». Вот женщина оторвалась от идущего рядом с ней мужчины и побежала в сторону Ивана. Мужчина кричит за нею. Сариванов хотел было остановить их и спросить, где живет Марьяна Стасына, но... Не замечая его, мимо пробежала сама Марьяна, добежав до ближайшей «бочки», громко крикнула:

— Не приставай ко мне! Не люблю я тебя! Не люблю! Уходи! Не нужен мне алкаш!

Иван не выдержал, когда преследующий Марьяну мужчина поровнялся с ним, он выскочил из темноты и схватил того за рукав. Вот напасти, перед ним стоит сам Арсений Ламсуркин с гармошкой наперевес через плечо. И он узнал Ивана, пьяный, готовый подраться. Со злостью, ревнуя к Марьяне, оттолкнул его Иван. Сорвавшаяся с плеча гармонь крикнула утиным голосом. Сариванов только теперь понял, почему днем в Норусове, проезжая по Ци-

вильскому мосту, Арзюк погрозил кулаком из кабины. И пели недавно, разумеется, они же.

Марьяна осторожно подошла и удивленно воскликнула: «Ой-ой-ой, это же ты, Иванушка!» — и схватила голову обеими руками. Иван мгновенно взял ее за левую руку и бегом потащил с собой. Марьяна даже не успела сопротивляться. Вслед матерились пьяный Арзюк. Они резко остановились, лишь ступив на тропку во ржи.

— Что ты тут делаешь, Иванушка? — Марьяна еле-еле перевела дыхание. — И не бойшься. О боже, что же происходит? И день, и ночь потешны, поразительны.

— Да так, очень даже занятно, — не скрывал свою злость Иван. — Днем с одним, а в темную ночь с другим...

Будь сейчас день! Иван заметил бы, как из прозрачных как родниковая вода глаз Марьяны выжимались горячие слезы, но под пологом ночи капли слезинок, щекоча щеки, тайно катятся по лицу. Лишь почувствовав жгучую влагу на руке, Иван вздрогнул. Он стал ласкать Марьяну как малого ребенка.

— Услышав в ночи твой голос, не выдержал, прибежал, встретил случайно. Пожалел тебя, хотел помочь. Не плачь, Марьяна. Теперь мы вместе.

— Вместе, но не совсем. Ты — сам по себе, и я — сама по себе, — шмыгнула носом Марьяна. — И он для меня чужой человек. Пристал как банный лист, не дает проходу. Страшно надоел. Не нравится он мне, Иванушка, близко не подпущу его к себе.

— Значит, и меня не подпустишь ты близко?

— Нет, и тебя не хочется больше подпускать. Один раз случилось. Хватит. Испытала, что требовалось. Одна проживу. Вот привезу ребенка, осенью...

От слова «ребенок» у Ивана вновь заныло внутри. «Люблю ведь я тебя, Марьяна, готов жениться. Но... пойдет слух, что женился на женщине с ребенком, отец с матерью не одобряют, товарищи поднимут на смех», — промелькнула в голове недобрая мысль.

— Почему молчишь? — освободила руку Марьяна. — Привезу ребенка и устрою в детсад. Ребенок Славных с ним ровесник. В этом году откроется свой детский комбинат. А там уже в школу пойдут. Скоро завершат строительство здания школы. Ты нас, Иванушка, когда-нибудь прокатишь на своем аргаме. Маленького Иванушку научишь управлять вожжами.

Почесав голову, Иван повел Марьяну по тропинке в сторону Приозерной.

— Дети любят машин. Я и сам не отходил от отца, не хотелось выходить из кабины, и управлять, и ремонтировать учился у него.

— Может, и мой Иванушка будет учиться у тебя этому ремеслу.

— У ребенка твоего мое же имя. Прекрасно. Когда привезешь, обязательно прокачу и рулить научу. Обоих, вместе.

По оврагу поднимаются клубы свежего воздуха. От ржаного поля несет освежающим запахом. Марьяна молча следует за парнем. Ей хочется идти с ним рядом, прислонившись к нему. Вот полевая тропинка кончилась, началась луговина. Парень лишь теперь притянул ее за локоть к себе, без слов

повел вперед и вперед. Обогнув начало оврага, дойдя до берега Лебединого. Иван вынул платок из кармана и накиннул Марьяне на голову.

— Хранимый мною пять лет теперь возвращаю обратно. Эх, на твоей голове вновь пылают васильки!

Взволнованная Марьяна никак не берет в толк: «О каком платке говорит он?» Задумалась она и под конец вспомнила — да это же потерянный ею платок!..

— Спасибо, Иванушка. Сам же дарил, в Золотоношах на солдатские деньги покупал его. А теперь опять по новой завязываешь. Зачем я такой душой была тогда?.. — Марьяна без всякого стеснения сама обняла Ивана.

Сариванов не спешил ответить взаимностью и целовать страстно, как он мечтал было, не стал, отвернув голову, спросил:

— Все же этот шофер, Арзюк Ламсуркин, твой ухажер?

— Оттого, что были вместе, так думаешь?

— Ага. Мужчина женщину так поздно не зря же провожает.

— Дурак он. Меня он давно надоел. Все не перестает твердить, что женится на мне. Напьется и начинает ругаться. Нет у меня никого, Иванушка, нету, кроме тебя... — опомнившись, что болтнула лишнее, она опять схватила голову двумя руками. Что слетело с языка, вновь уже не поймаешь. Иван внятно услышал ее слова.

— Действительно так? Не обманываешь?

— Ой, если бы возможно было, я бы сердце вынула и показала тебе. Нет у меня никого, Иванушка, поверь мне, нету...

Только теперь успокоилась душа Ивана. Руки сами невольно легли на поясницу горячее молодой женщины.

5

Передав диспетчерские обязанности подружке, Марьяна Стасына освободилась. Но какой это отдых, если всю ночь не сомкнула глаз? С Иваном рассталась на ранней заре, зайдя в «бочку», не раздеваясь, попробовала прилечь на диван — сон не шел. В голове вились мысли. Пыталась сама себя и поругать, и успокаивать. Все равно одна вещь не давала ей покоя.

До первого знакомства с Иваном не сказать, что не было у нее парней, — были. И золотоношский ухажер чуть ли не за ее подолом волочился. Как-то просто так общалась она с Артемом Ковальчуком. Но и те, и Артем не смогли возбудить в ней сильные чувства. На танцах в клубе неведомые силы, идущие из глаз пригласившего ее на танец солдата, разгорячили ее кровь, взбудоражили в ней не испытанные до тех пор чувства. Испугавшись неожиданной встряски от неизвестных доселе внутренних страстных чувств, она хотела было и убежать из клуба, но не смогла вырваться из жгучих талию крепких рук, потому и продолжала кружиться в танце. Отвернув затуманенные глаза, она заметила Оксану и намеревалась передать солдата в ее руки. Но прервалась музы-

ка. Если бы не устал гармонист, может быть, Иванушка танцевал бы с ней, Оксаной, познакомился бы, ходил бы с ней... А Оксана исчезла в толпе девушек. Глаза Ивана еще заманчивее пригвоздили ее, Марьянино сердце, назлекинтризованно притягивали к себе. Девушка больше никак не смогла оторваться от этой неведомой силы. Потом, и укладываясь спать, перед глазами начали являться рассказанные подругами или прочитанные в книгах заманчивые сексуальные картины. Из головы не выходило желание телесно связаться с этим удалым чувашиним.

Когда после срока воинской службы бравый солдат явился к ней с предложением, с поспешным предложением... Обещавшая выйти замуж за местного же хохла-парня из Золотоноши... Глаза Иванушки неведомыми чувствами изнурили, обессилили ее... Не осталось сил ни сопротивляться, ни оттолкнуть его, ни напугать криком. Вместо этого, какое-то неизвестное страстное желание заставляло ее прижиматься к нему все крепче и крепче. От затемненных глаз, казалось, будто провалился белый свет. Когда опомнилась, увидела в вышине ясное чистое небо. Иванушка теребил ее волосы. Почти над головой звенел дуэт жаворонка и чиби́са.

Ой как много времени прошло с тех пор. Даже неохота считать. Ежегодно зима исчезает весенними слезами, осень со слезами приносит холодный воздух. Этот воздух морозит Марьяну, превращает в снегурочку. Согреть ее, оттаивать, насладиться шербетом любви в душе ее какие только Медведи, Волки, Лисы не пытались! Но сердце все равно не согревалось, ни перед кем губы не таяли. Начала была уже заморозиться...

Вчера выскочивший из ночной темноты Иванушка растопил этот лед, согрел, бросил в жар, заново оживил женщину. Испугавшее когда-то в Золотоношском клубе взбудораживающее беспокойное вулканическое чувство вновь лишило ее разума. Ночью открыла глаза и увидела на небосклоне мерцание миллионов звезд. Теребящего ее волосы Иванушку обняла до задыхания... На женском веку второй раз отведавший вкус природного счастья хотелось ей вновь и вновь искать в глазах Иванушки. Почему, почему ее счастье вот так лишь на лугу, на краю оврага: у себя на родине, и здесь на родине первого стрельца? Почему не на кровати, почему не в мягкой постели? Кто же виноват в этом?

Еще раз упрекнув себя, она быстро вскакивает, поправив перед зеркалом волосы, завязывает платок Иванушки и выходит на улицу.

Лучи солнца щеко́чут тело, теплый воздух гладит лицо. Марьяна взволнованно слушает доносящуюся с луга песню девушек:

Долго шла и шла я по лугу,
Так не дошла до конца.
Ах! Душу открыла я другу,
Он не сказал ни слова...

Душа ее тянет к косящим луговую траву чувашским девушкам, и она, выйдя из «городка», лебедем плывя шагает под гору.

Волнистая рожь вдоль края оврага, разросшаяся кукуруза, покрытый тысячами цветов пестрый луг, щекокающий ноздри запах полей уносят ее на Украину. Приднепровье, Золотоноша... Ее руки с детства привычны к косе и серпу, не осталось не осуществленных ею полевых работ. Какой славный лен, какую урожайную кукурузу выращивала она! Слава, почет... «Где теперь то время? Как там живут односельчане, родные моего звена? Как там мать, маленький Иванушка? Хочется увидеть их всех и обнять».

Она с близкого расстояния наблюдает за косящими сено рядами. Девушки Приозерной на сенокос вышли в вышитых белых платьях, на головах разноцветные платки. Одна за другой оставляют густые валки. Марьяна поздоровалась с косящимися с краю.

— Доброго здоровья, Марьяна? И вы, оказывается, тут? Как долго не виделись с вами, если бы знали... — жмурясь от солнца ответила на ее приветствие среднего роста Валентина Сариванова. — Какая звонкая песня косы, а!

— Это песня и заворожила меня, дай-ка косу? — попросила Стасына. — С этими газовыми трубами и косить разучишься...

Поданную сестренкой Ивана косу несколько раз покрутила Марьяна, со словами «да поможет бог» поплевала на ладони, затем со всей силой размахнулась. Высокая и густая луговая трава приткнулась к земле, со второго размаха трава легла в валок. Вжик! Вжик! Нырять коса в сырую траву. С шумом валится трава в левую сторону. Привычные руки легко размахиваются туда и сюда. От полученного удовольствия душа возрадовалась. И она тихо запела:

Дальня пісня. І хвиль загарована гра,
І примеркли в тумани вогни...
«Ты моя, ты прийди...
Назавджи, назавджи!...»
Хтось шепнув, чи почулось мені?
Хто сказав, що додому йти пора?
Буде шумно без нас берегам, берегам Дніпра.

Вот раз перешла Марьяна широкий луговой лог, второй раз... Время от времени подтачивала косу брусом. Продолжала без усталости косить и тогда, когда девушки присели отдохнуть. Поднялась, кося траву, на левый край лога и... Внезапно остановилась рядом с Лебединым озером. Перед ней лежала ночная помятая луговина. Примятый небольшой участок рядом с ржаным полем. Проснувшиеся под теплыми лучами солнца цветы, вон, поднимают головки. Ласково разговаривая, Марьяна выпрямляет васильки, колокольчики, ромашки, старается так, будто прибирает постель.

Не стала косить, оставила она нетронутым участок вчерашнего ночного их райского наслаждения. Чтобы девушки ненароком не скосили траву и цветы их тайной природной постели. Марьяна выкосила вокруг всю траву, затем начала класть човый валок. Поровнявшись с девушками, похвалила:

— Такую косу не приходилось держать в руках. И насажена мастерски, и отбита умело. Сама косит.

— Она ведь коса деда Саривана. Его рука легкая, — сказала стоящая рядом с Валентиной девушка.

— У Саривана есть и добрый молодец — внук, — хихикнула другая. — Как раз подходящий для этой красавицы-майри. Так ведь, Валентина?

— Чай, сами разберутся. Не болтай тут, — погрозила пальцем Валентина.

Марьяна не поняла, о чем они говорили, еще раз поблагодарила и пошла в сторону «городка», попутно собирая цветы. Она окрылилась, размяв тело, вспомнив молодые годы, ночное любовное таинство. Хотя душу и пробирает от того, что покинула родной край, тем не менее сердце ее сейчас пело.

6

Проводив Марьяну под утро, Иван лишился времени хотя бы чуток вздремнуть. Он бесшумно зашел в дом и вышел, проверил машину. Мать уже была на ногах, жалостливо взглянула на сына, ничего не сказала, в летней кухне повесила большой котел над огнем, чтобы варить картошку, выпустила из хлева черно-пеструю корову и подоила ее. Иван кряхтя выпил протянутое матерью в деревянном ковше парное молоко, завтракать не стал, спешно тронулся в путь.

Шоссе свободное, лишь изредка попадаются встречные машины. Еще сам обогнал возвращающегося в Чебоксары «Москвича». Мчится Сариванов на большой скорости, оставляя за собой поля, леса, деревни. Ему кажется, что и жизнь сейчас быстротечна. Да давно ли он, соревнуясь со сверстниками, мчался верхом на колхозном коне? Да и школу окончил вроде бы недавно, отслужил положенный срок в армии. Выходит, четверть века осталась позади. Чего добился он за это время? Что успел сделать полезного. По мере езды вспоминается прошлое.

После того, как опозорился с умыканием невесты, Иван Сариванов по комсомольской путевке стал работать на строительстве Чебоксарской ГЭС, проживая в Новочебоксарске. В первое время возил на самосвале землю, песок, камни. Одновременно выучился на сварщика. До этого у него и не было в голове получить эту специальность. Узнав, что на стройках постоянно требуются сварщики, он забеспокоился. Об этом сообщил ему сотоварищ, который рекомендовал его кандидатом в члены КПСС. Эти слова Иван принял как приказ. «Если это необходимо стройке, всей общей работе, то придется сменить профессию», — подумал он.

Помогшим изменить жизненный уклад был Борис Михайлович Лебедь. Этот молодой человек еще тогда имел авторитет в рабочем коллективе. Высокий, проворный, с квадратной черной бородой, круглолицый, остроглазый, умный украинец для Ивана во всем был примером. Сам он, Лебедь, из Чебокс

сар же. Родители его на берег Волги прибыли с началом Отечественной войны вместе с эвакуированным Харьковским электромеханическим заводом и на новом месте навечно пустили корни. Таким образом Борис Михайлович родился и вырос в чувашском городе, затем учился в Москве, по направлению министерства очутился в Куйбышеве. С коллективом строителей гидроэлектростанций поднялся вверх по Волге и с такой же прекрасной женой как сам вначале проживал в общежитии в Новочебоксарске. Тогда-то и познакомился с ними близко Сариванов. Борис Михайлович старше его на десять лет. Между тем он сумел окончить институт, отличиться трудом на больших стройках, стать главным технологом. Уже тогда он ломал голову над электросварочным процессом. Он же получил диплом инженера по этой специальности. Иван окрылился его наставлениями. Во время учебы на сварщика и читая данные ему Лебедем книги, он узнал вот что.

В 1802 году академик Петров испытывал электрическую дугу. Между двумя графитными электродами или между графитным и металлическим электродами температура дуги была более тысяча градусов. Он показал, что пламя этой дуги может варить металл. Через восемьдесят лет после этого Славянов придумал метод электросварки. Теперь уже около ста лет варится металл под этой дугой. С тех пор человечество научилось сваривать металлы более шестидесятью методами, по этой части сделало успехи в космосе. Ручная дуговая сварка, метод Славянова, все же занимает основное место в народном хозяйстве. На стройке ли бываешь или посетишь завод — везде видишь сварочный дождь. Иван Сариванов тоже присоединился к ста тысячам сварщикам страны. По велению сердца, по притяжению души.

Все равно нелегко далось сменить автомобильный руль на сварочный держатель. Вместо того, чтобы мчаться, вольно восседая в кабине, приходится в брезентовой робе и под маской часами работать вприсядку или лежа. Иногда и электротоком трясет. Все тело ноет, пальцы перестают слушаться, в глазах потемнеет. К концу смены подкашиваются ноги. Двери секретов электросварки, оказывается, очень плотно закрыты. Открыть их необходимо много умения и ума. Впервые в мире их открыли русские ученые и инженеры. И Сариванов смело вошел в эти двери.

В общежитии в одной комнате они жили вдвоем, все чувашки. Арсений Ламсуркин, как и Иван Сариванов, работал шофером. Другой, Анатолий Горохин, был сварщиком. Среди товарищей в коллективе одного называли Арзюк Ламсур, другого — Иван Сариванов, третьего — Толя Горох. Все трое служили в армии, ни один не женат. Вначале, освободившись от работы, и в кино, и на концерты, и к девушкам ходили вместе. Со временем в комнате погода изменилась. Ветреный Арзюк Ламсур начал выпивать, не выходил из кабаков, не раз побывал и в вытрезвителе. Всю половинную зарплату просаживал, как бы рассеивал, за одну же неделю, а другую неделю проживал за счет товарищей и калымных сборов. Надевал протертый до кожаного блеска костюм, вешал через плечо гармошку и тащился в женское общежитие. И смотрел Иван ему вслед, задумавшись: «Что за польза от твоего труда?» А

Толя Горох был скупым и жестким как железный горох. Когда совместно варили суп, сидел и считал за столом сколько ложек навару хлебнет Арзюк Ламсур. И в одежде был неопрятным, и ел экономно, и пиво-вино употреблял за счет других.

— Копишь-копишь деньги, сколько тысяч набралось-то, Толя? — однажды специально поинтересовался Иван.

— А это как военная тайна, — осторожничал Толя Горох. — А у тебя самого сколько тысяч накопилось?

Сариванов не стал скрывать, сказал правду:

— К пятнадцати тысячам подходит, еще чуток подкоплю и куплю легкую автомашину. А ты что намерен приобрести? На что копишь?

Замяввшись некоторое время, Толя Горох ответил одним словом:

— Разбогатеть.

— И что же будешь делать, разбогатеешь? Что, будешь укрываться сберкнижкой? Говорят, деньги губят.

— Э-э, под сберкнижкой проживешь! Деньги это... Копейка рубль бережет, деньги к деньгам — мешочек полон. Были бы деньги... все будет. Есть деньги — и сам я есть в этом мире. А без денег... Вон, Ламсур и сегодня занял у меня на обед. Что есть у него? У меня хоть сберкнижка — золотая книжка есть. Я ею и жениться могу, и жизнь наладить, и гордиться. Не краденые копил. По труду и деньги. Заработанные до смерти кормят.

— По правде, вы оба не знаете цену деньгам, не чувствуете. Один пропивает, как по воде пускает, другой до неба складывает столб богатства, столб черных дней. Запомните, оба пострадаете. Если сердце одного рушит денежно-водочный водопад, другого, твое, денежный короед точит.

— И у тебя самого... купишь машину, и кончатся, раз столкнешься — или разобьешь, или головы лишишься.

— Нечего бояться, как трус боится своей тени. Чем ждать завтрашнюю смерть... лучше сегодня пожить по-человечески. Эх, с тобой, безумным, для кого только копит? Если умрешь случайно, то останутся они без толку для тебя. Покупай машину, приоденься поприличней, съезди на курорт, женись и жену приукрась, вместе съездите в свадебное путешествие в дальние страны.

— Э-эй, предлагаешь зря тратить деньги, накопленные днем и ночью своим потом. Мне нужны для завтрашнего дня, для завтра...

— На «черный день» что ли?

— Откуда предугадываешь наперед, в жизни все может случиться.

— Пустое это. Настанет завтра, ты все равно отложишь на другое завтра, не станешь тратить, всю жизнь будешь вот таким скупердяем.

— Ну и коплю. Кто мне запретит копить. Пусть до ста тысяч, до миллиона дойдет, — размахался руками Толя Горох. — Плохо ли, если появится миллионер Горохин в Чувашии?

— Плохо, Толя, очень плохо. Если подумать, работаем мы, стараемся. По труду и плата. Но эти деньги государство дает нам не для жадного накопительства, а для ведения нормальной, хорошей жизни в достатке и радости. Поэтому и держать их нужно уметь.

Иван Сариванов не стал рабом денег. По зарплате и старался тратить. Смог купить, вон, и «Волгу». Во время отпуска съездил на Кубу. Прилично приоделся. Помогал и родителям.

К принятию в партию его назначили бригадиром. На перекрытии Волги день и ночь сыпали искры. Дни, годы работы, не зная настоящего отдыха... За первое место в социалистическом соревновании молодых строителей республики коллективу его бригады вручили переходящее Красное знамя... и не однажды, а несколько раз, вместе, конечно, и денежную премию. Не привык внук Саривана работать спустя рукава и товарищей приучал к аккуратности. Орден «Знак Почета» как раз напоминает о тех жарких днях.

В цикл волжских электростанций они прибавили еще один новый каскад. Мощный напор воды начал крутить первые турбины, над Новочебоксарском зажег новую звезду. Ее свет, усиливаясь, влился в Единую электросистему страны.

Рядом с этой великой стройкой вскоре началась величайшая из великих строек. Из Уренгоя на Запад через Чувашию должна пройти линия газопровода. Если за прошедшие годы Саривановы, перекрыв Волгу, образовали море, теперь должны протащить трубы стальные для голубого пламени. Для этого под землей нужно проложить 4451 километр труб. Из них 127 километров пройдут по территории Чувашии.

Вскоре прибыли опытные газовики. Нужных мастеров нашли и на месте. Начальство треста «Куйбышевтрубопроводстрой», видимо, Лебеда хорошо знало и до этого, поэтому его перевели сразу к себе. Борис Михайлович возглавил первый комплексный технологический поток. По призыву партии в этот прославленный коллектив попал и Иван Сариванов. Управление, где работал Арсений Ламсуркин, вело работы по строительству газонасосной станции.

Однажды к Ивану примчался Горохин.

— Говорят, что тут много зарабатывают. Это правда? — спросил он, волнуясь.

— Конечно, больше чем в Новочебоксарске.

— Скажи-ка, сколько сотен получил в прошлом месяце?

— На руки семьсот пятьдесят.

— Семьсот пятьдесят?! — чуть не упал Горохин от изумления. — Я, дурак, тужусь из-за трех сотен. Сколько теряю. Все. Завтра же подам заявление, уволюсь с Гэсстроя, такого сварщика, как я, должны принять у вас.

Иван пристально посмотрел на него и сказал:

— У меня самого в бригаде не хватает одного сварщика. Запившего, за некачественную работу, уволили.

— Ты сам знаешь. Я не такой испорченный человек. Примешь?..

Как же не согласиться Сариванову. Горохин — сварщик с золотыми руками. К тому же — товарищ его, учивший самого этой специальности. Бригадир его не осуждал из-за того, что тот был «рабом денег», когда нужно было, и с глазу на глаз, и перед коллективом старательно отстаивал его, со зла не

отмахивался. Конечно, характер у Толи своеобразный, но что поделаешь, и пальцы на руках не одинаковой длины. «Если не умеешь различить шлак от плавленного металла, то никогда не станешь настоящим сварщиком», — любил говорить Горохин. Сам он много знал, многое умел, потому и не стыдился поучать.

Надев первый раз сварочную робу, Иван почувствовал себя стесненным. Страшно было смотреть на сварочную дугу. Казалось, что сыплющиеся вокруг искры обожгут лицо. Страх постепенно прошел, руки стали привыкать к новой работе. Вот он нанизанным на конец держака электродом касается к свариваемому изделию. От короткого замыкания электрический ток моментально плавит электрод и свариваемую поверхность. В то же время он чуть приподнимает держатель, и жидкий металл тонко растягивается, образуя изогнутую шейку. Именно от Горохина научился поддерживать эту дугу, не преломляя и не прерывая. Отлично освоил, что дуга не должна превышать по длине трех-шести миллиметров. Если ее растянуть, металл на электроде не ровно плавится, капли жидкие окисляются кислородом, смешиваются с азотом. В таких случаях шов получается рыхлым и неровным, металл разбрызгивается, образуются раковины.

Горохин старательно учил его и этому секрету. Дуга быстро плавит электрод. Этой жидкостью по капле нужно заполнить ванну. Ванна на шве образуется по мере перемещения дуги. Длина ее должна быть двадцать-тридцать миллиметров, ширина — восемь-десять, глубина — два-три миллиметра. Глубина зависит от плотности тока и скорости труда. Расплавляемая жидкость металла и электрода при производстве сварочной работы постоянно находится в движении, смешивается. Горячее давление выжимает ее в стороны, тогда остаются в шве кратеры или, как еще говорят, жерла вулкана. Жидкий металл он кладет по частям. Давление дуги время от времени меняется, поэтому шов остывает волнами. Насколько толще шлак на шве, настолько тоньше бывают волны, поверхность шва получается гладким и чистым. Этого всегда старается добиться Сариванов.

Иван прекрасно знает, какой мастер его товарищ и какой падкий на деньги. «Если деньги платят по труду, пусть зарабатывает, его мастерство лишь в пользу коллективу», — подумал он и повел его к хозяину потока. Борис Михайлович охотно принял новичка. Так влился в семью газовиков и Толя Горох.

Свитое прибывшими временно из основного места для выполнения большой целевой работы людьми «гнездо» называется поселком вахтовиков. Воздавая почести начальнику вновь организованного потока Бориса Михайловича Лебеда, назвали его Лебединым. У прокладывающих трассы такая традиция: куда ни прибывают — новому «городку» дают новое имя.

Для спокойного проживания и достойного отдыха в этом «гнезде» созданы все условия. В расставленных вдоль дубравы в двухстах «бочках» и вагонах живут около шестисот человек. В том числе — сто семей. Есть и магазин, и прекрасная столовая, и красный уголок, и баня. Возвращающиеся на автобу-

сах из дальних точек газавики сразу же ныряют туда. Лишь позавчера Иван полечил уставшее тело горячим паром, помылся, и Гороха похлестал дубовым веником. Из бани они сразу же пошли в столовую. В чистом и просторном зале есть уголок «Русский чай». Там испускает пар ведерный самовар. Повара так вкусно готовят еду, что язык проглотишь. «Жена начала ворчать, что дома ничего не ем, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Борис Михайлович, сидя с ними за столом, — ревнует к этим поварихам». Это, пожалуй, нисколько не шутка, добрая ревность существует в «городке». Такие разговоры Иван уже несколько раз слышал. Но они никому не приносят вреда, лишь поднимают цену работницам столовой. Для холостяков, как Сариванов, это прекрасное заведение. На сытый желудок и работается, и поется с настроением.

Он не проходит мимо, не заглянув в красный уголок — палату ума. И на этот раз потянул он Горохина в ту сторону. Выбрав для чтения книги, сыграли в бильярд, затем посмотрели кино. Вчера чебоксарцы должны были дать концерт, но Иван не смог остаться, поспешил домой.

В дружном коллективе нет места для тоски. У Сариванова радостное настроение, как и на перекрытии Волги. Работая вместе с прибывшими в Новочебоксарск из ста тысяч уголков страны энергичными людьми, постоянно участь у них, получивший настоящее звание рабочего чувашский парень и тут влился в ряды таких же героев. И газавики, как и строители гидроэлектростанций, имеют одну цель, единую думу, единое желание: выполнить порученное задание со знанием, быстро, аккуратно, с большим качеством. На работу смотрят не как единоличники, а коллективно, совместно со всеми. О работе думают широко десятки и сотни умных личностей — в масштабах всей страны.

Сариванов считает, что нашел свое достойное место в жизни. Из памяти никогда не сотрутся поучения деда. «Ты, милоч, — говорил он, — если изнуришь в седьмом поту свое тело только ради своего желудка и толстого кармана, то станешь рабом непосильного труда. А если осознаешь, что своим сильным трудом сможешь приносить пользу своей стране, то сможешь стать государственным человеком, хозяином страны. Кто горит лишь для себя, тот потухает на месте же, а кто старается для народа, тот будет светить вечно». Так поступать стремится и Иван, после вступления в члены Коммунистической партии он еще глубже задумался об этом. Он по жизни благодарен тем, кто встретился на его пути, которые горят за общественные интересы, своим пылом воспаляют сердца других, наставляют истинный путь. Их умные поучения принимает близко к сердцу.

Его удивляет лишь вот это. И в бригадах Арсения Ламсуркина и Анатолия Горохина были же такие коммунисты. Но почему Арзюк и Толя не вняли их жизненным урокам? Один свое молодое сердце разжигает в горькой жидкости, другой превращается в раба труда. Почему до их сознания не доходят умные слова, советы, предложения? Почему по-другому разнились их души? Пусть бы разнились, но жить-то обязаны одной целью со всеми. Пусть и они могли бы на этой великой стройке признать: «И я — хозяин страны!»

Из-за Толи Гороха не слишком-то тревожится он. Арзюк Ламсур заставляет задуматься. И вчера, вон, напился до чертиков в глазах. К тому же, волочит за Марьяной.

«Эх, Марьяна, Марьяна, и с ребенком я люблю тебя. Только вот жениться... Но что скажут родители, дед, сестренка, односельчане, товарищи. Если посоветоваться с родными? Наверное, не одобряют. Если не согласятся, как же пойдешь против воли семьи?»

Вспомнились слова Ламсуркина. Арзюка встретил он месяц назад в Новочебоксарске. Как он хвастался тогда! «Во, с какой бабой познакомился! Как литая. Словно картинка. А какая походка!.. Если идти следом, у любого потекут слюни. Глаза бездонны, волосы ковыльины, а губы... Если встретишь, и ты растаешь, А улыбка!.. А как запоем, душу пробирает. По сравнению с женой Славина несколько раз прекраснее ее. Ой, горячая красотка. А целуется... Сначала и я думал, что она девушка, по-правде уже не девушка, а баба... Тем не менее, во! Можно и жениться. Нецелованных уже не найдешь. Нынче обязательно женюсь. Задумал на этой красотке жениться. Вас с Толей обоих приглашу на свадьбу!».

У бывшего товарища по общежитию Иван не стал спрашивать имя девушки-бабы. Уже забыл было о том. Но вчерашняя встреча... Представив безликий образ Арзюка, чуть было не слетел в кювет на повороте, хорошо, что вовремя успел тормознуть.

«Городок» газовиков уже проснулся. Молодежь в робах отправляется к остановке автобуса. Проезжают трубовозы, гремя прицепами. Иван поставил своего аргамака возле диспетчерской, зашел в свою «бочку» и вышел одетым в рабочую спецовку. Его догнал начальник технологического потока Лебедь, протянул длинную руку:

— Привет, Иван Иванч. Как настроение?

— И вам доброго здоровья, Борис Михайлович. Настроение бодрое, чувствую себя на седьмом небе, — с улыбкой ответил Сариванов.

— В таком случае, слушайте меня, Иван Иванч. Сегодня не на восток, а на запад придется держать путь. Нужно помочь соседям. Они не успевают с прокладкой труб.

Сариванов только рад был этому. Будет ближе к Марьяне, и встречаться удобней.

— Для меня безразлично: одна работа, бесконечная наша работа. Нельзя отставать от потока.

После усвоения поточного метода их дела продвинулись как по течению. Беспрестанно и безостановочно. Если где и случается загвоздка, то инженеры быстро устраняют заторы. Вот и сегодня Лебедь обеспокоен этим. Переводит бригаду Ивана, выполняя тактическую задачу.

Уважает Иван этого черноволосого, бородатого, светлоглазого, умного инженера. Он прославился перед газовиками своей инициативностью, энергичностью, умением спланировать коллективы, организовать их труд. Разумеется, потому и доверили ему руководство первым технологическим потоком

треста. В тресте на поточный метод первыми перешли они. Лебедь сразу же заметил, что коллектив значительно отстает от современного требования жизни. А загвоздка была вот в чем. Специально созданные бригады землекопов, сварщиков, изолировщиков (одевающих трубы от коррозии в специальные «одежды») в свое время прославили трест. В общем, производительность труда казалась высокой. Но... Один коллектив продвигался ускоренным бегом, а другой — медленным шагом. Требуется много сил продвинуть вперед плетущихся в хвосте. В спешке человек может споткнуться, а коллектив — захромать. Средняя скорость никак не могла удовлетворять. Вот тогда и родился поточный метод. Разделяющие бригады на отдельные звенья помехи стараниями Бориса Михайловича устранили, крепко сплотили их в один узел, как сваривают трубы в одну плетть. Теперь они стараются сдавать газовые трассы не по частям и не по отдельным видам работ, как было раньше, а комплексно и в один прием. За конечный результат отвечает каждый коллектив: и землекопов, и сварщиков, и изолировщиков, — отвечает одинаково.

7

Марьяна Стасына широкими шагами легко идет между вагонами. Услышав сзади шарканье, она резко повернулась и тут же остановилась. Оказывается, за ней бежит Арсений Ламсуркин. С целью прикрытия царапины на правом виске картуз нахлобучил до самых глаз, от спешки вытаращил глаза.

— Подожди-ка, Марьяна! Есть разговор с тобой, — выпалил он.

— О чем же?

— О том же. Жениться хочу. Тебя взять замуж. Не могу жить без тебя. И ты ведь одна?

— Почему одна? С коллективом я. Тысяча человек тут.

— Эй, с твоим коллективом... — досадливо махнул рукой Арзюк. — Согласна? Если женюсь, то мне предоставят в Новочебоксарске шикарную квартиру. В городе начнем жить. Что нашла в этом открытом поле? Что нашла ты между этими развалахами-вагонами и «бочками»?

— Любовь свою нашла. Понял?

— Немножко догадываюсь. Вчера на мосту Норусовском втроем с женой Славина скалили зубы, а ночью он из рук умыкнул тебя. Значит, отвергая меня, полюбила Сариванова, что-то...

— Кого любить, зависит от меня. Сначала бросай пить. Только затем думай о создании семьи. Женский век не хочу сушить горем, Арсений. Мне давно уже известно, если выйду за тебя замуж, то век свой проведу в горьких слезах.

Ламсуркин приблизился вплотную и умоляюще начал канючить:

— Брошу пить. С сегодняшнего же дня. В пьяном виде ты больше не увидишь меня. Вот, солнцем, белым светом клянусь. Ну, как, согласна?

— Трудно поверить, — покрутила головой Марьяна. — Слово алкаша всегда тонет в озере вича. Посторонись. Дай дорогу. Я спешу на работу. По радио нужно сообщить народу, что состоится митинг.

С завистью и со злостью смотрел Ламсуркин вслед плывущей словно лебедь Марьяне.

Стасына тут же забыла о нем. В ее голове сейчас лишь вновь возродившийся Иванушка. Шла, радостно думая, что-что скажет ему при встрече, что-что предпримет. В первое время, когда Славин привез их в это открытое поле рядом с молодым сосняком, ее угнетала тоска. Даже заботливая, чуткая сверстница Оксана не могла до конца успокоить ее. Тогда-то, принуждая сердце, для улады что ли души, согласилась ходить со случайно приставшимся как слепень Арсением. Ламсуркин играл на гармошке, Марьяна пела. Если бы оказался порядочный человек, то она, возможно, и согласилась бы выйти за него замуж. Арсений не отвергал ее сына, готов был растить его вместе. Но каждый вечер приходил выпившим. С детства насмотревшуюся козней пьяного человека, Марьяну это обижало и сердило. Ведь отец ее из-за безпробудной пьянки безвременно ушел из жизни. Марьяна достаточно видела горькие слезы матери. Немало плакала за ее горькую судьбу, ранила душу. Нет, Марьяна никогда не свяжется с пьяницами, не верит их клятвам. И отец с похмелья всегда давал слово: «С сегодняшнего дня ни капли в рот не возьму...» А вечером возвращался домой смертельно пьяным. И начиналась, продолжалась дальше безпробудная хмельная жизнь!.. Нет, ни за что не согласится Марьяна с предложением гармониста. Не верит она ему. Чувствует, что сразу же начнет рушиться жизнь, как только переступит порог его жилья. Поэтому твердо решила навсегда отвязаться от него. Но прилипший как клей парень все равно не отставал. Хорошо, что Иванушка явился перед ней как яркая звезда с неба.

К слову сказать, не провидец ли благословил их встретиться на середине моста? Звено ли это жизненного пути? Или соединяющее два бережка бревно? Их путь начался с далекого берега родного Днепра. Теперь вот пролег до берега Волги. Оказывается, как длинен путь! Пять лет шагали по нему. Приближали его, не видя друг друга, не ведая, кто с какой стороны придет. Может, душевные чувства незаметно притягивали по течению жизни? Говорят, гора с горой не сходятся, но человек с человеком... Вот они вновь вместе...

Судьба, доля — нет ли у нее своеобразная волшебная сила? Стремившиеся по велению сердца на великую стройку Родины молодые люди вновь встретились на стальных берегах «голубого потока», у ограды — у околицы судьбы, воспламенили сердца. И будущее их не связано ли с этой стройкой? Иванушка для этого «потока», для продвижения его дальше прокладывает под землей путь. Марьяна вон трудится на строительстве одной из станций, регулирующих его скорость.

Марьяна Стасына знает, газ из-под земли вырывается под большим давлением, но самостоятельно по трубам продвигается не слишком далеко, вскоре давление его падает. Поэтому строят насосные станции, одну через каждые сто километров. На всем пути должно быть сорок. Двадцать третья — ихняя. Называется «Приволжская». С помощью этих станций, «сердец» газ

должен течь по трубам со скоростью пятьдесят километров в час, вытекая из Северного Уренгоя, за четыре суток должен пройти через Ужгород. Если сердце человека за сутки качает, пропуская через себя, десять тонн крови, это «сердце» может качать сто миллионов кубометров газа. Задача компрессорных станций многогранна: вместе с увеличением скорости должна очищать газ от накапливающегося по пути мусора, охлаждать его от перегрева по мере движения.

В печати часто писали, что соглашение между нашим государством и капиталистическими странами по подаче «голубого топлива» в Западную Европу, названное «газ-трубопровод», явилось соглашением века. По этому договору они должны снабжать нас стальными трубами и техникой, а мы — газом. Если подумать, то это должно принести всем пользу. Но в последнее время на американских империалистов нашлась какая-то напасть, это соглашение, видимо, пришлось им костью в горле. Чтобы навредить нам, приносить убытки, встали на гнусный путь. В прошлом году двадцати компаниям, в том числе «Дженерал электрику» и «Катерпиллер-трактору», запретили продавать нам газо-нефтедобывающие и трубоукладывающие машины и оборудования. Этого им показалось мало, в текущем году они предложили заграничным филиалам их компаний и дружественным компаниям расторгнуть соглашение. Те, видимо, не хотят прислушиваться к ним, но... осложнения чувствуются.

«Зря задумал президент США поставить между нами железный занавес. Его наглое поведение, напоровшись на неиссякаемый энтузиазм советского народа, подорвал его «мощь». Пусть не дают они свои трубокомпрессоры. Вместо этого ленинградцы обещали изготовить газотурбонагнетатели ГТН-25. Из объединения «Завод на Неве» имени Ленина пришло гарантийное письмо. Его прочитали на партийном собрании. Слово свое они сдержат. Нам самим бы не отстать». — по-государственному думала про себя Стасына, приближаясь к диспетчерскому пункту.

Диспетчерский пункт расположен в здании штаба стройки. Приняв смену, Марьяна по радио передала объявление. Из окна хорошо видно, что делается во дворе. Два парня, вон на возвышенной площадке устанавливают широкий щит. Она читает надпись на нем: «Досрочный ввод в строй газопровода Уренгой—Ужгород означает наше активное участие в борьбе за мир!» По улице снуют мощные автомашины. Близо от диспетчерской забивают железобетонные сваи. Прибывшие из Чебоксарской гидроэлектростанции молодцы под фундамент трубокомпрессорного здания свасбойной машиной рядами нанизывают длинные заостренные «карандаши», как в шутку их называют. На месте строительства газоочистительного и газоохладительного зданий копошатся экскаватор с бульдозером. И геодезисты не расстались с нивелирами, готовят удобную площадку под котельную и склады.

Во время обеда состоялся митинг. «Империалистам никогда нас не напугать! Газотрассу вовремя пустим в ход!» — горячо подытожил Борис Михайлович Лебедь думы и чаяния строителей, монтажников, трубокладчиков.

Под окнами штаба Марьяна посеяла лен. Поглядывая время от времени на густо растущий лен, она вспоминает золотоношские льняные поля. Отвернет голову, и перед ней появляется другая картина. Вон, на карте линия Уренгой—Ужгород напоминает кровеносный сосуд страны. Богатство Северной Сибири вскоре через леса и поля, горы и реки потечет на запад. Сквозь длинные пустоты его погонит мощная сила. Чтобы билось такое «сердце», названное «Приволжским», на открытом поле рядом с молодым сосняком трудятся около тысячи человек. В том числе — и Марьяна. Она не копает землю, не кладет фундаменты, не стыкует трубы, не устанавливает оборудования, все равно ее труд в теплом помещении тесно связан с напряженным трудом всего коллектива. Как кровеносные сосуды от сердца человека идут по всем его органам, так и линии связи диспетчерской соединяют все точки большой стройки. Штаб стройки по ним регулирует напряженный пульс всего строительства. Штаб стройки — сердце стройки. Слаженная, бесперебойная работа сложного механизма-организма стройки во многом зависит и от Марьяны, часами просиживающей за пультом управления. Ведь вся информация исходит от нее и приходит к ней. Свяжется она с одним начальником и его распоряжение передает другому. По оперативности другим далеко до нее. Никому не дает дремать. Невыдержанные и ей не дают покоя, в другой раз даже не берут во внимание, что она все же женщина. Вот, повышая голос, ругается мастер фундаментщиков: «Почему до сих пор не выполняют мою просьбу».

Марьяна понимает его нужду. Вчера он просил машину для привоза «карандашей» под фундамент. Если не хватит свай, его вторая смена вынуждена будет простаивать. Стасына сколько времени уже ищет пропавшую машину. Из управления механизации ей бодро сообщают: «Ламсуркин давно выехал в рейс, больше свободных грузовиков нет». Фундаментщики вздыхают: «Мы не видели такую машину». В поисках Арсения диспетчер всю стройку подняла на ноги, связалась с поставщиками «карандашей», но бесполезно.

От растерянности Марьяна некоторое время сидит, опустив голову, закрывает глаза. Вот, перед ней встает облик рассерженного мастера фундаментщиков со злобным выражением лица. Тут же он исчезает, вместо него возникает отекавшее от похмелья лицо Арсения Ламсуркина. Показалось, что утренний перегар вновь ударил из его рта в нос. «Он куда-нибудь завернул опохмелиться», — подумала диспетчерша.

Потерявшаяся машина нашлась лишь под вечер. На железобетонный завод заехать заехала, но... опоздала, не успела вывезти сваи. Ночная смена осталась без работы. Из-за одного пьяницы на стройке возникла загвоздка.

А для заварившего кашу... Это несколько не беспокоило Ламсуркина. Привыкшие к таким выходкам начальники стройки не стали поднимать шума. Зато Марьяна переживала всем сердцем. Ведь неритмично стучало в ее смелую «сердце» газопровода. Такие сумятицы несколько не вяжутся со словом, данным на митинге. Пришедшая сменить ее Оксана Славина сразу заметила терзания землячки, стала успокаивать ласково. Все равно из диспетчерской

Стасына вышла, чувствуя себя чем-то виноватой. Дома, заметив из окна «бочки» приближающегося, шатаясь, Арсения, скорее заперла дверь.

8

Желанию Ивана Сариванова быть поближе к Марьяне не довелось осуществиться. Лебедь отправил их далеко от Вурнар, в сторону реки Суры. Там временно жили в другом «городке». В Лебединый приезжали раз в неделю помыться в бане и отдохнуть. В одно время пришлось забыть даже про воскресенье. Бригада за неделю должна была сварить и уложить два с половиной километра труб. Хорошо, если бы стояла сухая погода. Но, на их беду, трое суток непрерывно лил дождь. Трасса превратилась в месиво. Чего стоит хоть раз пройти по раскопанной экскаватором глине. Хоть на крыльях добирайся до лежащих на трассе труб. Потом их устанешь чистить. Во время сварки с нижней стороны, невольно приходится лечь под трубу в эту жижу.

— При перекрытии Волги такого не видел, там было суше, — обеспокоенно сказал Горохин. — Там не валялись в грязи как свиньи, хотя и приходилось висеть над Волгой.

— Ты сам тут не хрюкай как боров, — сделал ему замечание бригадир сварщиков Сариванов. — Если не желаешь лечь под трубы — бросай работу. Неволить не станем.

— Что-о-о, что ты говоришь?

— Ложись и работай! Не тяни время!

— Чем понукать меня, попробуй-ка сам хоть раз в этом месиве, — заспорил Толя Горох. — Ты — бригадир, для других обязан быть образцовым примером.

Разозлившийся Иван хотел было толкнуть товарища, но не стал связываться, лег в грязную траншею, прежде чем закрыть лицо щитком, упрекнул:

— Оказывается, ты действительно свинья, Толя, бессовестный — хочешь сорвать кучу денег, а работу стараешься выполнять разборчиво, на выбор.

— Да что ты говоришь-то, тут на потоке все равно получаем все одинаково. Давай, давай, действуй, бригадир должен работать быстрее всех, — удалился Горохин. — И меня не назовешь лентяем, и я не валандаюсь без дела, иду со всеми наравне. Не сможешь урезать мою зарплату, никак.

Сариванов больше не стал слушать его. Уши оглушил шум сварки. Если подумать, в его коллективе нет лентяев. Только вот по натуре каждый разнится. Иван, к примеру, старается, чтобы его труд принес больше пользы своему коллективу, а Толя Горох — чтобы его карман стал толще. Если перестанет надуваться этот карман как надуваемый шар, он начнет искать стройку, где рубли подлиннее. И на строительстве ГЭС в первые годы платили больше. Горохин запыхавшись примчался туда с Чебоксарского агрегатного завода. Позже, когда уменьшилась зарплата, он отыскал другой богатый источник. Горох и тут шаги потока мерит рублями. Когда в прошлом месяце их бригада вышла лишь в второе место, он горевал, что досталось меньше премии.

— Неужели довольствоваться теперь этими всего-то шестистами, — ворчал Горохин. — Я надеялся на семьсот с лишним. Если бы не гнули спины за какие-то фонды, за кого-то, то получили бы больше.

— Ты что, о Фонде мира что ли несешь вздор? — слышался за спиной бас сварщика Андрея Павлова. — За такое не будет греха, если сыграть с тобой в каком-нибудь углу втемную. Эх, ты, человек без души. Ни одного шва за так не сварить. За мир на земле, за жизнь в согласии я готов в неделю один день поработать бесплатно, а он тут... — со злостью пнул Андрей комок земли, подошел к нему вплотную и выцедил сквозь зубы: — Наверное, думаешь, нам неизвестно, как ты уклоняешься от тех работ, за которые мы проливаем пот бесплатно. Известно. Очень хитро поступаешь. Каждый раз находишь причину. При одном воскреснике живот болит у тебя, при другом — температура поднимется... А в прошлый раз что стряслось?

— Мать у меня больна, кроме меня, некому помочь старой женщине, — глядя в землю, ответил Горохин. — Для чего тогда узаконило государство выходные дни?

Сариванов добавил:

— И свободного времени у нас достаточно. Из-за нескольких воскресников не согнемся. Пока есть силы, стараемся приносить больше пользы. С Борисом Михайловичем мы побывали в Норусовском детском доме. Там прекрасно ухаживают за сиротами, обучают и выводят их на жизненный путь. Государство много делает для них. Но и наша помощь, разумеется, нужна этим детям. Давно начали строить учебный корпус, но стройка «обросла бородой». Решили взять шефство над детдомом. Правильно, и техники, и рабочей силы у нас достаточно. Как, по-вашему? Лебедь попросил посоветоваться.

«Иван Сариван что только не отыщет для нас, чтобы без толку жечь драгоценное время», — успел недовольно пробормотать Толя Горох, но умолк, почувствовав с двух сторон ощутимые толчки локтей стоящих рядом.

Кто же будет против такого благородного дела. Растущие без отцовской и материнской, без братской и сестринской ласки дети пусть почувствуют, что они не одиноки на этом белом свете. В дальнейшем многие-многие рабочие из коллектива потока Лебеда станут для них близкими людьми. Бригада Сариванова тоже завтра же отправится туда.

Сариванов в Новочебоксарске сплотил и закалил было крепкий коллектив. Ему как не хотелось расстаться с привычными товарищами. Тем не менее беседа в городском комитете партии изменила его замыслы. Из слов секретаря он вновь понял, что коммунист должен находиться в нужное время на нужном месте. Поэтому думает, что перейдя на великую стройку, он поступил правильно. Вспоминается Иван на своих новых товарищей и нисколько не переживает. И в потоке Лебеда у него крепкий коллектив. Один проворней другого, один задорней другого, один непоколебимей другого. Будто специально подобраны. Больше половину бригады составляют те, кто уже успел поработать на прокладке нефтепроводов

и газопроводов. Остальные — пришедшие из местных строек и заводов. Одним словом, интернациональная семья.

По мнению Сариванова, и этих «стариков», и молодых газовиков скорее всего тянет сюда не только большая зарплата, но и долг перед Родиной. Взять хотя бы Андрея Федоровича Павлова, родившегося и выросшего в деревне Янгильдино за Чебоксарами. Матрос Северного флота, вернувшись домой, поработал на тракторе — но эта работа не удовлетворила его. Тогда, вызвавшись по комсомольской путевке на Сибирскую стройку, он приобрел специальность по душе и был очень доволен этим. С тех пор сколько швов не сварил он!

— На нефте- и газопроводах страны сколько я оставил свой знак этим держакон, осталось мало места, где я не побывал. Испытал и сибирскую стужу, и жару среднеазиатской пустыни, и ветры Карпатских гор. Стальные трубопроводы стали моим жизненным путем. Сегодня здесь, завтра — не знаешь, где. Не легка жизнь на трассе, но если раз привыкнешь к ней, то не знаешь оторваться, — приветливо улыбаясь и поглаживая пятерней густые черные волосы, он смородиновыми глазами глядит на бригадира и говорит: — Вначале я считал швы. В год доходило до полутора тысяч швов. Да и диаметры труб не были, как сейчас, полтораметровые, а трехсотмиллиметровые. Тогда сам один варил швы, ставил свой знак, сам отвечал за свои швы. Теперь другой порядок, один и тот же шов варит три-четыре сварщика, и ответ держим коллективно. Это мне больше нравится. Крепнет чувство локтя.

Но почему Андрей Павлов согласился прийти в бригаду Сариванова? Почему ему самому не доверили бригаду? И по мастерству, и по жизненному опыту он может перебороть многих бригадиров, в том числе и Ивана на несколько раз. Но вечно пребывает простым сварщиком. По этому поводу Сариванов не интересовался ни у начальника потока, ни у самого Павлова. Да и не было нужды. Человек работает, старается, не нарушает дисциплину, помогает товарищам. Что еще нужно бригадиру?

Все же в одной из бесед Павлов сам открыл свою душу. Испачканные грязью электроды выковырнул своими короткими пальцами и протянул бригадиру.

— Эх, этих бесхозных хочется взгреть по мягкому месту. Как говорится в народе, если рассыпать кучами, не соберешь зернышками. Надо бороться за бережливость. Ты поговори-ка построже с членами бригады, — сказал он, скривив губы и сморщив лицо, затем сухо кашлянул. — Ты, Иван Иванч, не подумай, что я придираюсь зря. Я знаю цену и одной копейке, и миллиону рублей. И на этой трассе бесхозно тратится много народных средств, начиная с электродов, до длинных труб. И из «Поворотки» я ушел из-за этого. Из-за своего несдержанного языка. «Резаком бы надо срезать твой длинный язык», — сказал мне числившийся там бригадиром жулик. А я ему ответил: «Сначала выправь свою кривую руку, затем посмотрим, как нам поступить». Ведь он сколько труб сплавил в сторону. Пришлось оповестить начальство. Тогда взялись за него, обвинили и уволили. Вместо него хотели назначить меня. Не согласился. Не могу я командовать людьми. Над

каждым приходится ломать голову. Если признаться честно, то мне не очень нравится «поворотка», я всегда стоял за «потолочку», как робот бессловесно выполнял свой долг.

О понятиях «поворотная сварка», «потолочная сварка», «плеть» Сариванов узнал, перейдя на трассу. Выгружаемые из железнодорожных вагонов трубы на базе удлиняют, сваривая по три трубы, и они называются «плетью». Трубы, медленно поворачиваясь, проходят через автоматы БТС по трем отверстиям и по мере прохождения соединяются. Из-за механического соединения труб и назвали метод «повороткой». Тридцатичетырехметровые плети «потолочники» на трассе еще больше удлиняют. Варить начинают сварщики сверху, постепенно опускаются к низу. От этого вышло название «потолочник».

— Да, так, Иван Иванович, теперь видишь, какой праведник пришел к тебе, — мигнул Павлов. — Ищет правду, все бережливость нужна ему, даже бригадира хочет поучать...

Сариванов положил на его широкое плечо руку:

— Я давно слышал о тебе, поэтому был рад, что ты согласился влиться в нашу бригаду. Мне больше всего нужны такие честные люди. Я уважаю порядочных.

— Ты тоже, Иван Иванович, мне нравишься. Тогда в дальнейшем называй меня дядей Андреем, а перед начальством — Андреем Федоровичем. Для повышения авторитета, — засмеялся Павлов.

Бригадир на самом деле уважает его. Он ни за одну работу не берется не посоветовавшись с ним, не извещая его. Дядя Андрей, кроме знания лучше всех методов сварки, умеет еще и читать грамотно чертежи. Иногда добавляет и от себя. В скором времени Сариванов хочет предложить его руководить советом бригады. Но согласится ли он?

С тельняшкой не расстается и зимой и летом. Высоко держит звание моряка. Как начнет выбивать «яблочко». Не нагладишься. Павлов сам обитает в «бочке», а жена — в Чебоксарах, работает в хлопчатобумажном комбинате. От предприятия имеют благоустроенную двухкомнатную квартиру. Ведь в свое время и Андрей был фабричным. Живя врозь и вместе, растят дочь

Павлов как-то пригласил Сариванова в свою деревню. Расположенное между железной дорогой и Вурнарским автотрактом чувашское селение встретило коллектив газовиков колокольным звоном. В честь какого православного события радуется церковь, они и не поняли, да им и неинтересно было это, безбожникам. Не о вере в Бога думали, в голове было совсем другое — светлое будущее. Всей бригадой гостили в Янгильдино, артелью закололи свинью, сварили шюрье, испробовали шашлыков, пили чувашское ячменно-хмельное густое пиво из деревянного ковша и домашнюю водку под названием «Атом». Тогда-то дядя Андрей похвалился:

— Дочка техникум закончила, поступила на работу, тракторостроитель, есть и жених, скоро ее выдам замуж. Может, купить кооперативную квартиру? Пусть живут молодые отдельно. В старости, может быть, и я навсегда

брошу якорь на берегу Волжского моря. Романтика она — романтикой... а сердца... любят обнимку.

Будто окрыляя его, Сариванов сообщил:

— Отсюда мы не скоро уйдем. Рядом с этим трубопроводом нужно проложить еще несколько линий. В северо-восточной стороне от Уренгоя, В Ямбурге, разведали еще один богатый источник газа. Оттуда, как и из Уренгоя, решили провести шесть «поток»». Вот такая экспортная магистраль должна пролечь через украинский Ужгород в Западную Европу. И в Елец, и в Тулу, и в другие города придет наш газ. Вон сколько работы прибавится нам тут. Только не ленись. Так что, сварной шов будет для нас и на работе, и дома.

— Это хорошо, — обрадовался дядя Андрей, — а то как кочевники все время осваиваем новые места, оседаем на новом месте и на новом месте канителемся теми же проблемами... Значит, теперь и мы будем считаться оседлыми. Эх, Иван Иванч, как бы ни любить свою профессию, все же и она порой надоедает, не хочется сдвинуться с привыкшего места. Тут тем более, родина, родной край, родная земля, родной дом притягивает. Ступив к полувековому рубежу, все хочется осесть на родном месте.

Распроставшись с Павловым, Иван долго бродил по улицам Лебединого. В «бочках» и вагонах то и дело гаснут огни. «Городок» отдыхает. А у Сариванова улетел сон. Он думает о завтрашнем дне. Вскоре они с ровного места должны спуститься в низину реки Сура. Там работы осложнятся. Тем не менее есть надежда: с такими молодцами, как дядя Андрей, и там бригада с честью выполнит свою задачу. В голове все кружатся строки Михаила Сеспеля: «шагайте бодрее и тверже, отчизны любимой сыны, не можем отстать мы, — не можем! — от поступи нашей страны». Кажется, что эти строки написаны поэтом именно о них. Саривановы не отстают ни от шагов потока, ни от шагов страны. Лишь помогают ускорить их.

9

В субботу после работы автобус привез газовиков в вахтовый поселок. Сариванов, запрягав «черного жеребца», помчался в Приволжский. Ему сейчас кажется, что «городок» строителей газонасосной станции ближе Лебединого, дороже. Душа все тянет туда. Он не прочь обзавестись семьей. Но его удерживает то, она не одинока. Не хочется осрамиться, женясь на женщине с ребенком. Расти-ка чужого щенка, который будет называть тебя отцом. А девок в округе навалом: и в своей деревне, и в Лебедином, и в Новочебоксарске... Неужели его женой станет женщина из какого-то далекого городишка Золотоноши с хохляндским отпрыском? И мать, между словом, намекнула ему:

— Сынок, в народе говорят, что и птица бывает на пару. И тебя нам хочется видеть на пару с девушкой.

Глядя в карие глаза матери, Иван ласково улыбнулся и засомневался, сказать ей или не сказать, что у него есть невестка по имени Марьяна. Не удержался, высказал.

— О, боже, ты обескуражил меня, — вытерла кончиком платка лицо Укахви. — Эх, Иван, в кого только уродился? И дед, и отец не поступали так. Неужели, как говорится, не избежать предписанного богом?

В это время вышедшая из внутренней комнаты сестренка подбавила огня:

— Неужели ты хочешь жениться на этой хохлушке, женщине, брат мой любимый? Ведь она давно яхщется с гармонистом-шофером Арзюком. Что только не говорят о них. С ребенком... Что, не можешь найти девушку? В лицо будут нам плевать после этого. Ой, какой стыд! — закричала она.

— Мне не известно, какая там она, может, очень добрая, славная, не видела я. Не видеть бы такого позора. Для этого ли я вырастила тебя, сынок? О, боже, избави от греха. Откуда нашлась эта женщина с ребенком для моего сына? — заплакала Укахви.

Иван погрозил Валентину кулаком и стал успокаивать мать:

— Послушай, мама, она не такая гулящая баба, как вы думаете. Люди зря болтают. Луна взглянет в окошко на девушку, уже слух о ней пойдет. Марьяну я знаю давно, в армии познакомился с ней, хотел на ней жениться, но она не согласилась тогда.

— Значит, она отказалась от тебя. И на акатуге сбежала с телеги, как рассказывала Валентина. Осрамился перед всем народом. От стеснения даже она покинула поляну. Теперь, когда стала женщиной с ребенком, пристаёт к тебе, — продолжила мать.

— Хэ, конечно, встретила богатого парня с личной машиной. Слишком хитрая, — не унималась и Валентина.

Рассерженный Иван насилу прогнал сестренку в другую комнату.

— По нитке иголка, по парню девка, запомни это, брат мой. Она не достойна тебе, — бросила она напоследок.

— Выкинь из головы дурную мысль, — добавила мать. — найди достойную девушку, и сыграем свадьбу. Нынче же. А с этой... Лошадь выбирают, глядя на зубы, а девку — в глаза. С любовью... А любовь бывает слепа на оба глаза.

Из дома Иван вышел с подорванным настроением. Ему ни на минуту не захотелось задержаться у родителей, он завел машину и нарочно дал длинный гудок, затем тронулся в путь.

Вскоре добрался до компрессорной станции «Приволжская» и остановился около штаба стройки. В окно видна голова Оксаны Славиной.

— Марьяна сегодня отдыхает, должна быть дома, — сообщила она.

Сариванов поспешил туда.

— Что с тобой, Иванушка? — обеспокоенно спросила Марьяна, заметив его обескураженное состояние.

Парень нежно обнял ее за тонкую талию и взглянул в бездонные глаза любимой.

— Ничего не случилось, душенька моя. Просто я спешил к тебе. Почему-то хочется быть только с тобой, говорить только с тобой. Хочу знать, Марьяна, по-настоящему ли любишь ты меня? Нет ли у тебя больше никого?

Женщина насилу вырвалась от него и села на мягкий стул.

— Почему по-новому заводишь этот разговор? Что с тобой, Иванушка? Я же в прошлый раз уже говорила об этом. Кто-то, видимо, уже наябедничал. Говорят, что чужой слух режет сердце. Эх, губит меня этот пьяница Ламсуркин, бестолково слоняясь за мной. Как мне поступить с ним? От кого ждать помощи?

Иван подошел к ней сзади, закинул ее длинные косы через плечи на груди, обнял за шею и, нагнувшись, начал целовать в щеки, кончик носа, губы.

— Все же ты сегодня, Иванушка, какой-то неуравновешенный. И сердце, вон, вот-вот выскочит. Прислушайся-ка: тук-тук! тук-тук! тук-тук! Как молотком стучит. Успокойся, успокойся, Иванушка. Люблю я тебя. И мне хочется быть только с тобой. Давай, поженимся, доложим эту стальную длинную плеть до конца, затем поедem к нам на Украину, на берег Днепра. Мать с радостью встретит нас. Маленький Иванушка...

Услышав имя ребенка, Иван хуже разволновался, сердце его застучало сильнее. «Маленький Иванушка... Разумеется, день и ночь ждет, видимо, он маму, нетерпеливо вглядываясь на дорогу. Но ему, Ивану Сариванову... Кто он для мальчика? Незнакомый дядя, чужой мужчина. Насчет отца ребенку чего только не придумывали, наверное, и заставляли поверить».

Конечно, расписаться с Марьяной и можно. Но нужно ли ранить сердца матери и отца. Не хочется Ивану обидеть их. И сестренку с дедом. Дума жениться не выходит из головы. Но... что сказать Марьяне? Она надеется услышать от него теплые, смягчающие душу слова.

— Тебе, Марьяна, неужели недостаточно того, что мы с тобой вот так вместе? Мне хорошо, — сказал он, отворачивая голову, — Ты не говорила разве, что к осени привезешь ребенка? Ведь ребенок он... должен находиться рядом с матерью.

— И с отцом, — сказала Марьяна, вопросительно глядя на Ивана. — Без росы и трава не растет.

— По-правде говоря, и с отцом рядом должен быть ребенок. Сам я рос рядом с отцом — жил очень хорошо. Но отец Иванушки...

Марьяна вдруг вскочила на ноги, повернула Ивана в свою сторону и, глядя прямо в глаза, сказала:

— Ой, Иванушка, сердце твое как у сокола, смелость — как у белой вороны. Боишься жениться на женщине с ребенком. А сам все равно приходишь ко мне. Для чего? Обнимать и целоваться? Если только для этого, больше ноги твоей не было тут! У меня и Ламсуркин есть. И он хочет жениться на мне. Если хочешь знать, слушай: Арсения нисколько не смущает, что у меня есть ребенок, он готов усыновить и расти его, принять за своего ребенка, не чурается чужого сына. А ты... Трусливый заяц и пня боится... Ой, Иванушка, я не ожидала от тебя такого. Когда-нибудь я открою тебе один секрет. Но, может быть, уже будет поздно.

— Что за секрет, Марьяна? Скажи сейчас же.

— Придет время — скажу. Считаю, что пока рановато. Поживем, увидим, потерпим. Мы привыкли терпеть. Говорят, кто смелый, тот и садится на коня верхом. Не забывай этого.

10

А секрет Марьяны в отце ребенка. Почему-то не спешит она раскрыть его. Хотела сообщить Ивану в тот же день, когда встретились на мосту, но сумела удержаться. Да и Оксана прикусила язык, видимо, угадала мысли сверстницы. Сама она попозже могла бы и не удержаться, но... пришедшие на язык слова удержало вот что. Когда в лесу на берегу озера сообщила, что у нее есть ребенок, Иванушка вскочил как ошпаренный. А как изменилось лицо! Да и после этого, когда упоминаешь о сынишке, настроение парня портится.

Марьяна тоже понимает его. Кому хочется связаться с женщиной с ребенком! Создать семью, прожить жизнь в супружестве, это не только ласки по ночам. Она знает и таких кавалеров, которые тянутся и к таким как она. Немного, но и не так уж мало. Среди них есть и живущие в согласии с женами, и со скандалом разведившиеся. Тем не менее... маловато тех, кто создает благополучную семью. А если и с Иванушкой у них случится такое? Поверит ли он, что ребенок его? Поженятся вот, не станет ли он впоследствии упрекать и обижать ее в те моменты, когда в семье возникнут ссоры. Может приревновать и к Артему Ковальчуку из Золотоноши. Ревность она в любое время может проявиться... Говорят же, что ревность сушит сердце. Попусту кому захочется слушать обидные слова. Итак Ламсуркин вон как покрывает ее грязью. И душу будущего мужа может запачкать.

Потому Марьяна решила терпеть. Если и вправду душой и сердцем любит ее этот чувашский парень, может, и не бросит. Говорят, настоящая любовь сильнее смерти. Может, и их любовь не загородит никакой забор.

Сама она по-настоящему любит его. Артем Ковальчук обещался покрыть ее драгоценностями. Нет, не получилось у Марьяны удивить мир его золотом и бриллиантами. У золотоношского парня сердце оказалось не золотым. Заливающийся вначале соловьем, услышав о ребенке, тут же прикусил язык. Изменилось, остыло, затвердело его сердце, окаменело. Если бы Марьяна согласилась выйти за него замуж раньше, то какую огромную ошибку допустила бы! Обещавший богатую жизнь, мог заключить ее в черную ограду. И матери ведь захотелось богатого зятя. Невольно ей вспомнились стихотворные строки земляка Тараса Шевченко про Марьяну-черницу:

Жила мать на свете,
И отец был, да не стало,
Осталась вдовою.

И с дочкой родною.
Росла ее Марьяна,
Как панночка румяна.
Горделива и красива.
Мать о дочке хлопочет,
За богатого прочит.
А Марьяна ждет не пана,
И гулять с ним не хочет,
Богатеем проклятым,
А к родному, молодому
Хлопцу Петру из хаты убежала.
С ним гуляла, обнимала, млела...
А потом... плакала, робела...

А тогда, после расставания с Иваном, как в поэме случилось то, что с Марьяной-черницей горе, и она пролила сколько слез и цитировала родного поэта:

Ветер стонет, долу клонит
Лозу на просторе,
Дуб ломает, катит полем
Перекасти-поле.
Так и доля: того согнет,
Иного сломает;
Меня катит, а где бросит —
И сама не знает...

Хорошо, что судьба Марьяне указала другой путь. Пусть он сейчас с рытвинами и ухабами, но ей кажется лучше. Все равно впереди светит солнце. Для нее то солнце — Иванушка-Сариванушка. При его свете Марьяна чувствует себя счастливой. В старину говорили, что счастливый человек и в огне не горит, и в воде не тонет. Вскоре привезет маленького Иванушку, и они радостно заживут в «городке» Приволжской. Рядом с дубравой начали строить дом для компрессорщиков, одну квартиру, может, и выделяют им. Славным должен быть этот «городок». Будут торговый центр, больница, клуб, ясли-сад, школа, пекарня.

Сама она мечтает перейти в операторский пункт. Это строящееся сейчас здание должно стать мозговым центром газонасосной станции. Ведь автоматизировать должны двадцать участков на станции. Туда должна поступать информация тысячами линий о количестве газа, о его скорости, о его чистоте, температуре, о работе агрегатов. Интересная предстоит у нее работа.

На прошлой неделе на собрании коммунистов жарко спорили о создании «эстафеты рабочих». Слово не бросили на ветер. Теперь каждая строительная организация не будет спорить с дополнительным подрядчиком, ища вину друг друга. В поточной работе сразу проявляется виновный. В виду

этого и Стасыны повысили бдительность. В конце каждой недели подытоживают и по радио сообщают о достижениях и недостатках. Постоянно проверяют выполнение графика.

Чтобы билось богатырское «сердце», тут трудятся герои действительно с богатырскими сердцами. Землеройщики, фундаментщики, кладчики зданий, отделочники, установщики различных оборудования, связаны в один узел, сосредоточили свои силы в один кулак. Если удалой коллектив потока Лебеда за сутки продвигается на километр, то строители станции Славина поднимают дом за домом. Никто не должен отставать от намеченного срока.

На работе Марьяна забывает о любви. В голове постоянно только нужды стройки, возникающие проблемы. И на языке лишь слова радости и горести.

11

Сариван из Приозерной, хоть и с посохом, иногда сходит в Приволжскую. В одно время он не вставал с постели, но как только ноги поправились, вновь вышел в путь. Шел он по тропинке спокойно, глядя в землю, но как-то поднял голову и поразился: перед ним ряды больших железных бочек. «Газ ли возят в них?» — успел он подумать, как из одной бочки вышла стройная молодая женщина, приветливо улыбнулась и поздоровалась с дедом.

— Кто вы будете, дочка? Случайно не бочки ли моете?.. — чуть в шутку спросил Сариван.

— Помогаем сибирский газ гнать на запад. Наверное, слышали о прокладке стальных труб, — сказала Марьяна Стасына.

— Слышать-то слышал, дочка, знаю, поэтому и пришел увидеть. И мой внук должен быть где-то поблизости. О боже. Какие чудеса! Может, и эти бочки для перевозки газа? — еще дальше спрятал дед итак запавшие глаза.

— Мы в них живем.

— Что вы говорите... Где только не живет человек на свете, но... в бочке?.. Ой, чудо для меня.

— Точно так, если не верите, можете зайти и убедиться. Пожалуйста?

Поднявшись по ступенькам на торце бочки и зайдя вовнутрь, Сариван был удивлен еще пуще. Круглая снаружи «бочка» внутри сверкает чистотой. У порога дед снял галоши, прошел за хозяйкой через кухню и очутился в гостиной, затем оказался в большой комнате. И кровать, и диван, и шифоньер, и телевизор расположены очень удобно, потолок зеркально блестит. На спинке кровати висит фотокарточка. Сариван внимательно пригляделся к ней и узнал своего внука. Иван в солдатской форме, без головного убора. Улыбка как у матери.

«Век провел, мастера бочки, но чтобы в бочке так культурно жить человеку, не слышал даже в сказке, не видал. Вот они, оказывается, какие — загадочно сказываемые в народе дома! Как-будто зная, на след внука напал. Если она будущая невеста, то ничего. На нас похожа», — думал Сариван, после провода Марьяной шагая дальше.

В магазинах Приволжской он приобрел все необходимое, домой вернулся лишь к вечеру. В мастерской под навесом сарая начал строгать доски для кадок и бочек. Решив немножко отдохнуть, положил рубанок и тут заметил внука. Иван не в дом, а спешит прямо к нему. Он с детства не отходил от него. Иногда и защиту находил под мышкой дедули. Много помог внук ему. Сариван хотел из него сделать бондаря. Ребенок научился его ремеслу, но по пути деда не пошел. Сариван из-за этого не стал слишком переживать и не настаивать продолжить его ремесло. Он понял, принуждая, не сделать мастера. Пламень мастерства должна гореть в сердце. Он рад и тому, что внук перенял у него любовь к труду, терпеливость, исполнение задуманного. Эти хорошие качества в любом деле приносят человеку только счастье.

Дед по грустным глазам внука понял: парню тяжело. Иван поздоровался с дедом, тут же взял в руки рубанок и некоторое время постругал доски. Вытер пот со лба рукавом рубашки, затем сел на чурбан, расположенный рядом с дедом.

— Мы тебя потеряли, паря, все переживаем, — повертел упавшую на руку стружку дед.

— Нет времени, дедушка, даже приходить домой, — спокойно сказал Иван. — На ровном месте работа пошла удачно, варили трубы, не зная отдыха. Овраги и дороги задерживают. Осталось болотистое место в Сурской низине. До заморозков сможем ли зайти туда. До нового года мы должны проложить трубы между Волгой и Сурой полностью. По воскресеньям и в свободное время помогали детскому дому в Норусове. Работы по горло.

Сариван тяжело поднялся на ноги и погладил внука по густым волосам.

— Работу ты любишь, паря, по этой части в нас пошел. Хорошо. Но по другой части, видимо, тебе не везет.

— О чем ты, дедушка?

— О том же, о женитьбе. В твои годы и я, и отец твой уже обзавелись детьми.

— Успеем еще, — глубоко вздохнул Иван. — Для создания семьи, для устройства семейной жизни нет ни времени, и ни девушка еще не выросла, дедушка.

— У каждой вещи есть свое время, сынок, потом вот придется расти детей в старости. Твоя мать в прошлый раз то ли зная, то ли примерно взболтнула...

— О чем, дедушка?

— Будто у твоей невесты есть ребенок. Правильно понял?

Тогда Иван, опустив голову, рассказал свою историю. Дослушав внука до конца, Сариван некоторое время молчал, и только прогнав раскивающих стружки кур, высказал свое слово открыто:

— Эх, внучек. Глядя на тебя, вспомнил свою молодость. Жизнь прожить — не поле перейти. Чего только не видел. В эту Приозерную я попал не по доброй воле. С Симбирской стороны вверх по реке против течения поднимался, считай, карабкался...

Рос, стал взрослым, но до сих пор не знал Иван, каким образом их род пустил корни на Чувашской земле. Очень внимательно выслушал деда.

— Отец мой был бондарем. И меня он выучил этому. Женил рано. В гражданскую войну оба взялись за винтовки. Отец сложил голову в Приуралье, сражаясь с белогвардейцами. Когда началась мирная жизнь, я вернулся в деревню. Но меня ждало горе на беду. Жена умерла от тифа. За сыном, твоим отцом, ухаживала соседская женщина.

Переведя дыхание, дед продолжил дальше:

— По всей Волге стоял страшный голод. Вот он-то и привел меня в Чувашию, когда во все стороны протягивал свои черные руки. На Чебоксарской пристани случайно встретил своего фронтового товарища. И его звали Иваном. Уткин. Ты его не помнишь, давно покоится в земле, от ран так рано умер. Он жил на другом конце деревни. Мы с ним вместе сражались за Советскую власть, в одном ряду. Вот этот-то чувашский мужик меня, направлявшегося в Нижний Новгород, усадил на телегу и насилиу привез к себе в этот прекрасный край.

— А папа тоже был с тобой? — спросил внук.

Старый человек стер с верстака мусор ладошкой и сказал:

— Пусть земля будет пухом навечно Ивану Уткину. Остался ли бы жив в то время твой отец, не знаю, но нашлись добрые люди на свете. От себя не отлучил я его. В дороге совсем обессилел. Не дотянул бы до Нижнего. Потому и согласился изменить путь. Долго жили мы с маленьким Иваном у Уткиных. По мере сил старался помогать в хозяйстве. Моего сына жена Ивана растила со своими детьми. Обручи на кадках подбил и укрепил, бочки отремонтировал. И соседи начали таскать ко мне расшатавшиеся тары. Иван говорит: «Оставайся у нас». И девушку подыскали. Подумал-подумал — и остался. Пришлось войти в чужой дом зятем. Бабушка твоя не отвергла меня с ребенком, очень хорошо относилась к твоему отцу, сама родила трех детей. Вот так я стал жителем чувашской деревни Приозерной, постепенно выучил местный язык. Как и ты, я был русоволосым, потому и прозвали чуваша Сариваном. Русоволосый Иван. Сам знаешь, русый волос по чувашски Сар сюзь. Я, значит, Сар Иван. Пошла и фамилия Сариванов. И так прославил я свой Симбирский русский род в глуши чувашского народа. Он, этот народ, дал мне свое имя, прекрасное, солнечное имя. Спасибо этому доброму народу. Слились мы, человеки двух наций, вместе. А корни все равно волжские — крепкие. Русского Ивана чувашская женщина вырастила чувашом. И сам я в Приозерной полностью очувашился. Только престарелые помнят о нашей судьбе. Мы с бабушкой твоей очень любили друг друга, потому создать крепкую семью не помешал и мой ребенок. Тебя зря ругает мать. Говорят, счастье вкрадывается лисой, а проходит как сон.

Слова дед оживили Ивана, и он сказал твердо:

— Марьяна, кажется, не отказывается. Понимаю, окончательного слова ждет от меня. И жениться хочется, и ребенок заставляет думать. И мама против. Не хочет позорить род Сариванов.

Сариван погладил бороду и успокоил Ивана:

— Если бояться чужого слова, то и на улицу не стоит выйти. Ты же не воруешь вещь. Женишься на любимой. Что чужое дитя. Ты бы представлял, как бабушка любила твоего отца. Душа малыша притягивает к себе. Давеча в «бочке» не заметил ребенка. Мамаша очень привлекательная.

Услышав это, Иван удивился, спросил у деда:

— Ты сказку рассказываешь, или правду говоришь?

— Конечно, правду. Зачем я должен врать тебе? Был в Приволжской и случайно встретил твою майрушку, она пригласила в «бочку» и показала, как в ней живут. Там и увидел твою фотокарточку.

Иван отчего-то застеснялся, не поднимая головы, ответил:

— Ребенок ее живет с бабушкой на Украине. Осенью привезет.

— Вот, вот, сыграем свадьбу и станем жить вместе.

Они и не заметили, как подошла к ним мать. Заметив ее, оба вздрогнули.

— О чем сговариваются они тут одни!.. Не берут во внимание ни мать, ни отца. Ты хоть, старый, учил бы уму-разуму. Убили вы меня. Если так уж нужно, приведите и содержите свою любимицу под этим навесом сарая! Говорят ведь, с милым рай и в шалаше. А в дом...

Сариван вышел во двор, прищурился на заходящее солнце и топнул на разошедшуюся Укахви:

— Прекрати, невестка! И ты сама была молода. И ты выходила замуж, нашла счастье. Не запрещай сыну жениться на любимой.

— Да, было. Но мы, как нынче девки, до замужества не носили в подоле ребенка. Перед мужьями до смерти верны и чисты.

В дом они зашли расстроенными. Возвратился с работы отец. Разговор не вязался.

После ужина Иван отправился в свой деревенский клуб. Сегодня там дают концерт строители газонасосной станции. В хоре он заметил свою Марьяну. Как ей к лицу украинский национальный наряд! Если ее одеть сейчас в чувашский наряд. Мать свой набор одежды: шюльгеме, масмак, сурбан, ама, теветь хранит для будущей невесты. Вот она, будущая невеста, вдохновенно поет:

Через горы, степи, дали,
Через тысячи болот
Газ сибирский, магистральный
В Уренгое путь начнет.
Уренгой, Уренгой,
Породнились мы с тобой.

Рядом с ней на гармонии аккомпанирует Арзюк Ламсур. Голос Марьяны приподнятый:

Газ сибирский, магистральный
В город Ужгород придет.
Город Ужгород родной,
Породнились мы с тобой.

Иван Сариванов тоже, вместе с друзьями приветствуя их, аплодировал им до боли в ладошках. После концерта Марьяна вышла вместе с Иваном. В темноте до «городка» газовиков за ними следовала одна тень. На повороте с дороги к «бочкам» послышался угрожающий голос:

— Берегись, Сариванов! Все равно отомщу тебе за то, что отнял мою майру!

Ламсуру никто не ответил.

Иван Сариванов не встречал работы горячее, чем на перекрытии Волги, но ему сейчас кажется, что на трассе она еще напряженнее. И из Москвы, и из Куйбышева одно и то же распоряжение: быстрее! быстрее! Чтобы завершить магистральную трассу на территории Чувашии к 60-летию СССР коллектив потока Лебеда выкладывает все силы. Бригады электросварщиков борются за «красный стык» на берегу Суры. Пока впереди идут саривановцы.

«Красный стык» для всего коллектива потока считается последним — главным стыком. После его сварки сто двадцати семи километровая труба между Волгой и Сурой станет одной длинной плетью. Тот день для них явится как праздник. Не зря же назван он почетным «красным стыком».

— Иван Иванч, скажу-ка я тебе одно секретное слово, — щетинистой бородой Павлов ощутимо задел по его лицу. — Интересная идея родилась в моей дурной башке.

— Что еще, дядя Андрей? — Сариванов ладонью провел по месту, куда щекочуще коснулся сварщик, и вопросительно посмотрел в его глаза. — У тебя голова не дурная, золотая.

В таких случаях Павлов некоторое время стоит молча, схватит левой ладонью подбородок, уставится в землю, лишь затем поднимает голову и чуть поклонит вбок, прищурит глаз и заговорит, изображая задумчивое лицо. Вот и сейчас...

— Дурная ли, умная ли, потом видно будет, — Павлов постучал пальцем по широкому и высокому лбу, испещренному глубокими морщинами. — Мне показалось, что в этом кузовке вчера будто бы сверкнуло золото. Если я не ошибусь, то его свет нам должен открыть дорогу. Вот что, Иван Иванч. Река Сура уже на носу. На том участке ее пойму весной заливают вода, нам следует проложить пять километров труб. Это место решено засыпать песком и уложить там бревенчатую дорогу. Но когда же она будет готова, а? Кто ее проложит, скажи-ка?

Сариванов ответил так:

— Борис Михайлович начал ее устраивать. И нам тоже придется вмешаться в это дело. Иначе не успеем к намеченному сроку.

— То-то, никак не успеем. Законы природы нам не подчиняются, братишка, свое делают, ни на секунду не остановить время, все движется вперед. И новый год подходит. А сколько нужно успеть! Если бестолковой спешкой не насмешить людей, нам немедленно следует заварить плети по двести метров длиной. Два трактора — «трубача» по лежневке смогли бы их затащить туда. Правда, более двухсот тонн... Расчет опять сделан

тут, — показывая пальцем на лоб, довольно улынулся Павлов. — Ошибки не должно быть.

Это предложение заставило задуматься и Ивана. Сам он ни за что бы не додумался до этого. Ха, Павлова, вон, осенило. На какой трассе только не работал он. Опытный специалист видит то, что другие не замечают, додумается до того, о чем другие и не догадываются. Начальник потока Лебедь тоже одобрил это. После смены он долго разговаривал с Павловым. Теперь до Сариванова дошло: в голове дяди Андрея, как он пошутил, действительно «играло золотое зерно». После этого Борис Михайлович подробно объяснил коллективу, что-то нужно делать для этого.

— Чем возиться с болотной лежневкой, лучше Деда Мороза дожидаться, — с сомнением сказал Горохин. — Придут трескучие морозы, и дорога готова для «трубачей». Зазря тратя силы и материал...

Сидящий рядом Павлов дернул его за рукав.

— Эх, с тобой, хочется поругать тебя за пустословие. Лучше думай три года, сто раз проверни в голове, только тогда выйди к народу своими соображениями. Ожидая от Деда Мороза ровного асфальта, что нам, лучину грызть. Природа не предсказуема. Тут я расспросил местных жителей, они не обнадеживают трескучих морозов и полного замерзания поймы Суры. Иногда, говорят, несколько зим подряд до конца декабря не замерзает шире ладони. И нынче прогноз ненадежный. Прежде чем дать добрый совет, начальство, наверное, крепко подумало. Надо согласиться, и дорогу проложить, и трубы сваривать в то же время. За это я голосую двумя руками.

Толя Горох сердито посмотрел на Павлова и отошел от него в сторону. Дальше говорил Лебедь.

— Желание у вас большое, товарищи. Это хорошо. Но у будущей работы есть одна удручающая сторона. За прокладку лежневки в Засурье не можем достаточно платить вам. Почему-то сметой не предусмотрена она. Поэтому никого не будем насилу принуждать работать.

Таким образом трудиться после смены и в выходные дни согласились без лишних слов не только сварщики, но и изолировщики, бульдозеристы, машинисты автокранов, шоферы. Лишь Анатолий Горохин из бригады Сариванова нашел причину уклоняться от дополнительного «вкалывания». Говоря, что больна мать, ездил в деревню.

— Ты удивляешь меня, Толя, — сказал ему однажды Иван, не веря товарищу. — В другой раз ведь никуда не торопишься. И на прошлой неделе, наверное, соврал.

— Хорошо что твоя мать здорова, нет никакой заботы, — ответил Горохин.

— Лучше тебя знаю, что старого человека нужно уважать, помочь ему, все же почему-то не верю тебе.

— Для тебя белое всегда кажется черным, видимо. Слишком повсюду суешь нос. Будто не работаю. Норму выполняю не хуже других. Что тебе еще надо?

Бригадир не стал ему объяснять до конца, махнув рукой, отстал от него. В понедельник Толя возвратился из деревни очень утомленным. Сварочные дела его шли не так важно. Чтобы швы не оказались бракованными, пришлось дополнительно потрудиться за него Ивану. Сжав зубы, он выдержал.

В течение недели они перетаскали бревна и уложили в лежневку, провели дорогу для заезда техники. Никто не стал жаловаться на трудности. Все воодушевились оттого, что работа пошла споро. Только Толя каждый вечер ездил в деревню.

В один выходной день бригада решила неожиданно навестить мать Горохина. Не говоря об этом Толе, закупили гостинцев, после обеда на своем автобусе выехали туда.

Подворье Горохиных очень добротное. В избе встретила их совершенно здоровая проворная женщина лет пятидесяти. Это оказалась мать Толи. По ее словам, она еще не оставила работу, а насчет болезни... «В роддом да к зубному ходила я, когда приспичит», — похвасталась она. Вот тебе «больная пожилая старушка!» Взяла подарки и от души поблагодарила, затем усадила за стол и угостила питьем и жратвой очень обильно. Чувствовала себя неловко, что нет сына дома. Когда собрались в путь, на улице кто-то шепнул, что он на свиноферме устанавливает отопительную систему. Вот почему он удирал от них, калымит, значит.

Саривановы отправились на ферму. Горохин не сразу заметил их, когда на время отключили сварочный аппарат, снял маску и, завидев сгрудившихся перед ним товарищей, вздрогнул, от стыда ли, опустил голову.

— Ах, тебя, жадюгу! Опять тебе не хватает денег! Когда весь народ в Засурье выполняет полезное дело... — погрозил кулаком Сариванов. — Издавна люди советовали не отрываться от артели.

— Своим свободным временем сам хозяин, положено по трудовому законодательству, — пробормотал Толя Горох ни на кого не смея больше взглянуть. — Раз договорился, должен завершить. У меня тоже шефство над родным колхозом, если хотите знать...

Андрей Павлов чуть кривыми ногами проплясал вокруг него и, склонив голову в бок, сказал:

— Ты что забыл, кто мы? Коллективную, хоровую песню нужно мурлыкать, сынок. Без этого далеко не уйдешь вперед. Если бы сообщил нам, мы бы всей гурьбой нагрянули и мигом справились. Как в детдоме. Где сплоченность — там сила, говорят. Теперь вот не знаем, как поступить с тобой... Хочешь жить сам по себе, да?

— Говорят, одному лишь блины есть удобно, — послышалось сзади.

— Еще говорят, за столом и каша не вкусна одному. И такое я слышал, — добавил Павлов. — По-моему, как сорняка из поля, тебя надо прогнать из коллектива. Ты нас предал в трудное время. А предателей народ судит строго. Давно говорили, один человек один след оставит, сто человек проложит дорогу. Заруби это на своем приплюснутом носу.

После этого некоторые стали сторониться Горохина, говорить с ним откровенно. Помня слова председателя совета бригады Павлова, хотели избавиться от него. Другой бы от стыда сам оставил бригаду. А Толя как ни в чем не бывало трудился, понунив голову. Сариванов с Павловым тоже не стали вновь поднимать этот вопрос. Все же Иван решил не бросать товарища-учителя, постепенно прочистим мозги артелью, думал он. К тому же, где найдешь сразу такого опытного сварщика. Иногда и с чертом приходится соглашаться ради общего дела.

Как ожидал Горохин, Дед Мороз не помог им. Погода как-будто издевалась над ними, стояла сырая, снег лег на недостаточно замороженную землю. Экскаваторы рыли землю, бульдозеры толкали песок и укладывали в кучу, лесоповальные машины занимались своим делом.

Пока прокладывали лежневку, сварщики не сидели без дела. На песочной косе сваривали трубы в длинные плети. Двадцать пять двухсотметровых плетей уже готово. «Доктора» трасс рентгеновским аппаратом и гамма-дефектоскопом тщательно проверили каждый шов, старательно искали какой-нибудь-то изъян, но придаться было не к чему. Саривановы не допускают брака.

Вскоре началось наступление на Засурье. Операцией руководил сам начальник потока Лебедь. Поднимая длинные плети, «трубачи», медленно-медленно продвигаясь, заезжают на лежневку. Вот, временная дорога на одном месте начала проваливаться, вместе с передним трактором труба покосилась-покосилась, и чуть было не перевернулась под тяжестью. Борис Михайлович не успевает вытирать чистым платочком пот с лица. Выстреливая густые клубы дыма из выхлопных труб, «трубачи» продолжали продвигаться вперед. Трактористы очень осторожны. Дотащили до намеченного места и медленно уложили плеть, затем затархатели обратно. Тонкое место заполнили песком, добавили бревна. После подремонтирования дорога стала «ровней». Сварщики соединили плети, за ними изолировщики одели трубы в «шубу». Намеченная на неделю работа протянулась на десять дней. Откуда-то свалился буран. Все равно не сдались люди, преодолевая холод, пронизывающий ветер, снег, упорно продвигались все вперед и наконец достигли берега Суры.

В середине декабря устроили воскресник. Посвящая свой труд юбилею Советской страны, в тот день работали с особой приподнятостью. «Красный шов» варили Иван Сариванов, Андрей Павлов и Валерий Корягин. Стальная труба соединилась с проходящей по Горьковской области ста сорока километровой трубой.

— Иван Иванч, ты слышал, что коллективный кулак крепче стали? — спросил Павлов, вытерев вспотевшее лицо концом рукава.

Кладя маску на трубу, бригадир ему ответил:

— Слышать-то не слышал, дядя Андрей, но теперь понял одно: трудности легче преодолевать коллективом.

— Так оно, братишка, — не скрывая радости, заулыбался Павлов. — Правильно сказано, что в одиночку не согнешь дугу. Какую работу мы

выполнили скопом. Поглядит другой — удивится. Да и верно, где единство — там сила.

Герои потока Лебеда завершили участок магистральной линии первой очереди. Все работы не завершены полностью. Осталось проложить трубы под железнодорожными рельсами и под шоссевыми дорогами, стыковать на возвышенных местах. В центральные области своей страны нужно проложить еще два трубопровода. И к ним приступили было постепенно, одновременно с другими работами. Бригада Ивана Сариванова завоевала диплом первой степени Чувашского обкома комсомола. Прибывший на стройку секретарь обкома их поздравил с победой. Тогда-то и узнала молодежь новость. Вскоре большая группа экскаваторщиков, сварщиков и изолировщиков должна выехать в Тюменскую область. Туда, на место добычи Уренгойского газа, на прокладку труб на выбор отправляют самых опытных. В их число входит и бригада Сариванова. Чувашским газовикам выделили пятидесяти трех километровый участок. Иван был рад тому, что им доверили такую ответственную и почетную работу.

13

Еще при проживании в одном общежитии в Новочебоксарске Лебедь заметил сообразительные способности Ивана. Поэтому при разговорах не забывал напоминать молодому человеку о продолжении учебы. Предлагал для чтения книги из своей библиотеки. Ему нравилось увлеченное чтение Саривановым трудов Петрова, Бенардоса, Славянова, Патона о методах сварочного производства и их легкое запоминание им. Позже, когда перешли в трест «Куйбышевтрубопроводстрой», Борис Михайлович бригадиру сварщиков решительно сказал:

— В ряду инженеров мне хочется видеть и Сариванова. Может, помаленьку начнем? Куда-то ехать не нужно, тут же будешь учиться. Филиал Всесоюзного заочного политехнического института работает ведь в Новочебоксарске. В этом году меня самого приглашают туда помочь им с преподаванием. Давай, начнем варить новый шов — еще один значимый шов на новом жизненном пути.

Сариванов попытался отнекиваться, что перезабыл изученное, что нет времени. Лебедь просто не стал слушать его, заставил написать заявление и с документами за руку повел к руководителю филиала. Постепенно прошли и стеснительность, и боязнь. К экзаменам они готовились очень тщательно. При терпеливости и упорном настаивании Бориса Михайловича Иван за короткое время namного «поумнел». На экзаменах не посрамился. Получив зачетку в руки, от удивления сам себе не поверил. Пусть и заочник, он же студент! Дальнейшее зависит от него.

Собираясь в дальнюю дорогу Сариванов не забывал и о сессии, договорившись с преподавателями и получив разрешение директората, экстерном сдал два экзамена. К третьему усердно готовился, просиживая ночи и свободные часы.

Встретить Новый год Иван отправился в Приволжскую. Строители газонасосной станции собрались в столовой «Ужгород». Крутятся вокруг елки, держась за руки, Марьяна с Иваном радовались, чувствуя жар, идущий друг от друга. Участвовали в играх, танцевали, затем вышли на свежий воздух. Можно подумать, что Дед Мороз специально привел с собой эту ночь. Ближний сосновый лес, окружающие поля тихо дремлют. Снег идет крупными хлопьями. Дующий со стороны Приозерной тихий ветер нежно ласкает лицо. Неспеша разгуливали они по улицам Строителей, Монтажников. Вплоть до утра не зашли в «бочку». Перед расставанием накопилось у них много о чем говорить.

— Иванушка, на работе ты очень удалой. Наверное, тут вокруг другим далеко до тебя, — сказала Марьяна. — Но твоя смелость проявляется не во всем.

— О чем ты? — спросил Сариванов.

— О свадьбе.

— А-а...

— Ко дню строителей ты намеревался жениться. Не получилось. Затем отложил до Нового года. Опять осечка вышла. Состаришься, слушая мать.

— И матери надо слушаться, Марьяна, зачем доводить ее до слез, не надо обижать. Назначаю последний срок — весной. Вернусь из Севера и...

— Что не досказываешь, говори, говори.

— Вернусь и... Поженимся, не обращая на родителей моих внимания. Ты же сказала, что тебе дадут квартиру. Вот и перейду жить к тебе.

— Войдешь в дом мужем к женщине с ребенком? Не струсил?

— Да, Марьяна, войду. Вот съезжу за полярный круг.

— Хорошо, если не забудешь меня до этого. А вдруг какая-нибудь чукча устроит тебя в ярангу главным истопником, а?

— Все может быть, — засмеялся Иван.

Марьяна тоже захохотала.

Глядя приветливо в глубокие глаза любимой женщины, Сариванов сказал:

— Ладно, пусть с ребенком. Что, женщине с ребенком жить без мужа что-ли? Одной вековать век? Сама живи прилично. Поменьше пой песни, разгуливая с гармонистами...

— Ты и ревновать умеешь?

— Умею, Марьяна, умею. Забывая, что было раньше, мне теперь хочется вести тебя лишь рядом с собой.

— Что же было у меня, Иванушка?

— Ребенок. От кого — того не знаю.

— Если хочешь знать...

— Нет, нет, не говори. Не заставляй ныть сердце, тем более, на далекой вахте. Лучше будет, если не буду знать, кто его отец. Не будешь знать — слово кратко...

— Ладно, в таком случае, — опустила голову Марьяна. — Не скажу. Ничего. Моя воля, моя судьба.

— Не обижайся. Встретим Новый год в настроении, — обнял и поцеловал ее парень.

На той же неделе Сариванов с товарищами отправился в дорогу.

14

В первые дни Марьяну томила тоска. В голову приходили разные мысли. Даже упрекнула себя, что не открыла Ивану правду. Все же можно было терпеть. Хотя, в последнее время Сариванов часто заводил разговор о создании семьи. Может быть, он догадается, что у Марьяны его ребенок, в то же время ей кажется, что он согласен жениться на ней. Не стал бы врать. Эх, если бы знал он точно, что белобрысый Иванушка его сын! Поверил бы? Должен поверить. Марьяна не сообщила ему еще один секрет. Она желает родить еще одного ребенка. Любовные игры только наслаждением не проходят. Давно мечтала иметь дочку. Если родит, то назовет ее именем матери — Катериной. Не желая заранее пугать парня, не стала раскрывать свою мечту. Подумала, чтобы он успешно вкалывал на Севере, быстрее сварил трубы и вернулся здоровым. Лишь бы прежнее намерение свое не изменил. Марьяна сейчас очень готова выйти за него замуж, крепко связать с ним свою жизнь, судьбу. Иван не болтающий попусту, а душу отдающий работе человек. Она надеется, что из этого чувашского парня выйдет славный муж, прекрасный отец. Но до этого долго надо ждать, много думать, ломать голову, страдая, причинять боль сердцу. Еще — не все задуманное исполнится. Говорят, счастье не яблоко, его не возьмешь, лишь протянув руку.

Хорошо еще, что у нее не осталось времени томиться тоской. Ей доверили новую, более ответственную работу. В строительстве станции участвуют пятнадцать организаций. В каждой из них есть коммунисты, число их переваливает за восемьдесят. Поэтому обком партии в целях объединения этой силы предложил создать на стройке временную парторганизацию. Руководить ею понадобился смелый, решительный, твердохарактерный, в то же время посвободней в работе человек. Среди предложенных кандидатов Стасына оказалась более подходящей по всем параметрам. Прибывшие из обкома и Вурнарского райкома поговорили с ней. Марьяну от такого неожиданного поворота вначале бросило в дрожь, как в лихорадке, попыталась отказаться, дала согласие лишь перед общим собранием. Боялась, что не справится. Помогли настояние Славина и уверенный разговор. Украинка от всего сердца уважает Владимира Васильевича, очень благодарна ему за то, что поддержал ее в трудные моменты в жизни, что постоянно защищает ее как сестру, вставая в ее сторону. Для нее Славин не только надежный муж ее сверстницы, но и близкий друг. Надежный друг — самое большое богатство. Ей кажется, что эти слова в народе сказаны и в адрес Славина.

После собрания провели заседание партбюро, и таким образом Стасына стала секретарем. Теперь у нее забот прибавилось. До этого она без происшествий проводила время в диспетчерской и после смены запиралась в «бочке». Кроме личных забот, ее ничто слишком не беспокоило. В дальнейшем и она — ответственный за всю стройку человек. Все вопросы решает наравне со Славиными. А на магистральной трассе очень ответственный период. Чтобы к весне завершить прокладку труб на отведенном им участке, Иваны на Севере, наверное, трудятся не покладая рук и не зная отдыха. И тут ускоренно поднимают здания станции. Но и время пуска трассы безжалостно приближается. Ее беспокоит, что поток Лебеда может обогнать их. Пожалуй, трубы будут готовы к эксплуатации, а если сердце трассы — «сердце» — не застучит. Для него нужны трубоагрегаты. Поставят ли их в срок питерские мастера? Чтобы по пути борьбы все двигалось в унисон, как в спорте, необходим эстафетный порядок. Почему бы не подключить к нему каждую организацию, в том числе, и Невский коллектив?

С этими мыслями зашел к секретарю партбюро Славин. Рядом со штабом стройки Стасыне поставили специальный вагон. Здесь сейчас действует штаб партии. На звук открываемой двери секретарь подняла голову и тут же встала, подала руку Владимиру Васильевичу и почувствовала силу мужчины; затосковавшее горячее тело само по себе вздрогнуло и, подавленное внутренней силой, тормознуло перед моральной чертой.

— Я тут, вот, — встрепелась она и взяла со стола исписанный листок бумаги, — у меня тут в составе бюро основательные люди, каждый прикреплен к трудному участку. Мне рекомендовали в первую очередь обратить внимание на организационную и идеологическую работу. Так, видимо, оно и должно быть. Если не сумеешь создать строгий порядок, не сможешь направить сознание народа по нужному руслу, не жди ничего хорошего. Вам я...

— Ха-ха-ха-ха, — так длинно и смачно захохотал начальник потока. — Ну и парторг... Не успела сесть за новый стол, уже стала цитировать пустозвонные лозунги, не идет это тебе, ты не лидер и не партократ, а простой член нашего рабочего коллектива, давай уж говорить по-простому.

— Хотя по ихнему, хоть по-нашенски, — мужчине прямо стрельнула глазами Стасына, — а все же, вам я, не считайте за лишнюю обузу, все же хочу поручить незначительную нагрузку. Вы ведь мой заместитель, сейчас много шумят о «рабочей эстафете».

— Знаю.

— А почему-то до сих пор не дошло это течение до нас?

Пришедший как раз по этому поводу Славин, открывший было рот, лишь сухо кашлянул и стал слушать Марьяну дальше.

— И секретарь обкома сегодня в Чебоксарах напомнил об этом. Вам, Владимир Васильевич, придется помочь организовать эту эстафету. Видите, как командует эта женщина — ваша подчиненная по работе? Извините уж. Вы же сами выдвинули и сами же коллективно проголосовали за меня. Теперь мне же придется подчиниться коллективному мнению и подчинить вас этой

силой. Ой, сама не понимаю, какой я стала властной бабой. Что молчите, не нравятся женские распоряжения?

От растерянности Славин снова рассмеялся, не сообщив, с чем он пришел, сказал так:

— Марьяна, ты словно «царица майра». Давай, пользуйся сполна своими правами. не дай заснуть никому. Нам нравится твоя распорядительность, строгое требование от нас, твоя настойчивость.

После обсуждения совместно, как лучше организовать эстафету рабочих, этот вопрос рассмотрели на заседании партийного бюро, затем предложили высшим органам.

В отправляющуюся в Ленинград группу вошла и Марьяна Стасына. В объединении «Завод на Неве» одобрили предложение газопроводчиков из Чувашии, приняли соглашение о сотрудничестве. В нем расписалась и секретарь партбюро объединенной парторганизации. Теперь и Марьяне придется приложить немало сил, чтобы вовремя уложиться в намеченные сроки. Она от всей души рада тому, что участвует в этом значительном всесоюзном мероприятии.

Возвращаясь из Ленинграда, она решила заехать домой. Приехав в Золотоношу, спокойно шла по улице. Услышав сзади сигнал машины, мигом уступила дорогу. «Жигули» остановились рядом. Из машины вышел растолстевший Ковальчук, приветствуя Марьяну, протянул руку. Марьяна не ответила взаимностью, намереваясь продолжить свой путь дальше, но тот успел схватить ее за рукав:

— Подожди, Марьяна, есть разговор.

— Какая срочная новость, Артем Остапович?

— Эх, Марьяна, Марьяна, не могу забыть тебя. Не наладилась у меня счастливая жизнь. На тебя же нужно было жениться. Никто бы не знал, что ребенок твой от другого человека. Рос бы он. И ты бы не скиталась по миру. В Золотоноше, в Черкасском крае, ходила бы королевой. Что у тебя есть сейчас? Сын тут, сама — у черта на куличках...

Марьяна посмотрела в его бесцветные глаза и сказала:

— Не любил ты меня, Артем Остапович. Если бы любил, то не стал бы тогда избегать меня, как чумную. Душа у тебя скрытая, сердце каменное. Хочешь устраивать жизнь на деньгах, на золоте. Я ничуть не скитаюсь по этой земле. Я работаю и живу не среди таких людей, как ты, а среди сильных, смелых людей и в коллективе людей с богатырскими сердцами и орлиными душами.

— По словам матери, ты тем не менее не вышла замуж.

— Нет, не вышла. Одинока. Но вскоре выйду.

— За кого же.

— За своего же парня. За отца сына своего. За того Иванушку, который не сумел украсть меня у тебя в Чувашии. Он согласен. Говорят, где теряет трусливый, там найдет смелый. Понятно?

— Жаль, жаль, я хотел было предложить тебе руку и сердце. И с матерью твоей договорился. Она не против. Я, знаешь, какой богатый...

— Ой, без меня выдают меня замуж. Ты что, забыл, как я встретила твоих сватов с тыквой? Марьяна никогда не выйдет встречать их с вышитым полотенцем на подносе.

Артем Осипович скривил губы, будто набрал в рот стручок перца.

— Вкус тыквы до сих пор во рту, — сказал он. — Тем не менее, Марьяна, для тебя я не такой уж чужой человек, жили, гуляли вместе, любили...

— Ой, пожалуйста, не поминай о любви. Женатому человеку не к лицу такая болтовня.

— Нет у меня жены. Развелись мы. Теперь живу один. Садись, поедem ко мне. Если согласишься, тут же станешь хозяйкой квартиры. Что мыкаться зря по свету. Можешь привести ребенка своего. Даешь слово? Слушай, будешь жить как царица украинская.

— Не желаю быть украинской царицей. Я сама — королева. Меня на работе так и зовут: «королева-майра», «царица-майра».

— В Чувашстане королевой стала, значит... с каким-то для меня неизвестным придатком «майра».

— О-о! Майра у чувашей не оскорбительное наречие. Я узнала об этом и привыкла. Издревле чувашки женщину не своей национальности, особенно русских жительниц, барышень, прозвали майрой. И я, значит, для них — настоящая «королева-майра»: и по духу, и по одежде. Понял, черкасский козак? Я несколько не несчастна. Опоздали мы с тобой с женитьбой. Да и женившись, не видать нам счастья. Как же жить с нелюбимым человеком? Ищи другую бабу. Чем откусить горестный пирог, лучше жить на хлебе и воде. Будь здоров.

— Продажница ты, Марьяна, бросила нашу любовь, родной край, мать и дитё, связала свою жизнь не знай с кем-то, с каким-то шоферюгой, с какой-то российской глухоманью. Ох, от москалей какая беда обрушилась на мою голову. Помни, ты же дочь кобзарей. Неужели не дорога тебе золотая Украина? Опомнись.

— Я пока в своем уме же. Я останусь украинкой же — хохлушкой же. Я не забыла еще Тараса Шевченко. Послушай:

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли.
Пускай и так!.. Мать не родную,
Пришлось нам уважать — чужую!
То — воля божья! Нужно ждать!
Смириться и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,
Друг другу обещанье дать

Любить свою Украину... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать...

Между ними мгновенно опустился занавес трагедии. Марьяна Стасына прошла по своей дороге. Через некоторое время «Жигули» обогнали ее с длинным гудком.

Свидевшись с матерью и сыном, у нее поднялось настроение. В разговоре, к слову, мать все же напомнила ей о Артеме Ковальчуке. Марьяна ничего не скрыла, откровенно изложила ей о своих будущих намерениях. На самое удивление, она прекрасно представляет свое будущее, крепко надеется. Знает, что Иванушка- Сариванушка ждет с нетерпением. Надо забрать сына. Но там кто же будет ухаживать за ним? У нее самой почти нет свободного времени. Мать не хочет оставить дом и ехать в чужбину.

15

Оказывается, не так-то легко добираться до Уренгоя. Приземлившись на самолете в аэропорту Медвежье. Саривановы направились в поселок Пангоды Надымского района. Построенный в 1979 году на берегу реки Тынды в Ямало-Ненецком округе «городок» встретил их веянием тундры. Когда переходили полярный круг, Иван до рези в глазах всматривался в надежде увидеть пик земли. Но... и здесь, как и в других местах, нет особых границ, напоминающих о каком-либо пике. Вокруг белым бело от снега, низкие деревья, болота, реки. Только на карте можно увидеть эту жирную черту.

Зима тут нынче настала позже обычного. Из-за отсутствия трескучих морозов болота не замерзли. Потому трубоукладчикам пришлось подождать. Только в нескольких километрах от полярного круга установлена выкачивающая газ установка. Руководимый Лебедем коллектив прибыл туда в намеченное время. Вот отсюда-то подземная мощь должна потечь по трубам с большой скоростью. «Если ждал около пяти миллионов лет того момента, когда вырвешься из-под земли, то подождешь еще несколько месяцев, уважаемый Голубой друг, пока мы не проложим более пятидесяти километров труб», — сам с собой разговаривал мысля Сариванов.

На собрании единогласно приняли: как и на земле Чувашии, и тут прокладывать не менее одного километра труб в сутки. Таким образом, прилетевший с берегов Волги «караван лебедей» начал обустраиваться на берегу реки Надыма, свить гнездо и подготавливать фронт работ. Вскоре прибыли орудия производства и техника.

В бригаде Саривановаа одиннадцать сварщиков. Все — высококвалифицированные специалисты, надежные умельцы. Тем не менее Иван побеседо-

вал с каждым по отдельности. Убедился, что никто не будет роптать на бытовые неудобства и трудности на работе. И Толя Горох скрытно не отлучится на калым. Здешняя работа сварщиков намного труднее прежней, во всем своеобразна. Там толщина 1420 диаметровой трубы была 17,8 миллиметров, а тут доходит до 19 мм. И погодные условия другие. Поэтому трубы соединяют электродами «Фокс» и «Шварц».

Бригада пользуется двумя станциями, питающими сварочные агрегаты током. Там установлены моторы мощностью в сто лошадиных сил. На нагретые пропаном концы труб Горохин и два сварщика электродами «Фокс» сверху вниз кладут коренной шов. Один изнутри трубы подравнивает этот шов. Сариванов и Корягин электродами «Шварц» покрывают коренной шов основным швом. Пока они переходят на другой конец трубы, Павловы со второй станции успевают сварить коренной шов. А эти начнут варить электродами «Шварц» основной шов. Вот так поочередно передвигаясь коллектив работает слаженно. В первый день, соединив пятнадцать стыков, бригада проложила около полкилометра труб. И другая бригада проложила столько же. Намеченного не смогли выполнить, но ребята не пали духом, постепенно привыкая, начали ускорять темп, в то же время больше всего старались за качество.

На Север лишних людей не посылали. У каждого свое ответственное место. Все равно находится какая-нибудь лишняя работа. К примеру, привезут изоляционные материалы для покрытия труб сверху, или другое, то разгружать выходят все, вплоть до начальника потока. Толя Горох вначале попытался было отлыниваться, но как только пригрозил ему Лебедь, то быстро вылечился от «болезни». «Мы закрываем один наряд, по нему каждый получает одинаковую зарплату. Но кто боится лишней работы — тот подводит коллектив. Тут у нас как на войне, если хотите знать, жарко как на Курской дуге!» Сказанные Борисом Михайловичем эти слова, видимо, каждый принял близко к сердцу. Больше никто не стал уклоняться. И Горохин, вероятно, испугался, что его могут прогнать. Где он заработает полтора тысячи в месяц! Коллектив стал «шагать» больше километра в сутки. Сумели сварить и двадцать один стык. Ведь к весне на этом болотистом месте надо успеть проложить трубы.

От сварочного дождя снег вокруг шипит. Над головой висит северное сияние. Как свет радуги, оно многоцветно, иногда спускается до земли. Ивану хочется потрогать его рукой, но как только потянешься к нему, оно убегает вверх. Сияние пляшет бликами. Отсветом разряженных слоев воздуха от попавших в атмосферу из космоса протонов и электронов отражается северное сияние. Об этом Сариванов когда-то узнал из книги. Теперь он видит его своими глазами, удивляется и радуется. Поставить бы сейчас рядом с собой Марьяну и показать эту красоту природы, но она очень далеко от него, их отделяют друг от друга две тысячи триста шестьдесят девять километров. Северное сияние вьется над головой в десятках, сотнях километрах. В памяти он все равно повезет его домой, расскажет о его необычной красоте.

В тот день он как раз получил письмо от Марьяны. Стасына сообщает ему хорошие вести. Пишет о том, что ее избрали секретарем временной партор-

ганизации, что в составе делегации газовиков ездила в Ленинград, что на обратном пути заехала в Золотоношу, о делах строителей станции. Письмо Сариванов прочитал несколько раз, слова «Жду с нетерпением, твоя верная Марьяна» повторил в уме раз за разом.

Ободренный парень поспешил к Борису Михайловичу, чтобы передать радиogramму в Приволжскую на имя Марьяны Стасыны, после него отправил письмо.

Дела шли нормально, не возникло никаких недоразумений. В свободное время играли в разные игры, смотрели кино, наслаждались выступлениями артистов, специально приехавших к ним из Москвы, Тюмени, Ханты-Мансийска. Иван подряд читал тома Джека Лондона. Настроение у него приподнятое. Но его спокойная жизнь вдруг окончательно была подорвана прилетевшим как черный ворон письмом. Ламсуркин сообщает ему дурную весть о Марьяне. Будто к ней ходит председатель колхоза из Приозерной...

Сариванов вначале подумал было, что Арзюк сплетничает в целях отмщения ему, но душа была потревожена, сердце заныло. Об этом председателе и сестренка Валентина напоминала однажды... Какие только мысли не лезут в голову, перед глазами встают обнимающиеся и целующиеся председатель и Марьяна. Язык сплетника словно жало змеи, расшатывает ядом. Ведь и работа валится из рук. Лебедь заметил его расстроенное состояние, поговорил с ним по душам. Иван не стал раскрывать свою сокровенность ни ему, ни другим, решил не выдавать лишнего из своих взаимоотношений со смачной хохлушкой, а пережить и заглушить в себе. Но переживания оставались. Получив от Марьяны другое письмо, он от злости тут же разорвал его, даже не прочитав. Почему-то не смог пересилить ревность. И горячий парень с крепкой душой повесил голову перед глупостью. Железо ест ржа, а сердце — горе, так говорили, наверное, не зря умные люди.

При свете северного сияния как никогда усерднее и ускоренной трудились герои Лебеда. Коллектив уложил трубы в два раза больше намеченного. Их стараниями пролегли сто километров труб. В социалистическом соревновании министерства вышли вперед. С каким приподнятым настроением возвратились они с Севера на Волгу! Развевая по всему Союзу переходящее Красное знамя! Лишь Иван не замечал ни победного азарта, ни признаков весны. Отказался поехать с товарищами в Чебоксары, три дня провалился в «бочке» в Лебедином, изматывая свое сердце.

Конечно, споря с Толей Горохом, немножко успокоил душу. После возвращения с Севера всем предоставили недельный дополнительный платный отпуск, но Горохин по-своему использовал это время, в соседней деревне смонтировал в частном доме отопление, называемое в народе паровым. Вернувшись оттуда, он за столом стал считать калымные деньги. Иван отложил книгу и спросил у него:

— Хоть шикарный костюм купил бы себе? А то у тебя всегда один наряд.
— Какой еще костюм мне тут нужен? — махнул рукой Горохин. — Днем на работе, вечером в постели. Мне некуда идти. Куда-нибудь выходить есть одна одежда.

— Помнишь ли, когда ты покупал этот костюм?

— Когда втроем вместе начали жить.

— Шесть лет прошло с тех пор. Замаслился и затерся, стал блестящим. Ладно, мы сами подарим тебе, купим всей бригадой, скряге.

— Что тебе надо от меня? Я сам себе хозяин. Свои деньги сам зарабатываю.

— Еще раз напоминаю тебе, не знаешь ты цену деньгам. Толя.

— Сколько больше у меня денег, столько лучше чувствую я себя.

— Дурак ты. Раб денег. Заработав за три месяца на Севере пять тысяч рублей, не хочешь ничего покупать. Что будешь делать с лишними деньгами?

— В сберкассе будут лежать.

— Пустые деньги они у тебя. Каждый заработанный рубль должен идти на развитие самих себя, на нормальную жизнь. Лично я стараюсь делать так. Много не коплю. А у тебя, дружок, они и без пользы провисают в воздухе. Эх, нашлась бы по твою душу какая-либо загулявшаяся баба...

— Если женюсь, то пропаду я. Боюсь женщин. Промотает она мои деньги. Мучаешься-мучаешься и...

— Так живи в одиночку. Работай, копи. Так и умрешь под ними.

— Нет. Не умру. Не хочется умирать. Если тут начнут мало платить, перейду на другое место. Все равно накоплю. Много-много... А там...

— Миллиардером станешь?

— Хотелось быть. Обязательно. Во сне снится...

— А мне хочется смеяться над тобой. Ты ведь живущий ради денег без всякого интереса человек, дрожащий как хвост овечки. Газету не возьмешь в руки, книг не читаешь, наши слова в ум не берешь. Превратишься в шлак наподобие шлака от железной руды или от сварки.

— Не оскорбляй, лучше скажи сколько стоит ливерная колбаса? Домой надо взять.

Сариванов в усмешку ответил:

— Не могу сказать. Не покупал, а другое кое-что сколько стоит, сообщу: шоколад — полтора, колбаса полукопченая — 2, селедка — 2, водка — около шести, цветы для девушки — 5, носки вон, дырявые еще с Севера — 2, ковер, дома у вас нет, — 800, телевизор — 600—800, домой кататься машину выби-рай: «Волга» — 15 тысяч, «Жигули» и «Москвич» — по семь тысяч, «Запоро-жец» — 5 тысяч, мотоцикл «Урал» — около двух тысяч р.

— Ой, прожужжал, отложу-ка рубль на ливерную колбасу и... хватит, — Горохин досчитал деньги и положил под постель, сам разделся и лег. Сарива-нов не стал мешать ему, продолжил вникать дальше в теорию электротехники.

О возвращении команды Лебеда домой Марьяна узнала в тот же день. Вечером она стала ждать Иванушку, сходила в баню, прибралась, приготовила смешанную украинско-чувашскую закуску, поставила на середину стола бутылку «Столичной» водки. Но любимый почему-то не явился. Думая, что он мог сначала посетить деревню и вот-вот прибежит через огород, долго смотрела в окно. Нет, не дождалась.

Всю ночь бредя несусветными странными снами, Стасына плохо выпалась, на работу пошла в подавленном настроении.

Лишь на стройке некогда горевать. Сегодня, в среду, заседание штаба, начальники участков и подразделений, участвующих в строительстве станции «Приволжская» докладывают о проделанной работе согласно графику «неделя-сутки», отмечают передовиков соревнования и отстающих. Иногда тут разгораются страсти как ураган. Бывает, есть отчего переполошиться. Их заказы стараются выполнить многие отдаленные заводы и поставлять их в срок. Вот, с Прибалтики прибыли однажды железобетонные лотки. Они нужны для подземных коммуникаций. Каждый на счету. Но шесть из них, то ли при разгрузке, то ли после, разбили и утопили в грязи. Стасына начала говорить о них, желая найти виновных. Спорили-спорили, но ни к чему не пришли. Придется теперь заказать их вновь. Так теряется дорогое время. Не разрешенные в штабе вопросы она, конечно, вновь поднимает на заседании партбюро, и этот не оставит так.

С берегов Невы пришла хорошая весть. Ленинградские мастера сообщают, что трубокомпрессоры пришлют на два месяца раньше намеченного срока. В связи с этим строители должны ускорить темп работы. Не может помешать этому несвоевременный привоз материалов и в недостаточном количестве. Поэтому перед начальниками строителей и монтажников поставили жесткие задачи. Из Горького прибыл представитель дирекции, занимающейся вопросами прокладки газовых труб. Он предложил продлить эстафету труда. Кроме предприятий Минэнерго решили договориться в дальнейшем с Череповецким и Магнитогорским металлургическими комбинатами и Ташкентским экскаваторным заводом.

Дни проходят незаметно. Чуть освободившись, Стасына не выдержала, выпросила у Славина легковую автомашину и помчалась в Лебединый, нужную ей «бочку» разыскала на улице Северное сияние. Так называли, видимо, недавно. Сариванов говорил, что живет в переулке Южном. Марьяна боязливо постучала в дверь, несмело зашла вовнутрь.

— Можно, можно, кто там? — спросил, услышав стук, моющий на кухне посуду Анатолий Горохин.

— Здесь отдыхают северные звезды? — шутливо спросила пришедшая.

— Здесь, — задернул кухонную штору Горохин.

Навстречу Марьяне спешными шагами вышел коренастый русобородый Сариванов в полосатом свитере, резко остановился и неприветливо сказал:

— Сюда спустились, Марьяна, айда, проходи, может, с тобой сильнее засветится.

— Иванушка, — подбегая к нему, повисла на шее Марьяна. — Как неузнаваемо изменился. Ой, отрастил бороду. С возвращением, с победой вас, Иванушка.

— Я пойду за книгой. Силой заставляют читать. Пусть в библиотеке прибавится еще один читатель. — поспешил оставить их одних Горохин.

— Расскажи-ка, Иванушка, — еще раз обняла парня Марьяна. — Какое прекрасное явление оно, северное сияние? И улицу свою вы называли так. Привез ты его для меня? В письме ведь писал, обнадеживал. Почему сразу не пришел ко мне? Ждала-ждала тебя, Иванушка, не выдержала, решила сама явиться. И дело есть тут. С Борисом Михайловичем предстоит разговор. Помощь нужна от него. По правде говоря, не затем, а к тебе специально приехала. Скажи-ка, почему в последнее время не было от тебя писем?

Обнимая женщину за талию для вида, Иван тяжело вздохнул, долго смотрел в бездонные глаза Марьяны и сквозь зубы выдавил:

— Зачем ты обманула меня, Марьяна?

— Я, что ли? Я тебя обманула? Когда? Кто наврал? О, боже... — со слезами заплакала женщина.

Иван осторожно посадил ее на стул, жался, обнял, лишь тогда рассказал все по-порядку:

— Письмо получил я от Ламсуркина, вот сейчас найду, покажу.

— Не надо, и так поверю.

— Пишет, что ты гуляешь с председателем нашего колхоза...

Глядя ему прямо в глаза, Марьяна сказала:

— Неужели ты поверил этому алкашу, а? За чужим словом ведь прыгаешь с крутого берега в воду. Никого, только меня слушай, только мне верь, Иванушка. Лишь людишки с мерзкими душами, ревнуя, от ненависти, могут придумать всякую безобразную чушь. Ты же сильный человек. Зачем веришь тем словам?

— Сам себе удивляюсь. Почему-то ревную я тебя.

— Дурак ты, мой Иванушка. Если хочешь знать, кроме тебя, я ни одного мужчину не видела.

— А ребенок?

— И ребенок твоего от тебя родила. Твой он, твой ребенок он, мой маленький Иванушка — наш Иванушка. Скоро покажу я тебе его. Чисто вылитый ты. Конечно, маленьким ты был таким. Теперь открыла тебе свою тайну. Больше не выдержала, открыла секретный ларчик. Нашла силы открыть.

Ошеломленный от услышанного Иван Сариванов стал ходить взад и вперед, сжал голову обеими руками, затем крепко обнял Марьяну и начал целовать до задыхания.

— Действительно мой ребенок?

— Да, Иванушка. Перед тобой я чиста как девушка. Никогда ни перед кем не вертелась. Ты для меня был первым мужчиной, и в дальнейшем останешься единственным.

— А я думал...

В то же время Марьяна горестно вздохнула.

— В письме Ламсуркина кое-что верно. И видеть, и слышать мог он. Говорят, поле с глазами, лес с ушами. С Юрковым, председателем колхоза, и рыбачили, и купались в озере, но не одни, вместе со Славиными. И после встречались с ним — несколько раз. И в нашем штабе, и в правлении колхоза. И всегда — лишь по работе. У нас много вопросов, связанных с колхозом и с людьми деревенскими. До избрания парторгом я не участвовала в решении сельских проблем. Теперь не остаться в стороне — и не хочу остаться.

— Эх, ты, мой вихрь!..

— Вот слушай, сам знаешь, как нагревается газ в трубах при перемещении. Говорят, что до шестидесяти градусов доходит. Нам на станции приходится его остужать. И намерены остаточное тепло использовать в теплицах. С этим «моим кавалером» Юрковым сейчас решаем этот вопрос.

— Я вам дам решать, — Иван как в тиски зажал ее.

Марьяна не выдержала, вскрикнула:

— Ой! Убьешь, бородатый медведь. Слушай дальше. Этот вопрос, конечно, не я одна решаю. Славины больше заняты ими. Нам колхоз помогает, выделяя людей, мы — снабжаем материалами и даем технику. Вот с этим и связана наша дружба. Другой вопрос, другое... Эх, Иванушка, мне бы родить тебе еще одного ребенка, дочку-девчущку. Но думаю, что может помешать работать. Вот осмелилась сказать. Прости ты меня, балтунью. Бабы мы все такие. Эх, жизнь наша, когда, как люди, порядочно начнем жить.

Иван слушая, не перебивая Марьяну, время от времени гладил по волосам, только сейчас он всем сердцем почувствовал, как он со своей дурной головой обидел эту прекрасную и добрую женщину. Сам себя упрекнул он, решил больше никогда не заставлять горевать и плакать.

О глаза, любимые мной —

Темной сини две черных звезды,

Не в насмешку ли над собой

Вас я песней терзання создал?

Марьяна давно не слышала эти стихотворные строки пламенного чувашского поэта, слушая их, она почувствовала, что душа ее дрогнула. Сейчас она пролила слезы от радости, что близкий ей человек рядом, вместе с ней. Лицо ее сияло как дождевое солнце, глаза сверкали. А парень с лирическим чувством утешал ее горячими словами Михаила Сеспеля:

Но любимые мной глаза
С той же Тайной в меня глядели,
И хотелось опять показать
Людям их откровенья зелень.

Шофера Стасына отпустила тут же. Как приехала. Поэтому проводить Марьяну вызвался Иван.

Во дворе шумит весна. Дующий со стороны леса шальной ветер, играя кончиком платка на голове Марьяны, задел им лицо парня. Проведя ладонью по месту щекотного прикосновения, парень с завистью посмотрел на нее. Вот это да, на голове Марьяны тот платок, который он подарил ей когда-то. Значит, не зря она завязала этот платок сегодня. Видимо, специально, чтобы показать любимому. А Сариванов почему-то не заметил его в «бочке». Хорошо, что весенний ветер напомнил.

— Я готов расписаться хоть сегодня, — сказал Иван по дороге. — Давай, в Майский праздник сыграем свадьбу?

Марьяна прошла несколько метров в сторону «Волги» в задумчивости и, прежде чем садиться в машину, спросила:

— А теперь не боишься жениться на женщине с ребенком?

Он ее посадил рядом, мотор взревел как разъяренный зверь.

— Нет, никого не боюсь, — твердо ответил Сариванов, когда тронулись с места. — Свой же ребенок ведь. Не от чужого хлопца.

Некоторое время оба молчали, лишь свернувшись к Приволжской, водитель сказал:

— Если соврать, это будет неправда.

— Ты не соври, скажи истину.

— По правде, по правде... Если бы Иванушка был ребенком того Артема Ковальчука... Не знаю, сказать трудно.

— Ты же любишь меня.

— Люблю, Марьяна. Об этом и слова не может быть.

— Если любит, неужели человек будет сомневаться из-за ребенка? Мало ли кто в девках родит, как я? Неужели им никогда не выйти замуж и не жить с мужьями? Ты же сам говорил эти слова. Забыл?

— Выходя, конечно, находят по себе.

— Пусть другие берут в жены таких обманутых девушек, другие, только не я. Ведь так думаешь?

— Если думаю, то что?

— Что, что, говорят. Нехорошие мысли это у тебя. Вот и узнала одну отрицательную сторону будущего муженька. Это чувство — слишком любящего себя человека.

— И все же, Марьяна, если и считаешь меня эгоистом, я так же скажу. Любой парень на жизненный путь желает выйти рука об руку с девушкой. Это не только мое мнение. К женщине с ребенком большинство приходит,

когда жизнь складывается неудачно. Или он потерял жену, или сам по какой-либо причине стал опускаться. Чтобы нормальный умный парень липучкой пристал к женщине с ребенком, такое встречается редко.

— Ты, Иванушка, выходит, по всем параметрам отличаешься от таких.

— Не знаю, сказать трудно. Ладно уж, ведь на людях и я считаюсь парнем, поэтому защищаю холостых; в то же время и тайный отец я. Мне на своей же любимой девушке, красавице из Золотоноши, старого козацкого Черкасского края нужно жениться, своего же сына растить, воспитать его достойным мужчиной. Поэтому мы должны объединиться.

Проехав мимо соснового бора и заехав в «городок», Иван остановил машину. Марьяна не спешила выйти, высказала ему свое мнение:

— Хотя и болеешь немножко болезнью эгоизма, все равно я не избегаю тебя, с тобой же согласна строить жизнь. После красавицы-дочери, может, нарожу кучу детей. Это — будущее. А сейчас, давай, чуть-чуть подождем. До пуска первой очереди газопровода. Немного осталось, до нового года. Терпели до сих пор — потерпим. Сам знаешь, женившись, вместе надо жить. Как сейчас, не станем каждый в своей «бочке» греметь. До этого ты с матерью хорошенько по душам поговори. Я привезу маленького Иванушку. Хорошо?

Иван, схватив голову, долго сидел молча. Марьяна гладила его по лицу.

— Может, ты и права. Действительно, подождем тогда до того времени, когда забьется «сердце Приволжской».

17

Первый комплексный технологический поток инженера Лебеда к своим бесконечным делам вновь приступил всем коллективом. Теперь на трассе не удастся работать прежними темпами. Трубы нужно соединять, проводя их под дорогами, через овраги и реки. В связи с этим производительность труда снижается.

— Как же так получается, ребяташки, — начал слово Павлов, пользуясь появлением начальника. — На Севере вышли вперед, между Волгой и Сурой застряли. Знамени не видать, упустим.

— И премии не жди, — встрял Горохин.

— Иди-ка ты на погост со своей премией, — глядя холодно, остановил он его. — Есть разговор поважнее. Посоветоваться надо с Борисом Михайловичем. Проходите вперед, к столу. Говорят, красна изба не углами, а пирогами. Садитесь за еду.

— Спасибо, я сыт, — хотел было отказаться Лебедь.

— Ай, нет, Борис Михайлович, если нас уважаете, то покушаете с нами. Как говорится, что есть — вместе, нет — пополам. Вот, пожалуйста, берите эту большую ложку. Овраг перейдешь — проголодаешься, говорят чувашки. Вы как раз поднялись с Глубокой балки.

Начальник потока быстро всполоснул руки под умывальником в углу и сел за стол между Павловым и Саривановым. Пока он не справился с густым супом, никто не помешал ему. До подачи вареной говядины Лебедь сам начал разговор.

— Вот что, товарищи, говорят, одна голова хорошо, а две — лучше. Услышал я. Горохин правильно беспокоился. По труду и зарплата, и поощрения должны быть достойными. Павлов, вы его за это слишком не ругайте. Кажется, древко знамени мы надолго выпустили из рук. О причине сами понимаете. Речки-овраги-дороги мешают.

— Условия соревнования не правильны, — вмешался в разговор Сариванов. — Если их уточнить, мы тоже должны идти впереди. Ведь работаем не хуже прежнего. Только вот длина прокладываемых труб не заметна. Ведь сейчас наше министерство подбивает итоги, учитывая километры проложенных труб. Мы с дядей Андреем еще позавчера нашли одно золотое зернышко. И Стасына знает о нем.

— Сказала она мне. Обязала помочь.

— Вот это хорошая вещь, ребятки, — одну из полных тарелок придвинул к Борису Михайловичу Павлов. — Думаем кол-легиально. Мощность трактора переводят на условную лошадиную силу, и труд иногда учитывают условной единицей. И в других местах существует такое сравнение. Почему у нас нет? Давно начал было я этот разговор, однажды и министру самому напомнил было. «Подумаем», — сказал он тогда, но, видимо, позабыл слова рядового сварщика. Вон, по сей день по старому гроыхает колесо соревнования. Давайте, еще раз пошумим. Говорят, слово народа солено. Пусть попробуют, тогда почувствуют.

— И я с этим же вопросом пришел к вам. Давайте пошлем коллективное письмо в министерство и Центральный комитет профсоюза. А то что получается сейчас? На нашей трассе две железнодорожной линии и тринадцать шоссейных дорог, двадцать пять глубоких, широких оврагов и четыре реки. Я посчитал и пришел к такому выводу. Прокладку одного километра труб на пересеченной местности следует приравнять к трем километрам прокладки труб на ровной местности. Вот тогда можно считать соревнование правильным и справедливым. Тогда мы и переходящее Красное знамя и премию можем надежно получать. Спасибо вам и за сытную еду, и за откровенный разговор, — встал и вышел из-за стола Лебедь.

В письме поставили свои подписи все члены бригады. Дядя Андрей хотел было под письмом от своего имени приписать горячий привет министру и намекнуть, почему тот не выполнил обещание, данное им на Севере. Но не дали ему портить официальную бумагу. Сариванов предложил ему написать отдельное письмо.

В трудовых буднях они запомнили было о письме в Москву. Вечером перед телевизором Павлов от радости вскочил на ноги. С голубого экрана на них приветливо глядит их министр, степенно рассказывает о состоянии дел по прокладке магистральных газопроводов и нефтепроводов в стране. Заканчи-

вая свое выступление, он сказал, что, учитывая предложения бригады сварщиков, руководимый Иваном Саривановым из треста «Куйбышевтрубопроводстрой» и других строителей, социалистическое соревнование трудовых коллективов начнут подытоживать по-новому, учитывая условный километр прокладки труб.

— Эх-ха-хей, подконец услышал от вас эти слова. Ладно, хоть теперь поблагодарю вас. Доброе слово душу греет, — сказав самому себе, дядя Андрей быстрее помчался к Сариванову.

Не прошло много времени после выступления министра по Центральному телевидению, как обновили условия соревнования. Орлят Лебеда это все равно что окрылило. Поднялось вдохновение.

Еще строже стали относиться к качеству, требуя его повышения. Проверяющие участок между Волгой и Сурой, вон, обнаружили несколько дефектов. Разумеется, за это пришлось краснеть сварщикам. Хорошо, что трубы на этом участке стыковала не бригада Сариванова. Подумывал было, что и на его участке обнаружится изъян. Без проверки как же можно быть уверенным, что все в норме.

В любую погоду, под любым настроением, в несколько рук сваривали они трубы. И вот проверяющие в трубы закачали воду, надавили ее до девяти атмосфер и оставили на сутки. Ведь выдержали стыки! Должны выдержать и давление газа.

В свой коллектив бригадир вернулся с этой новостью.

— Молодцы, ребята! Государственная комиссия оценила нашу работу на «хорошо»!

Ребята окружили Сариванова и начали подкидывать вверх. Чуть позже Горюхин что-то начал мямлить:

— Когда будут распределять премию, ты, Иван, учитывай, кто сколько поту проливает. Нас, сварщиков, больше должны привечать. А то издеваются. И шофер автобуса, и мойщик «бочки», не сгибая пояса, не возясь в грязи, получает кучу денег.

— Все ведь выполняем одну работу. Ты — варишь, шофер — возит нас, техничка — содержит наше жилье в чистоте. Каждый старается. Одним нарядом трудимся, заработанное делим. Эх, Толя, неужели все тебе не хватает?

— Своими заработанными рублями почему мы постоянно должны делиться с шоферами и техниками? Какие трудности они испытывают? Шофер утром привезет нас и весь день дрыхнет. Техничка, когда как, спусть рукава уберет две-три «бочки» и целый день ходит задрав голову. Помнишь хоть когда-нибудь убиралась техничка у нас, скажи-ка? Наглеют они, если осмеливаются упрекать: «В прошлом месяце что-то меньше вышло, работайте получше».

Сариванов побеседовал с ним, присев рядом.

— Ты, Толя, отставший от жизни человек. Пусть получают больше, чем в других местах, шофер автобуса и техничка и другие тоже. Тебе ведь все равно больше платят. К примеру, ты в месяц получаешь тысячу рублей, шофер — шестьсот, техничка — двести...

— Инженер на заводе не получает двести, а тут какая-то краля за наш счет жиреет. Неправедливость злит меня, вот что.

— Ой, в бок тычет тебя это. Да ну их, пусть получает и шофер больше министра... Зато мы своим трудом гремим на весь мир. На полгода раньше уложили трубы. Потому государство и не жалеет для нас денег. Хорошо, что мало таких, как ты. Если бы мы все работали только ради денег? Такими темпами не двигались бы. Сам знаешь какой трудовой энтузиазм был! Поточная слаженная работа способствовала нам добиться этого. Закались дружный коллектив. Только ты как одиночный пенек. Засохнешь, прогниешь ведь. Поступь жизни скинет тебя на обочину.

— До этого я тут набью карманы. Ты меня не срами. Нужно проложить и вторую очередь, и для своей страны несколько трасс надо построить. У-ух, сколько у меня будет денег...

Иван оттолкнул его от себя в сторону, сам некоторое время подставил лицо ветру, немножко освежил кипящую душу.

Проложенные на территории Чувашской автономной республики трубы готовы принимать газ. Под землей они тянутся на сто двадцать семь километров. Богатство Западной Сибири дошло сюда в начале августа тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, медленно, не спеша потекло по надежной стальной магистрали. У накаченного в Уренгое мощностю не так уж велика. При помощи станций, «сердец», давление должно достичь до семидесяти пяти атмосфер. В сутки по этим трубам потечет сто миллионов кубометров топлива. Вот такая мощная транспортная артерия страны!

В честь большой победы в одно весеннее утро в Приволжской состоялся митинг. Стасына распорядилась прикрепить к сосняку плакат с крупными буквами: «Родной стране — газ Уренгоя!» Наперевес с лентой «Победителю социалистического соревнования» вместе с другими достойными, как он сам, людьми поднялся на трибуну и Иван Сариванов. И Марьяна стоит рядом с ним. Чувствуя жар друг друга, они слушают монотонное пение птиц. Звучат приветственные слова. Ведь коллектив Лебеда на Севере оказался самым удачным. За победу во Всесоюзном социалистическом соревновании им вручили Диплом всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Борис Михайлович выступил с страстной речью. Зажечь газовое пламя он поручил Сариванову. Иван спустился на землю, взял заранее подготовленный факел и поднес к круглой горелке. Газ моментально вспыхнул. Голубое пламя начало гореть. За это они год с лишним трудились, преодолевая и холод, и слякоть, и пронизывающий ветер, и жару, не разбирая дня и ночи. Преодолели с яростью и вышли победителями. Вон, как победный салют, взлетают вверх ракеты. Все аплодируют, некоторые кидают вверх фуражки, шляпы. И Ламсуркин что-то кричит. Заметив приближающегося Сариванова, он замолчал.

— Подойди-ка поближе?! — позвал в сторонку Иван бывшего друга. — Никак не поймаешь тебя, вечно избегаешь.

— Ты, что, хочешь драться? Нашелся тоже герой, — оскалил редкие зубы Арзюк.

— Не герой разве? Слышал и видел, наверняка, что мы настоящие герои, — без шуток сказал Сариванов. — Везде герои. Не как ты, червь. Наверное, думал, что отомстишь. Зря старался. Ничего не вышло. Счастье свое сам же утопил в вине. Какая польза от твоего существования, от твоего труда? Для кого и для чего горишь? Крыть золотом крышу кабака?

— У тебя самого какая радость-то есть? — наклонил голову Арзюк. — Не пьешь, с девками не гуляешь. Нашел же себе одну хохлушку с ребенком. Я хоть веселья, удовольствия получаю от выпивки.

Иван чувствительно шлепнул его по плечу, тот согнулся.

— Твое удовольствие оно на день. По правде, это дурман. Я, хотя и люблю женщину с ребенком, считаю себя счастливее всех. Пойми, все же ты должен просить прощения, Арзюк: и у меня, и у Марьяны.

— За что? Чем я провинился перед вами?

— За сплетню. Говорят, обида на землю не падает.

— А-а, за то письмо, кажись, за давно забытое. Что, не верно? Думаешь, твоя хохлушка не ходила с председателем Юрковым? Режь, не поверю.

— Выдуманное пустое слово. В народе говорят, в шестом колодце чистая вода. Я этому верю. А ты дурными слухами валяешь дурака. За это взгреть бы тебя разок.

Ламсуркин скрылся в толпе. Иван заметил приближающуюся к нему Марьяну и подождал ее. Их окружили бородатые люди. Вот, Борис Михайлович приветливо улыбнулся и, извинившись, засеменил к группе Славиных.

— Он что, всегда такой суетливый? — спросила Марьяна.

— Не только быстро ходит, но и шустро летает наш Лебедь, как дикий лебедь. Он истинно достоин своей фамилии. Строго требующий от нас, уважающий нас приветливый скромный человек. И нам хочется походить на него. Поэтому на Севере все отрасли бороды, как он. С бородой и летать легче, — пошутил Сариванов.

— И дикие лебеди не смогут летать без крыльев, и Борис Михайлович без вас не взлетит в небеса. Вы для него вместо крепких крыльев. Какие молодцы, оказывается, бородатые «лебеди».

— Мы ведь из Лебединога, дева моя. В полете соревнования снова оторвались вперед. Мы теперь как воздушный караван в свободном полете. И вам не дадим отставать, поможем подтянуться. Путь у нас един — совместный путь, — очевидно, от имени всех высказал Андрей Павлов.

Не стыдясь товарищей, Сариванов сегодня похвастался перед своей любимой. Причина была. Вечером, вернувшись в Приозерную, завязанную ему на митинге ленту вместе с дедом аккуратно повесил рядом с большим длинным зеркалом. Вся семья любовалась наградой.

Дела на газовой трассе не всегда идут удачно. Как спортсмены на соревнованиях, одни вырвались вперед, другие отстали. Трубоукладчики, вон, на финише. Строители насосных станций тоже приближаются к нему. Но установщики оборудования задыхаются. Для них всегда найдется какая-нибудь загвоздка. Темп трудовой эстафеты снижает то несвоевременная поставка оборудования, то нехватка деталей к ним. Для здания операторов давно должны были привезти кабель — а его до сих пор нет. Не могут наладить подачу электроэнергии по постоянной схеме. Не завершена котельная. Как ударят холода, монтажные работы могут остановиться.

В деле разрешения этих вопросов вместе со штабом стройки активно участвует и временная парторганизация, руководимая Стасыной. Все равно течение дружеского соревнования времени почти останавливается. Его опять всеми силами возобновляют. Несвоевременный пуск одной компрессорной станции на героической трассе может снизить на одну треть производительности всей системы. Вот перед какой угрозой стоят они. Как-нибудь необходимо выйти из этого затруднения. Но как? Стасына устала слушать на заседаниях штаба пререкания начальников с обвинениями друг друга. Так не пойдет, если необходимые решить сегодня вопросы оставить на завтра, а завтрашние — на послезавтра, то оставим ведь стройку у разбитого корыта. Придя к такому выводу, она решила провести свое собрание. В нем участвовали вплоть до заместителя министра газовой промышленности СССР и первого секретаря обкома партии. Коммунисты слушали ответственных за станцию руководителей, в том числе и Славина. Шуму было предостаточно. Не стали глядеть, кто где, на каком стуле сидит, за недостатки и беспорядки бичевали прямо в глаза. Партийное бюро обязано будет контролировать выполнение решений собрания. Для Стасыной работа прибавится еще.

Не опускает голову Марьяна — Королева-майра. После завершения своей смены в диспетчерской к одним пойдет, к другим, своими глазами видит, как работает та или иная организация, тот или иной коллектив, беседует с людьми, шутит, при необходимости обещает помочь. Вот она остановилась у разгрузчиков труб. Заметив ее, Ламсуркин вспыхнул:

— У тебя тут, Марьяна Первая, нет порядка. Не могут разгружать трубы. Как Царица-майра, скомандуй-ка по-царски.

— Ты рот закрой, не то слепень залетит. Без тебя знаем, что делать, — отмахнулась от шофера Стасына. — Какая загвоздка вышла, товарищи?

Один из такелажников ей старательно объяснил:

— Привезли трубы нового образца. Из города Харцыз. Видите, в одежде. Трубы обернуты полиэтиленовой пленкой, смоченной эпоксидной смолой. Прямо с завода так выпускают теперь. И изолирующие не нужны. Но одежда тонкая, толщиной лишь три-четыре миллиметра. Стропы, предназна-

ченные для голых труб, могут порвать изоляцию, поранить. Поэтому ломаем голову, как же нам поступить.

Стасына в полушутку сказала:

— А вы найдете полосовой материал как полотенце.

Такелажника чем-то осенило, он заулыбался и в благодарность пожал Марьяне руку.

— Понял, нам нужно изготовить «полотенца» для разгрузки труб, крепкую петлю.

При возвращении Стасыны из операторской станции они осторожно спускали последнюю трубу. Кузов «Урала» освободился. В таких случаях условно называемые стропы они действительно изготовили из мягкого материала. Посвистывая стоящий у кабины Ламсуркин заговорил с ней.

— Я тебя, Марьяна, ведь на стройке встретил раньше Сариванова. Зря отказываешься от меня. Давно бы поженились, вместе бы жили в моей новой квартире. На тебе Иван, вот, все равно не женится. Надоест ходить и бросит. И по рукам пойдешь. Знаем мы, какой он. Не очень надежный. Прости, что написал о тебе ему в Уренгой. Я думал, что так будет лучше для нас самих, обоих. Оказывается, ошибся.

Рассерженная женщина некоторое время не смогла вымолвить слова, затем, когда злость прошла, ответила:

— Нет, не соглашусь я с тобой. Никогда не соглашусь. Ты меня до сих пор довольно злил и обижал своими пьяными выходками. Ни за одну не прошу. До конца жизни. Запомни, Иван Сариванов встретил меня раньше тебя, и не только раньше тебя, но и раньше всех мужчин. Меня он не обманет. И по рукам я не пойду. Не из слабых.

— Поживем — увидим. Я тебя все равно не забуду, Марьяна. Если и бросит Иван, готов жениться. И пить бросил ради тебя...

— Не верю. Врешь. Обманом белый свет пройдешь, но пути обратно нет. Не нравятся мне такие люди, как ты. Давай, спеши, вези быстрой трубы, — направилась Стасына в сторону диспетчерской.

«Если бы не встретила Ивана Сариванова, если бы Арсентий Ламсуркин сначала же не злоупотреблял спиртным, жизнь моя пошла бы совсем по другому руслу. Хорошо, что пережила трудности, поспешно не приняла предложения этого шофера и земляка-кооператорщика. Эх, найти попутчика жизни, не попутчика сходить на базар найти. Иван тоже не из золота вылит. И у него постепенно возникают новые и новые недостатки. Но они тускнеют перед хорошими сторонами. Хорошие стороны берут верх. Иван не горит лишь для себя, старается другим больше пользы приносить. Поэтому для нее считается самым лучшим среди мужской братии. Ламсуркин — комок мочалы».

Думая так, возвращалась Марьяна Стасына.

Вместе с завершением трассы Уренгой—Ужгород люди Лебеда начали прокладывать новую магистраль. На базовой «поворотке» сваривают плети для третьей трассы. Вскоре должен поступать сюда газ и из Ямбурга. Об этом тоже думают сегодня же.

Вот, автобус привез сварщиков в Лебединый. Борис Михайлович издала подал знак рукой остановиться Сариванову, идущему с товарищами в сторону улицы Северное сияние.

— Иван Иванч, как настроение? — спросил он, подойдя к бригадиру. — Не надоел еще держак?

Сариванов посмотрел начальнику в глаза и сказал:

— Под настроение, говорят, и печка пляшет, Борис Михайлович. Оно у нас приподнятое, на работе нет дефектов, и жены нет, и долгов нет. Если говорить о чувствах... Я понял ваш намек. Слышал одну новость. Значит, опять нам лететь на Север?

— На Север, но на другой «Север». Да, в Псков надо отправиться впятером. Ты будешь старшим. Будете учиться варить на агрегате «Север». Он намного должен облегчить нашу работу. Сейчас, вон, кроме базовой «поворотки», на трассе нет ни одного самосваривающего механизма. Сварка она, знаете, очень сложная и тяжелая работа. Сам подумай, из почти ста методов в мире широко пользуются только четырьмя. В их числе ручной сваркой, как мы, пользуются сорок три процента сварщиков. Туда, Иван, и тыходишь. Потому и спросил, не надоел ли держак.

— Держак-то он не тяжел, вот электрическая дуга портит глаза, туловище становится каменным, роба — тесной, — шевельнул плечами Сариванов. — Давно мечтаю переходить на новый метод. По мере учебы в институте и настроение совсем в иную сторону поднимается. Лазером, под большим трением, под магнитным вихрем попробовать-бы варить. Еще одно новшество узнал. Ионные лучи одновременно сваривают металл, материал шва, плавя, совершенствуется, в то же время плавку, колебая ультразвуком, закрепляют шов.

— Молодец, не забываешь, что учебе никогда не помешает. Вот станешь инженером, начнешь пользоваться различными методами. А сейчас собери группу для поездки в Псков на завод электросварочных оборудования. Кого хочешь оставить вместо себя? Учти, не скоро вернешься. Чтобы надежный человек был.

— Павлов останется. Дядя Андрей должен справляться.

— Хорошо, согласен. Приказ подпишу. Готовьтесь быстрее. Поговори с людьми, затем приведи их ко мне. Послезавтра должны выехать.

Сариванов этой новости с одной стороны был рад, с другой стороны пригорюнился. Ведь вновь придется расстаться с любимой. Марьяна тоже, наверное, устала тосковать одна. Почему-то судьба постоянно держит их вдалеке друг от друга.

В назначенное время группа сварщиков Сариванова отправилась в путь.

На заводе их встретили тепло. Учась привыкнуть к агрегату «Север», изготовленного совместно с Киевским институтом сварки имени Е. О. Патона, немало пришлось ломать головы. Сложной оказалась машина. Зная-не зная, лучше не лезь. Перед ручными сварщиками чередой встают вопросы электроники, физики, химии, математики, металловедения. Хорошо, Сариванову помогла заочная учеба в институте.

На их глазах родился сварочный агрегат. Заводчане собрали его очень старательно. Генеральный конструктор киевского института Галин не выходил из цеха, нашел общий язык с инженерами, рабочими, сварщиками, советовался с ними. Увидев впервые коренастого средних лет человека с продолговатым лицом, как у казаков усами и звонким голосом Бориса Федоровича в рабочем халате, Сариванов принял его за мастера. Поэтому Иван заговорил с ним как бы просто так.

— Вы нам разрешите поработать. А то от теории у моих товарищей головы кругом идут. Не всем науки по уму. Скорее бы уехать. Мы тут лишний балласт, только мешаем, — сказал недовольно чувашский парень.

Тут «мастер» смерил Сариванова острыми глазами с ног до головы и, крутя пальцами кончики усов, спросил:

— А кто вы будете, добрый человек?

— С великой газовой трассы «Уренгой—Ужгород», из станции «Приволжская». Должны же вы знать нас. Учиться приехали. По-правде, и я вас впервые вижу.

— Знаю, знаю про вас, — как из пулемета выстреливал слова человек. — Вот только познакомиться не пришлось еще. Только что с аэропорта. Извините. Значит, герои магистральных газопроводов. С чувашской земли.

— Совершенно верно. Только вы что-то говорите обиняками.

— Нисколько. Давайте тогда знакомиться. Я из Киева. Галиным буду. Борис Федорович. Слыхали про институт Патона. Генеральный конструктор. Мучаюсь с этим агрегатом, вернее, комплексом. Значит, балластом называете себя? Эх, молодой человек, ошибаетесь. Здесь, пока время есть, набирайтесь ума. Даже веревку вить нужно учиться.

Так познакомился Сариванов с главным конструктором. Человек с открытой душой, не зазнающийся Галин показался Ивану как свой начальник Лебедь. Он не стал стесняться ни советоваться, ни спорить с ним. Не знаешь, не приходит в голову — Борис Федорович готов объяснять ему часами.

Когда тридцати двух тонную сварочную машину установили на шасси, Галин от радости топнул как малое дитя. Сколько лет голову ломал, сил тратил, не зная сна, терял покой, и вот их «Север» делает первые шаги, скоро начнет работать.

В испытании участвовали все: Галин, заводские специалисты, сборщики и сварщики газопроводов.

— Метод наш — метод дедов же. Кузнецы издавна лемех плуга или косу, чтобы было крепче, соединяли плавкой. Пользуясь дугой Петрова, русские

инженеры Бенардос и Славянов научились сверкать электросварочным пламенем, от них — другие, затем — мы... До сегодняшнего дня контактной сваркой пользовались лишь в промышленности. Теперь, вот, и трубы соединять нашли способ. Видите, как он плавит металл непрерывно. В потоке большой температуры молекулы и атомы одного металла смешиваются с молекулами и атомами другого металла. Какой крепкий шов получается! Его, помоему, и двумя тракторами не разорвешь. Даю гарантию: сама труба разорвется, — не скрывая вдохновения, сказал генеральный конструктор.

— У себя Чебоксарскими пятисотсильными тракторами попробуем растянуть, — улыбнулся Сариванов. — А если не выдержит?

Услышав такое, Галин расширил глаза, чтобы парень не сомневался, быстро проговорил:

— Э-э, не знаете вы, молодые люди, крепкости контактной сварки. Если этот стык разорвется, и я пополам лопну. Есть желание приехать к вам проверить. Хочется своими глазами убедиться, какими шагами пойдет наша машина на газотрассе. Э-э, детки мои, варить швы и прокладывать трубы этим методом вы начинаете первыми в мире. Войдете в историю. Э-э, гордость-то какая. Желаю вам только удачи!

Иван Сариванов был очень рад тому, что им первым доверили работающий по-новому «Север». Приехав домой, он рассказал Борису Михайловичу, Андрею Федоровичу, Марьяне о встречах в Пскове, с нетерпением стал ждать приезда поездом своего «дорогого гостя».

Вот и настало то время. В одну субботу агрегат они собрали своими силами.

— Нет терпения ждать до понедельника, может, завтра же покажешь работу этого богатыря а, Иван Иванч? — как ребенок начал уговаривать Павлов

— Ты так сел верхом на стального коня и, думаешь, убежал от нас, пеших. Как говорится, не поймает ветер в поле, так тебя не поймать. Матькасы, на старости лет и мне захотелось варить трубы на этой автоматике. Может, возьмешь к себе? Вроде бы кумекаю кой о чем...

— Не горюй, дядя Андрей, я от вас никуда не уйду. Эту громадину нам пятером не осилить, нужны будут тринадцать-четырнадцать человек. Если оставить девятерых, из остальных Лебедь создаст другую бригаду. Корягин будет их хозяином, — сообщил радостную весть Сариванов.

— В таком случае, слава богу, и на нашу улицу пришел праздник. Давайте спляшем, — под мелодию «яблочка» крутанулся Павлов. — Скажи-ка, какая мощность?

— В любую погоду может работать за пятьдесят сварщиков. Во, машина!

— Вот это сила так сила, — пришел в восторг Павлов. — Давно нужны на трассе такие «Северы». Но опять не для нас, на Севере, в северных болотистых местах прокладывать им трубы. После испытания заберут ли? Сами остаемся тут, или вместе отправимся? Говорят, много будешь знать, быстро состаришься, мне, старому, нечего бояться этого, скоро выкинете на пенсию, поэтому и пытаю тебя.

После некоторого молчания бригадир почесал голову и рукой подал знак трактористу трогаться, затем с Павловым пошел к фургону.

— Дядя Андрей, зачем раньше времени паниковать, — сказал он. — Пока приведем машину в порядок, еще есть время повозиться с ней. Если выдержит на сложной чувашской земле, «Север» действительно может убежать за Урал, на равнинные места. По словам Галина, согласно нашим предложениям устранят недостатки и начнут серийный выпуск. Еще до этого, следом за этим, нам специально пришлют «Север-2». Его тоже испытаем. Кажется, пока остается тут же... А там видно будет.

— Тогда ладно, не будем горевать. А о каком Галине ты говоришь?

— А-а, Борис Федорович? Галин — главный конструктор института сварки. Из Киева. Отец этой машины. А какой мудрый, добрый человек. Намерен приехать к нам. Подожди-ка, подожди, дядя Андрей, не он ли вон вышел из легковушки? Он, а вот с ним и Лебедь идет. Два Бориса... Вовремя прибыл наш долгожданный, — засуетился Сариванов.

После встречи начальника потока и генерального конструктора долго не стали задерживаться, трактор и несколько зацепленных фургоном «поездом» тронулись вперед. Механизированной бригаде Сариванова поручили соединить трубы Уренгой—Елец-1.

Добравшись до низины, тщательно подготовились к работе. Уклон этого места составляет двенадцать градусов. Испытание специально начали отсюда. Лебедь поглядывал на часы. За три минуты стык был сварен. Снять шлак с внутренних швов понадобилось пятнадцать секунд. На подготовку другого стыка и очистить от шлака ушло шесть минут.

— Ай-яй, это нас не устраивает, много возится, — недовольным остался стоящий рядом с Лебедем генеральный конструктор. — Очистку надо будет усовершенствовать.

Сварив за час четыре стыка, агрегат остановился. Произошла заминка. Поддерживающий сварочное устройство брус не выдержал. Галин велел его закрепить. Отметили, что гидросистема перемещается не ровно. Сказали, что и ее следует довести до нормальной работы.

— Эх, — махнул рукой Сариванов, — посрамились перед вами, Борис Федорович. Сварив еще два стыка, мы добились бы проектного уровня.

— За стыд не вам, вместе с заводскими людьми нам краснеть. Мы не довели до конца свой агрегат. Тем не менее, для начала неплохо. Не надеялся преодолеть сразу такой уклон. Иван Иванч, вы не забыли спор в Пскове?

Бригадир лишь теперь улыбнулся и подал руку Галину.

— Хорошая машина, Борис Федорович, слушается, варит шов крепко, надежно. Наверняка, больше нет необходимости проверять шов гамма-лучами и магнитографией. Не забыл еще спор на заводе. Прочность стыка хотели испытать двумя тракторами. Согласны, но можем испортить дорогую трубу. Ладно уж, доверим вашему слову. Чай, не просто так сказано.

— Вот что я вам хочу сообщить, друзья мои. Помните, как президент США причинил нам препятствие по прокладке газовой магистрали? Но у него ничего не вышло! Его песню не стали петь руководители и промышленники Англии, Франции, Италии и ФРГ. Бессмысленное решение принесло немало убытков и их фирмам. Когда в Советском Союзе зажглось новое солнце, и они потянулись к нему. То солнце — вот этот сварочный огонь, сыплющиеся от мощи этого «Севера» горячие искры. Наше, родное солнце. Они же попросили изготовить для них такой комплекс. Дали согласие американцам. Специалисты института сварки «Ай-пи-си», скрепя зубами, согласились нашими строительными нормами, потому что у самих-то не получается, — сказал Галин.

— У нас говорится, что хлеб-соль взаимны, — вышел вперед Павлов. — Они нам подставили подножку, а мы им спокойно помогаем. Как же это так получается?

— Разумеется, могли и отказать, — пояснил Борис Федорович. — Но следует помнить то, что мы никогда никакой стране, никакому народу специально не причиняли зла, всегда старались помочь по-дружески. Дружеские отношения и торговля должны быть взаимовыгодны для обеих сторон. Мы надеемся на это.

20

Галин в Чувашии побыл больше недели, познакомился с Чебоксарами, в Приозерной посетил семью Саривановых.

За это время украинского гостя приняли в обкоме партии. В главном штабе коммунистов Чувашии тоже очень горячая пора. Всесоюзные ударные стройки не дают покоя никому из ответственных работников. Наравне с магистральными газопроводами, всей страной усиленными темпами ведется строительство крупного завода промышленных тракторов. В день его приглашения на пленуме обкома КПСС обсуждали очередные наболевшие вопросы по ускорению кладки газовых труб. Он понял, что никого не радовали выступления московских трепачей. Местные производители работ во главе с легендарным Борисом Лебедем смело противостояли на пленуме их натиску и бронебойными словами крушили бюрократическую стену ответственных министерств, напрямую участвующих в этом грандиозном начинании. Слово дали и Галину.

После горячих дебатов в сараеобразном зале, собравшиеся на политический кутеж представительные особы разошлись в психологической дистонии, рьяно доказывая друг другу правду и неправду, порой горячо споря о «послепожарных последствиях».

Борис Федорович там встретился и познакомился с очень интересным, словоохотливым, шустрым чувашом. Им оказался уроженец Приозерной, сосед бригадира трубоукладчиков Ивана Сариванова некий Говорун — руководитель лекторской группы обкома, прозванный в народе главлектором Чувашии.

Симон Григорьевич, среднего роста крепыш, сверкая пытливыми глазами, с громким возгласом «Салам!» потряс гостя жилистыми руками, как-будто обхватывая его всей чувашской братией, и чмокнул в лицо. Борис Федорович тоже обнял его и легко приподнял. И тут же между ними начал литься ручеек добродушных слов.

Говорун — мастер разговориться, чуть картавя, подчеркивает каждое важное слово или понятие, видимо, у него выработался профессионализм учителя и лектора.

Своего нового товарища он потащил по улицам города. Они посетили краеведческий музей, слушали концерт государственного ансамбля песни и танца. Симон Григорьевич познакомил его с художественным руководителем Васильевым.

— Это наш земляк, вурнарский, гений. Он покори́л талантом своим и заслуженных артистов весь мир, в том числе...

Юрий Васильевич не выдержал, засмеялся и добавил:

— И на Украине был наш ансамбль. Давно дружим с песенным народом. Немало у меня там знакомых талантливых дирижеров, певцов.

Из театра вернулись в гостиницу и... между Говоруном и Галиным началась баталия за шахматной доской. Симона Григорьевича хоть три дня не корми, дай только волю сражаться со своим противником. И на этот раз удивил он Галина. Борис Федорович тоже не простой шахматист, оказывается. Пожалуй, своим пытливым умом тянет не ниже на мастера спорта. Так и сражались до полуночных ударов кремлевских курантов. Итог — ничья. Значит — борьба впереди.

Утром они на обкомовской «Волге» выехали в Вурнары. У каждого были свои дела. Как только закончилась лекция в городке газовиков, Говорун пригласил Галина в гости. Когда об этом узнал Сариванов, всполошился, ведь он тоже собирается потчевать этого уважаемого человека, об этом знают и дома, родители его с нетерпением ждут киевлянина.

— Ты, Иван, погоди, сегодня мы побудем у нас — у брата, а завтра — у вас. Машину отпущу и останусь на выходные в деревне. Так что, гульнем по-нашенски — по-чувашски, — Симон Григорьевич подмигнул, широко улыбнулся и сел рядом с Галиным в машину.

Будто Говорунам кто-то шепнул о приезде гостей, тетя, жена Федора, встретила их чудесным ароматом кухни, вытаскивая из горячей печки тяжелый чугунный горшок.

— Какая молодчина ты, инке, словно по заказу приготовила для нас шаркку. Ой, тетя... Жаркое ведь — наше, чувашское, самое лучшее блюдище. Ах, картошка... Если б не было картофеля в огороде, чуваша давно бы искали только в исторических постулатах и в ином мире, — Симон Григорьевич поспешил помочь хозяйке, мгновенно подставил под горшок железное кольцо от старой ступицы колеса телеги. — Ай да, инке. На славу нашел тебя мой брат Федор. А вот и с гостем познакомлю: из Киева, Галин, Борис Федорович. Очень умный человек. Его хорошо знает наш Саривановский Иван-младший.

— Чую, чую, деверь ты мой мозговитый, знаю я, что с тобой водятся не глупцы. Ну, салам, здравствуй, мил человек, коль зашел, проходи к столу, в божий угол, — освободившись от ухвата, женщина несмело протянула шершавую руку высокому гостю.

Симон Григорьевич не выдержал, открыл крышку горшка и понюхал носом:

— Уфф! Ой как вкусно, наверное. Давайте, быстрее вымоем руки...

Тетя засуетилась, сама начала резать хлеб, достала ложки и сходу успевала объяснять:

— Федора не дождемся. Он в Вурнарах, на совещании завучей школ. Пусть башку набивает и останется сытым. Под старости лет ума не хватает, что ли, или утечка ума началась. А мы вот сейчас раз сядем за стол и... — она достала из буфета глиняные миски и деревянным половником наложила в них жаркое, добавляя в каждую кусок мяса объемом с кулак. — Мы, чувашки, без картошки ни дня не можем прожить. Вот и варим, варим, едим и едим — никогда не надоедает. Не поешь картошки, будто впроголодь ходишь. Ешьте, тут все из своего огорода, натуральное. Жаркое готовить очень просто. Очищаем картошку, режем кубиками, положим в чугунок, в середину напихаем куски свинины, добавляем лук репчатый, чеснок, специи, посолим и ставим в печку тушить. Ешьте, ешьте, будьте как дома. Я сейчас. — Она зашла за печку и вытащила оттуда полную с длинной, как у гусыни шеей стеклянную четверть. — Самогонка, горилка чувашская. Ну-ка, попробуем, дорогие гости.

А гости, усевшиеся за стол, обменялись теплым взглядом, поиграв плечами, подняли стопки: «За ваше здоровье!»

Опустошив глубокую глиняную миску, одновременно запивая ойраном-пахтой, Симон Григорьевич обеими ладошками похлопал по животу и, улыбающийся, сказал:

— Сыт живот — дух живёт.

— Да, — согласился Галин, тоже успешно справившись с порцией и отказавшись от ДБ. — Стали сытыми и вкусным обедом, и душевной добротой, спасибо большое, дай бог вам здоровья, хозяйюшка. — В Киеве сварю точно такое же жаркое и удивлю друзей...

Симон Григорьевич перебил его:

— А без чувашской горилки, Борис Федорович, хоть и получше нашего сварите шаркку, но такого удовольствия не получите.

Поняв замысел деверя, тетя достала пустую бутылку из-под чебоксарской водки «Чапаев», быстро налила туда самогонки и протянула:

— Вот тебе, добрый человек, небольшой подарочек от нас. Угощение.

Как бы ни сопротивлялся Галин, но ему все же пришлось сдаться и забрать подарок от чувашской женщины — хозяйюшки горилки.

— Давние традиции и в крови, наверное, у нас: и у русских, и у украинцев, и у чувашей, — заговорил в машине Борис Федорович, когда тронулись с места. — Ведь с древних времен у многих народов неизменным атрибутом праздничного стола были алкогольные напитки.

— Правильно говорите, — согласившись с ним, мотнул головой шофер
— Без них нет веселья. Как дернешь пару стаканов первача, атома, понашенски, в пляс пустишься с частушкой:

Есть и сила, есть и хватка,
Есть и бабка у меня.
Обними-ка, поцелуй-ка,
Да согрей-ка до утра. Хоп!

Почесав затылок, Симон Григорьевич тоже включился в разговор:

— Хуже заморозительной красотки она, эта зараза: и радость, и горе дарит. Вспомнились мудрые слова великого мастера поэзии узбека Алишера Навои, которые сотворил в пятнадцатом веке:

Есть свойство у него, когда вновь чаша налита.
Хоть пьян ты, хочется ее вновь осушить до дна.

В разумных дозах, конечно, все эти напитки оживляют, лечат человека, но беда-то в том, что остановиться вовремя не можем и натворим иногда, черт знает что. Куда там, хуже черта ведь пьяный мужик, да и баба, когда налагается, — если не хуже.

— Ох-хох-хох! — начал смеяться шофер, — Ха-ха-ха! Застольной стала песня ихняя, гимном. Так страстно поют:

Ой-йой, в глазах туман,
Кружится голова,
Едва стою я на ногах,
Но все же не пьяна...

Галин тоже не стерпел:

— Недаром говорили, что пьяному море по колено. И сколько запретов было!.. Человек он, башковитое существо Земли, открывает для своего удовольствия самые оригинальные причинно-следственные эксперименты. Помните, в шестнадцатом веке запрет спиртных в Китае привел к открытию опиума, а сухой закон в США породил мафию и такой всплеск преступности среди населения...

— Вы правы, Борис Федорович, — продолжил Говорун. — А у нас в России что творилось... Ведь самогонование начало процветать именно после четырнадцатого года с государственной монополизацией и прекращением продажи водки. Как известно, наши родоначальники — гунны. Они, по описаниям историка Гумилева, научили многих народов Евразии не только литейному ремеслу и производству огнестрельного оружия, но и пивоварению. А мы...

— Неужели мы — главные пивовары в мире? — от радости заерзал на сиденье шофер. — Ура!

— А как же, — довольным тоном сказал дальше наш лектор. — И сейчас в чемпионах ходим в стране. Девяносто процентов хмеля выращиваем в российском масштабе. В суммарном количестве это — сто тонн! В древние времена чуваши знать не знали что такое самогон, все празднества проводили с ковшом густого ячменного пива. Да и дедов помню я, на всю избу гостей была у нас всего-то одна бутылка водки.

— А сейчас на каждую голову — мужскую и женскую — пару треба, — хихикнул шофер и прибавил газу. — И то скажут маловато, если денег многовато. Только где они у нас, у трудовой массы? Получил, раз-два и обчелся. Поэтому гоним этот родимый напиток.

До такого совершенства дошли некоторые... Кончится запас, берут пять килограммов сахарного песка, килограмм гороха, пол-кило дрожжей, бухают все это в молочную флягу, наливают полторы ведра теплой воды, добавляют литр парного молока... Спустя сутки эту скороспелку-бражку пропускают через свой заводик, и снова — во хмелю.

Увлёкшись рассказом, он заметно покачал машину на уличном повороте и у всех мурашки пробежали по спине. Временно прерванный разговор возобновил Говорун.

— У нас, в Приозерной, нашенские, испытанные методы, моя тетя не увлекается скорогонками. У нее — свой рецепт. Ей давно сосед дед Сариван из досок сколотил специальную солодовницу. Она берет рожь с ячменем в пропорции два к одному, замочит их и ровным слоем застелит смесь на солодовку, для парниковой температуры закрывает старым одеялом и следит до прорастания зернышек. Когда они дружно начинают расти, перестелит зерновую массу на печь, высушит до затвердения и собрав, ручной мельницей (тоже Саривановской) размалывает и получает крупку — солод: и для самогонки, и для пива. Итак, она килограмм такого солода в глиняном горшочке продержит примерно три часа в горячей печке. Потом сладкий солод пускает в полторы ведра теплой воды, растворяет в ней три-четыре килограмма сахара и пятьсот граммов базарных дрожжей. Наполненную этой массой флягу содержит неделю в теплом месте. Проверив готовность бражки, позовет на помощь мужа. Очистившаяся жидкость на медленном огне вскоре превратится в пар и, охлаждаясь водой, потечет по трубе тонкой струйкой в желанную стеклянную банку, а оттуда — сюда, — Симон Григорьевич указательным пальцем щелкнул по своему кадыку и громко захохотал.

Не выдержал и Галин, покачав головой, дружно улыбнулся:

— Оказывается вы, Симон Григорьевич, не только мастер устного слова, но и мастер виноделия.

— А как же! — гордо приподнялся рассказчик. — Недаром в деревне родился и вырос на сусле пивном, да и сейчас не забываем посещать Приозерную, как сегодня, вылезает иногда из города. Летом отдыхаем здесь: косим сено, пасем скот, да и в подручные примазываемся в это время к тете,

чтобы ускорить «атомный процесс». Ха-ха-ха-ха! Жизнь не жижа: должна и не расплываться, и не высыхать, чтоб она продолжалась вечно, как в песне:

Я люблю, тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново.
Я люблю тебя, жизнь,
Я люблю тебя снова и снова...

Не успели спеть один куплет, шофер резко тормознул.

— Вот и доехали до райкома. Скоро начнем лекцию о тайных замыслах заокеанских наших противников. Недавно в Москве сам прослушал интересные лекции товарищей из ЦК партии по этой линии. Доведем эти сообщения в пределах нормы и до нашего партхозактива. Надо знать правду, что творится в мире. Пусть пошевелят мозгами, — выскочил из машины Говорун.

После проводов гостей, накормив поросят, напоив теленка, жена Федора Григорьевича поспешила к соседям с новостью. Оказывается, Саривановы уже оповещены о прибытии гостей и готовятся к завтрашней встрече. Хотя у них все хозяйство в порядке, но все же еще раз дополнительно прибрались, чтобы не ударить лицом в грязь где надо помыли, почистили. Укахви в избе заменила кое-что из магазинного, повесила на стены, комнат по бокам зеркала длинные полотенца, вышитые самой и дочкой Валентиной с чувашским орнаментом. Дед Сариван тоже привел столярный цех в праздничный порядок, на видное место выставил свои, местные товары: бочки, кадки, образцы оконных наличников, лукошки, миски, кружки, ложки... Как на выставке выглядят. А сам еще раз и еще раз рассматривает и, оценивая, с гордостью приходит в восторг.

— Хорошо, что у тебя было готовое шаркку, а я даже не успела печку натопить. Если бы к нам нагрянули... ой, оскрамилась бы. Иван наш очень добрым словом отзывается об этом приезде человеке из Украины. Знаешь, в Пскове они подружились. Такой знатный начальник с моим сыном сблизился. Чудо, — чуть похвасталась Укахви перед соседкой.

Соседка, тоже в изумлении:

— И мне понравился он с первого же взгляда. Бывают же такие крепыши-мужчины. И обращение простое, разговор складный.

— Грех тебе засматриваться за чужим мужиком. У тебя и свой Федор как боров. И семья у вас вся культурная. Ишь какая она, сразу разгорелась.

— Посмотрим, как сама обмякнешь от его прозорливого и одурманивающего взгляда, — захохотала веселая соседка. — Послушай-ка, кумушка, там, за Апнерской речкой, говорят, волки разорвали барана. Что-то я вашего давно не вижу, не он ли попал в их пасти зубастые... Может, на шыртан пустили вы его? Ты любительница.

Укахви, наполнив из чайника в кружку пива, протянула ей:

— На-ка, кума, попробуй, немного постарело, новую бочку откроем завтра, шыртаном закусывать. Мне Иван рассказывал об этом баране тоже, он — не наш, слава богу, а наш...

— Что, у тебя уже шыртан готов? — удивилась соседка.

— А как же. Иванушка мой младший, давно заказал. Подарок готовь, говорит.

— Я самогонку дала киевлянину, крепкую. Укахви, когда ты научишь меня готовить по-настоящему шыртан? Федору всегда не нравится мой и тащит магазинный. Мясокомбинатский шыртан он все равно не то, напихают туда свинины и всякой добавки...

Ты это правильно говоришь. Не найдешь в продаже бараньего шыртана, хоть и построили овцекомплексы повсюду, но не научились готовить настоящий бараний шыртан.

— А ты, кумушка, иди в Вурнары да и предложи свой «передовой опыт» мясокомбинатским мастерам.

— Думала, думала, конечно, был разговор с главным технологом, но они не хотят возиться с овечьим стадом, им давай побольше свиней да крупнорогатый скот.

— Тогда, научи меня.

— Чего там учить? Никакой сложности нет. Просто побольше головой покрутить надо. Я знала, умела что ли? Свекор у меня какой молодец. Сама знаешь, он, приезжий русский мужик, быстро научился мастерству древних чуваш, освоил тонкости и мужского, и женского дела. Ты ведь сама не раз пробовала его незаменимые шыртаны. Прелесть. Сначала помогала ему, в ученицах ходила, а когда приновилась, он полностью доверил мне, и отошел от этого дела. Самое главное, душой надо относиться к приготовлению любой пищи. С каким настроением сварить, с таким аппетитом и поешь. Свекор все время любил болтать с продуктами очень ласковыми словами и песенки напевал. Добрая улыбка не сходила с его лица.

— Так-то оно так, и я пробовала заняться этим сложным производством, тоже всю душу вложила, и песни пела, но у меня не совсем вкусно получилось, и муж забраковал. Мастерства не хватило, точно мастерства, — жена Федора Григорьевича шлепнула ладошкой по своему лбу.

— Ладно уж, раз пришла ко мне, дам я тебе уроки старого Саривана и его снохи, — Укахви чокнулась с кумушкой. — Тавсье! За твоё здоровье.

— Тавах. Спасибо тебе.

— Заостри уши. Та-ак, беру свежую баранину без костей, нарезаю на небольшие кусочки, смешиваю их с мелконарезанным луком, черным молотым перцем, лавровым листом, солью. Полученную начинку при нулевой температуре сутки держу под прессом.

— А дальше?

— А дальше... — Укахви с улыбкой стукнула по выпяченному животу соседки. — Подготавливаю бараний желудок. Рубец тщательно промываю холодной и горячей водой, добавленной марганцовкой и чуточку засаливаю. Набиваю туда готовый фарш. Чуть-чуть вливаю настойку первача с травами. Отверстие желудка завязываю или зашиваю ниткой. Чтобы при высокой температуре рубец не лопнул, кончиком ножа его в нескольких местах продыряв-

лю. Полученный «мячик» снаружи обтираю с солью и, поместив в глубокую глиняную миску, ставлю в горячую печку. Не забываю переворачивать. Через два-три часа вынимаю. Если на долгое хранение, то сваренный шыртан снова раза-два просушиваю от лишней влаги в печке.

Выпив еще по кружке пива, она показала соседке висячие в чулане так здорово приятно пахнувшие ароматным запахом бараньи «мячики».

Кумушка поняла из ее рассказа, в чем она сама ошибалась при приготовлении шыртана, в дальнейшем учтет все промахи и, справившись всеми секретами, преподнесет мужу и его братьям, соседям, всем родным, кумовьям и сватам, гостям аппетитный благородный подарочек. Что, она хуже кумушки, что ли? Она тоже чувашская баба-искусница, поэтому, при том-при сем, должна показать высочайшее искусство стряпухи. Не только из баранины, но и из свинины с говядиной попробует сварить его. Побольше бы скота вырастить.

В субботу и Саривановы, и Говоруны отдыхали. Лишь средний Сариван до обеда выехал в Чебоксары на колхозном грузовике за газовыми баллонами.

Утром младший Иван, Симон и Федор Григорьевичи закололи свинью. Тяжелая туша, наверное, потянет аж до центнера. Они еле-еле повесили ее на железную перекладину вверх головой. Иван работал паяльной лампой. Братья Говоруны с трудом успевали за ним скоблить обгоревшую шерсть с кожи, обливая горячей водой. Федор — большой мастер обрабатывать внутренность животных. Раз прочертил живот свиньи специальным острым ножом, два... Только успевай вовремя принимать от искусного мясника субпродукты.

Укахви с соседкой промыли кишки, рубец, почистили ноги и уши, приготовили сердце, печень, почки, легкие для шюрбе.

— А где вопросительный знак? — с ухмылкой спросила веселая домохозяйка.

— Не понял, — буркнув серьезным тоном, удивился Федор Григорьевич.

— Хвост, — покрутив пальцем, во весь двор засмеялась она.

— Виноват, инке, — облизывая языком, извинился Симон Григорьевич.

— Чтобы по лицу не хлестнул, пришлось досрочно уничтожить его. На закуску пошел, вот тут шевелится. Знаете же...

Под хохот мужиков Укахви притопнула и махнула рукой, вспомнив забавный случай, когда Симон с мальчуганами отрезал хвост Саривановской живой свиньи и пожарил на костре.

Для варки артельной похлебki-шюрбе у чувашей с давних пор был така хурань — двухведерный бараний котел. Вот и сейчас в такой чугунный котел женщины положили субпродукты, налили воду из колодца, потом туда добавляют пшено, репчатый лук и специи.

Укахви никогда не варит шюрбе без тулдармыша — кровяной колбасы. Некоторые женщины не любят возиться с тонкими кишками. Но она и свиные кишки моет холодной водой и обрабатывает начисто, потом туда наполняет парную кровь, перемешанную с внутренним жиром, крупой, луком, чесно-

ком, перцем и солью. Концы кишок завязывает ниткой и бросает их в котел. Такая вареная колбаска лучше любой мясокомбинатской кровяной.

И на этот раз она так тщательно и старательно готовится, чтобы удивить дальнего гостя — нового товарища сына.

У них — две бани: русская и чувашская. В черной бане любит париться старый Сариван, поэтому справно содержит ее. За другой ухаживает сын. Сегодня Сариван — главный банщик.

В то время еще, когда в прощальном акте своей короткой жизни завизжала свинья, у него из трубы русской бани и из открытой чувашской бани повалил черный дым. Подача воды механизирована, поэтому старик следит только за огоньком и подбрасывает в печки дрова березовые вперемежку с липовыми. К концу топки он снял с длинного шеста, висящего в сенях, веников разных: березовых, дубовых, можжевельновых, для пропаривания горячей водой положил их в выдолбленные самим специально из липы небольшие кадки-чирясы. Кто чем любит париться — тому вознаградится. Убедившись в том, что нынче бани натопил, как никогда, жарко, Сариван ходит по снежным дорожкам, припевая:

Тройка мчится, тройка скачет
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
То хохочет, то звенит
Еду, еду, еду к ней,
Еду к любушке своей.

Женщины в лагуге уже успели зажечь огонь под котлом.

Мясники затащили свиную тушу в чулан, повесили за железный крюк.

Вскоре подоспели из Лебединого на уязике два Бориса: Лебедь и Галин. Их встречали во дворе. По-чувашски модно одетая, стройная тетя Укахви с игривыми голубыми глазами, преподнесла им литровые липовые ковшики с пенистым пивом: «Салам. Добро пожаловать в наш дом. Наши сердца открыты для вас так же, как ворота дома».

Если остальные довольствовались рукопожатием, чуть захмелевший Симон Григорьевич по своей старой привычке обоих обнял широкими лапищами и сходу завел шумный разговор:

— О-о! Какие люди! Имя ваше чего стоит, напоминает русского царя Годунова. Сильные духом, верой и правдой, умной головой верховоды вы, говорят газовики про вас. Цари огненных трасс, вообще. А ну-ка, проверим вашу выдержку и силу духа в бане, братцы. Ай да молодцы!

Старый Сариван оказался в центре мужской компании. Потоптавшись на неглубоком снегу, он то глядел на коренастого с чуть продолговатым лицом и казацкими усами Галина, то на широкоплечего, высокого, круглолицего с квадратной бородой, сияющего солнечной улыбкой Лебеда, высматривая их одевание, и добродушно протянул обе руки:

— Милости просим, государевы цари. Приказ выполнен. У меня бани протопились, готовы к приему. Пожалуйста вперед, выбирайте: кому — русская, кому — чувашская, кому — белая, кому — черная. Докладывает генеральный банщик, рядовой Киевского пехотного полка Иван Сариванов.

От такого высокомерного обращения к ним со стороны хозяев взбуреванные молодцы крепко обняли его и поблагодарили за приглашение. Выбирая бани, все переглянулись.

— В русской и дома паримся-моемся, давай попотеем в черной, — шагнул к Сариванову Галин.

— И я до сих пор ни разу не испробовал еще Ивановской бани, — последовал за ним Лебедь.

Симон Григорьевич тут же взял их под мышки и повел к деревянному, крепко дышащему легким паром пятистенному домику, повернув голову влево, крикнул:

— А вы, вурнарские «москали», — в русскую!

Мать уже успела передать сыну банные и послебанные принадлежности для мужиков.

В чувашской бане предбанник просторный, без потолка. Пол застелен липовыми досками и, чтобы было тепло и приятно ногам, не покрашен. В середине стоит небольшая печка с плиткой. На стенах — украшенные резьбой деревянные вешалки.

— Баня без трубы, — сходу объясняет Сариван. — Дым валит в дверной проем и в вентиляционную дыру. Ишь, бревна и потолок почернели — в копоти. По ходу нагревания дверь прикрываем и жар сохраняется. А ну, зайдемте-ка в ад... — Как открыл он дверь, оттуда ударило клубом жара.

За Сариваном зашли Лебедь, Галин, Говорун и Иван-младший.

— Чутьочку посидите на скамеечках, чтобы тело привыкало к чувашскому жару, а я... сейчас, в горячую воду добавлю медовку, у меня тут все припасено, и рраз!

От поданного на горячие камни крепленной воды мгновенно поднялся пар и обнял всех теплом и ароматом.

— А теперь — на полок! — скомандовал банщик. — В потный рай.

Действительно, не прошло и минуты, у всех по телу потекли ручейки пота. А Сариван поддал еще и еще раз.

Симон Григорьевич сдался первым, не выдержал парного натиска и растянулся на чистый дубовый пол и начал ополаскивать голову холодной водой из деревянного корыта. Сариван вытащил из высокой кадушки горячие березовые веники и взялся хлестать по спинам «царей газотрассы». Тут же его сменил внук. А сосед Симон сел на лавку и принялся цитировать:

Поддаю побольше пару,
В руки венички беру —
И березовую парой
Бью душою я на пару.

Вот уж истинная сладость,
Рай чувашский, говорят!
Тут не только телу радость —
Тут душа ликует, брат!

— А ну, поворачивайтесь! Еще раз поддам. Терпите, казаки, атаманом будете, — ободрился Сариван.

И Григорьич тоже не отстает:

То хлещу вас, то и глажу
По спине, по животу —
Кровь я в жилах будоражу,
Здоровеем тут в поту.
А когда не станет мочи
Жар такой терпеть — вскочу
И себя холодной очень
Я водою окачу.
Ой, парной полок мой банный,
Дух березовой листвы...

— Ой! Ох! Уф-ф! — слышится на полке.

Как прыгнули два Бориса на пол, Симон Григорьевич, шутя, облил их ведром холодной воды. Когда те освободились от пытки, на полок залезли Иван-младший и Симон Григорьевич. После Сариван тоже попарился.

В предбаннике их ждал столик. В какое время успели женщины сервировать, им только известно. Сариван из большого глиняного кувшина всем налил в кружки густой напиток.

— Сейчас я вас буду потчевать брагой — медовухой. После пара пора хворь выбить этим крепким чудом. Раньше барины с барышнями пыхтели под медовкой в бане, нынче — мы, и не хуже баринов, даже как цари. Чем мы не цари в такой жизни. Будем здоровы!

Чуть сладкая, медовым приятным запахом брага всех заворожила как возлюбленная. После этой удивительной неги еще больше льется пот, заигрывает в теле кровь, душа поет высочайшим наслаждением.

— Варить бражку я никому не доверяю, — решил похвастаться Сариван.

— В дубовую бочку наполняю густое пиво с чистым медом, в теплом месте настаиваю. В конце брожения переливаю в другую бочку. Так в погребе хранится долго. Вот она: наша сладость — наша радость. Пейте, пейте, Я вам только добра желаю.

От сильного пара и крепости браги, от хохота и оханья-аханья пляшет хмельная баня.

— В русской бане или финской, ей-богу, такого удовольствия не получишь, — признался Борис Федорович. — Сухой пар он тоже очень полезен, но такого пара...

В его разговор мгновенно вмешался Симон Григорьевич:

— То-то оно — чувашское чудо! А ведь знали наши предки чем и как оздоравливаться...

— И мыльня, и лечебница была наша черная баня еще в старину. Всю хворь выводили. Нравится мне своя банька. Нутром чую ее, когда начну топить. Стараюсь, чтобы тепло было ровное, сильное, проникающее, и чтоб жара хватало до утра. Баню издавна больше всех любили бабы. Надо рожать — они сюда. Неделями жили со своими малютками. А мужику что оставалось делать? Топить печку да таскать воду, и тайком в окно глядеть на свою голую красавицу.

— Ай да дед...

Когда все посмеялись вдоволь, Говорун продолжил прерванный соседом свой разговор:

— Вот смотрите, Борис Федорович, простая печка, сложенная обыкновенным красным кирпичом, но... с небольшим секретом. На каменку, на тракторное гусеничное большое колесо, толщиной в три-четыре ладони, настлан пласт из крепких морских камешек для накопления жара; мы их вдоль железной дороги собираем. Дым, пройдя через них, наполняется внутри бани и выходит медленно наружу. При этом воздух дезинфицируется, очищается от всяких болезнетворных микроорганизмов, поэтому в бане никакие грибки не выживают. Сажа от дыма частично оседает на горячие камни и сгорает полностью, а другая часть тонким слоем селится на бревна и потолок, от того стены и доски становятся прокопченными и стерильными.

— Понятно, — мотнул головой Галин, — ведь в дыме содержатся антисептик и абсорбент, которые и забирают из воздуха бани все неприятные запахи. Как видно, обогащенный, ароматизированный горячий воздух превращается в целебное свойство в этой райской парокамере. Хоть и жарко здесь, но дышится как свободно.

Симон Григорьевич не выдержал, сразу добавил:

— Потому что существует еще и скрытая внутренняя вентиляция. Там, на потолке — сухая земля толщиной в пол-метра, между брёвнами — лесной мох. Все натуральное — естественно-живое, И мы поэтому очень живые. Ах, как бурлит кровь, а? Словно весенний ручеек, хоть сразу хватай молодуху за косу, была бы она здесь. Эх! Давай попаримся еще раз. Эх!

Банька нам нужнее рая...
Жму затылком я полок,
Ноги крепко упирая
В жаркий, склизкий потолок,
Ну-ка, венички, работать —
По плечам да по спине...

— Да вы, Симон Григорьевич, настоящий поэт, — похлопал по его мокрой спине Галин. — Какой мастер слова.

— Хэ-хэ-хэ-хэ-хэ, — во весь рот засмеялся и глазом моргнул Говорун. — Не поэт, а только любитель поэзии я, Борис Федорович, — А все выпаленные мною слова эти — действительно настоящего чувашского, народного поэта Якова Ухсая, именно — народного. Ибо после него и другого мастера поэтического слова Педера Хузангая не вижу пока среди чувашей действительно народного поэта. А те, которые носят это звание официально... Мусора много стало. Пыхтят на макулатуру. Яков Гаврилович он давно удивил своим талантом москвичей. Александр Твардовский поистине очень похвалил его. Ухсай вошел в мир поэзии со своим народным героем Дедом Кельбуком, а он — с Василием Теркиным. Мы с Яковом были в друзьях. С любимым аксакалом не раз приходилось попариться в чувашской баньке. Там вот я его хлестал и березовым, и дубовым веником и под такт этих своих же лирических строк. И сегодня с нами Дед Кельбук от души радуется: парит и парится.

Иван-молодой и Лебедь выскочили во двор, начали обливаться студеной водой и обтираться чистым снегом.

— Помнишь, Иван, как мы парились на Севере?

— Помню, Борис Михайлович, мысли в чуме и валялись в снегу под полярным сиянием. У нас тут потеплее.

— Потому что — на родине. И месяц светит, вон, по-домашнему.

С предбанника их позвали к столу.

Любители бани по-белому уже успели одеться и кличут:

— Эй вы, там, не угорели? В избе ждет шюрбе!

Любители курной бани тоже поспешили одеться. Последним вышел Сариван, поднял голову, подмигнул небесному светилу:

— С легким паром поздравляете нас с девкой с коромыслом, да? Давайте, давайте, побольше лейте на наши головы из полных ведер серебряной водички. Здоровее будем. И мне, старцу, силу прибавите — силу молодецкую. «Под луною, под ветлою обниматься, целоваться, любоваться хорошо», — вспомнил он давнишнюю песню.

Изба Саривановых наполнился шумным говором. Кто по-чувашски, кто по-русски говорил от души. Мужики под командованием Симона Григорьевича взяли на руки главного банщика и подбросили раза три до потолка с возгласами: «Спасибо за легкий пар!» «Тавах!».

Укахви инке при варке шюрбе субпродукты не размельчает, как иные женщины-поварихи, а кладет в котел целыми. По ее мнению, так вкус каждого продукта сохраняется больше. Нарезет потом и кладет в чашки всем поровну, чтобы все едоки смогли по своему удовольствию попробовать и поесть все вдоволь.

У чувашей не очень-то принято выбирать тамаду. Главный за праздничным столом — домохозяин. А глава семьи у Саривановых — восьмидесятипятилетний Сариван. У него свой, самодельный дубовый стул с подлокотниками, украшенный ивовыми прутьями. Вот он, поправил еще не совсем высохшие длинные волосы, погладил седую бороду, подтянул опоясанную чувашскую рубашку и, приподняв голову в сторону иконостаса, встретив-

шись с зоркими глазами Христа, чуть постояв молча, перекрестился, кланяясь головой, стал читать молитву: «Отче наш, Иже еси на небесах. Да святится имя Твое да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Ибо твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Все усопшие наши, потчевайте с нами».

Когда глава семьи, кряхтя, разместился на свое царское место, хозяйка дома с кувшином в руке присоединилась к нему:

— По божьему велению, по нашему хотению, мы всегда сохраняем в погребе бочку пива для добрых людей и открываем ее с приходом гостей. Этими дорогими желанными богатырскими мужиками сегодня стали вы, два Бориса, два славных товарища нашего сына Ивана. В честь вас и открыли годичной выдержки бочку. Давайте, выпьем до дна за нашу дружбу, за здоровье всех. Всем тав! чувашский. От души благодарю. Пейте, как я.

Укахви инке выпила всю деревянную кружку и поочередно начала наливать всем пенистого пива, когда подошла к Галину, случайно встретившись с светлыми глазами гостя, сама не чувствуя, вдруг обомлела, от волнения чуть не уронила кувшин и, мгновенно опустив веки, взяла себя в руки, долила его кружку, стеснительно сказав «пейте на здоровье», остановилась перед женой Федора Григорьевича. Она, следившая за кумушкой, подмигнула ей и подтрунила: «Ну, как? Ой покраснела. Я же вчера говорила тебе...» Укахви молча пошла дальше и подумала: «Вот что такое тайна страсти. Только дай воли, и она быстро может вспыхнуть». Постеснявшись от своих внутренних беспокойных чувств, Укахви инке чуть прикрыла лицо краем легкого платка. Но все же в хороводе ей пришлось с Борисом Федоровичем и кружиться, взявшись за руку, и поплясать вдоволь, и поболтать наедине.

— Какое чудесное пиво у вас, какой ароматный суп-шюрбе сварили вы. Славно, славно. Очень благодарен за угощение. Так называемый ваш шыртан впервые попробовал, и сейчас во рту его запах и вкус.

— А как же, — стала смелее чувствовать Укахви инке. — Это ведь наша чувашская колбаса.

— Да-да, а еще колбаска кровяная какая? Ух, не наешься. Какого высокого уровня мастерство. Мне, кажется, это — мировой уровень. А мы всегда хотим сравняться с мировым уровнем, не замечая самое лучшее, качественное у себя, в своем доме. Да пусть весь мир сам сравнится с нами. Во будет здорово!

— То-то оно, пусть не думают, что мы темные, глупые бабы. И мы, чувашские бабы, мировые, вот такие. Э-эх! — заиграв по-девичьи голубыми глазами, Укахви инке притопнула мужу и со своим любимым Иваном закурилась в середине избы.

Симон Григорьевич ни шагу не отстаёт от нового товарища, что-то очень рьяно говорит с ним, что-то объясняет ему, раскрывая секреты быта чувашей.

Когда вышли во двор, он повел его в лачугу, отдельно стоявшую между двумя банями, открыв дверце, включил свет.

— Вот смотрите, Борис Федорович, откуда оно наше сегодняшнее всеми хваленое ячменное пиво. Здесь оно рождается — варится. Пивзаводик Саривановых, вообще.

Конструктору Галину стало очень интересно знакомиться технологическим процессом пивоварения и он внимательно начал слушать обкомовского лектора.

— О-о! — размахивая правой рукой, объясняет Говорун. — Чуваш без пива жить не мог. В старину он хмель собирал в смешанных лесах, а зерно для солода выращивал сам. Постепенно в краю появились хмельники — почти в каждом огороде, да и сейчас есть они: и у нас, и у Саривановых, десять-пятнадцать кустов вполне хватает на год. Чувашам полюбились рожь и ячмень. По крепости и вкусу они бывают разные. Каждый выбирает по-своему. Для солода зерно вот через это решето хорошенько очищают, потом его насыпают сюда — в дубовую десятиведерную кадку, туда же наполняют до верхушки воду, держат двое суток, затем замоченное зерно вынимают и процеживают сквозь сито и ровным слоем застилают на салатницу и покрывают для тепла; там оно прорастает.

— Это я вспомнил, вы мне вчера рассказывали о приготовлении самогонного солода.

— Да-да.

— С одного пуда...

— С шестнадцати килограммов, значит.

— Аха. С одного пуда солода выходит шесть-семь ведер сладкого сусла. Вот из такого сусла, осветленного, прозрачного во! какое пиво получается, и оно очень долго хранится в погребе. Таким пивом угощает нас, друг мой, наша красавица Укахви инке.

Галин удовлетворенно мотнул головой:

— Бывают же такие пригожие и проворные бабоньки-мастерицы, словно соловушки.

— Симпатизируете? Пришлась по душе, да? — Симон Григорьевич с усмешкой подтолкнул его в бок.

— Очень даже, — засмеялся Борис Федорович. — Аппетитно пил и ел с ее руки все поданное.

— А сын как играет на гармошке?

— Словно как артист.

— О-о, такая семья, на всю округу напоказ. Ладно, лирику продолжим в избе, а пиво оно варится таким образом, — потрогал Говорун висячее на крючке большой котел. — Должно быть, оно семи-или восьмиведерное. Здесь воду кипятят. А до этого, на шесть ведер пива берут ведро солода и по три горсть хмеля на ведро. Этот солод пересыпают в кадку, заливают кипятком этим ведерным деревянным ковшом. Кашеобразную массу перемешивают вот той деревянной длинной лопаткой. Помню, анне наша, мамаша, на повер-

хность массы сыпала пару горстей солода для задержки выхода пара из горячей кадки. Кадушку сразу закрывают полозом, вон тут он висит на перекладине, домашней ткацкой фабрики, сшитый на три-четыре метра. Его крепко завязывают веревкой и кадушку оставляют на пять-шесть часов для ослабления «каши».

Галин в это время начал внимательно рассматривать длинные корыта, установленные напротив на деревянные подставки. Заметив такого любопытства гостя, Григорьевич раз за разом стал открывать технологические секреты:

— Все я понял, о чем вы думаете. Это же — фильтрующий аппарат, почувашски — шан. Их Сариван изготовил из дупла липы. Мягкое и устойчивое от трещин дерево без серы и смоляного запаха — самое пригодное в производстве пива. Итак, на дно шана кладут вот эти липовые палочки, на них — ржаную солому. Заливают на этот фильтр солод, сверху поливают горячей водой. Очищенное сусло повторно кипятят и снова пропускают сквозь липово-соломенный фильтр, только потом переливают в кадку, оставляя до остывания. К этому времени должна быть готова и закваска, изготовленная из хмеля, первого сырого сусла и сусла качественного, взятого из кадки-шетника, кипяченного в другом котле. Ту закваску выливают в кадушку, остужают до комнатной температуры, добавляют несколько горстей ржаной, ячменной или овсяной муки, тщательно перемешивают, опять закрывают пологом и оставляют киснуть на сутки. Если хмель поднимется вверх, полученное пиво процеживают через сито и наливают в бочку, потом ее опускают в погреб. Вот и все.

— И я ломаю башку над своим «Севером», но ваши предки, пожалуй, не меньше меня ломали головы над такой технологией, — сказал конструктор сварочного агрегата, еще раз оглядев все принадлежности маленького пивного завода.

— А как же, — похлопал в ладоши Говорун, — На то она думка. Человек везде, где бы не жил, ищет что-то полезное, вот и мы испокон веков усовершенствовали методы изготовления жизнерадостного лекарственного напитка.

Они вышли на морозный воздух и тронулись в сторону избы.

— Что-то мне не шагається, — вдруг жалобно застонал Галин. — Ноги не идут.

В ответ на это Симон Григорьевич на всю округу захохотал:

— Только почувствовали, да? Ох, здорово! Это вами правит, дорогой Борис Федорович, Саривановский симпыл — медовая бражка. С такой крепкой медовухой чуваш всегда прельстил и самого дорогого гостя, и самого подлого сволоча. Напоил — с ног свалил. Доброго — лечил, подлого — лупил.

— А нас?

— Нас дед Сариван лечит. Зайдем, попляшем. ляжем спать и до утра мы станем такими молодцами... — обняв гостя, тоже не совсем твердым шагом пошагал Говорун.

А в избе хозяйничает дух доброты, радости и счастья. Сариван, нату-
жась, дует в трубку шыбыра, напоминающего волынку, изготовленного
из бычьего пузыря, и из рожка его раздается пронизывающая душу мел-
лодия. Сын его Иван бренчит на гитаре, сноха Укахви — на мандолине,
внук Иван — на гармошке. Все, и соседи Говоруны затанули старинную
веселую чувашскую песню:

Вуник кăшăллă: вуник кăшăллă,
Вуник кăшăллă пичкине
Пăрса уҫмасăр: ёҫсе, ямасăр каймастпăр.

Дальше, под дирижирование Симона Григорьевича, Саривановский ан-
самбль грянул по-русски:

С двенадцатиобручной, двенадцатиобручной,
Двенадцатиобручной сий бочки
Не выбив затычку, не допив все пиво,
Не уйдем.

С четвертной бутылки, четвертной бутылки,
Четвертной бутылки горилку
Не отпив немного, не допив до донышка,
Не уйдем.

Не отведав пирога, не наевшись пирога,
Не наевшись пирога с гусятиной
Никуда мы никогда, никуда мы никогда
Не уйдем.

Все уже захмелели. Мужики начали переходить на политическую тему.
Тут встала жена Федора Григорьевича и приказным тоном заявила :

— Пора закрывать занавес.

Все шумно похлопали. Она взяла мужа под мышку и попрощалась:

— Большое спасибо за угощение. Приходите к нам. Спокойной ночи.

Симон Григорьевич махнул рукой:

— Погодите, задержитесь, родные, на минутку. Еще не все. Не все еще
сказано-пересказано. Гляньте вы, какие гости у нас, а? С какими великими
людьми общаемся мы, а? Мы, чувашки, всегда рады за вас и готовы принять
вас в любое время года в нашем доме. В этот миг я не могу сдержаться, и
на моем языке так и пляшут пламенные слова нашего выдающегося поэта
Педера Хузангая:

Знаете ли вы страну такую.
Древнюю и вечно молодую
Где в лесу тетерева токуют —
Словно песней сердце околдуют,

Где коль праздник — от души ликуют,
Коль работа — гору дай люблю!

— Кум Симон, — подошла к нему домохозяйка с полной кружкой пенистого чистого пива, — чую, в горле пересохло, промочи маленько.

— Ну и кумушка ты наша золотая, — хохотнув, сосед взял кружку — Такая славная ты у нас. Ладно уж, весьма благодарен, выпью до дна и передам соседу, постукав по головке: Тав, Борис Федорович! А я продолжу:

Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен
И сто тысяч вышивок цветут?

Смотрите вокруг, какие творения саривановских красот окружают нас! — показывая домашние вышивки, чтец возвысил голос:

Приезжайте к нам — и я готов
Это все проверить с вами вместе...

Гости обняли его и тут же стали подпевать за Иваном Саривановым:

Ночи соловьиные,
Вешний шум дубров...
Долы Поднепровья
Приснились мне вновь...
Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра,
Молодость наша —
Ты счастья пора!

Недавно прибывшая из Вурнарского дома культуры сестренка солиста Валентина выскочила из другой комнаты и пригласила красавца Бориса Лебедя. Под «Киевский вальс» Платона Майбороды закружилась привлекательная пара танцующих. Не выдержали и остальные. Лишь дед Сариван, взяв на руки мурлыкающую кошку, ласкал и ласкал ее и под такт музыки припевал свое: «Великую землю, любимую землю я в сердце своем берегу».

После аккордного номера Федор кивком головы дал понять братишке: «Пора домой». А Симон, похлопав по своей ноге, хихикнул: «Дед Сариван в предбаннике срубил нас».

Когда Говорунская чета ушла, Укахви с дочерью быстро постелили кровати. Места у них для всех хватает. Иванушку положили с его начальником, а Симона Григорьевича — с Галиным.

Симон Григорьевич, сам не чувствуя, с недосказанным словом уснул намертво, хоть у изголовья свадьбу сыграй. А башка-то его умная не дремлет

полностью, дежурные части мозга работают беспрестанно. Вот он в так называемом сонном бреде: то радуется, как в материнском объятии, то становится, как осенняя дождливая пора. Ах, сладко сосет и сосет он живительное материнское молоко и никак не может напиться. Ему кажется все мало, и тут же какая-та толстенная баба сует свою грудь и говорит: «Соси, соси, мой миленький, гляди, какие дутые они у меня, не только тебя могу напоить, но и целую команду мужиков. Глянь-ка ты в мою чашобу, слышь, какая птичка поет там? Поймаешь — твоя будет». Симон Григорьевич быстро протягивает руку, но тут получает шлепку: «Не спеши, мой ненаглядный, начинай с горячего поцелуя, поиграй, поласкай, разбуди меня, только потом, обливаясь потом, выпьешь мой нектар и запоешь птичкой». Сладостно чмокнув губами, он впал в состояние любовной страсти, но, как на грех, в тот же миг перед его глазами всплыло другое видение.

Сквозь большое окно протиснулся месяц и серебристым светом охватил праздничный стол Саривановых. За столом расселись сорочинские и диканькинские герои Гоголя из Малороссии: старый пасечник Рудой Панька, поп с дьяконом Диканьской церкви, Солопий Черевик со своей сожительницей Хавроньей Никифоровной (удивительно, Хавронья-Хивря прямо уставилась своими слащавыми лисьими глазенками на Симона Григорьевича) и Сатана с длинными рогами в образе свиньи, бородатый, с полуметровыми усами толстый, богатый козак Корний Чуб с возлюбленной Солохой, сельский голова Каленик, отставной поручик Иван Федорович Шпонька с тетушкой Василисой Кашпаровной. Странно то, что старый холостяк Шпонька пытается обнять Валентину Сариванову. К ним приближается с приподнятой кувалдой сын Солохи кузнец Вакула. А на царском кресле Саривана классически восседает сам Николай Васильевич. Под звон кобзы все хлещут горилку и смачно закусывают шыртаном. Гоголь, оборачиваясь в сторону дрыгающего книгоеда, прищурившись, с хитринкой говорит: «Пожалуйте, наш почитатель-читатель Говорун, в нашу вселенскую компанию. Мои вечно живые персоны давно ждут вас. Спешите, иначе можете проспать»,

Симону Григорьевичу хочется вскочить, но ноги, как деревянные колодки, не шевелятся; хочется крикнуть: «Айн момент! Тормозните немножко! Хай живе, Радянска Украина! Чувашстан тоже хочет хлебать!», но во рту все высохло, язык не поворачивается. Он мучительно, в судорожном движении тряхнул головой, но темя коснулось мягкого «потолка». Месяц улыбнулся, сквозь дырку брызнул ему в мешок серебряной водички и придал силу мужицкую. Он задергался. И вдруг под задницей что-то зашевелилось. Почувяв на ребрах чью-то холодную руку, Говорун от страха задрожал.

— Кто ты? — испуганно спросил он.

— Черт.

— Да, ну тебя, к черту...

— Точно Черт — всемирно известный малороссийский, классический из великой Диканьки.

— Ах ты, врун, уродина... — Симону Григорьевичу так захотелось в этой тесной и темной «хижине» подарить ему пару ласковых слов, но, вовремя опомнившись, громко зашел: «...ты и я — это дружная семья». — А все же... чуващ, не пощупав рукой, не поверит.

Тогда давай, по вашему обычаю будем действовать.

Черт в тот же миг обхватил его шею длинным хвостом. Симону Григорьевичу стало трудно дышать и он захрапел:

— Черт с тобой. Пожалуй, ты — действительно товарищ Черт. Если отпустишь меня, я тебе дам рекомендацию для вступления в КПСС.

Поджав хвост под себя, Черт продолжил в победном тоне:

— Страшновато стало, да? Ишь сразу расщедрился. И нас принимаете сейчас в партию? Охо-хо! Вот и мы дожили до великих времен. И черти будут жить в коммунизме! Чудно. Только в мешке мы с тобой.

— Ведь точно. Как попали сюда?

— Нажрались как свиньи, так и попали, человек ты мой несчастный. Все из-за этой сучки Хавроньи Никифоровны. Она подманила всех блудливых мужиков по очереди к себе. Но мы с тобой пошли не к ней, а к Солохе, зачаровавшей самых степенных козаков. И мне захотелось первым...

— Да-да, вспомнил. Месяц так мерно плавал над Диканькой и вдруг он исчез с поля зрения. Охватила всю округу тьма.

— Это я его украл. Поднял метель.

— Почему?

— Чтобы спутать ориентир любовников.

— Ах ты, черт поган... нет, богом заявленный. Как наяву вижу их, гоголевских чудаков. Богатый козак Чуб был приглашен дьяком на кутью, где в сочельнике должны были быть сельский голова, козак Свербыгуз, отец Кондрат и другие близкие. Когда Чуб ушел, в его дом заявился кузнец Вакула, сын известной вертихвостки Солохи, к своей невестке Оксане. Там они сильно поссопились. А Чуб со своим приятелем Свербыгузом блуждал в кромешной тьме под метелью в поисках хаты Солохи.

— А я в это время уже был первым гостем Солохи. И только захотел наедине полюбоваться-обниматься... заявился сельский голова Каленик. Хозяйка не растерялась, высыпала из мешка уголь и бух! меня туда. Когда голова страстно начал шупать любовницу ниже ее хитрой головы — постучал в дверь дьяк.. Она моментально освободила самый большой мешок и Каленик оказался на дне его — вниз головой. У дьяка тоже такая же тайная мечта, но она так же не осуществилась. Явившийся, наконец-то, из тьмы Чуб к любовнице, стал ломать дверь: «Открой, иначе разнесу всю хату!» Солоха и дьячка — тоже в мешок из-под угля. Вошедший Чуб не успел обхватить ее за широкую талию, а с улицы рвется козак Свербыгуз. С помощью бабы бедный Чуб оказался в мешке, на дьяконе. Свербыгуза она не пустила, ласковыми словами повела за сарай. Сколько мы сидели в плену сладострастия, не помню, а как вернулся домой сердитый кузнец Ваку-

ла, крепко завязал все мешки и понес в неизвестном направлении. Как уже видно, мы оказались в Чувашии.

— Да-а, дорогой, странная и заманчивая история.

— Как дотащил Вакула эти тяжелые мешки от Днепра до Волги, самому Сатане только известно.

— Молодец, кузнец, недаром он славился силой богатырской на всю Сорочинскую округу.

— А как добрались вы в вашу Приозерную с Хавроньей, понятия не имею, может, на карете Шпоньки...

— Ах, Хивря, Хивря... Виляешь как живая свинья хивря.

— Слушай, когда Вакула высыпал из мешков всех мучеников на пол, почему-то оставил только меня. Солоха проклятая развязала мой мешок и втокнула ко мне тебя, осатаневшего.

— Зачем?

— Потому что и ты пытался соблазнить Хиврю. Солоха приревновала к ней нас обоих. Сиди сейчас, слушая музыку в животе. Все мы голодные с дальней дороги, ишь они пьют как коровы, жрут как свиньи. И мой друг Сатана-свинья, вон, чуть не лопаются.

— Быстрее бы развязали и наш мешок. Вроде бы я вчера никого не обидел. А то, что Хавронью-Хиврю обнял... Да еще вспомнил, сырого хвоста свиньи съел. По-чувашки хвост — это хивре, хивря, вообще. Ой, как обожаю хиврю...

— Поэтому и Хиврю нашу хорошую так обнял ты... Порядок нарушил. Вот за это был наказан хозяином-барином Гоголем-моголем, и попал в мешок. Хавронья-Хивря она всех козаков переживет. А хивря ваша... Помни, поросячий хвост он — не чертов хвост, его обожают все, как ты же, в том числе и Гоголь-моголь. Надо было сохранить для общего котла. Что-то надо предпринять, сосед.

Симону Григорьевичу оставалось только дипломатично обратиться к царю праздничного стола.

— Эй, дорогой товарищ Гоголь, извольте приказывать выпустить нас из мешка? Мы с глубокоуважаемым сорочинским напарником товарищем Чертом из-под хутора Диканьки задыхаемся и не можем сесть за стол.

Николай Васильевич сожалеюще сообщил:

— Хотел было, звал вас, мой почитатель-читатель, но вы сами прогляпили момент, а сейчас не могу менять композицию своего замысла. Не я вас заставлял лезть в мешок с Чертом. Вы сами рвались, обижая Солоху, к Хавронье Никифоровне. Так договоритесь с Солохой. Если вопрос не разрешится, ваше заявление рассмотрим на Божьем суде.

Солоха в это время жевала кровяную колбасу, запивая пивом, и не услышала их.

Почувствовав, как начальное приятное удовольствие на глазах переходит к печальному состоянию, Говорун не на шутку встревожился. В душе закипе-

ло и он начал сердиться. В такие критические моменты у него начинается внутренняя революция. Стало дурно и невтерпеж. Живот раздулся как пивная бочка. И он, натужившись, дал «аворовский» залп. От сильного удара лопнуло дно мешка и черта выбросило прямо на середину стола. Он сначала ухмыльнулся, потом расхохотался и стал вертеть длинным хвостом, и мигом разогнал веселую, шумную компанию. Образовавшийся от воздушной волны вихрь приподнял Симона Григорьевича вверх и он, успев уцепиться за краешек месяца, вылетел из окна, поднимаясь высоко-высоко, понесся далеко-далеко в неохватное пространство.

Черт тоже летит вдогонку. Главлитор обкома партии ему показывает кукиш:

— На вот тебе, дорогой товарищ Черт, держи. Хватит хулиганить. В Чувашии не украдешь месяца-красавца как в Диканьке. Уши натру, хвост отрежу. Понял? За такое аморальное поведение и коммунистом не станешь. Помни, у нас — демократический централизм. Не скажи наперед батьки.

— Ну, погоди! — разозлился черт. — Попадешься еще раз в мои руки и я буду жарить тебя в аду как поросенка.

Внизу, под луною, широко расстилалась огромная площадь с широкими полями, далеко растянувшимися лесами, огоньками сел и городов.

В небе настоящая комическая сцена. Бородатый Иван Сариван на десятиведерной двенадцатиобручной бочке с надписью на боку «Приозерная-1», летит по курсу Сорочинской ярмарки. С небольшой дырочки его «космического корабля» хлещут в воздух пивные пары как из ракетного сопла. На прицепах: бочки, кадки, банные срубы... Борис Галин с Укахи инке на ковре-самолете спешат в сторону Киева на экскурсию. За ними на колхозном грузовике гонится ее муж Иван Сариванов. Иван-младший мчится на тарантасе за золотоношской невестой. Умыкнувший Валентину Сариванову кузнец Вакула арендовал карету отставного поручика Шпоньки. Он, размахивая кулаком, прикрикивает: «Гони как ветер!» Расположившийся на сиденье ямщика старый холостяк, не нашедший себе и на чувашской земле жену, громко рыдает за неудачный поход. Горькие слезы превращаются в дождевые капельки. Вот засверкала молния и грянул гром. Небесная ударная волна унесла Симона Григорьевича в другую сторону.

И он-на красном ковре-самолёте, уже плавно кружится над Москвою-рекою. Из окон центрального штаба советских коммунистов раздаются бурные продолжительные аплодисменты товарищей по партии. За героическое, успешное завершение космического полета на Луну его во всеуслышание поздравляет сам Генсек. Тихо приземлившись на высотное здание возле Кремля, главлитор устраивается в бронированный номер гостиницы «Россия». Выглянув в окно, небесный гость был поражен: на Красной площади ликует народ. «Слава покорителю Луны товарищу Говоруну!» — прочитал он на красном полотнище. Из ворот Спасской башни показалась открытая длинная машина с первыми лицами страны. Новый летун не успел крикнуть: «Я — здесь!», в коридоре вдруг начался пожар, и он, перепугавшись до смерти,

спасаясь от наступающего на пятки огня, со спринтерской скоростью побежал к выходу. И здесь дорогу преграждает огонь. В этот миг перед глазами сверкнула противная морда Черта, который недавно пригрозил поджарить его как поросенка. И точно он в аду! Что делать? Тогда главлитор впервые в жизни перекрестился и бросился в открытое окно. Приземлившись на свой же ковер-самолет, радостно воскликнул: «Слава Богу!».

А сказочный воздушный транспорт снова на высоте птичьего полета, приближается к Волге. Мимо него пролетает со своим караваном газовиков Борис Лебедь на Север и машет ему рукой. Ковер-самолет кружится над площадью Ленина в Чебоксарах. Путешественник, увидев компанию обкомовцев, разливающих бутылку «Столичной» на троих за спиной вождя пролетариата, совершает прыжок без парашюта и, приземлившись на ветки ели, аппетитно пьет водку с рук товарищей-собутельников.

Когда верные ленинцы бросили его на произвол судьбы за памятником, Симон Григорьевич, покачиваясь, будто твердо шагает рядом с Лениным, двинулся по безлюдной площади, с гордостью напевая песню: «Сегодня мы не на параде, мы к коммунизму на пути... Ленин — всегда со мной...» Вдруг его догнал здоровенный детина, профессионально снял с мудрой головы главлителя норковую шапку, недавно подаренную хозяину чувашпотребсоюзовцами за бесплатную лекцию о международном положении, нахлобучил на его башку протертую старенькую кепку козырьком назад и, сказав, что, мол, и твой вождь всю жизнь в картузе, помчался как лось. Опомнившись, Говорун по-ленински поднял руку, и во все горло закричал: «Эй, погоди, дорогой товарищ!» А «дорогой товарищ» уже скрылся в темноте. И тут как тут, выросла перед ним фигура милиционера ростом в дядю Степу.

— Что орешь как голодный ишак?

— Не ору я, за шапкой бегу. Помогите, пожалуйста, поймать вора. Шапка...

— Сейчас поможем. За нарушение общественного порядка что полагается? Ишь он как разыгрался. Не дает спать Ильичу. Покой нужен Ленину. Понял?

— Да что вы говорите? Я сам верный ленинец.

— Знаем мы вас, горе-ленинцев. Ленинцы так не хулиганят и так не качаются. Погляди на него, как он твердо шагает. Да и кепку надел не так, как ты.

— Верный ленинец глазом не успел моргнуть как оказался в «Черном вороне». Ехали не так долго, вскоре пересекли улицу имени Богдана Хмельницкого.

— Да вы меня в вырезыватель, что ли? Я на вас пожалуйюсь самому гетману Богдану. Не боитесь его булавы?

Менты от хохота чуть не вывалились из машины:

— Ведь Богдан он сам хмельной-хмельницкий. Давно за ним охотимся. Его самого ждет такая же участь, как твоя. Видишь, у нас есть своя булава. Хотите попробовать?

От сильного удара в спину главлитор вмиг превратился в вопросительный знак. Чтобы сразу другую форму не принять, он откусил язык, проглотив его, умолк, но, ненадолго.

В страшном здании беднягу обыскали, не находя в карманах ничего, кроме газеты «Правда», начали допрашивать:

— ФИО?

— Слава Ка-пэ-эс-эс.

— Адрес?

— Советский Союз.

— Род занятий?

— Краснобай.

— Хобби?

— Коллекционер вино-водочных этикеток.

— Закрой рот. На этом временно остановимся.

Арестованный начал умолять:

— Да отпустите же вы меня. Ради бога, я ни в чем не виноват. Меня даже прекрасно знает сам этот товарищ Черт. Вместе сидели. Не в кутузке, конечно, а в угольном мешке, — с облегченной, спасительной надеждой указал Симон Григорьевич на подошедшего низкорослого майора, точь-в-точь похожего на диканькинского черта.

— Как ты смеешь позорить нашего начальника, свинья! — подарив парочку ударов резиновой дубинки-«булавы» допрашиваемому, дежурный доложил обстановку и, получив от старшего по чину добро на дальнейшее действие, сильно втолкнул главлেকтора в какую-то грязную и вонючую хлоркой комнату.

На предназначенном ему топчане лежит помятое старое одеяло, почему-то с большой дыркой в середине. Усталый посетитель ночлежки с горя надел его через голову и стал похож на чилийского пончо. Одеяло вдруг ожило, зашевелилось и понесло хозяина сквозь открытую дверь в приемную, сбив ментов — во двор. Дежурный вытрезвиловки объявил тревогу. Сильный ветер подхватил беглеца и вихрем умчал в небесную даль. Встретив странного знакомого, месяц зацепил одеяло за дырку.

Или от неумейной радости, что его уже не может догнать ни один мент, или от того, что он на луне рядом с долгожданной девушкой с коромыслом на плечах, в ведрах у которой плещется целебная вода, или от испуга, что с небосвода ему уже никогда не спуститься без длинной пожарной лестницы, висячей за сараем Саривановых, Симон Григорьевич вскрикнул: «О-о-о, боже! Спаси меня!»

Проснувшись от своего страшного крика, он некоторое время лежал не шевелясь, обдумывая увиденные во сне чудеса. Сам удивился, как он сумел засунуть голову в подушку и разорвать наволочку. Скорее всего или Укахви инке, или ее дочь Валентина второпях позабыли застегнуть пуговицы наволочки. Скинув с головы подушку и с тела тяжелое ватное одеяло, увидел у подножия знакомого еще котенком черного кота, облизывающего кончик хвоста и сверлящего соседа зелеными глазами. «Фу, черт, с тобой спали, наверное, мы, дорогой товарищ Кот Сариванович. Черт знает что повидал во сне. Ах...»

Галин мерно храпит. И в других комнатах тишина. Лишь месяц в объятиях ветел игриво пляшет у окна.

Он медленно встал, шаркая ногами, подошел к столу, заметив вчерашнюю откупоренную бутылку «Царевой водки», наполнил стакан и хлопнул залпом, чуть крякнув, закусил ширтаном. Кровь в теле вновь забулдила, внутри все ожило, Оглянувшись вокруг, улыбнулся. Со стены на него хитроватым взглядом глазит Гоголь. «Молодец мой сосед Иванушка. Мои уроки не пропали даром. Видать, по-настоящему полюбил литературу, шельма, приютил и великого сатирика в родной дом. Спасибо».

Говорун вышел во двор и удивился. У курной бани стоял дед Сариван. Он пригласил соседа в предбанник и протянул ему полную кружку симпыла, вместе выпил медовуху и гордо сказал: «Жив, курилка?»

После завтрака гости собрались по своим маршрутам. Хозяюшка преподнесла двум Борисам по два «мячика» шыртана. Укахви, встретившись глазами Галина, вновь обмякла. Какая-то обворожительная сила покорила ее чувства. Сила вселенского круговорота, наверное, не только эту чувашскую мадонну, но и все живое в этом мире связывала с таинственной невидимой нитью. Она время от времени раздает каждому человеку моменты радости и печали. На этот раз в чувашской деревне Приозерной, как и в гоголевском хуторе близ Диканьки, произошли такие жизнерадостные серьезные и смешные истории. А самое удивительное незабываемое видение испытал в эту хмельную зимнюю ночь в родимом краю главный лектор Чувашии.

21

Галин приготовился было лететь на самолете прямым рейсом в Киев, но не смог. Неожиданно поездом из Москвы в Вурнары прибыли, вместе с ответственными работниками министерства газовой промышленности, представители американской фирмы «Мак-Фермот».

— Иван Иванч, удивим, что ли, заокеанских гостей, ослепляя светом нашего солнца? — спросил, хитро подмигнув левым глазом, Андрей Павлов, придя утром на работу. — Если всем миром, все получится. Напомним им эту истину. Сказал бы им сам, но, к сожалению, не кумекаю на их языке.

— Не робей, сам буду переводчиком. Я немного знаю английский.

В тот день бригада работала как никогда напряженно, энергично. Привыкая к агрегату, в час они сваривали и по десять стыков, ежедневная проходка проходила до двух километров. И сегодня не посрамились. Особенно один долговязый американец с любопытством следил за работой машины. После сварки швы шупал ладонью и проверял, постукивая. Не найдя дефектов, спокойно ходил вокруг людей.

Самое удивительное случилось в конце смены. Саривановы специально сварили две забракованные трубы и стали тянуть их с двух сторон тракторами.

Галин был прав. Шов выдержал. А трубы треснули. Долговязый американец выкатил глаза и, подняв правую руку вверх, воскликнул:

— Олл райт!

Сариванов перевел:

— Очень хорошо!

Павлов положил руки на пояс и важно сказал:

— До сих пор не срамились. Марку свою держим на высоком уровне.

— Увы киип ау трейд-марк хайли. О-о, гуд ов ю. Эн экселент уворк. Увиз грейт сексес ин йо уворк, — американец добродушно пожал руки Павлова и Сариванова.

Иван перевел его высказывание:

— О-о, герои. Вместе работать. Поздравляю с трудовой победой.

— Кто не побеждал совместно с миром? Мир — всем правит, — глядя на всех, уверенно сказал Андрей Федорович. — Мир и дружба всегда торжествуют.

— Эврисинг из квайт олл райт ин френдли лайф. Лет пиис энд френдшип привейл!

— Вот и дела, чуваш с американцем нашли общий язык. И мы не лыком шиты, — широко улыбнулся старый сварщик.

Галин обнял их обоих:

— Мне вас, мастеров сварки, хочется сравнить с героем славянской былины богом огня Сварожичем. В ваших руках не только огонь, но и земное солнце. Тебя, Иван Иванч, надобно женить на украинке. Приезжайте в гости. Найдем такую дивчину...

— Подружившийся с вашим «Севером», не против стать и зятем Украины, — шуткой ответил Сариванов, еще сильнее обняв гостя.

После отъезда Галина и из Пскова приехали «щупать» новую машину заводские специалисты, вместе с газовиками постепенно наладили свое детище. А Саривановы при помощи «Севера» еще быстрее продвинулись вперед. Комплекс выдержал хороший экзамен на чувашской земле.

22

Как только завершили срок испытаний, комплекс «Север-1» действительно забрали в сторону Уренгоя. В Лебедином ждали другой агрегат. До этого бригаду Сариванова послали на помощь к Славину в Приволжскую. Их ожидала очень ответственная работа. Ивану Сариванову, Андрею Павлову и Анатолию Горохину поручили провести линию от основной трассы до насосной станции. Теперь Иван рядом с Марьяной. Она знакомит его со своим «городком».

Питерцы сдержали свое слово. С берегов Невы турбогенераторы доставили намного раньше намеченного срока.

Из газокompрессорной Иван вышел с большим воодушевлением. Шум станции долго держался в ушах. Завтра они должны начать соединять трубы с этим «сердцем». Завтра у них начнется завершающаяся битва. Он знает, что для этого, кроме мастерства, нужно иметь огромное терпение и еще раз терпение. Неожиданно всякое может возникнуть. К примеру, если останется воздух в газовой трубе... Это очень опасная смесь. Труба может взорваться. Он слышал о таких примерах. Поэтому строго требуют соблюдения техники безопасности.

Во время испытания здешний конец трубы был заглушен стальной заслонкой. Саривановым надо было ее вырезать. Это не то, что открыть печную вьюшку. Куда сложнее.

Так Сариванов с товарищами приступили к работе. Он тщательно подготовил резак. Кислород к резаку поступает нормально. Одна его часть поступает через вентиль и инжектор в камеру смешивания. Остальная часть через вентиль и тонкую трубку подходит к резаку. Оттуда через внутренний мундштук выходит непосредственно к режущему концу. Через другой шланг подается ацетилен в камеру смещения. Его высасывает кислород. Таким образом в камере получается горючая смесь. Она через трубочку выходит к концу резака. Сариванов зажигает эту смесь и начинает греть трубу. Металл трубы подчиняется тысячеградусной температуре. После этого Иван начинает резать трубу. Бушующее пламя постепенно наступает вперед. Большую заглушку они вырезают одновременно троим. Вот из отверстия вырвался горящий газ...

Они и ночью не выпустили из рук резака, работали под освещением голубого огня. После вырезания заглушки начался более сложный процесс. Десятиметровый кусок трубы надо соединить с основной трассой и насосной станцией. Не зная отдыха, гремели тремя агрегатами. Воеет декабрьский ветер, шумит лес. Ломит поясницу, немеют руки-ноги, только сон не идет. После соединения этой трубы они подсоединили такой же участок рядом со станцией. Трое суток работали бессменно. Сами не согласились сменяться. Дали себе слово. Выдержали!

На 2369-м километре этой трассы Сариванов с товарищами сварили последний шов — победный шов. Стучит двадцать третье «сердце» героической магистрали, работает, гонит, очищая, богатство Сибири на запад. В год через эту трассу будет проходить тридцать два миллиарда кубометров природного газа.

Иван Сариванов радостно шагает с товарищами и со своим учителем Борисом Лебедем. Только в глазах не перестает мелькать свет. Светит как солнышко. Радужный свет кажется то радугой над могучим Днепром, то радугой счастья над великой Волгой. Когда-то они любовались ими с Марьяной. Нет, это не то и не другое, это — возникшее при сварке семицветное вдохновляющее видение. Его отблески он видит в глазах приближающейся к ним Марья-

ны. Это — радуга в дуге, радуга их судьбы. Вместе с глазами, отражающими радугу, промелькнули сеспелевские «выдуманные глаза» и слились в одну радугу-дугу:

О глаза, любимые мной —
Темной сини две черных звезды...
В вашей глубине — как загляну —
Синей Нови цветут сирени,
И устами, к цветам прильнув,
Пью из чаши я откровений.

Марьяна бежит навстречу к ним с ребенком. Все удивленно глядят, как «царица-майра» обнимает и целует бригадира сварщиков. Когда она отпустила его, Иван сильными руками схватил мальчика и поднял вверх, сказав при этом:

— Ну, здравствуй, сынок!

Стоявшие между пожарной машиной и машиной «Скорой помощи» дед и отец поспешили поздравить их.

— Пошли домой, — радостно махнув рукой, сказал Сариван, — мать обещала сварить украинский борщ.

По Приозерной дороге Иван Сариванов шагает, развеивая белую бороду на ветру. Рядом с ним — сын его Иван. Два-три шага сзади внук Иван ведет за руку маленького Иванушку. Его за другую руку держит Марьяна Стасына.

В сторону станции Вурнары, длинно сигнала, на трубовозе проехал Арсений Ламсуркин.

Их догнала Оксана Славина, и, шагая рядом с Марьяной, громко декламировала стихи Тараса Шевченко:

На свет родиться — жить, любить,
Сиять господней красотой,
Парить над грешными святою
И всякому добро творить...

Сверстница на ходу машет рукой:

— Владимир Васильевич, быстрее догоните нас!

Славин бежит вслед за ними. А Оксана Славина все еще радуется лирической земляка:

Туман плывет долинами,
Любо жить нам с родимыми,
Еще лучше за горою
Быть женою молодою.
«Где мой добрый, где мой милый,

Где мой сокол сизокрылый?»

И Саривановы, и Славины хохочут, радуются. Над Вурнарами светятся три солнца.

На газовой реке, на стальных берегах вновь встретились Иван Сариванов и Марьяна Стасына. И любимая работа, и любовь, и семья объединились в одном месте под тремя солнцами, стали одним целым, как сварной шов. Эта живая стальная труба соединила неразъемным швом берега Волги и Днепра.

г. Чебоксары.
1984—1986, 2004 годы

НЕ ПЕРЕПЛЫВ ВОЛГУ...

Повесть

1

Трехдневные армейские учения по всем правилам были близки к военным действиям. На правобережье Волги танки, самоходные артиллерийско-ракетные установки, бронетранспортеры подняли в небо вихри раскаленного песка. Над головой с громовым ревом пролетали звенья штурмовиков. «Наши» и «враги» сильно измотали друг друга, использовали вплоть до тактического ядерного оружия. Утонувшее в пыли и дыме окружающее огромное пространство сражения воюющих сил гремело в свете огненных молний. Ведущему бронетранспортеру Василию Чапайке в густом тумане даже в дневное время невольно приходилось использовать прибор ночного видения. Им лучше просматривается местность впереди.

Как всегда, победили «наши». Отличившихся в учении похвалили, в их числе — и украинского парня. Впредь Чапайка не простой солдат, а ефрейтор. В тот же день он сфотографировался в форме с узкими лычками на погонах, написал письма домой и своей девушке. Какой же он козак, если вернется домой в звании рядового? Односельчане проводили же его в армию быть атаманом. Командир взвода лейтенант заверил, что назначат его командиром отделения, когда нынешний уйдет в «дембель». Поэтому он теперь же начал думать-мечтать о лычках младшего сержанта.

Возможно, удостоенные отпусков были рады больше него, но в голове Васьки Чапайки сложилось свое мнение-понятие. Он никогда не забывает, что является продолжателем переходящих из века в век обычаев своего рода. Их родовое продолжение — извечных военных хохлов — процветает соком защитников страны козачества. Защитниками Киевского княжества от злых врагов были они. Дававшие отпор иноземным захватчикам со стороны западных границ — тоже были они же. Войска украинского козачества на земле Золотоношского края никогда не утрачивали свою мощь. Чувство воинского духа и защитника родины и у него в крови. Ему нравится солдатская служба. Как хочется своевременно и пунктуально выполнять воинские уставы, приказы командиров, старательно освоить технику. Он умеет не только отлично водить бронетранспортер, но и метко стрелять из его пушки и пулемета, стремится во всем быть в первых рядах, заслужить звания отличника боевой и политической подготовки.

Мысли-мечты у солдата сейчас, наверное, шире Кременчугского моря. Улегшаяся и расширившаяся после перекрытия в конце пятидесятых годов вода бурного Днепра раскинулась около их села так, что не окинуть взглядом другого берега. А мысли, что ни говори, шире этого моря, вьются-кружатся в необъятном пространстве, бьются о левый берег своего моря.

Вот он шагает по берегу в обнимку с девушкой. Леся мгновенно освободилась из объятий и побежала вперед, легкой припрыжкой начала кружиться вокруг разросшегося ивового куста. В это время Васька нарвал луговых цветов и сплел красивый венок, ловко установил его на пышные волосы попрыгуньи, стесняясь глядеть в светлые как ясное небо, голубые глаза непоседливой как ребенок красавицы, намереваясь высказать свое отношение к ней, дрожащим голосом прошептал: «Леся-Олеся, я тебя...» «И я тебя...» — прошептала взволнованная девушка, чмокнула его в губы и опять убежала от него по травке. Парень быстро догнал озорницу и заключил в объятия. Будто ожидая этого, не вынося жжения внутренних тайных девичьих чувств, гибкий стан Леси мелко-мелко задрожал. Слушая биение сердца друг друга, они устремили свои взоры на плавающих в воде уток. Как художник рисует берег моря разными красками, так и белая полоска — полоска уток — тянется далеко между зеленой травой и синеватыми волнами. Тысячи колхозных уток плещаются в море. В ушах лишь их голоса на-арт! да на-арт! Стоящий рядом с дирижером этого неимоверно большого оркестра парень, упоенно наслаждаясь любовным биением, окрыленно мечтает: «Когда же будем спать в обнимку на перине из утиного пуха?» То ли улеглась буря внутренней телесной страсти, то ли опомнилась сама, Леся невольно освободилась из крепкого объятия, будто усиливая дальше концерт, длинно запела вместе с утками: «Уть-уть-уть-уть, уть-уть-уть-уть...» Услышавшие тонкий привлекательный голос хозяйюшки, утки кучами собрались у края моря и ряд за рядом начали подниматься на берег. У «утиной матери» давно готов корм для них.

Ухаживающая за утками Леся Зоривка сколько лет уже без огня зажигает сердце Васьки Чапайки. Еще в школе заметил он похожую на куклу красавицу-привлекательницу, никого не подпускал к ней, а других хороших девушек воспринимал как бы для игры и баловства. А Леся-Олеся для него как свет утренней зари. Душевное влечение к ней не покидает его. После получения шоферских прав в районном городе Золотоноше, Чапайку приняли в колхозе на работу. Строению автомобиля, его аккуратному содержанию, ведению себя на дорогах остроглазо, строгой дисциплине он учился у своего родственника, проводящего весь свой век шофером. Поэтому инженер и механик не опасаются отправлять его в дальние рейсы. Теперь он на грузовике Горьковского автозавода смело возит уток в областной центр Черкассы. На ферме очень много выводятся утят. Ваське хочется, чтобы они как в сказке достигали трех-четырёх килограммов за неделю. Так он сможет быть подольше рядом с любимой, да и «утиная мать» чаще сопровождает груз, сидя в кабине рядом с ним. Но у утят свой определенный цикл роста, упитываются не раньше, чем в течение двух с половиной месяцев. Когда нет рейсов в Черкассы, для молодого шофера находятся другие направления. Тогда он тоскует по Лесе, утешается ее фотокарточкой в кабине. Таким образом, их любовь растёт. Три года уже ей. Можно считать, что она созрела для свадебных рук.

Расположенный в километре от берега Утиный остров под зеленым покровом. До возведения Кременчугской гидроэлектростанции в росший на этой возвышенности лес летом сельские жители ходили по грибы, ягоды, зимой там катались на лыжах. Когда вода покрыла тучные поля, ведущей на возвышенность тропки не стало, теперь без лодки не добраться туда. Как и односельчане, и Васька отправляется на остров или охотиться на диких уток, или рыбачить.

Однажды как-то удался свободный день, и парень решил свою девушку покатать на лодке и побыть с ней на Утином острове. После утреннего кормления уток Леся освободилась. У Чапайки имеется новая лодка. Купил недавно. От продажи утино́го мяса и пуха колхоз получает немалые доходы, поэтому у работающих особенно старательно карманы всегда полны деньгами. Ни куря табак, ни злоупотребляя пивом-горилкой, Васька зря не пускает казначейские билеты по воде, время от времени радуется свою девушку подарками. Хватает и для себя, и на помощь родителям. Только вот никак не может купить мотор. В Черкассах намеревался было приобрести, но приехавший с ним в кабине председатель отсоветовал.

— Подожди чуточку, потерпи, Васька, осенью в счет премии сам куплю тебе, не такой моторчик, а более мощный, — надежно заверил его Шаповал.

Чапайка ему поверил, потому что он знает, что Володимир Ничипорович всегда хозяин своего слова. Лишь поэтому и сегодня пришлось взять в руки весла. А это ничего, сила есть, можно сказать, даже некуда девать.

Парень гребет размашисто, быстро. Расположенная на заднем сиденье напротив него девушка в соломенной шляпе нежно поет, время от времени притоптывает ногами. В этот момент под вздымающимися полами платья засверкают привлекательные ляжки. На коротких трусиках цвета расцветшего льна соблазнительно заигрывают солнечные лучики. Эта игра блудливо слепит расширенные глаза парня. Заметив, куда устремлены взоры Васьки, Леся перестала петь, прикрыла подолом платья таинственную чудодейственную красоту, указательным пальцем пригрозила «капитана» лодки, вмиг вскочила и хохоча расселась на его коленях. И лодка уткнулась в заросли тальника. Зеленые ветки взяли гостей в свои объятия.

Для любовной пары из села Чапаевки оказался безлюдный день. Сегодня не видно ни охотников, ни рыболовов. И Васька не прихватил ни ружья, ни рыболовных снастей. Он хочет только веселиться, смеяться, радоваться со своей любимой. В жаркую погоду и вода теплая. Горячий песок жжет тело. Почти у изголовья загорающих крикнет утка, недалеко ей отзывается другая. Морской остров весной встречает своих друзей, под их голоса проводит лето, и увеличившуюся численностью выводками веселую большую семью печально провожает на юг стаями. Вместе с дикими утками в густо заросших деревьями водоемах проводят лето и дикие гуси, и лебеди.

Задумавшие вернуться к обеду, они в безмятежности и не заметили, как их обмануло время. Даже услышав грохочущий звук, не перестали бегать между растущими у берега березами, затем сразу бросаться в воду и играть

там. Подумали, что это реактивный самолет. Только тогда, когда сверкнула молния, испуганно расширились глаза. Ай-яй-яй, поднимающиеся клубясь со стороны Черкассов черно-белые страшные тучи поглотили горячий клубок, находившийся в зените. От ураганного ветра деревья гнулись и шумели. Поверхность воды зарябило. Они спешно побежали к лодке, но не успели. «Корабль» влюбленных, видно, сорвался с якоря, на усилившихся волнах танцует прощальный вальс, покачиваясь, на глазах все дальше и дальше удаляется по течению. Рассерженный, что не привязал по-мужски, «капитан» погнался за ней вплавь, но впустую вернулся обратно. Теперь уж ничего не поделаешь, лишь остается играть в Робинзонов.

Подпрыгивающая на берегу Леся безудержно смеялась над парнем. Глядя на не умеющую горевать любимую, видимо, и гнев Васьки унесся в море, не удержался, и сам расхохотался. На голову начали падать крупные капли. Длинная молния расколола небо, устремилась к старой сосне, растущей в середине острова, и пронзила ее. По смолистому дереву завилась пламя, черный дым сделал небо еще более страшным. Взяв девушку за руку, Васька нырнул в чащу. Недалеко есть сколоченный из досок и покрытый камышом шалаш. Не успели укрыться в нем, как из ведра полил сплошной ливень. Поблизости еще раз гроыхнула сверху мощь, что задрожала земля. Перепуганная Леся прижалась к своему защитнику. От жжения девичьего тела Васька мучается как на горячих углях. Промокшие пыльные губы, будто медом мазанные, причмокивая, влечение чувств делают клейкими. Когда струя телесного вожделения началась чувствоваться между ногами, Леся от безысходности вырвалась из объятия и выбежала вон. «Без замужества нельзя, грех будет, ударит молния», — слышался испуганный девичий голос. Васька завел ее обратно. И он уже успел утихомирить свое страстное мужское желание. Оба, стесняясь внутренне, долго простояли молча.

— Что будем делать? — печально спросила Леся.

— Что, говоришь? Вот что будем делать. Когда пройдет дождь, удалятся громовые раскаты, и мы никого не будем бояться.

— И что?..

— Обнимемся и сольемся. Тогда будет не Утиный остров, а Остров любви. Разведем детей Острова любви!

— Образует страну Любви посреди Кременчугского моря, да? Ой, бес толковый. Вначале нужно вырастить утят. О боже, что делать теперь? Дядя Шаповал убьет нас обоих. Кто покормит моих белых нарт-нартвов?

— Автоматика действует же. Освободят желудки в воде и опять поднимутся набить их. Запас корма должен хватать до вечера. Перед выходом я сам проверил.

— Умру ведь от горя. Ах, не распутница ли... Придумай что-нибудь? Будь мужчиной...

— Та-ак, та-ак, — переставший шутить Васька согнутым пальцем постукал по широкому лбу. — Знаю, что теперь нужно делать. Ты не бойся. Жди меня. Сейчас в село слетаю.

— Как? Летя? Вплавь? Или... Гляди-ка, гляди, какая изумительная радуга выгнулась между утиной фермой и островом.

— Ой, и вправду! Перекинутая богом через воду мост для нашего спасения. Радуга любви. Айда перебежим по ней.

Девушка от радости стала плясать. Парень, взяв ее за руку, побежал вдоль берега. Но мост на глазах удалялся от них. Чапайка, будто намереваясь схватить, вытянул вперед длинные руки. А конец моста, как бы насмехаясь над ними, начал удаляться от берега по волнам. Васька махнул девушке рукой и вошел в воду, быстро поплыл. Для Чапайки это не так далеко. Мало ли они соревновались с сельскими озорниками между островом и берегом. Ей в одиночестве стало страшновато и она заплакала...

И вот, из-за оторвавшейся от основной массы дождевой тучи выглянуло солнце и, собрав радугу, спрятало за пазуху, брызнуло горячие лучи в сторону девушки, высушило капли слез под ее глазами. Вскоре из-за излучины воды выплыли два лебедя. Разумеется, пара. Они приближаются друг к другу, выгнув длинные шеи, стучаются носами, с криками ганг-ганг! отплывают в стороны и опять сближаются. Леся уже устала наблюдать за игрой дружных перелетных птиц. И проголодалась она. Лишь услышав шум мотора, девушка обрадовалась. Вскочив на ноги, она замахала руками навстречу приближающейся лодке и крикнула: «Быстрей! Быстрей!»

Лодка только успела подплыть на мелкое место, как Леся прыгнула в нее и очутилась в объятиях «капитана». Тот посадил любимую рядом и дал газу, мотор мощно заревел.

— За уток не переживай, Леся-Олеся. На ферме все в порядке. Наша невестка не дала умереть с голоду твоим нарт-нартам. Туда пришел Володимир Ничипорович, узнав о нашей беде, предоставил свою личную моторку. Сказал: «Как отслужишь в армии, сразу же поженим тебя». Согласился быть посаженным отцом. Ведь замечательный посаженный отец будет у нас, Леся. В округе нет такого батько! Ух, свадьба... Только осенью... Скоро пришлют повестку. Будешь ждать меня до возвращения из армии? Два года...

— Два года — не двое суток, душечка Васька. Откуда предугадаешь, жизнь-то... — Девушка обняла парня за шею. — Полюбишь дочь генерала и бросишь меня. Связываясь со мной, «утиной матерью», не станешь возиться. Эх, проживем спокойно до осени. Затем — еще до двух-трех осеней. Мне не хочется по мановению волшебной палочки тотчас же выйти замуж. Успеть бы насладиться девичьими годами. Девичьи годы не на сорок лет, не вернутся вновь. Приволье девичьих лет затем и сорока собаками не разыщешь.

Отпустив руль, Васька встал на ноги. За ним поднялась и Леся. Парень приблизил свою тяжелую руку к груди девушки, поиграл пальцем между тугими бюстами. Леся вздрогнула, будто ее током ударило, все тело натянулось. Пока не улеглось чувство беспокойства, не сказала ни слова. И парню не хочется отстранить ее от себя, поглаживая правой ладонью ее круглые ягодицы, безудержно мучается. Окунувшиеся в тайное внутреннее влечение, они не заметили, что лодка перестала двигаться вперед, а потеряв скорость, крутится

на одном месте, лишь тогда, когда продолжающая терять скорость моторка накренилась, они покачнулись и шлепнулись в воду. Взаимное чувство вожделения в воде сразу же погасло. Пострадавшие, посмеиваясь, с двух сторон одновременно забрались в лодку. На берегу большая группа уток встретила путешественников своей неизменной песней нарт-нарт и приветствовала, размахивая крыльями.

С тех пор, как Васька Чапайка и Леся Зоривка начали встречаться, такой близости между ними не было. До этого довольствовались, переведя отношения на игры и веселые смешки. И при тайных встречах парень держал себя корректно, не распускал руки, к тому же — стеснялся. Сегодня, вот, и смелость откуда-то нашлась сама. Пылающее пламенное сердце Васьки начало биться еще сильнее, душа решительно тянется ближе к плоти девушки. За наивность парень сам себя ругает. «Была же возможность физической близости, весь остров был в наших руках, если бы решительней настаивал, возможно, дрожащую от возбуждения девушку легко было бы взять в свои руки, может быть, и сама бы не сопротивлялась. Не насилуя, не надругаясь. Любим же друг друга. Любовные игры пока довольствуются поцелуями. В мужской жизни хочется увидеть и красный цвет девственности. До возвращения из армии черт знает что случится. Мало ли в Чапаевке холостых бравых хлопцев. Могут и вскружить голову моей девушки, и поднять под себя. Эх, неоближенный теленок я. Когда еще будет для нас данный самим богом такой тайный уединенный день», — думая так, долго ходил Чапайка, сокрушаясь.

Возмужалому парню в свое время хочется же с кем-то удовлетворить физическую потребность. Когда в природе все живое увлечено игрой размножения, как же останешься в стороне от естественного течения развития. В связи с этим, кажется, вроде бы и нашлась для него, которая могла бы унимать бурю молодости в теле. И по душе она ему. Не надоедливая молодая бабонька. После того, как муж на пьяную голову утонул в море, оставшаяся вдовой Мариша стройная, черноволосая, готова спрятать козачка с соколиным носом под своим широким подолом и долго-долго держать там, в царстве любовных страстей. Желторотый Васька под этим цветастым шатром на своем веку впервые узнал женский завораживающий и одурманивающий запах, даже не заметил, как стал мужчиной. Тогда, на празднике Янки Купалы, и он по-молодости безмятежно радовался со всеми. На широком лугу молодежь, группами встав в круг и взявши за руки, двигаясь в мерном движении, пела песни. Во время пляски парень шестым чувством догадался, почему тетка Мариша не хочет отпустить его руку и, чтобы унять рождаемую природной жизнедеятельностью силу и под веселым настроением от красного вина, он смело последовал за нею. В пустой хате, кроме кота, никого не было. Хозяйка и его выгнала за дверь. Ощущение самки сильнее, оказывается, тетка Мариша с чувством азартного наслаждения притянула к себе безусого молодчика. Сама же стянула его шаровары, свои цветастые трусики откинула ногой в сторону, страстно прижала его к себе. Растерявшегося от испуга и стеснительности и оттого мнущегося неуклюжего жеребенка поспособствовала нырнуть в неиз-

вестную для него доселе долгожданную черную чашу. Не выдержав той телесной неиспытанной очень сладостной реакции, Васька невольно вскрикнул «мама!» и, от полученного мучительного спокойствия немного отдышавшись, сделав после короткую паузу, со всей силой вновь налег на охваченную новыми порывами плотской страсти голую женщину, войдя в раж, продолжил размеренно и мощно двигать своим неудержимым бунтарем. Мариша, с раскрытым ртом, то дрожа, то впадая в сладкий обморок, искусно, не ведая устали, мелодично долго качала нижнюю часть тела в унисон ему.

После этой запомнившейся на всю жизнь соблазнительной ночи, Васька не слишком-то уж стал стесняться женщин. Когда начал встречаться с Лесей, не смел приставать к ней с развратными мыслями. При этом ему не давала покоя одна желаемая мечта. Не после чужого мужчины, сам он первым хочет испытать блаженство от девственности. Лесю он считает чистой по этой части девушкой. На селе нет о ней дурного слова. Больше ни с кем, только с ним встречается она.

Только с ним и встречалась. Проводила в армию. Обещала ждать. Не позволила дотрагиваться до содержимой в тайной клетке изумительной птички. Необузданная Мариша не запрещала войти в дверь цветастого шатра, и перед дальней дорогой лихого жеребца насытила блудным кормом и до утоления напоила. Набравший силы эликсиром жизни и вкусом жаждущих губ Леси-Олеси молодой козак, расставшись с Днепровским морем, вплоть до правого берега реки Волги ехал упоенно. В городе Горьком он надел солдатскую форму, принял воинскую присягу, начал служить в танковой дивизии Московского военного округа.

Солдат ракетно-артиллерийского полка Василий Чапайка душевную тоску успокаивает получаемыми из Чапаевки письмами. В первые месяцы не только от Леси, но и от Мариши прилетали любовные приветы. Напоследок тетя Мариша сообщила: «Мой самый могучий орел в Золотоношском крае, сильно тоскую по тебе, но думаю, что все равно не возьмешь меня в полет в поднебесье, посадив на широкие крылья. В твоём сердце живет «утиная мать». Как только ты сел в вагон поезда, я с Лесей поговорила с глазу на глаз, не выдержала, открыла ей душу. И извиниться перед нею нашла в себе силы. И ты, дурачок, чуть захмелев, бывало, хвастался: «Я тебя в Киев заберу, там у меня богатый дед ждёт». Разумеется, я тебе не совсем верила, ты не смог бы соединиться со мной. И дедушка с бабушкой, и отец с матерью не благословили бы нас. Ты для меня был вместо временного наслаждителя-удовлетворителя. Искусно играл роль кавалера. Такого своеобразного мужчину я еще не встречала. Увижу ли еще мужика крепче и достойнее тебя? Я до этого слышала, что счастье женщины в мужской силе и сексуальном блаженстве. С тобой и я почувствовала все это.

Возможно, поэтому я не могу забыть тебя. Может быть, ты для меня на всю жизнь останешься самым способным партнером. Будущее покажет. Но... на моем пути встретился еще один представительный красивый мужчина. Он в Черкассах — на высокой должности. Говорит, холостой. Зовет быть хозяйкой

пустующей квартиры. Чтобы не сохнуть одной, как ковыль в степи, думаю согласиться. Я хочу цвести как весенние каштаны. На мое место Шаповал нашел уже замену. Наверное, больше не смогу писать к тебе письма, да и нет смысла. Будь счастлив. Твоя первая наставница.»

— «Ах, Маришка-горюшка, моя любимая учительница. Хотя, завершив курс молодого козака в твоей шатерной школе, и получил диплом ученого-мужчины, не сумел еще пользоваться полученными от твоих уроков знаниями, не нашел партнершу, которую мог бы сравнить с тобой. Леся побоялась баловаться до свадьбы. Жар и наслаждение от женского соблазна чувствую лишь в тебе», — говорил про себя Васька Чапайка, положив рядом фотокарточки двух душепленителей, глядел на них до рези в глазах. В глубоких глазах Мариши качается колыбель синих волн. Лесины очи как всегда, сыплют искры. Второй месяц уже не получает он от нее никакой весточки. Хотя новость Мариши и омрачила душу, он на это махнул рукой. Было — прошло. Все же хотелось успокоить душу Лесиным обещанием.

Мечтами он — в Чапаевке же. Родная страна Украина. Очень длинное, широкое его село. Все это стоит перед глазами. Сильно окрепло за многие века на традициях героизма и славы поселение козаков — Богушкова Слобода. Говорят, и село названо именем прославленного воеводы. Теперь же эта легенда передается лишь из уст в уста. Васька с детства знает, почему в 1923 году переименовали древнее название их села, только никак не поймет, кому пришло в голову из Богушковой Слободы превратить в Чапаевку. Может, находившиеся во власти, может, сельчане сами захотели дать имя героя Гражданской войны Василия Чапаева. Хотя и говорят, что в то смутное время была распространена мода изменить названия городов и сел на советский лад, наверное, большое начальство приказывало делать так. И в светопреставительное время объединения крестьянских хозяйств колхоз назвали именем Чапаева.

Удивительно героическая слава этого бессмертного полководца из-под Чебоксар к украинцам пришла суровыми дорогами войны. 25-я дивизия Восточного фронта, защищая молодую советскую власть, ожесточенно сражалась с войсками адмирала Колчака и одерживала победу за победой. После того, как начдив Василий Иванович Чапаев в неравном сражении на берегу реки Урал героически сложил голову, дивизии присвоили его имя. А когда на востоке страны солнце начало освещать мирный край России, чапаевцев срочно перебросили на запад. Там еще бушевало пламя войны. Включенные в ударную группу двенадцатой армии, бригады 25-й дивизии, несмотря на сильный огонь врага с берега, переправившись через Днепр, под Киевом мощно ударили по польским оккупантам. Польская третья армия, отступив от столицы Украины, по железной дороге бежала к Коростени. Две бригады чапаевцев героически сражались с ними, но силы были слишком неравные, задержать врага не удалось, тогда они отступающую армию начали гнать на запад, полностью разгромив пять полков поляков, освободили город Овруч. После того чапаевцы при освобождении от оккупантов города Олевска возле реки Уборть и под Сарнами и Ковелью еще раз проучили поляков. В 1923 году прославлен-

ную армейскую часть перевели под Полтаву. 25-я Краснознаменная ордена Ленина дивизия имени В.И. Чапаева на прошлой Отечественной войне проявила героизм при защите Одессы, Севастополя от немецких фашистов, впоследствии и на других фронтах отличилась решительными действиями и героическими подвигами. На украинской земле, в Краснознаменном Киевском военном округе, недалеко от Васьки Чапайкиных, и сейчас совершают свое боевое мастерство и умножают боевые традиции чапаевцев воины славной гвардейской мотострелковой Синельниково-Будапештской Краснознаменной орденов Ленина, Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии имени В.И. Чапаева.

В месяцы сражений с польскими войсками и после них одна из частей Чапаевской дивизии временно квартировала в селе Богушкова Слобода. Любовь она не подчиняется ни войне, ни пожару, ни стихии, в суете человека рождается по вселенским же законам и расцветает. И в крупном украинском селении близ Днепра она начала буйствовать как великая река. Один brave кавалерист тайно положил глаз на дочь хозяина квартиры. Хозяин козак Петро Масло в Чапаевской дивизии же вместе с ним очищал родную землю от своры шляхтичей. И его дочь Варвара растаяла как сливочное масло на солнце. Тогда чуваша Василия Иванова украинцы приняли в свою семью. Прибывших с далекого Урала вояк в Богушкове ласково называли чапайками. Со временем зять Петро Масло сменил фамилию и стал Василием Чапайка.

Теперь вот и его внук Васька Чапайка из-за любви готов прыгнуть с крутого берега в Волгу, думает только о свадьбе. С этой мечтой и заснул. В круговороте сна он очутился в родной Украине. Самые почетные люди рода козака Масло в красивых старинных нарядах, с гостинцами пришли в дом Зоривкиных сватать девушку. Готовящая стать семейной, Леся дорогих гостей встретила с вышитым рушником на деревянной тарелке. Во время угощения обе стороны обсуждали свадебные вопросы. Козак Зоривка с супругой согласились выдать дочь замуж. Сваты рода козака Масло, радуясь, что все вышло как по маслу, вернулись в приподнятом настроении. Через несколько дней будущие сваты окончательно договорились о дне свадьбы. Леська с Васькой только и ждут этого долгожданного времени. Парень не выпускает девушку из объятий, будущая жена все равно не позволяет ему перейти границу приличия. Вот гудит свадьба. Какая же украинская свадьба-веселля без «троистой музыки»? В руках сельских музыкантов вдохновляют и окрыляют всех своим чудным звуком скрипка, цимбал и бубен. Посаженный отец Шаповал в расшитой льняной рубаше с прямым разрезом, заправленной в широкие штаны и опоясанный красным кушаком, легких сапогах, прикручивая длинные усы, привольно гуляет вместе с козаками, одетыми тоже в старинные наряды, нараспев благословляет Леську с Васькой, вручает молодоженам золотой ключ от построенного колхозом нового коттеджа. Придерживаясь древних обычаев, их посадили на квашню, завязали руки полотенцем и велели кушать украинский борщ из одной глиняной чашки. Девушки-подружки невесты и группа парней со стороны жениха звонко поют песни. Володимир Ничипоро-

вич, выгибая крепкое тело, пляшет гопака. Вокруг него водят хоровод. Посаженный отец притягивает к себе зятя и невестку. Нетерпеливо ожидающий окончания свадьбы Васька Чапайка, мечта о разделении одной постели с молодой женой, не сводит глаза с глаз Леськи. Ему хочется, чтобы гости беспрерывно кричали «горько! горько!» Когда посаженный отец благословил их словами: «Ложась вдвоем, втроем — с храбрым козачонком вставайте», Васька поднял Леську на свои могучие руки и понес в специально приготовленную темную комнату, поставив ее на кровать, начал снимать с нее свадебный наряд...

— Подъем! — раздался по казарме зычный голос дежурного. Проворно одевшиеся солдаты встали в строй. В голове строя — самый высокий ефрейтор Василий Чапайка.

После завтрака, отведив бронетранспортер в ремонтную мастерскую, механик-водитель долго разговаривал с намного старшим его техником-капитаном, скрупулезно расспрашивал о причинах, почему мотор не работает с заводской мощностью. Песчаная местность, оказывается, всех подчиняет. По ней не разгонишься лихо, как в кино.

Вернувшись в казарму и увидев на тумбочке толстый конверт, Васька от радости аж подпрыгнул: «От Леси!» Оказалось, нет, не от любимой девушки, а от любимой сестренки. По ходу чтения о сельских новостях он все больше мрачнел, его лицо становилось похожим на осенние хмурые тучи. «Брат — брат мой! Леся Зоривка, с которой ты встречался, перебралась в Черкассы. Она вышла замуж за какого-то инженера, работающего на мясокомбинате. Свадьбу справили не в селе. Дурачок ты, из-за этой «утиной матери» решил однажды утонуть в море. Не смогла стать надежной невесткой. Она тебя обманула, бросила раньше года со дня вашего расставания. И я перестала ее любить». Эти обидные слова уже который раз читает он.

Эх, совсем растеряешься тут. И впервые обучавшая глядеть на мир между лажками голубоглазая блудливая сударушка, и не позволявшая безвременно вторгаться в свои девичьи тайны синеокая озорница почти одновременно охладели к нему, будто договорившись, связали свои судьбы с другими мужиками. Думая, что же делать в дальнейшем, с кем познакомившись, провести свой век счастливо, он ходил словно баран. Жар желаний беспрерывно зажигает тело. Иногда, как нетерпеливые солдаты, хочется попробовать заняться онанизмом, но эту мысль горячий парень тут же выгоняет из головы. Рождаются мгновенные мысли подмять под себя какую-нибудь молодуху-красавицу, проходящую мимо, сверкая тонким платьем и соблазнительно виляя круглыми ягодицами. Но соблюдаемый эмоциональный запрет утихомиривает всю пылкую страсть. Военная служба и честь не выпускают его за пределы строгого порядка.

2

Расположенный рядом с деревней Волжская Сосновка «воинский городок» разбудили выскочившие с востока солнечные зайчики, приплясывая на

палатках. Быстро натянув брюки и сапоги, солдаты строй за строем побежали в сторону Волги. После того, как умывшись, поплавав-поныряв освежишь тело, прибавятся силы подняться на крутой берег, и аппетит становится отменным. И здесь солдатская жизнь течет согласно уставу. Прибывший неделю назад из расположенной на противоположной стороне Горького воинской части, автобат трудится, соревнуясь с деревенскими, старательно выкопанную и собранную ими картофель вывозит на железнодорожную станцию: и для себя, и колхозную — для продажи государству. Весь народ в поле. Лишь тех, кто при фермах, отправили в сад.

В один из ясных дней сентября месяца, сделав три рейса на Ишлейскую станцию, расположенную недалеко от Чебоксар, ефрейтор Чапайка, поднимая пыль, примчался в Волжскую Сосновку. Рядом с утонувшейся под ветлами маленькой деревней фруктовый сад, гордясь богатствам, стоит прихорошенный. Красные, розовые, желтые, зеленые наливные яблоки пригнули ветки с листьями почти до земли. Грозди растущих вдоль ограды кустов рябины и калины радуют глаза, кажется, будто сад украшен алым кумачом. Никому не хотелось бы пройти мимо, не зайдя в этот земной райский уголок и не отведав плодов. Ваську пленили запах и красота сада. Не выдержав, он вдруг сбавил скорость, правой ногой быстро нажал на тормозную педаль: «Тпру, резвые крылатые мои!»

Шофер легко выпрыгнул из кабины на зеленую траву; длинными ногами вразвалку зашагал к девушкам, которые, напевая песню, рвали яблоки и укладывали в корзины. Погладив густые черные волосы пальцами, он надел пилотку набекрень в правую сторону, подтянул широкий ремень, поправил гимнастерку. По мере приближения задевающую душу и волнующую нежную песню сравнил с мотивами своей стороны и удивлялся: «Звучит как наша козачка. Лишь слова чужие. Мелодии живущих вдоль больших рек планеты не просто так одинаковы ли, не похожи ли на течение шумной воды? И эта почему-то завораживает на одной струне».

Спешно набирающие яблоки в ивовые корзины девушки, от рокота мотора автомашины заранее распутно возбуждившиеся, с веселым настроением хором рассмеялись и, прыгая как весенние ягнята, окружили стройного солдата. Одна из них, среднего роста, крепкого телосложения, удобно устроилась под увешанными яблоками зелеными ветвями яблони и ласточкой защелкала: «Сфотографируй меня, солдат». Висящим на шее фотоаппаратом Васька охотно заснял ее отдельно и со всеми вместе, шустро щелкая затвором аппарата. Сфотографировал их и по мере набивания карманов яблоками, подаренными девушками, откусывая круглый анис, немножко пошутил, обнадежил покатасть их на машине, решил попутно занести пленку познакомившемуся с ним в первый же день пребывания заведующему клубом. Чувствуя ли, что неожиданный гость ветром может исчезнуть из сада, попросившая первой позировать смелая девушка, отстранив ветки в сторону, подошла к нему, чуть наклонив голову, спросила:

— Коли решил покатать, не посадишь ли меня первой?

Статный подтянутый солдат, смело взяв дивчину под ручку, зашагал к калитке.

— Эй, солдат, не забирай насовсем! Скоро к ней свадебным поездом из Москвы должен примчаться любимый... — послышался сзади насмешливый голос.

Дойдя до машины, шофер девушку, словно ребенка, легко поднял и усадил в кабину.

— Куда надо ехать?

Пассажирка быстро поправила задранный от прикосновения солдатских рук подол платья и, застеснявшись, что перед чужим парнем сверкнула голыми ляжками, покраснела как анис.

— Вон туда. На ферму. Очень спешу.

Догадавшись, где расположен молочнотоварный городок, «ямщик» резко тронул с места «карету». По пути в кабине шутка на шутку начала наваливаться. Языки у обоих острые как отбитая коса. За словом никто из них в карман не полезет.

— Ай, этот твой шестиколесный тарантас ревет громче быка нашей фермы. Сколько лошадей запряг ты в него? — улыбнулась в зеркале девушка.

— Двести.

— О, белый свет! Даже королева Великобритании катается в карете, запряженной лишь шестью лошадьми, а принцессу из Волжской Сосновки катают все двести!.. Чудо!

— На «Урале» мощностью в двести лошадиных сил катаю, — попытался объяснить шофер. — Измерять мощность двигателя лошадиной силой придумали англичане.

— А почему же не учили их измерять бычьей силой? Ты нашего «Зевса» не знаешь еще. Если бы знал! Наш племенной бык сильнее не только твоих двухсот лошадиных сил, но и всех взятых вместе двухсот лошадей Чебоксарского района. Давай сделаем открытие. Если с сегодняшнего дня начать измерять мощность мотора силой быка «Зевса» из Чувашии, то, ей богу, мировая цивилизация бурно разовьется другим путем. Думай, солдат, войдешь в историю.

— Думаю. Чем состариться, ломая голову над изобретением двигателя, мощность которого будет измеряться бычьей силой, думаю, не начать ли работать над формированием на жизненном конвейере новой серии мотора, работающего на Земле до сих пор не старея.

— Что за конвейер? Что за мотор еще это?

— В народе, шутя, сердце человека сравнивают с двигателем мощностью в две собачьи силы. Может, мы вдвоем на этом конвейере создадим моторчик мощностью в две человеческие сердечные силы?

— Но не со мной, наверное.

— Измеряемый ни лошадиной, ни бычьей, ни собачьей силой, а мощнее двух наших сердец моторчик начал реветь в моей голове. — В момент, когда

он рассмеялся, наклонившись всем корпусом к девушке, машину сильно встряхнуло на ухабе, отчего попутчица оказалась чуть ли не на коленях парня. Он удобно обнял ее правой рукой.

— Ой, задушишь так. Ты словно Алеша Попович из старославянской былины, — сказала она и уселась на свое место. — Видимо, слишком торопишься вылепить моторчик любви.

— Что, боязно?

— Нет, не от страха. Когда солдат-защитник рядом, кого бояться? Если и выбросимся из кабины, то вместе полетим в неизвестный мир. Только до этого успеть бы подоить коров.

— Вот так еще раз встряхнем и действительно полетим, достигнем нашего Днепра и с кудрявого облака спрыгнем на нашу улицу. У нашей белой хаты нас встретят родители с большим свадебным караваном. По ковру-кылыму в подручку шагнем в семейный очаг. Будем варить борщ из двадцати видов продуктов. Поживем в ожидании счастья, пока нам не преподнесет домашний аист подарочек — моторчик наших сплетенных сердец, — посмеиваясь, солдат прибавил скорость, «Урал» по гладкой дороге помчался наперегонки с ветром, но из-за отсутствия ухабов «карету» больше не подбрасывало.

— Прибыли! — аж криком объявила девушка. — Не получилось у нас и в поднебесье лететь, и воду Днепра увидеть... Не получилось... Спасибо!

«Получится! Получится! Получится!» — будто говоря так, шофер три раза просигналил и помчался дальше своей дорогой.

Утром хозяин клуба в «военный городок» успел раньше, чем автомашины ушли в рейс.

— Не жалко тебе пленки, ефрейтор, или деньги лишние, вынул из аппарата с двумя отснятыми кадрами? — отдал он Чапайке конверт с фотокарточками. — Посмотри-ка, посмотри ты внимательней. Какие прекрасные девушки в нашей стороне. Ай, как добротню вышли. Еще не совсем высохли после закрепителя, осторожней обращайся с ними. Очень мастерски сфотографировал ты. Молодец.

Солдат поблагодарил его и начал рассматривать фотокарточки, одну, снятую в одиночку фотку девушки, аккуратно пристроил в кабине рядом с зеркалом. День провел, посвистывая мелодию песни исполняемого Рашидом Бейбутовым: «Я встретил девушку, полумесяцем бровь...»

Таким образом Васька Чапайка сам никак не поймет толком, какая потеха происходит с ним в последние дни. Удивительно, на новом месте душа преобразилась, сердце в груди бьется по-новому, сильнее. Сон улетел куда-то. Ему кажется, что в палатке тесно, и ложась спать, хочется вскочить и побежать неизвестно куда. Перед глазами постоянно переливается осенний сад разноцветными красками. Между зелеными ветками с рядами увешанными спелыми яблоками, завораживая с закинутыми вперед длинными толстыми косами, стоит счастливо улыбающаяся, светлоглазая, круглолицая чувашская девушка, и тающей на краях привлекательных губ волной тонкой улыбки щекощет губы парня. Играючи снятый в колхозном саду фотоснимок мучает и мучает,

будоражит голову. «Зачем надо было заехать мне в этот сад? С какой радости я прихватил в тот день свой фотоаппарат «Зоркий»? Если бы его оставил тогда в палатке, то не мучался бы сейчас», — думая так, чуть ли с ума не сходит он. Закрыв глаза, силится вспомнить родные края. Нет ведь, и шум Днепра не хочет доноситься до ушей, и родная Чапаевка, и проводившая его из села в армию красавица Леся-Олеся мельтешатся как в тумане. Любовь украинской родной стороны не может стереть с глаз вломившуюся в душу чужестороннюю любовь из Чувашии, не может выгнать из сердца. Поигрывая с фотокарточкой с изображением чувашской красотки с румяными как анисовое яблоко щечками Васька подавляет горе. Оставшемуся без дивчины и бабоньки, случайно встреченная доярушка кажется ему птицей счастья. «Неужели влюбился с первого взгляда? При встрече в другой раз, может, захочет поближе познакомиться. Может, это было лишь трепание языком попусту?» Вопрос за вопросом встает. Лишь ответ не находится.

3

Соня Соснова живет с матерью. Мать, Ганна Павловна, свою единственную девчурку вырастила одна. Оказавшаяся после окончания Московского института пищевой промышленности по направлению министерства в Чебоксарах, девушка из Золотоноши полюбила Поволжье. Проработав тут и выдержав свою обязательную трехгодичную «ссылку», не удрала на Украину, осталась на городском молочном же заводе. Один чувашский лис из республиканского министерства пищевой промышленности напал на ее след, никак не спустил глаз с нее, заключил в поставленный перед ней капкан: перевел к себе на работу. Заместитель министра был на пять лет старше Ганны, женатый, тем не менее не боялся поддерживать тайную связь. То ли по любви, то ли по дурости, молодая украинка сблизилась с лстивым мужчиной. После того, как с профессором своего Московского института написали «любовную диссертацию», Ганна не слишком-то спешила думать о замужестве. А с этим чувашом попала в водоворот любви. Шаловливые тайные ночи не прошли даром. Почувяв, что у них будет ребенок, любовник Ганны Павловны вывернулся от беды, не попал в переплет аморального начальника. Умеющий все налаживать чувашский еврей устроил ее на работу в туристический комплекс «Волжанка», для проживания подарил ей свой пустующий дом в Волжской Сосновке, с семьей смылся в Москву. И после рождения Сони баловни судьбы в какое-то время встречались в столице. Тот не жалел денег, постоянно поддерживал дочку с матерью материально. И любви надо быть ближе, пламенеть рядом. Видимо, дальность и чувство близких связей постепенно-постепенно удаляет и остужает. На пустое пространство, кружась, может ворваться другой вихрь. И Ганне Павловне случилось очутиться в объятии такого вихря. Нашелся кавалер на берегу ласкающей, утешающей ночами Волги. С тех пор она, не расписываясь, очень счастливо продолжает жизнь с одним

старым холостяком. Поглядывая на бурно расцветающую дочь, она вспоминает свою молодость. Когда с малыми ребятишками плескались в речке Золотоношке, на берегу Днепра, беря за руки, прогуливались с парнями и девушками, на лугу, встав в круг, водили хороводы, ни о чем серьезном не думали. Сердцем не мечтали и о том, куда может покатить колесо жизни. Вон какова она, оказывается, судьба человека. Верить ли, или не верить песенным словам «Предписанную богом дорогу найдет каждый». Но человек, сам не думая не гадав, может оказаться в неизвестно какой связи, в неведомо какой могильной яме. Не все зависит от него самого. Если бы министерские чиновники направили ее работать в другой регион, ее судьба могла оказаться не такой, как сегодня, а совсем другой. Может, нашла бы законного мужа.

Да и сейчас жизнь Ганны Павловны, можно сказать, как сыр в масле. Что необходимо — то есть. Лишь будущее девчурки заставляет думать. Уже в пятнадцать-шестнадцать лет созрела Соня, начала думать о парнях. Митя Лисайкин из заовражных Вурманкасов, который учится в Чебоксарском технологическом техникуме, не расстанется с ней. Хотя и не любит Ганна Павловна всей душой легкомысленного хитрого юношу, все же не смогла запретить его встречаться со своей дочерью. Опасается, как бы в голове соседского парня, старшего Сони на четыре года, не завелись дурные намерения. А если и дочь нечаянно смягчит свою стойкость? Не осрамилась бы по окончании средней школы. Сама же она невзначай проливала эти блудные слезы... Она желает, чтобы хотя бы Соня встретила сильного, культурного настоящего мужчину с чистой душой.

Кашу из таких мыслей варит мать на домашнем очаге.

А когда узнала о намерении Мити Лисайкина продолжить учебу, у Ганны Павловны легче стало на душе. Нашла и способ отлучить его от своей дочери. Посоветовала юноше поехать в Москву, обязалась помочь. Свою любовь разыскала в институте. Что поделаешь, пришлось разрешить вопрос, предлагая обеззубившемуся жеребцу-профессору живую взятку. Таким образом Митя-Митроха Лисайкин стал студентом института пищевой промышленности, но не перестал встречаться с дочерью Ганны Павловны. Они на каникулах всегда вместе. Теперь вон, по словам Сони, получившего диплом инженера-технолога Лисайкина направили работать на Украину, в город Черкассы. Оказывается, приглашает ее к себе повидаться.

Восемнадцатилетняя Соня Соснова и тогда, когда милый сердцу парень поехал учиться в Москву и когда начал работать вдаль, не стала кокетничать с другими парнями, живет, терпеливо ожидая его. Раньше на каждые каникулы приезжавший в деревню ее Митя-Митроха, неужели теперь забыл родимый край. С каких пор не появляется. Под конец, и тропка писем заросла подорожником. Не слышно известий с запада. Девушка затосковала. «Неужто Митя Митроха позабыл меня? Неужели среди хохлушек нашел другую, лучшую, краше?» — постоянно думала она, страдая от неизвестности, и лила слезы.

А вчерашняя встреча раскрыла начавшиеся было потухать от тоски глаза, потревожила сердце, успокоила душу. То ли посадивший набекрень пилот-

ку на густые черные волосы стройный солдат с соколиным носом вторгся в сердце, непрестанно заставляя думать о себе, напоминает начатый о мощности моторчика шутливый разговор. Ей кажется, что рядом с ним, образ болтливого эгоиста Митрохи Лисайкина, тускнея, как в тумане исчезает. Каким же образом и когда случится встретиться со спустившимся на берег Волги орлом? В голове девушка ищет ключ счастья.

Повод непредвиденно нашелся. Заведующий клубом организовал встречу сельской молодежи с воинами. Соня пришла туда в красивом новом наряде. На сцене пела рядом со сверстницами. И «гарнизонщики-картошники» профессионально показали свои способности. Среди них ее ефрейтор своим ростом выделяется как колхозная пожарная каланча. Он спел, будто для нее, песню из кинофильма «Девушка без адреса»:

Душа ни по ком до сих пор не томилась,
Но ты повстречалась мне...
Куда же ты делась? Куда же ты скрылась?
Неужто приснилась во сне?..

Соня Соснова воспрянула, ей захотелось прямо сейчас выйти на сцену и ответить певцу словами;

Ты, только ты!
Эту песню тебе я пою.
Пусть все знают,
Что я люблю!
Ты, только ты!
Лишь тебя полюбить я могла,
Я с тобой
Счастье нашла!

А в то время солдат громким приятным голосом известил всему залу:

Но если ты даже мне только приснилась,
Имей, дорогая, в виду;
Куда б ты ни делась, куда б ты ни скрылась,
Тебя наяву я найду!

Хочется слушать и слушать Соне залиvistый голос взбудоражившего ее крепкого молодца. А певец уже заканчивал свой номер:

Пускай ненароком исчезла ты где-то,
Имей, дорогая, в виду,
Что я за тобою пойду на край света,
А надо — и дальше пойду!..

Когда начались танцы, солдат разыскал Соню сразу же, вывел ее на середину зала. Кавалер, видимо, не хотел отпустить драгоценную живую куколку из своих рук, тем не менее не смог сопротивляться желанию командира — подполковника. Соня потанцевала и со старым боевым офицером, затем опять без усталости кружилась ревнивым здоровым партнером, выплясывала, извивалась.

Вот и началась между тем новая любовная история на берегу широкой Волги. Девушка и парень друг с другом познакомились основательно, теперь их и водой не разольешь. И мать с радушием приняла солдата, оба с наслаждением разговаривают на украинском, чуть выпив вина, с удовольствием распевают свои песни. И Соня присоединяется к ним, словно соловушка заливается, усиливая мелодичность исполнения. У земляков сколько слов не находится, чтоб поделиться воспоминаниями о родной стороне.

К ним иногда приходит родственник любовника-мужа Матвей Соснов. Ему за восемьдесят лет. Когда захмелеет, у старца развязывается язык, как начнет он вспоминать молодость и тогда... нет конца его рассказам. Однажды в такую пору и Васька Чапайка оказался в гостях у своей возлюбленной. Между словом дед спросил его, откуда он родом.

— С Днепровской стороны, из села Чапаевка. С Ганной Павловной из одного района, — как будто рапортуя, сообщил солдат.

— Чапаевка, говоришь? — наострив уши, интересовался Соснов. — Хотя на Украине был два раза, сражался в двух войнах, но не слышал, что есть такое село. Ваша страна несказанно широка, поэтому может и быть.

— Если так, то я из Богушкова Слободы. Со входящей в Черкасскую область Золотоношской стороны. Наше село когда-то называли именем вашего земляка, вот с тех пор оно и Чапаевка. Соня, не удержавшись, засмеялась:

— Ха-ха! И сам он Чапайка, Васька Чапайка.

Встав на ноги, дед погладил бороду, покрутил кончики длинных усов.

— Ай, какой ты молодец, солдат brave, человек добрый. Я же хорошо знаю ваше село. На Гражданской мы оттуда прогоняли пан-поляков. Ай-яй, дали жару этим шляхтичам. Наверное, кто остался жив, до смерти не забыл, кто служил в Чапаевской дивизии. Больше двух месяцев рубили их головы словно кочанов капусты. Слабые они вояки. В вашей Богусловке мы немножко отдохнули, вооружились и пополнились по новой. Места потерянных в сражениях солдат заняли козаки вашего села. Подкрепившись — снова в бой! Украинское большое село до сих пор перед глазами. На центральной площади громоздились огромные дома польского пана, церковь. Крытые соломой маленькие помазанные хаты бедных хохлов мы сравнивали с нашими чувашскими как баня избушками, и чесали головы. Оказывается, при режиме царской империи ведь все народы жили на одном уровне. Без слов понимали, что мы все вместе должны насмерть бороться за очищение страны от угнетателей и за последующую достойную жизнь. Были молоды и были охоче петь в обнимку

с хохлушками-хохотушками. Мой друг там же нашел и свою глубокую любовь. С Вурнарской стороны он, родом из села Абызово, Иванов. С Васькой в один и тот же год отправились с нашей стороны в армию Чапая. Воевали рядом. Ай как любил Васька-кавалерист стройную, как сам, солнечно сияющую дивчину-украинку. После окончания войны нашу часть перевели в Полтавский край. Началась демобилизация. Ведь не выдержал, помчался к недалеко протекающему Днепру. Я вернулся в свою Чувашию. Меня ждала любимая с Волги.

Слушая оживленный рассказ старого человека, солдат понял, что он как раз вспоминал о его дедушке, тогда он рассказал о жизни своего села и о семье.

— Напиши большой привет дедушке, сообщи, что Матвей Соснов не перестал рыбачить в Волге, что до смерти намерен третий раз форсировать Днепр, — прослезившись, он обнял солдата.

Продлившийся на несколько дней дождь насквозь промочил землю, поэтому в деревне временно прекратили копать картошку. Воспользуясь этим, Соня пригласила своего парня погулять за Волгу. Солдату дали увольнение. На моторке они переправились в Заволжье, ходили по сосняку, собирали маслят. На обратном пути причалили к острову, расположенному посреди моря. Наблюдавшая, как рулевой тщательно закрепляет цепь лодки, Соня попыталась насмеяться над ним.

— Эх, трус. Боишься, что отцепится? Не трусь. Все равно не станем героями Даниэля Дефо. Это не безлюдный остров. Вон, видишь, дед Матвей плетется в нашу сторону.

В этот момент перед глазами «Робинзона» мелькнули Кременчугское море, Утиный остров, гроза, уплывающая по воде лодка, окраски цветущего льна нижнее белье Леси Зоривки. Он поднял голову и взглянул на пестрый как цветущий луг купальник стоявшей выше него девушки. Мужская сила в теле, шевельнувшись, возбудила потайной орган ниже пупка. Чтобы унять бунтаря, парень повернулся напротив ветру и терпеливо стоял, будто наблюдая за берегом; лишь тогда, когда дед уже был близко, зашагал ему навстречу.

Матвей Соснов пригласил молодых в гости. У него между березами и ивами есть покрытая шифером приземистая изба, сарай, баня рядом же.

— Здесь, на Сенном острове, в царстве воды и живу, копошась потихоньку. Без дела не страдаю, — сообщив это, он показал содержимое сарая. — Я же мастер по тальнику. Выборочно рублю их, плету, сушу, продаю. Зарабатываю себе на еду и одежду.

Разглядывая и трогая плетеные из тальника стулья со спинками, корзины, посуды, детские коляски и кровати, парень из Украины был восхищен.

— Прибедняйтесь, уважаемый дед Матвей, — усмехнулся гость. — Тут не только можно заработать на пропитание, но и стать волжским миллионером.

Соснов расхохотался:

— Хо-хо! Миллионер Сенного острова. И вправду, я — самый богатый человек в этом морском государстве с населением численностью в одного люда. Вот радость-то какая моя. Даже умереть не хочется.

— Не позволим думать о смерти, милый мой дедуля, жить да жить еще, вон сколько богатства на вашей островной стороне-стране. Если нужно, и мы поможем, — подбодрила Соня.

Старик, выпрямившись, расправил плечи:

— Благодарю за доброту, внученька. Пока справляюсь, а дальше видно будет. Под старости лет она, поддержка людская, потребуется каждому. Ох, эта великая река. И она — наша помощница. Опора насыщенная. Волга извечно кормила народы нашей стороны. Чуваши сплавляли плоты, бурлачили, рыбачили, плели хозяйственные вещи из тальника. Мастерству плетения я научился у дедушки и папаши. Где только не показывали мои плетенки. Кто только не покупал их. И сейчас составил договор с райпо. Потребкооператоры должны забрать вот эти вещи, обещали приехать сегодня-завтра. Удивительно, однажды пригласили даже в Москву. Как мастера народных промыслов, наградили меня Большой серебряной медалью ВДНХ.

— Как же не радоваться тебе, дедушка, своими наградами, — Соня поближе подошла к родному человеку. — А помнишь ли ты их количество?

— Не считал. И у тебя есть золотая медаль, — родственник мягко погладил ее по головке. — Со школьных лет жизнь начала с золотым цветом. Будь счастлива.

Соня захотела похвалить и парня своего:

— И Васька Чапайка говорит, что у него наград полная грудь...

Солдат, застеснявшись, толкнул ее в бок.

Заметив это, дед улыбнулся и сказал:

— За почетные знаки не следует краснеть. Надо гордиться ими. Награда она — цена доблести, мастерства. Давайте будем ее хранить как душевное добро, ребятки мои.

За столом, во время чаепития из трав, беседа продолжилась дальше.

— Первый мой государев знак — орден Красного Знамени напоминает, о давнишнем, — тяжело вздохнул старый солдат. — Тогда, в начале лета двадцатого года, войска Пилсудского польских панов заняли Киев. Нависла угроза захвата ими всей Украинской советской республики. Нашу двадцать птую Чапаевскую дивизию направили для укрепления Юго-Западного фронта. Не забыл еще и его командующего, потому что запомнил этого военачальника, когда он приезжал к нам в часть со своей свитой на автомобиле. Говорили, что командарм Александр Егоров был одним из организаторов частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Там, среди солдат, очень хорошо знаешь, кто командует над тобой. Не так ли, товарищ ефрейтор?

— Так точно, товарищ чапаец! — отчеканил Чапайка. — Любим и уважаем своих командиров вплоть до генералов. Гордимся ими.

— Смотрите, какой молодец стоит передо мной, — по-мужски обнял Соснов боевого солдата. — В то суровое время и наш начдив Кутяков был не хуже Чапая. Я не думал, что на поле сражения останусь живым. Нам приказали белополяков ударить с тыла, Долго возились, рубя лес и связывая плоты. Поплыли по воде. Больше двух верст растянулся, наверное, десант из переправочных средств. Там и пехота, и кавалерия, и артиллерия. Канальи панки-пилсудчики с крутого берега начали палить из пушек. Лодки и плоты на глазах разлетаются вдребезги. И рядом с нами разорвался снаряд, опрокинул плот. На поверхности воды как мертвые рыбы плавают человеческие тела. Живые рвутся вперед. Вижу, недалеко от меня мой земляк барахтается с нашим командиром бригады. Оба вот-вот утонут. Я изо всех сил скорее подплыл к ним и протянул левую руку Ваське Иванову. На счастье, приближается пустой плот. Удержав его, я еле-еле затолкнул утопающих на скрепленные бревна. В это время — раненый командир потерял сознание. Я завязал его рану. Земляк мой обессилился. И у меня душа ушла в пятки. По мере приближения к берегу бревна начали рассыпаться. Мы вновь очутились в воде. Я ведь волжская рыба. Спас их от гибели.

Гость пожал крепкую руку хозяину избы.

— Спасибо вам, добрый дед. Если бы не было вас...

— И тебя бы не было, — кивнул головой Соснов.

Внучка родственника раскрыла рот.

— Вправду? Ай-яй ты, дедушка, хочешь потерять моего Ваську. Так не честно.

— Так и случилось бы, если бы абызовского парня съели днепровские рыбы, доченька. Помощь она всегда вовремя нужна. Друг другу всегда надо протянуть руку. А мы, одолев Днепр, победили жестокого врага. Под красным знаменем устремились вперед. Украинскую землю очистили от интервентов. Незаметно для себя, вышел в герои. Орден Красного Знамени на гимнастерку прицепил сам Иосиф Сталин, член Реввоенсовета фронта. Перед всей бригадой. Во, как! От радости готов был переплыть Днепр.

Некоторое время попив чай, закусив с сушеными бедрами диких уток, все посмотрели друг на друга. Тут язык деда Матвея вновь развязался.

— К воде привык с детства, — сказал он, — поэтому переплыть реку-матушку для меня все равно, что раз сплюнуть сквозь зубы до левого берега. По древнему обычаю чувашей, кто быстрее всех парней смог переплыть Волгу, тому предназначалась самая красивая девушка в округе. Пока не переплывешь Волгу, не поумнеешь. Помню и такую поговорку с детства. В ней зарыта глубокая мысль стариков. В связи с этим вспомнился один сказ. Переправляясь через Волгу, одного грудного ребенка засунули в рукав тулупа и сохранили. Этот ребенок, став взрослым, прославился, оставил после себя основанные им деревни. Наши Волжская Сосновка и Вурманкасы тоже возникли тогда. Так вот мы, дети Волги, были не плохими. Когда вернулся из армии и когда настало время жениться, не выдали за меня замуж девушку любимую, пока я три раза не переплыл могучую реку... И тебя, сынок, надо бы испытать. Переплывал хоть разочек через родимый Днепр?

— Конечно, — смело ответил Васька Чапайка.

— По мосту, — улыбнувшись, сверкая белыми зубами, съязвила Соня.

— Под мостом. Вплывь.

Дед ласково похлопал солдата по спине.

— Верим, тем не менее...

— Если выдадите замуж вашу красавицу, я сейчас же готов переплыть, — обрадовался парень.

— Не спеши, сынок. У нас говорят, что растерявшаяся утка нырнула задом. Ты — не командир. У тебя нет хлеба своего. Если женишься, где будешь содержать благоверную? И похлебку ждем, когда она сварится, — старый повар подбросил под котел сухие ветки. — Не опередишь течение времени. А сейчас пустим стерлядку и скоро у нас будет во какая уха. Так вот, жених-скаун.

Васька Чапайка, таким образом постепенно знакомясь с древней стороной своего дедушки, помаленьку сближается с чувашами. Понял и то, почему судьба притянула его именно сюда. Сначала он сильно сожалел, что не попал в прославленную Чапаевскую дивизию Советской Армии, дислоцировавшуюся под боком. Ведь служить в этой гвардейской части для богушковцев-чапаевцев считалось высокой честью. Районный военный комиссариат туда отправлял ежегодно самых лучших юношей, в первую очередь, разумеется, из Чапаевки. Ему стало известно, что и для чувашей служить там — почетный долг. А внук чапаевца попасть туда почему-то не смог. Что поделаешь, всю молодежь не призывешь в одну дивизию, и для других воинских частей нужны только способные же. И здесь он, в известном Московском военном округе танковой дивизии, кует свои военные знания и боевое мастерство.

Картофельная операция завершается. Автобат с честью выполнил поставленную перед ним боевую задачу. «Гарнизонщики-картошники» готовятся отбыть в Сормово. Хозяин клуба зазывает на вечер дружбы. Встретиться, оживленно побеседовать, петь, потанцевать в Волжскую Сосновку коллективно собрались и вурманкассинцы, и отдыхающие в туркомплексе «Волжанка», и жители из окружных деревень. Руководители района и колхоза от души горячо поблагодарили военных, преподнесли им ценные подарки. Ефрейтору Василию Чапайке вручили вместе с Почетной грамотой райкома комсомола миниатюрный радиоприемник.

После торжественной части начались танцы. Васька с Соней воодушевленно кружились под мелодию чувашского вальса. Только хотели было выйти из тесной середины танцующих пар на более свободное место, как Чапайка своим огромным сапогом нечаянно задел за чью-то ногу. Чтобы извиниться, повернул голову и сам не поверил своим глазам: рядом же Леся-Олеся Зоривка старательно танцевала с каким-то полнотелым партнером. И Соня от странного, будто во сне, видения, вытаращила глаза: Митя Митроха Лисайкин сияет перед раскрашенной молодой женщиной. И те уставились на них. Все тихо отошли от танцующих. И никто, стремительно подбежав, не обнялся друг с

другом, не поцеловался. В это время зазвучала мелодия белого танца. Леся не удержалась, растерянная от неожиданной встречи, сверкнула озорными глазами, несмело шагнув вперед, охватывая внутренней силой старой любви односельчанина, пригласила солдата на танец. Васька, вопросительно посмотрев в глаза Сони, и поняв, что та не возражает, схватил протянутую крепкую руку землячки, правой рукой моментально обнял за плотную талию знакомой женщины.

— Как живешь, «Робинзон» Утинового острова?

— Сама видишь, как, ты моя беглая предательница «Пятница». Вместо «утиной матери» с Приднепровья нашел на берегу Волги «птенца чайки».

— И я нашла парня с Поволжья. Когда в очередной раз поехала на мясокомбинат сдавать уток, и привязался ко мне этот инженер-технолог. Получив в Черкассах квартиру, сразу же женился. В девках сорок ухажеров, говорят. Прости.

— Понял. Ты давно хотел удрать из деревни, мечтала стать женой начальника, надо мной постоянно подтрунивала, что мне никогда не светит «большая шишка». Искала сказочного счастья. Теперь-то нашла?

— Нашла, душенька мой Васька, Васенька. Хлопец не плохой. Пьянством не балуется, слушается меня. Жизнь в достатке. У нас все есть. И ребенок будет. Слушай, я тебе откровенно говорю, все же ты не смог бы сделать меня такой счастливой. Пойми, два года в армии. После службы поступил бы учиться в институт — еще пять лет пришлось бы нетерпеливо ждать отрадного времени. Сам шевели мозгами, кто поступил правильно. Один раз живем на белом свете. Утерянного никогда не вернешь. Сам виноват, что был слишком наивным, что стеснялся приласкать попавшую в клетку птицу любви. Девичий нрав следует побеждать, настаивая разумно. Тебе тогда не я, тетя Мариша больше всего нужна была. А все равно история Утинового острова не выходит из головы, не исчезает с глаз. Вот ты вновь передо мной, обнимаешь меня, возбуждая, радуешь меня. Наверное, не смогу разлюбить тебя. Но только одними порывами страсти не проживешь на свете, — торопливо высказав это, Леся-Олеся горячо чмокнув в губы, обожгла тело своего первого парня.

Оставленный женой и Митя-Митроха недолго скучал в одиночестве. Вскоре к нему смело подошла Соня Соснова, наклонив голову, вежливо пригласила:

— Прошу, пропавший мой любимый.

Лисайкин ладонью протер покрасневшее лицо и охотно согласился потанцевать.

— Вас, девчат, трудно понять до конца. Вертихвостки. Если бы не направили работать меня на Украинну... Не встретила бы со мной эта хохлушка. Бросила своего парня, и ко мне приласкалась.

— Если бы, если бы... Если бы я прилетела в Черкассы по твоему приглашению...

— Эх, это не серьезно. Мало ли что я писал. Слишком юная ты была, Сонечка.

— Не ври. Легкомысленный болтун ты. Баловень судьбы. Донжуан. Думаешь, не знаем, как ты в Чебоксарах одну девушку оставил в положении. Кобель несчастный. Хорошо, что я не попала под твой обманный пресс.

— Пойми ты, Сонечка. Попал я в такую благоприятную обстановку, даже мечтать не мог. Ведь директором мясокомбината не кто иной, а родной дядя Леськи был. После знакомства с ней, для нас он сразу приготовил свадебный подарок. Шикарную квартиру, на берегу моря. Во как! Разве упустишь такое счастье!

— Спасибо маме. Правильно ругала, не одобряя наши встречи. Без тебя мне сейчас очень хорошо.

— Другого кавалера нашла?

— Да, нашла.

— Кого? Из наших?

— Нет. Из чужбины.

— Немного догадываюсь. Этого солдатики, что ли?

— Нет, не солдатики, а солдата, с которым я танцевала. Не такого, как ты, не понюхавшего пороха, а настоящего воина-защитника. Понял?

Лисайкин засмеялся:

— Тоже мне кавалер. Солдат он сегодня здесь, а завтра там. Небось, для утоления жажды прилип?

— Не оскорбляй невинного. Он честный brave парень. Ишь, какой богатырь. Только сообщу вот, что ты меня унижаешь, мокрое место останется от тебя.

Ты не пугай меня на своей родине. Здесь и стены помогут.

— Трусишка заяц ты, вечный скакун. Не дрожи так. Лучше скажи, в отпуске, что ли?

— Уже неделя. Горел желанием встретиться с тобой, милушка. Не мог оторваться от жены. Сейчас занавес открывается для нас. Моя Леся завтра уезжает в Чебоксары к нашим родным аж на три дня. Ищет богатые наряды. Встретимся? Не случится светопреставления, если мы вдвоем на Сенном острове всю ночь будем косить пойму любви.

— Ах ты, развратник, юбочник! Так хочешь, да?! — Соня, разозлившаяся, что он ее так сильно обманул в любви и что сейчас обидел так нахально циничными словами, нанесла крепкую пощечину отворачивающему партнеру и, гордо задрав голову, отошла в сторону, затем выпрямилась и смело оторвала своего нового парня от жены Лисайкина. Не сообразив что же произошло, Леся Зоривка пошла к скучающему у сцены мужу.

Наверное, только бог ведал, о чем тайно думал до утра каждый из четверых, бессонно проведя ночь. Взошедшее со стороны Чебоксар светлое солнце всех одинаково поласкало своими лучами, каждому вновь подарило новый день. Этот солнечный день Соня с Васькой провели снова за Волгой и на острове. Ведь командир почти всех освободил от службы ради прощального дня. Сам он был в компании начальства.

На острове, ожидая влюбленных, Матвей Соснов приготовился варить уху, как только они появились, тут же разжег костер.

— Эх, ребятки, пляжу я на вас, и вспоминаю свою юность. И я ведь испытал и претерпел так называемую земную любовь. До призыва в армию со своими деревенскими сплавлиали плоты. Отсюда, чуть повыше, есть старинная пристань Ильинка. Оттуда до Чебоксар мы, плотогоны, сопровождали крепко-накрепко связанные звенья кряжистых плотов. Если развяжется и рассыпится звено, то и не думай возвращаться назад. Хозяин отрубит голову. Не пришлось испытать такой беды, а полюбив хозяйскую дочь, попал в настоящую сеть. Остров этот был не таким, как нынче, а высоким, широким, длинным, почти сплошь покрытый обильными лугами. Позже близ расположенные колхозы годами косили траву и сушили сено, сдавали государству. К восьмидесятым годам, когда перекрыли Волгу, от острова осталось лишь верхушка. Но это неважно, тогда... Как сейчас помню те времена, как тайно миловались с дочкой хозяина. Сами боялись показываться на людях. Под шум чаек однажды грустно запела моя соловушка: «Я теперь без тебя жить не могу, а как же ребенка назовем?» От этих слов мои волосы встали дыбом. Богатый хозяин меня, лапотника, ни за что и никогда бы не признал за зятя. Если бы не забрали на воинскую службу, что бы пришлось испытать? К моему возвращению с Украины хозяин плотов и рыболовства куда-то сплыл со всей семьей. Вот и такое может случиться, ребятки. Я как старый человек, хочу предупредить вас, чтобы вы любили друг друга поосторожней.

Перед ухой дед угостил их ягодным вином.

— Хотя и ударит в голову, но не пьянит лекарство из клюквы. Клюкву я на болоте мешками собираю, продаю матросам с проплывающих пароходов. Из остатков делаю вино, — пополнил он стаканы. — Давайте выпьем и захмелем чуток. Захмелеем и — споем.

— Ай-яй, дед, давай-ка до этого уху похлебаем, а то проголодались, — сказав это, солдат начал деревянной ложкой опустошать глубокую чашку.

И Соня не отстает от него. Рыбина волжская еще какова!

Аппетитно поев, наконец дошли и до песни. Будто известив об этом, проплывающий мимо острова теплоход дал длинный гудок. Оглядев панораму моря с прибрежными лесами, Матвей Соснов чуть хрипловатым голосом задорно запел:

Анлә Атәл ләпкән хумханать,
Хум җапать ем-ешәл җырана,
Эх, аван-җке Атәл хёррине
Уҗалма тухмашкән ирхине.

Своим дискантом Соня подбодрила дедушку:

Хум җапать ем-ешәл җырана,
Пәрахут шур акәш пәҗ анать.
Иксәлми телейлә җынсене
Вәл каллех тулли телей сәнет.

Украинец, подняв руки над головой, сильно похлопал:

— Здорово звучит! Но... О чем же спели? Хотелось бы знать.

— Эта у деда самая любимая песня, — застрекотала Соня. — И для меня она была первой песней с детства. Все ее исполняют. А, пусть сам расскажет.

Старый певец покрутил усы, прищурился и, поправив вышитую чувашскую рубаху, заговорил:

— О том она, сыночек, как широкая Волга плещется тихими волнами, играя зелеными берегами, и как радужно выйти на Волгу гулять от души по утрам, и по волнистой ее глади плывет, как лебедь, белый пароход и счастливым людям на земле он шлет блаженства в жизни во сто крат. А родиной этой песни я считаю остров Сенной. Незабываемая встреча была тогда здесь. Из Чебоксар высадился десант поэтов и музыкантов. Самым старшим оказался Григорий Лисков, как и я, чуваш из прошлого века. Интеллигентный, крепкий, степенный, с заметной лысиной, в очках, словоохотливый человек. Композитором назвался. Музыку творит, значит. Хорошо запомнился еще другой пришелец лет под сорок, живой, густоволосый вурнарский стихотворец Иван Ивник. И во время охоты на диких уток, и во время ловли рыб, и в часы отдыха они были рядом и всюду что-то мурлыкали. Потом стало ясно, когда Лисков взял в руки скрипку, а Ивник запел песню про утро на Волге. И разнеслась она, эта песня по великой реке, по широким полям, по селам и городам, по всей стране, по всему миру, где находится чуваш, как на крыльях этих чаек. И стала народной, любимой и родной. Вот с какими глыбами, как вон тот Волжский утес, песенными чувашскими людьми приходилось радоваться мне в своем островном царстве. Их нет уже в живых, но творения живы по сей день. Давайте-ка помянем моих исторических гостей, дорогой днепровский гость. Помянем и вспомним ваши края.

После процесса поминок вином, по острову и морю разнеслась украинская песня:

Ой, Днепр мой могучий, стремяся к низовью,
От крови казацкой бывал ты багрян,
И море ты красил казацкою кровью,
Да сам еще не был от крови той пьян.
А нынче упьешься. Кромешное пламя
Над всей Украиной в ночи заревет,
И хлынет ручьями, волнами, реками
Кровь шляхты поганой; казак оживет.
Гетманы воскреснут в жупанах старинных,
Вольной песней станут грозные слова:
«Врагов мы прогнали!» И над Украиной,
О боже великий, блеснет булава!

Немного отдышавшись от пения, Матвей Соснов снова покрутил усы и сказал:

— Молод был и запомнил навечно эту песню богушковских козаков в Чапаевской дивизии, и сейчас воспрянул боевым духом однополчан. Эх, она, эта сила молодецкая. В наших, и в ваших руках! Но... эту силу нужно использовать только с пользой. Не только мускулами плеч надо действовать, но и умом. Ну, внук моего друга, как думаешь? Не обведешь вокруг пальцев нашу внучку?

— Как же так? — Чапайка от такой неожиданности вздрогнул. — Думаем пожениться...

— Действительно так, ни чуточку не врет? — пытающий строго посмотрел в сторону Сони.

— Дедушка...

Почувяв смущение девушки, старец завершил беседу так:

— Ваша воля. Я не буду вмешиваться в ваши личные дела. Но все же хочется придерживаться своих народных обычаев. Пока не переплывут через Волгу, невесток из Волжской Сосновки никому не выдадим замуж. Закон.

— Как вы, три раза переплыть? — осмелел жених.

— Да, даже больше стоит. Она у нас золотая. С золотым аттестатом, понял? Но сейчас те так, как тогда — широкое море. Поэтому одного раза хватит. После того, как бог опускает в воду железный посох после Ильина дня, тело может схватить судорога. Придется ждать до следующего лета.

Говоря «до лета подождем», страстно целуясь, тяжело распрощались на другой день Васька с Соней. Вспомнив, что землячка Леся-Олеся без него не смогла выдержать и года, и думая, что и эта скоротечная любовь не временное ли волнение души и сердца, солдат до рези в глазах глядел на волжскую русалочку.

— Будешь ждать конца службы?

— Буду. Обязательно.

— Не забывай думать о моторчике силой в два сердца.

— Приедешь в Волжскую Сосновку после «дембеля?»

— Конечно, приеду. И я не забуду о будущем нашем маленьком моторчике, и о мировом открытии измерять мощность двигателя внутреннего сгорания бычиной силой.

Из хлева послышался рев «Зевса». Поглядев в ту сторону, шофер, будто прощаясь с быком, помахал рукой и сел в кабину. Мощный «Урал», поднимая клуб пыли, погнался за автоколонной. Налетевший пошалить вихрь закружил тонкий платочек провожающей девушки и умчался с ним в сторону Горького.

4

Соня Соснова на берегу Волги часто подтрунивала над возчиком картошки: «Эх ты, милый мой длинноногий, длинношей Чайка-Чапайка, когда полетим на твоих широких крыльях в Золотоношский край?» После того, как опустел «военный городок», ни над кем не осталось насмеяться. И в колхозном саду лиственный дождь идет, и с неба осенний дождь льет. Вместе с погодой и девичье настроение стало хмурым. Сельская почтальонка для нее сей-

час вместо самого близкого в мире, ежедневно нетерпеливо ожидаемого дорогого человека. Но та не все время заставляет ее поплясать. Голос солдата почти лишь раз в неделю прилетает из Сормова. А сама пишет, пишет... Без устали разговаривает с неожиданно найденным, так же быстро потерянным с глаз любимым. Ганна Павловна чувствует страдания дочери, переживает за нее. Матери хочется познакомить ее с важным богатым кавалером. У нее есть такие в своем мужском обществе. Одного и сама приглядела, тайно любит душой. Если бы не выбрала для дочери, быстро бы вскружила ему голову. Думает, что он не перешагнул бы через возбужденную плающую женщину, не испытав ее близость. Когда телесные чувства беспокойно требуют удовлетворения, стыд и честь пенятся в водовороте распутства, исчезают как лопающиеся пузыри. Особенно среди мужского пола эта свобода действий нравственности-безнравственности господствует в людском мире еще с далеких времен. А «слабый пол», по законам природного оплодотворения, сильнее способствует этому тайному и открытому, развлекательному и жизненно необходимому удовлетворительному процессу. Поле действий в этом водовороте каждый выбирает свое, и каждому достается в этой неумной игре свое счастье и горе.

Ганна Павловна думала устроить Соню к себе на работу. Возможность и место свободное есть. Дочь не соглашается, умирает, желая стать зоотехником. В прошлом году поступила на заочное отделение Чувашского сельхозинститута и воспряла. Да к тому же, председатель обнадежил предоставить ей штатное место. На ферме она проворная. По надою молока с каждой коровы не опускается ниже первого-третьего места по району. На осенних торжествах после завершения сельскохозяйственных работ комсомолке Соне Соновой подарили большущий цветной телевизор. Правление намерено повезти коллектив фермы на экскурсию в Горький.

А вот и настало это намеченное время. Соня до сих пор еще не была в расположенном в трехстах километрах выше от них по Волге большом городе. Для деревенской девушки все здесь любопытно. Конечно, не сравнишь с привычными родными Чебоксарами. Подруги посмеиваются над ней: «Не нагрнуть ли к твоему долговязому Чайке-Чапайке?» «Вам самим, наверное, раньше меня хочется встретиться с познакомившимися в нашей деревне своими солдатами-ухажерами», — не теряется острая на язык Соснова. «Я вас всех могу продать им и оставить тут. Я и сам служил в их воинской части. Лишь бы хозяин разрешил», — язвит шофер автобуса. Председатель не стал возражать, решил удовлетворить желание молодых. Но в Сормове ни у одной девушки желанный сокол не оказался в гнезде. Оказывается, батальон Чапайкиных отправили в Афганистан сражаться с душманами. Соня лишь теперь поняла, почему ее парень в последнее время не пишет писем.

Письмо пришло только через три месяца. Солдат прислал фотку. Посадивший на густые черные волосы полосатую панамку, младший сержант Чайка-Чапайка сияет светлой улыбкой рядом с бронетранспортером.

И эта улыбка согрела душу девушки, будто за ее пазуху закралось солнышко. Не может налюбоваться ожившим образом любимого, излучающего с прикрепленной к изголовью кровати фотокарточки. И на мысленно нашедшей в Чебоксарах «зятя» с большой квартирой и лимузином матери не хочется портить крылатое настроение играющей в мечтах с непойманной птичкой счастья дочери, считая, что эта игра мечтаний постепенно уляжется. Она любовно гладит по головке единственную свою дочурку.

Афганская война продолжалась. И жизнь в Волжском Сормове шла по своему руслу. В кружении Земли Средневожская сторона, проводив тучную осень, приделась в белую шубу, не выдержав тепла припекающего солнца, скинула ее и пустила по течению реки, затем прикрылась зеленым ковром и постепенно превратилась в море золотистых колосьев. В то время Соня получила еще одно толстое письмо с так называемых Кандагарских горных мест. Как-будто хвастаясь, Васька-Чапайка навесил полную грудь знаки чести-славы. В тот день к ним пришел было дед. Матвей Соснов вместе с внучкой пристально разглядывал знакомого украинца.

— Смотри-ка, дед Матвей, это — Российский орден, на другой стороне груди — орден Афганской Республики, — показав пальцем, объяснила Соня. — Сам так пишет в письме.

— Этот твой не вурманкасинский вертихвост Митроха Лисайкин. Вон какой кавалер. Храбрый, как кавалерист нашей славной Чапаевской армии. Настоящий боец. Пошел весь в деда, да и кровь бабушкинская — козачья, залихватская, только парад другой, — похвалил он своего старого абызовского друга и нынешнего солдата. Ты ведь смотрела, детка, в кино «Чапаев» атаки кавалерии. Страшная сила была. Вытащив сабли из ножен, вскидывали их вверх и взмахивая ими, с криком «ур-ра!» понуждали коней шпорами. Там, в бою, кто кого порубит, кто поранится — умрет, а кто останется в живых — тот и победит. А этот пока еще живой, значит, он — победитель. И я, ожидая его, провел лето на своем острове как-то, тоскливо. Хотел было проверить, как удалой парень переплывет Волгу... Слишком не печалься уж. Чай, вернется живым-здоровым. И будущее лето оно наступит своим чередом.

Когда ждешь кого-то или что-то важное, и дни проходят медленно, кажется, что и пульс жизни временно останавливается. А Соне Сосновой хочется быстрее дожидаться лета, проводив осень, зиму, весну за трое суток. «Летом доберусь до Волги», — обнадеживает парень, теперь уже — с Украины. В октябре месяце он вернулся с войны в родное село — Чапаевку.

Ганна Павловна вновь начала думать иначе. Земляк ее может найти на Украине и другую. Желая оставить дочь рядом с собой, она хочет «продать» ее близкому своему знакомому холостяку. После того, как супруга его уехала на постоянное местожительство в Москву к другому мужчине — курортному ловеласу, ведь для Сони освободилась четырехкомнатная министерская квартира. И кров и богатство готовы. Никаких проблем. Протяни руку — и шагни в столицу.

— У меня душа не свободная, — отрезала матери Соня. — Васька не выходит из головы. Чувствую, не обманет он меня. И сам он — однажды обманутый, и я сама — отдававшая обманный калач. Судьбы у нас одинаковые. Ни за какого разведенного богача, большого чиновника, вождя баб не выйду замуж никогда. Не нужен мне старец Тахтаман из легенды, который сыграв свадьбу, погубил невинную чувашскую красавицу Нарспи. А она осталась душой навечно со своим любимым молодцем Сетне-ром. Ой, нет, нет, нет, мама, не доведи меня до трагедии. Сколько их было на свете погубленных судеб. И у Тараса Шевченко есть в «Кобзаре» такая несчастная Катерина, как наша Нарспи. Ужас. Не хочется мне повторить их трагедии. Спаси меня, бог. Предлагаемый мне твой верховода, может быть, и бравый кавалер для тебя, но, когда отмечали твой день рождения в баре «Волжанки», взоры его были устремлены не только на меня, но и мимо меня. Я это заметила, когда он захмелел. Не люблю я его. Мне милее всех Чайка-Чапайка.

Тем временем Чайка-Чапайка к концу июня месяца восьмидесятого года, прилетев со стороны Днепра, спустился на берег Волги. О намерении выйти в длинную дорогу он сообщил заранее, позвонив по международному телефону.

Влюбленные встретились в Чебоксарах у музея Чапаева. Украинцы приехали вдесятером. Дружно соревнующиеся с Вурнарским районом с Киевского аэропорта взяли прямой курс в Чувашию. Среди представительных украинцев одетый в тонкий клетчатый костюм, в ковбойской шляпе с загнутыми краями стройный Васька-Чапайка кажется горной вершиной. Соня, видимо, забыла о стыде, к парню приблизилась почти бегом и протянула руки к его шее. Васька тоже на растерялся, обнял девушку и несколько раз покружил, затем при народе крепко поцеловал.

— Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко! — закричали посетители музея и захлопали в ладоши.

Васька познакомил Соню с одним громко разговаривающим коренастым человеком.

— Он был председателем нашего колхоза, сейчас во главе Золотоношского райисполкома, руководитель делегации товарищ Шаповал.

— Володимир Ничипорович, — чтобы не причинить боль, тот нежно пожал протянутую девушкой руку. — Это ты ли будешь самой пригожей, самой притягательной даже по сравнению с нашими днепровскими красавицами, сударыня — барышня?

Соня, радостно улыбнувшись, еще плотнее прижалась к парню.

Для девушки с Волжской Сосновки неделя показалась годом. И мать наконец-то успокоилась. О чебоксарском своем кавалере даже не заикнулась. Дочь сообщила ей последние новости. Оказывается, ее парень первый ямщик Шаповала. В Золотоноше осенью, с его стараниями, завершают строительство большого многоэтажного дома. Если поженится, шоферу вручит ключи от двухкомнатной квартиры.

— Мама, как ты думаешь, я счастливая?
— Если нашла своего чайку жизни, я не могу запретить летать рядом с ним. Лишь бы счастье твое не упало в воду.
— Из Вурнар они сразу к нам приедут.
— Ай-яй, правда? Значит, мне придется принять почетных гостей. Хорошо, устроим в «Волжанку», примем земляков с почестями. Пусть немного отдохнут. Ой, и у меня сердце сильнее забилося. Захотелось посетить родные места. В душе родились сильные чувства. С каких пор не была в Золотоноше. Начну сегодня же собираться к поездке. Возьму отпуск. Ой, душечка ты моя, какие радостные и счастливые мы оба с тобой.

Вот и настало радостное время. Украинцы и вурнарские чуваша заехали в ворота Волжского Сормова со свадебными песнями. Барабана только не хватало. Среди них Ганна Павловна встретила и своего родственника. Кипит кашей беседа на украинском-русском-чувашском языках. Справив свадьбу, Шаповал намерен забрать вместе с делегацией и дочь, и мать.

— Отдать, может быть, и отдадим нашу красавицу, поглаживая бороду, хитро посмотрел Матвей Соснов на вожака украинцев, — но у нас с будущим зятем есть одно великое соглашение.

— Какой же договор это? — заинтересовался веселый Володимир Ничипорович. — Сообщите, пожалуйста, смелее. Сейчас же разрешим его. И коллектив достаточный, и полномочия имеются у нас на разрешение этого акта.

— Мне они не отдадут девушку, пока я не переплыву Волгу, — несмело сообщил Васька-Чапайка.

— Хо! Ты разве не чапаец? Если однажды деды, в другой раз отцы, побеждая врага, сумели форсировать наш бурный Днепр, то неужели ты не сможешь покорить спокойную как своя невестка Волгу? — Шаповал чувствительно шлепнул его по спине, отчего тот аж пригнулся.

— Вперед! — послышалась команда.

Когда спустились по крутому берегу из туркомплекса «Волжанка», там нашлись и ожидающие их. Никто не намерен нарушить старинный обычай. Финиш должен быть в Заволжье. Гостей туда переправили на лодках, попутно Матвея Соснова оставили на Сенном острове.

Вот Васька Чапайка вышел на старт. Недалеко от него, страхуя, следует любимая на моторке. Главный страхующий пловца — из их родни же. Для привыкшего с детства держаться в воде, как рыба, для Чапайки и широкая Волга оказалась нипочем. Хотя парень и ослаб силой чувствительно, все равно решительно и смело одолел расстояние. Моторка опередила его и причалилась чуть раньше, и поэтому победителя с радостной улыбкой ждала девушка Волги.

Возвращаясь из Заволжья, эскадра гостей бросила якорь у причала зеленого царства. Мужественного жениха Матвей Соснов обнял и поцеловал.

— Ай, какой ты молодец, детка. Если бы победоносно не переплыл через Днепр, может быть, и дедушку твоего не приняли бы украинцы в свой родной

дом. И мы за его внука не отдали бы нашу девочку, если бы он не одолел вплавь Волгу. Говорю я это от имени Чувашского бога. Тавсье, зятек! — «губернатор островного государства» протянул желанному гостю деревянный ковшик, налитый до краев клюквенным вином. — Пей до дна. По-нашенски — по-геройски!

И председатель местного колхоза основательно подготовился к встрече дальних гостей. Вскоре по Волжскому простору разнеслись свадебные и лирические народные песни. Чувашский умелец всем подарил плетеные им стулья со спинками.

— Расположившись на эти чудные стулья, по вашему велению с дружеской силой и по нашему хотению как в сказке, с вашего волжского Сенного острова можем вмиг долететь до Утиног острова на Днестре, — благодаря от имени всех, пошутил Шаповал.

— Дорогой Володимир Ничипорович, — к слову спросил Матвей Соснов. — Не было ли возможности взять с собой в компании моего земляка Василия Ивановича?

— А-а, вы про Чапайку? Славный старик. В Богусловке стал настоящим козаком. Но, годы... Дряхлость и фронтовые раны, видимо, одолевают. В последнее время что-то начал жаловаться на здоровье. А позиции свои, чапаевские, не хочет еще сдавать. Усердно работая по-чувашски, по-украински, стал почетным членом колхоза имени Чапаева. Не роняет честь чувашей, честь Абызова. Жаль, побоялся выйти в дальний путь.

— Большой, как этот остров, чувашский привет передайте ему от боевого друга-чапаевца, краснознаменца Матвея Соснова.

Только тогда, когда солнце спряталось за Заволжским лесом, поднялись гости на мыс «Волжанки». Ганна Павловна велела подготовить для них в гостинице покойные места, а для деда — специальный номер. Гостевой номер-люкс для влюбленных пустовал.

Васька с Соней остались в царской стране, «дезертировав» от веселой, шумной гурьбы. Их и не стали разыскивать в чащобе, посмеявшись, махнули рукой. Соскучившиеся души в первую ночь медового месяца гнули ли тальник, сплелись ли ляжками, — это осталось всемирной тайной. Проснувшиеся от игры на щеках солнечных лучей, они, взявшись за руки, побежали к воде. Недавно прошел утренний дождь. Громовые раскаты удаляются в сторону Чебоксар. Семицветная радуга, уткнувшись одним концом вниз, пьянеюще пьет волжскую воду.

— Гляди, гляди, — подпрыгивая, сияет Соня, — не видишь что ли, как наша радуга жизни с другой стороны набирает силу днепровской водой?..

— Вижу, вижу, моя соловушка, как четко вижу я отблеск сияния чудатной природы и в твоих очаровательных глазах.

— И я...

Подбадривая стоящих в обнимку ночных сторожей Сосновского государства, махая крыльями, музыкальным хором кричали чайки: «горько!» За ними с берега уже приближалась моторка.

— Пока, зеленый Сенной остров! Жди нас, Остров любви, с маленьким моторчиком. Не скучай! — помахали руками впервые слившиеся сердца.

В кабаке «Волжанки» гремит свадьба. Культурники учли все. Разносятся мелодии двух народов. Наперебой соревнуются бандура, цимбал, кобза с шыбыром, гусями, рожком. Сумели привлечь на торжество и вурнарских артистов из Чувашского ансамбля песни и танца. По очереди исполняются ими «Русская кадриль», украинский «Гопак», чувашские танцы «Линка-линка», «Тюньки-тюньки параппан». Посаженный отец молодой пары Володимир Шаповал с царем Сенного острова пляшут вприсядку и по-украински, и по-чувашски. Влетают в окна живые голоса Волги — жалобные крики чаек, провожающих в дальний путь красавицу великой реки. Эти голоса, вливаясь вместе в свадебный ансамбль, поднимают дух блаженства и усиливают напевность мелодии дружбы и любви.

*Чебоксары.
Февраль 2005 года.*

ЗОЛОТОНОША — ВУРНАРЫ

Сорок с лишним лет дружат труженики Золотоношского района Черкасской области Украины и Вурнарского района Чувашии. Между районами заключались договоры на трудовое соперничество. При подытоживании их результатов ежегодно обменивались рабочими делегациями и творческими бригадами. В ходе этого были налажены деловые контакты между промышленными, сельскохозяйственными предприятиями, коллективными хозяйствами, социально-культурными службами, органами народного образования. Наибольшим расцветом экономического и культурного сотрудничества ознаменова-

«Начдивы» чапаевцев:
Владимир Ничипорович Шаповал и
Олександр Трохимович Горбунов.

лись шестидесятые-семидесятые годы при первых секретарях райкомов партии А. В. Емельянове, А. Т. Купчикове (Вурнары) и А. Г. Тимошенко, В. Н. Пелишенко, Л. Н. Ткачук (Золотоноша). Вурнарский химический завод поставлял украинцам удобрения, гербициды, передовые хозяйства, как «Янгорчино», «Гвардеец», имени Ульянова — семена картофеля элитных сортов. По примеру и опыту золотоношцев в Вурнарском районе начали электромеханизацию животноводческих ферм, внедрять внутрихозяйственный расчет и денежную оплату труда в колхозах, организовывались механизированные звенья по возделыванию зерновых и пропашных культур. Оживилось социальное строительство. Сявалкасинцы и янгорчинцы создали коммунхоз, в крупных населенных пунктах открылись детские комбинаты. Украинцы нам выделяли семена конопли, кукуру-

зы, гороха, люцерны, озимой пшеницы «Мироновская-808».

И поныне регулярно проводятся праздники украинско-чувашской дружбы в Золотоношском и Вурнарском краях.

Когда в год семидесятипятилетия со дня рождения легендарного героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева золотоношцы протянули нам руку дружбы, вурнарцы охотно пошли навстречу, согласились с ними по-настоящему, по-боевому потягаться. В этой истории много ярких собы-

тий, достижений, побед в трудовом сотрудничестве и в области культуры. Положительны результаты многих дружественных встреч. Так что, есть что вспоминать, чем похвастаться и помечтать о будущем.

Поселок Вурнары - самый благоустроенный город России за 2002 год.

На снимке: Председатель Госстроя России Н.П.Кошман, заместитель председателя Госстроя России С.И.Круглик, глава Вурнарской поселковой администрации В.Я.Львов после вручения диплома. Москва, 2003 год.

КРАЙ ВУРНАРСКИЙ

Анатолий Иванович КУЗЬМИН,

глава администрации Вурнарского района Чувашской Республики
Российской Федерации

А. И. Кузьмин родился 20 сентября 1956 года в деревне Санарпоси Вурнарского района. Учился в первой Вурнарской средней школе. Вурнарском совхоз-техникуме и окончил три высших учебных заведения. Служил в Советской Армии. Работал в совхозе «Вурнарский», в Вурнарском профтехучилище, на стройке в Сургуте, директором совхоза «Вурнарский», первым заместителем председателя райисполкома — председателем районного агропромышленного объединения, генеральным директором Вурнарского агропромышленного комбината «Нива», заместителем главы администрации района, а с 1998 года — глава администрации и руководитель самоуправления Вурнарского района.

Указом Президента Российской Федерации от 16 марта 2007 года за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени награжден Кузьмин Анатолий Иванович — глава самоуправления Вурнарского района

В 1920 году на территориях Симбирской и Казанской губерний была образована Чувашская автономная область. Через пять лет ее преобразовали в автономную республику. А с 1992 года она стала Чувашской Республикой.

ЧР расположена в пограничной зоне Верхнего и Среднего Поволжья.

Занимаемая площадь — 18,3 тыс. кв. км. Столица ее Чебоксары основана в 1469 году. Численность населения — около 500 тысяч человек. А в республике проживает 1 миллион 314 тысяч человек, среди них — 889,3 (67,7 проц.) чувашей, — 348,5 тыс. русских, 35,4 тыс. татар, 7 тыс. украинцев. А на Украине проживает 20 тысяч чувашей.

В республике высокая плотность населения — 73 человека на 1 кв. км. Среди всех 89 субъектов Российской Федерации по этому показателю мы занимаем четвертое место. 39 процентов населения составляют сельские жители, 61 проц. — городские. Земельный фонд республики 1834,5 тысяч гектаров.

Чувашия разделена на 21 район и имеет еще 9 городов.

Прославленные деятели сельскохозяйственного производства союзного значения (слева направо): председатель Кольцовского колхоза имени Ленина, дважды Герой Социалистического Труда Сергей Ксенофонтович Коротков, директор совхоза «Вурнарский», заслуженный работник сельского хозяйства ЧАССР Семен Велерианович Валерианов, председатель колхоза «Янгорчино», депутат Верховного Совета СССР Василий Игнатьевич Романов.

Слева направо: председатель сельскохозяйственного товарищества «Хорн-зор» Федор Григорьевич Кузьмин, бывший председатель колхоза «Победа» Александр Ильич Ильин, председатель сельскохозяйственного предприятия «Янгорчино» Геннадий Васильевич Романов.

Наш район расположен в центральной части республики. Он создан 5 сентября 1927 года после ликвидации уездов и волостей, считается одним из самых крупных, земельная площадь которого составляет 1013 км².

По территории района проходит железная дорога, соединяющая Москву с Владивостоком и Чебоксарами.

На территории района — 101 населенный пункт. Население составляет 42,4 тыс. человек, в том числе городское — 11,5 тыс. (районный центр Вурнары), сельское — 30,9 тыс. человек.

Район — аграрно-промышленный. Мы постоянно занимаем призовые места в экономическом соревновании городов и районов республики, в том числе — за развитие реформ в агропромышленном комплексе.

Район дает промышленной продукции свыше двух миллиардов рублей в год. По объемам ее выпуска мы сравнялись с соседними городами Канаши и Шумерля. И по производству сельскохозяйственных продуктов тоже не отстаем от передовых районов,

В последние годы у нас в Чувашии, и в районе произошли большие изменения в сельском хозяйстве. Со своей стороны показали, как можно заинтересовать инвесторов, ибо сегодня без привлечения капитала в село сельхозпроизводство не поднять. На этой почве появились крупные специализированные агрохолдинги и агрофирмы в республике, а в первую очередь — в нашем районе. Именно они способны выпускать очень качественную продукцию на местном, экологически чистом сырье. В районе они себя оправдывают. Без смелых, прозорливых, умных организаторов, твердо стоящих на своих позициях и неподдающихся «твердолобов», пожалуй, не смогли бы так быстро перестраивать на революционный лад сельскохозяйственное производство. Таким оказался наш земляк, уроженец деревни Хирпоси Николай Алексеевич Семенов. Побывавшие украинские гости в Вурнарах хорошо помнят, наверное, этого смуглолицего с острыми глазами, малоразговорчивого, доброго генерального директора мясокомбината. И вот он с риском присоединил к себе обанкротившийся свинокомплекс нашего района и заключил договор с таким же обедневшимся свинокомплексом Ибресинского района. Сейчас у агрофирмы достаточно земли, что позволяет обеспечивать зернофуражом поголовье свыше 10 тысяч свиней и добиваться более 600 граммов суточных привесов на откорме. На мясокомбинате трудятся около 500 человек. Как жаль, что наш герой скорострительно скончался на работе — за рулем своего корабля в бушующем море нового экономического развития жизни.

По-новому заговорила агрофирма «Санар», учредителем которого является московская фирма «Август». Она занимается семеноводством зерновых, картофеля, многолетних трав и рапса, работает рентабельно. Другая агрофирма «Родник» — детище Нижегородского «Газ-автосервиса» — сумела поднять бывший сельхозкооператив «Ленинец», шедший ко дну. Местную сельхозтехнику тоже ожидала та же печальная участь. А теперь она под крылом агрофирмы «Вурнарская», куда вошли еще три обанкротившихся сельхозпредприятия. И дела там пошли на лад — есть земля, фермы, пилорама, мукомольное и другие производства. Агрофирма «Фавн» тоже начала с того, что взяла на буксир банкрота — сельхозпредприятие «Строитель» и успешно занимается животноводством.

В рыночных условиях могут выжить только такие крупные предприятия, имеющие свою специализацию. Находятся лидеры, способные вытянуть хозяйства из экономической трясины, или менять там организационные формы. Вот новояхакасский фермер Игнатьев взял часть земель у бывшего

сельхозкооператива «Малояушский», а крепко стоящее на ногах сельхозпредприятие «Янгорчино» оформило в собственность 200 гектаров, ранее принадлежавших соседнему убыточному хозяйству. Стараемся, чтобы каждый гектар земли плодотворно работал на товарное производство.

А такие герои нашего дня, как руководители современных сельских общин «Янгорчино» и «Хорнзор» Геннадий Романов и Федор Кузьмин, планомерно, грамотно организовав производство, заинтересованно повели свои трудовые коллективы по правильному, экономически выгодному направлению и, добились победы.

Много масштабных задач по усовершенствованию управления своей территорией, развитию промышленности, строительства, социально-бытовой, культурной сферы. Завершили газификацию всех населенных пунктов, соединение всех селений дорогами с твердым покрытием. Надо закончить строительство водозаборной плотины для обеспечения питьевой водой поселка Вурнары.

В 2007 году району исполнится 80 лет. Вурнары всегда рады от души встречать на своей богатой земле дорогих гостей.

КРАЙ ЗОЛОТОНОШСКИЙ

На берегах широкого Днепра раскинулся необъятный Золотоношский край с богатыми нивами и трудолюбивым, героическим народом.

На территории Золотоноши известны первые поселения людей еще в эпоху неолита (V—III тысячелетий до нашей эры).

Название Золотоноша край получил от скромной речки Золотоношка. За свое многовековое существование, эта часть богатой земли Черкащины стала знаменитой своими историческими событиями. Во времена Киевской Руси былинные богатыри Золотонощины геройски защищали свою землю от набегов кочевников. Здесь размещались войска украинского козачества во главе славных полководцев. Мужество и героизм показали золотоношцы в годы гражданской войны. Свыше трех тысяч жителей района награждены орденами и медалями, в том числе шестерым присвоено звание Героя Советского Союза и четверо стали полными кавалерами ордена Славы за подвиги в Отечественной войне.

Золотоноша подарила Украине целую плеяду выдающихся деятелей науки, культуры, литературы, искусства. В селе Каврай жил и творил известный поэт и философ Г. Сковорода. Литераторы Андрей Вашенко-Захарченко, Александр Навроцкий, Николай Терещенко, Охрим Варнак, Константин Думитрашко, Кесар Билиловский получили признание народа. Творчество видных украинских прозаиков Семена Скляренко и Ивана Ле(Мойси) тесно связано с Золотоношной.

На золотоношской сцене дебютировала видная театральная артистка Наталия Ужвий. Народные артисты Украины Михаил Голубович, Андрей Гончар, Владимир Нечипоренко, видные художники Иван Шульга, Иван Черинько — уроженцы Золотоношского района.

Район образован 21 марта 1923 года. Площадь — 1536 квадратных километров, сельскохозяйственных угодий 93,6 тысяч га, в числе пашни — 80 тысяч га.

В районе 75 населенных пунктов, где проживает около ста тысяч человек, в том числе в городе Золотоноша — 30 тысяч.

Основное направление в сельском хозяйстве — производство зерна, сахарной свеклы, молока, мяса, яиц, шерсти. В агропромышленном секторе 34 предприятия и 43 фермерских хозяйства. Ежегодно выращивают богатый урожай зерновых культур, сахарной свеклы, наращивают производство мяса, молока. Район за последние десять лет занимает третье-четвертое места в области.

На научной основе налажена работа по выращиванию племенных телят украинской черно-пестрой молочной породы на четырех племзаводах. Разведением пле-

менных молодняков занимаются и другие хозяйства. В районе отличные показатели по урожайности сахарной свеклы и молока. Славятся фермерские хозяйства А. Коломийца, Б. Салова, Т. Стеценко.

Среди крупных девяти промышленных предприятий своими успехами выделяются Пальмировский сахарный завод, маслокомбинат. Комбинат хлебопродуктов выполняет целый комплекс операций с зерном: очищает, сушит, производит муку, комбикорм, крупы, выпекает хлебобулочные изделия.

С каждым годом процветает культурная жизнь района. Имеется районный дом культуры, 30 сельских домов культуры, 5 народных музеев, 13 сельских клубов, центральная районная библиотека с филиалами в 42 населенных пунктах, районная детская библиотека, музыкальная школа. 10 коллективов художественной самодеятельности носят звание народных.

Сохранились исторические памятники архитектуры XVIII века.

В системе народного образования — 55 учебных заведений разного типа.

Медицинским обслуживанием населения заняты районная центральная

больница, 9 амбулаторий, 3 участковых больницы, 34 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пунктов.

Богатством края являются памятники природы. Исторические события дальних времен напоминают скифские курганы и козацкие могилы.

По берегам лесных массивов Днепра и Золотоношки расположены зоны отдыха и курортно-лечебные комплексы.

ОГОНЬКИ КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ

Первым боевым другом и первым командиром в армии почему-то, по воле судьбы что ли, были у меня украинцы. С Васей Винокуром из хутора Винницы Золотоношского края мы стояли рядом в одной шеренге первого отделения его земляка, младшего сержанта Миколы Малахая.

С Васей мы были страстными книголюбями, и в свободное от занятий время после боевой и политической подготовки, беспощадно «съедали» фонды своей воинской библиотеки и начали пригладиваться по сторонам. За оградой с колючей проволокой красовался дом культуры моряков Ванинского порта. Там мы подружились с милovidными библиотечкарями, и постепенно они начали нас приглашать на культурно-массовые мероприятия. Случалось и так, что мы после танцев не единожды самовольно продлевали сроки увольнительных. Спасал нас всегда младшой Малахай, не давая на расправу взводному. Солдаты без словаря уже знали, что малахай это не шапка-ушанка, а плетью жгучая по-хохляндски. И вместо плети в руке строгого командира крутился ремень с блестящей бляхой. Как говорится, всему есть предел, и нашей вольности пришел конец. Однажды на танцах началась потасовка из-за подруг. К Васе придрался пьяный моряк дальнего плавания и я ринулся на помощь. Тут как тут — военный патруль. Нас забрали в комендатуру. Утром на разводе командир батальона подарил нам по десять суток простого ареста и в сопровождении нашего Малахая мы были доставлены на гарнизонную гауптвахту.

Так завершилась читательская история кавалеров. После этого мы летние «краткосрочные отпуска» стали проводить на берегу Татарского пролива, ловили морских бычков, лежа на вечных валунах, слушали шум прибоя, сочиняли стихи. Купаться было нельзя, такие массивные волны бьют о берег скалистый... на первых порах было даже страшновато. Как-то, нечаянно соскользнувшись об мокрый камень, Вася бухнулся в воду, и я его еле-еле спас от гибели. По пути в часть в почте он получил посылку из дома, возвратившись в казарму, открыл ее и, за самоотверженный дружеский подвиг, вручил мне большой кусок свиного сала толщиной с ладонь.

Во время марш-бросков и лыжных гонок по тайге мы пыхтели как дальневосточные американские паровозы, полученные во время войны по ленд-лизу. В одно из увольнительных, мы выбрали просто прогулку по небольшой

речке, направились в сторону сопки. Вася, глядя на гладкие камни и кишащие рыбы под водой, восхищаясь красотой сурового края, вспоминал свою маленькую родину: «Если б ты увидел, Володя, нашу Золотоношку... Ой, пожалуй, нет в мире такой речки. На дно, наверное, сам Бог настлал золотой слой песка со слюдой и колчеданом, и вода под солнцем игриво сверкает изумительным желтоватым оттенком, переливаясь цветами рядом растущей спелой пшеницы и кукурузы, одаривает всю округу неповторимым чудодейственным сиянием. После дембеля обязательно приедешь ко мне в Винницу и напою я тебя в нашей винокурне... Познакомлю с такой красавицей нашего золотого края... Как вернемся в казарму, дам адрес той дивчины».

И заработала неутомимая солдатская полевая почта. С фотографии, присланной из далекого украинского хутора, смотрела на меня круглолицая с пышными волосами, красивым носом, чуть приоткрытыми притягательными губами, голубоглазая как цветущий лен, сияющая утренней солнечной улыбкой девчонка Олеся Горлица.

Судьба моя сложилась так, и я не смог посетить хваленый моим армейским боевым и надежным другом Васей Винокуром таинственный хуторок. В гражданке стежки-дорожки затерялись. Окрашенная золотистым цветом Золотоношка и образная любовь моя давно утонули в море полевой почты.

И когда в 1970 году, я уже в роли начальника, приехав из соседнего Ибресинского района во главе делегации на праздник труда и песни, заметив в Вурнарах среди украинских друзей молодую красавицу, представил в этой дивчине ту самую Олесю, которая ждала меня в своих письмах. А как она была похожа на нее!.. Когда в лесной большой поляне танцевали вместе, в ее голубых глазах я искал золотое дно Золотоношки; когда пели украинские песни, я в голосе ее ловил музыку золотоношского прибоя с опьяняющим шумом пшеничного моря.

Годы оставались позади, а на вурнарских встречах с золотоношцами я каждый раз любовался образом Олеси Горлицы, отражающегося с прекрасных лиц украинок, и постоянно ждал встречи с ней и всегда с сияющим украинской золотоношеской улыбкой Васей Винокуром с бочонком ароматного вина.

И вот снова едет золотоношская делегация в Волжскую Чувашию. Летним ранним утром широко раскрыты вурнарские лесные ворота. Впереди — зеленый свет дружбы, испытанный десятилетиями. Приближаясь к станции, все дружно запели:

Наш паровоз вперед лети,
В Вурнарах остановка.
Иного нет у нас пути,
У нас в руках горилка.

На железнодорожном перроне встречающие дорогих гостей вурнарцы хором дружно загорланили:

Ох, хлопцы, ждем вас от души,
Готова самогонка.
За встречу рады до ушей,
Вот хлеб и соль — закуска.

И на этой встрече золотоношские красавицы и красавцы пригласили меня в гости. В жизни все может случиться, а вдруг и на моей улице будет праздник. Тогда я тоже полюбуюсь украинской удивительной Золотоношкой, окунувшись в ее воде, окрашусь золотистым цветом, взявшись за руки с Олесей и Васей Винокуром, погуляю по цветущим берегам тихой речки и богатым полям, спев песни дружбы и любви, кружась в вихре танца «горлицы» под сыплющимися из небосвода золотыми огоньками своей крылатой мечты. Бояться нам нечего и некого, потому что будет рядом — наш армейский боевой командир, младшой Микола Малахай из знаменитого хутора Винницы в форме козака.

* * *

Мою солдатскую дружбу и любовь в начале шестидесятых прошлого века продолжили боевые, трудолюбивые, красивые украинцы из того же самого Золотого края и мои храбрые, неутомимые труженики, благодушные земляки из Чувашского края. Об этом — рассказы тех людей, которые стояли в то время у истоков великой дружбы и сотрудничества между Золотоношским и Вурнарским районами.

В ПОИСКАХ НАДЕЖНОГО ПАРТНЕРА

Виталий Данилович ДАНИЛОВ

Ветеран КПСС, второй мировой войны, заслуженный работник сельского хозяйства, кавалер многих орденов и медалей В. Д. Данилов охотно согласился на мою просьбу поделиться о вурнарско-украинских связях, и в своей чебоксарской квартире недалеко от Волги с воодушевлением рассказывал об установлении дружественных и деловых отношений между чапаевскими колхозами и районами двух союзных республик великой страны двадцатого века. Вот как он вспоминает:

— Как известно, в прошлом высшие органы власти вопросам развития национальных образований, малых и больших, установлению и укреплению дружественных и деловых связей между ними обращали большое внимание. Эта правильная, целеустремленная политика естественно позитивно способствовала быстрому росту их экономики, интернациональному воспитанию трудящихся и укреплению целостности нашего государства. В нашей республике многие годы поддерживают деловые, культурные связи с приграничны-

ми районами соседних республик и областей. Нашему Вурнарскому району в этом вопросе удалось идти дальше, установить дружеские связи в начале с одним колхозом, впоследствии с Золотоношским районом Черкасской области Украины в целом.

В 1962 году, тогда я работал первым секретарем Вурнарского райкома КПСС, из столицы нашей республики г. Чебоксары ко мне позвонил сотрудник Чувашского радиокомитета. Он сообщил, что ими получено письмо из Черкасской области Украинской ССР от председателя колхоза им. Чапаева товарища Шаповала Владимира Ничипоровича. В своем письме он сообщил, что еще с гражданской войны начались связи с прославленной 25-й Чапаевской дивизией и их село Богущкова Слобода в честь ее героических дел переименована в Чапаевку и в 1929 году их первое коллективное хозяйство начало носить имя легендарного комдива. Шаповал просил установить связь с одним из колхозов Чувашской АССР, носящего имени В. И. Чапаева. Я полагаю, тем самым они хотели увековечить в памяти наших народов славу о герое, а также укрепить дружбу между нашими народами.

Я сообщил, что наш абызовский колхоз имени Чапаева не является передовым и трудно будет потягаться с богатым хозяйством Украины. Но обещал посоветоваться с членами бюро райкома партии и руководством колхоза имени Чапаева. После обсуждения в райкоме, решили дать согласие по установлению сотрудничества между этими хозяйствами и об этом известили руководство радиокомитета, которое в свою очередь сообщило В. Н. Шаповалу. Надеялись — не опозоримся.

В это время абызовский колхоз возглавил известный в районе энергичный, инициативный, опытный организатор сельскохозяйственного производства Александр Трофимович Горбунов. Он, и специалисты хозяйства, сумели по-новому наладить труд колхозников на производстве, материально заинтересовать их за конечные результаты труда, таким образом стали добиваться своевременного и качественного выполнения производственных процессов, обеспечить получения более высоких показателей в полеводстве и животноводстве, чем раньше. Мы старались подчеркивать его усердие в работе, это вызывало в нем вдохновение и стремление еще лучше работать в дальнейшем. Вскоре он показал активность в строительстве капитальных животноводческих помещений и других объектов. В период его деятельности около села Абызово возник животноводческий городок. Когда решался вопрос о даче согласия на установление связи с колхозом имени Чапаева из Украины, учитывали все эти обстоятельства. Лично сам Горбунов дал согласие на это. Руководство района надеялось, что он не подведет себя и нас, в целом — Чувашию. Все эти вопросы решались в зимний период. В дальнейшем события развивались быстрыми темпами.

После проведения весенне-полевых работ 1963 года, перед уборкой урожая, в район прибыла делегация колхоза имени Чапаева Золотоношского района во главе с председателем Шаповалом. А до этого наша делегация абызов-

цев, возглавляемая Горбуновым, открыла дорогу в далекую Чапаевку и тщательно ознакомилась жизнью и успехами колхоза имени Чапаева. Вот и прибыв на чувашскую землю, Володимир Ничипорович сравнивал слова высокого гостя с действительностью, думая, не слишком ли похвастался на берегу Днепра Олександр Трохимович и, увидев размах строительства, удивился и стал восхищаться способностью своего нового товарища по душе и по соревнованию. За один год в колхозе было построено коровника на 200, телятника на 300, свиарника на 200 голов, подняты стены второго, заложены фундаменты третьего коровника. Получили свыше 330 центнеров сахарной свеклы и около 200 центнеров картофеля с гектара. Выросла урожайность зерновых. «Надежный партнер», — взглянув на Горбунова, решил Шаповал.

В составе делегации были секретарь парторганизации, агроном, передовые колхозники и молодые симпатичные девушки. Гости ознакомились делами колхоза, побывали на животноводческих фермах, осмотрели поля, беседовали с животноводами, механизаторами, жителями деревень. На встрече с членами правления и активом колхоза подвели итоги первых впечатлений пребывания в хозяйстве. Гости высказали ряд предложений, пожеланий. Украинцы признали абызовцев победителем в дружеской состязательности и вручили переходящий Красный вымпел, решили и дальше сотрудничать между двумя хозяйствами смело и вдохновенно.

В Вурнарах они встречались с коллективом мясокомбината, и побывали в цехах, беседовали с рабочими, дегустировали новые сорта колбасных изделий. Им очень понравились традиционные чувашские национальные блюда шюрбе и шыртан. На встрече с химиками гости были заинтересованы приобрести для себя ядохимикаты, гербициды. Один день посвятили поездке в Чебоксары, ознакомились с достопримечательными местами нашей столицы, побывали в музеях: краеведческом и В.И.Чапаева. Принял их в Доме Советов председатель Президиума Верховного Совета республики Т. А. Ахазов. Затем их пригласили в столовую Совмина, угостили по чувашскому обычаю. Гости порадовали работников президиума, Совмина, обкома партии исполнением украинских песен. Шаповаловские красавицы показали настоящее артистическое мастерство.

В последний день пребывания у нас мы встречались с ними в райкоме партии, подвели итоги совместной работы. На организованном прощальном ужине все пели украинские и чувашские песни.

Потом меня перевели председателем нашего райисполкома и вопросами поддержания дружбы и сотрудничества в основном стал заниматься первый секретарь райкома КПСС Анатолий Викторович Емельянов. В дальнейшем эти связи решено было расширить до уровня двух районов. С первой делегацией к нам приехал первый секретарь Золотоношского райкома КП Украины Алексей Прокофьевич Тимошенко. Другую делегацию возглавлял председатель исполкома Золотоношского районного Совета Н. Л. Павленко. Дружественные визиты нанесли также и наши.

И мне посчастливилось побывать во главе районной делегации в Золотоношском крае. В составе были редактор райгазеты «Ѕёнтёрў ѕулё» Н.М.Яковлев, новый председатель колхоза имени Чапаева М. Д. Егоров, секретарь парткома колхоза «Янгорчино» А.С.Ластухин, председатель колхоза имени Карла Маркса Г.З.Захаров, главный инженер мясокомбината З.А.Бакшандаева, председатель завкома химзавода И.П.Старовойт, начальник станции техобслуживания РО «Сельхозтехника» Е.П.Скворцов и секретарь райкома комсомола Е.Г.Ластухина.

Делегация перед выездом в Золотоношу.

Нас в Золотоношах встречали удивительно почетно, от станции железной дороги до центра города нашу автомашину сопровождал кортеж мотоциклистов. Встречали первый секретарь райкома партии А.П.Тимошенко, председатель РИКа Н.Л.Павленко, партхозактив района. Девушки нам преподнесли хлеб и соль, пионеры — цветы.

В программу пребывания нашей делегации входили посещение предприятий промышленности и бытового обслуживания, торговли, общеобразовательных школ. Нам безусловно хотелось узнать, как идут дела в колхозах и совхозах. Нас разделили на две группы. Егоров посетил Чапаевку, а Ластухин побывал в Зоривке — в соревнующемся с ними колхозе «Коммунист». Захаров подружился с председателем колхоза имени Мичурина М.Р.Золотаренко и они заключили договор партнерства между чувашскими сявалкасинцами и украинскими кривонососцами.

Наша делегация убедилась, побывав на месте, что в районе большие требования предъявляются к руководителям предприятий всех уровней за соблюдение технологии производства, чистоты рабочих мест и за качество выпускаемой продукции. Руководители предприятий бытового обслуживания, торговли добиваются, чтобы их работники крайне приветливо и вежливо обращались к посетителям, чтобы они ушли с хорошим настроением, вновь и вновь посещали их с радостью. Заметно, что в районе широко развернуто

Н.Л.Павленко, А.П.Тимошенко, В.Д.Данилов.

производство изделий народного промысла, всяких игрушек из дерева, پوشив национальных костюмов, рубашек, рушников, украшенными украинскими вышивками...

На полях созрел богатый урожай зерновых культур. Самое главное, все поля, в том числе и придорожные полосы, были чистые от сорняков, чего не хватало у нас.

Предстояло ознакомление с достопримечательностями города Черкассы и области. Мы побывали у памятника великого поэта Т.Г.Шевченко, установленного в Каневе на крутом берегу Днепра и возложили венок.

В последний день пребывания в гостях в Черкасском обкоме партии Украины нашу делегацию принял первый секретарь О.М.Андреев, в конце беседы всем подарил памятные сувениры.

В Золотоношском доме культуры в нашу честь была устроена встреча с активом города и района, где мы высказали свои замечания и обменивались своими впечатлениями о пребывании в районе и области, поблагодарили за гостеприимство.

Нас пригласили к рыбакам на берег реки Днепр. Лично я очень сожалею, что в своей жизни не увлекался этим интересным промыслом. Рыбаки нас угостили царской ухой. Ой, как всем здорово понравилось это блюдо! Старались запомнить технологию и попробовать у себя дома. А она такова: сначала в котле варится туша утки, при готовности в этот бульон кладут мелкую рыбу и варят, потом варят крупную рыбу. В уху добавляют какое-то количество горилки.

В этот вечер вся округа Днепра наслаждалась музыкой, разноголосьем. Пели все и чувашские, и украинские, и русские песни.

Так закончился визит нашей делегации в прекрасную Черкасскую область Украины.

Когда золотоношцы посетили наш район, культурно отдохнули на речке Вурнарка, возле водохранилища. С нами находился и Горбунов. Тогда он был

на пенсии. У него на улице Советской, рядом с рестораном, есть свой дом. И вот он гостей и меня пригласил в баню. Жену его, Софью Григорьевну Силантьеву, побывавшую на Украине с первой абызовской делегацией в качестве инструктора парткома Вурнарского сельскохозяйственного управления, золотонощцы знали хорошо и разговор между ними сложился очень дружелюбный. И Шаповал не правил колхозом, приехал как начальник, руководил исполкомом райсовета. Александр Трофимович всех украинских хлопцев самолично попарил березовым веником, а Шаповала — трижды, приговаривая: «Это вам, Володимир Ничипорович, за то, чтобы вы не обюрократились на новой должности...»

У некоторых жителей района, наверное, возникает заманчивый вопрос: «Нужны ли были эти встречи и что мы получили полезного от них? На эти мероприятия затрачиваются немалые деньги». Я хотел бы ответить на этот вопрос следующим образом. С нашей стороны и со стороны гостей за сорокалетний период дружбы друг у друга побывало большое количество руководителей местных органов власти, общественных организаций, предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, сельскохозяйственных кооперативов, рядовых людей. Они наяву познакомились самобытной культурой, национальными традициями, условиями труда и отдыха, повседневной жизни украинцев и чувашей. Как стало известно, в ходе общения с нами у них сложилось совсем иное понятие о нашей республике. Вместо «сомнительного отстающего в экономическом и социально-культурном отношении Чувашстана», они увидели цветущий приволжский край с высокоразвитым, трудолюбивым, гостеприимным, неунывающим, оптимистическим духом народом.

Наши промышленные предприятия, колхозы и совхозы начали налаживать с ними тесные экономические связи, помогали элитными семенами картофеля, ядохимикатами. Они в свою очередь отправляли нам высокосортные семена зерновых, сахарной свеклы.

Что важно было для нас, мы понимали, ведь наш район перед украинским народом представляет весь чувашский народ. Поэтому не могли допустить того, чтобы они не думали о нас необъективно, плохо. Нам всем нужно было перестроить свою работу, энергично взяться за решение экономических задач, вопросов социальной сферы и поднятия общей культуры населения. За все эти годы промышленность района развивалась динамично, устойчиво. Аграрный сектор экономики района в 70-80 годы также развивался успешно. Хозяйства пополнили машино-тракторный парк новой, современной техникой в достаточном количестве, поля засеивались в основном высокоурожайными элитными сортами зерновых, кормовых культур, картофеля, овощей. Резко увеличили применение минеральных удобрений, гербицидов, пестицидов. Была создана современная база для развития животноводства, стада общественного скота, фермы обновлены высокопродуктивными, племенными молодняками. Как следствие, выросли экономические показатели хозяйств. Используя собственные средства и выделенные государством деньги, льгот-

ные кредиты, строили много объектов производственного назначения и социально-культурной сферы и усиленными темпами — дороги с твердым покрытием. В организации всех этих дел ведущую роль сыграли первичные партийные организации с опытными, боевыми секретарями.

Представители наших делегаций всегда возвращались из Золотоноши с восхищением, удивляясь и радуясь успехами украинцев. Между Волгой и Днестром проложили дорогу дружбы и сотрудничества. И пусть она не зарастет сорняком. И пусть дальше укрепляется и процветает дружба между нашими районами и народами.

Эти воспоминания сильно взволновали меня. Кажется, как-будто они происходили только вчера. Но ведь фактически прошло столько лет... И свои активные жизненные годы остались позади немалые. Недавно стукнуло и мне восемьдесят. Перед глазами всплыло время лихолетья, как я в сороковом окончил среднюю школу, учительствовал и занимался колхозными делами и восемнадцатилетним парнем взял в руки оружие, чтобы защищать Родину; как после войны, вернувшись в свою родную деревню Тузи-Мураты, как-то однажды проводил секретаря райкома комсомола Евсея Воробьева, впоследствии ставшего прославленным председателем колхоза Чувашии, в Калинин, и как он устроил меня на работу и я стал первым секретарем райкома ВЛКСМ; как познакомился и подружился с Ильей Прокопьевым из Мачамуши, что за селом Калинин, и как воевали в Отечественную: я — на западе с немецкими фашистами, он — на востоке с японскими империалистами; и как в пятидесятых годах от души старались с ним строить хорошую жизнь людям в своем родном небольшом сельском крае: он — во главе коммунистов района, я — председателем райисполкома. Потом наши дороги временно разошлись после ликвидации Калининского района и я стал руководить Вурнарским райисполкомом, затем учился в Казанской высшей партийной школе и вскоре возглавил Вурнарскую районную парторганизацию, откуда перешел на должность председателя райисполкома, был переведен директором республиканского объединения «Свинопром», работал заместителем заведующего отдела сельского хозяйства Чувашского обкома КПСС. Илья Павлович после окончания Хабаровского пединститута, высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС работал заведующим отделов, секретарем, первым секретарем обкома партии, внес огромный вклад в развитие родной Чувашии, укрепление интернациональных связей народов

Председатель колхоза «Гвардеец» Евсей Дмитриевич Воробьев.

страны. По моему мнению, именно они, с предыдущим первым секретарем обкома КПСС и председателем президиума Верховного Совета ЧАССР Семеном Матвеевичем Ислюковым, в истории Чувашии оставили самое дорогое в жизни — любовь народа к своим вожакам — отцам нации. Ислюкова нет уже в живых, но добрая память о нем жива. А Илья Павлович Прокопьев еще в форме, он кандидат экономических наук, профессор, академик, недавно попрощался с педагогической деятельностью в институте, занимается общественной работой, пишет книги и издает, стал членом Союза писателей России, в строгом спортивном режиме поддерживает свое здоровье.

Незабываемы встречи с украинцами в Вурнарах и Чебоксарах, когда Илья Павлович встречал их вместе с нами и принимал у себя в обкоме партии, способствовал укреплению связей не только с двумя районами, но и дружбы между народами Черкасской области и Чувашской Республики.

Как всегда и сейчас не мог не посоветоваться с ним о своих воспоминаниях, и он одобрил эту идею, пожелал украинцам стойкости и мужества, успехов в жизни, нашим вурнарцам-землякам — и дальше укреплять традиционное соревнование и узы дружбы, сотрудничества.

На снимке: дважды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета РСФСР Андриян Григорьевич Николаев, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, первый секретарь Чувашского обкома партии Илья Павлович Прокопьев, депутат Верховного Совета СССР, председатель Президиума Верховного Совета ЧАССР Семен Матвеевич Ислюков.

На снимке: председатели колхозов имени Ульянова — Михаил Петрович Петров, «Правда» — Исаак Федорович Кошкин, «Самолет» — Николай Петрович Петров.

Ах, как весело и сердечно встречали украинцев наши лучшие вожаки крестьян: Николай Петрович Петров в колхозе «Самолет», Исаак Федорович Кошкин — в «Правде», Михаил Петрович Петров — в Большеяушском колхозе имени Ульянова. Как горько и печально, что их нет уже в наших рядах. В 2004 году проводил в последний путь Михаила Петровича. Он до последнего вздоха жил думами и чаяниями о своем любимом колхозе и районе, мы вместе радовались их успехам, от души переживали, когда что-то не ладилось в районе. Всегда ждал встречи с золотоношцами в Вурнарах.

Молодец, сумел же прожить на свете 81 год и оставить за собой добрый след Горбунов. Но в 2004 году и Александра Трофимовича похоронили.

Позвонил Доманин. Крепок еще кольцовский мужик. Александр Федорович только на год моложе меня. Правая рука дважды Героя Соцтруда Сергея Короткова властным голосом, шутя, конечно, доложил мне подружески: «Жив и здоров и тебе желаю жить здоровым! Восьмидесятник Доманин».

Как не гордиться своими товарищами по работе, по партии, вообще — по прожитой интересной жизни, в том числе и Александром Федоровичем. Он еще в сорок девятом получил звание Героя Социалистического Труда, из войны возвратился с орденом Александра Невского и другими наградами на груди, 15 лет успешно возглавлял колхоз имени Ленина после Короткова, добивался крупных успехов, награжден четырьмя орденами Ленина, стал депутатом Верховного

На снимке. бывший председатель колхоза имени Ленина Александр Федорович Доманин.

Совета СССР. Его и председателя Норусовского колхоза «Правда» Кошкина имена занесены в Почетную книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской Республики.

Мне и всем нам, вурнарцам, отрадно было направлять в составе делегаций района таких мужественных, трудолюбивых, авторитетных, жизнерадостных людей из края Чувашского на Украину.

От автора: Воспоминание было написано в 2005 году, а в апреле 2007 года В. Д. Данилов скончался.

ЧАПАЄВЦІ ЗНАХОДЯТЬ ДРУЗІВ

**Перший секретар Золотоніського райкому КП України
Олексій Прокоф'євич ТИМОШЕНКО:**

Упевнившись, що комбайни в степу працюють безперервно, голова колгоспу імені Чапаєва В. Н. Шаповал повертався в село. Немилосердно палило серпневе сонце. В кабіні було, як у розжареній духовці. І він вирішив звернути в ліс, що так і манив прохолодою. Заглушив мотор, гучніше настроїв радіоприймач і, широко відкривши дверці машини, втомлено ліг на траву.

Була неділя. З учорашнього дня навколо Землі літав космонавт Андріян Ніколаєв — уродженець Чувашії, з якою вже півроку листуються чапаєвці. Тому голова з особливою увагою стежив за радіопередачами. Якусь мить він лежав, заплющивши очі і розслабивши все тіло. Ароматне повітря, міцно настояне на сосновій живиці і прибережних лепехах, трохи паморочило голову. Десь зовсім близько, на широких плесах Кременчуцького моря, заклопотано кричала дика качка, а вдалині стугонів, наближаючись, поїзд.

Раптом мелодія маршу обірвалась, почувися позивні Москви. Володимир Ничипорович весь перетворився на слух: ану, що скаже Левітан? Якесь передчуття підказувало: буде щось дуже важливе. І не помилився. Урочистим голосом диктор повідомив захоплюючу новину: на орбіту навколо Землі виведено космічний корабель, пілотований Павлом Поповичем. Почався груповий космічний політ.

«От здорово! — подумав голова. — У чорній безодні неба летять поруч два космічних брати — чуваш і українець. Як це символічно для нашого змагання із земляками Ніколаєва! Скільки це радості у них в Абизові, Вурнарах, Чебоксарах і у всій Чувашії!.. Треба сьогодні ж поздоровити свого колегу Олександра Горбунова і всіх його друзів».

Дивно виходить, міркував Володимир Ничипорович. Я їх ще навіть не бачив, а як згадаю про них — серце сповнюється теплом. Чому це? Тому, що так ми виховані за роки Радянської влади? Очевидно, це почуття в самій крові у нас. Адже у радянських людей, де б вони не жили і якою б мовою не розмов-

ляли, дуже багато спільного. У нас одна Батьківщина, однакові ідеали й інтереси, багато в чому схожі життєві долі.

І голова мимоволі згадав численні розповіді старожилів про історію свого села й колгоспу, про долю багатьох земляків.

До Жовтневої революції Богушкова Слобідка була одним з найбідніших сіл. На 1061 двір тут налічувалось 454 безземельних і 302 безтяглових господарств. На найкращому місці, в центрі села, стояли церква, шинок, крамниці, панський маєток, а на «випханцях», на найгіршій піщаній землі, тісно тулилися куці, без сіней, бідняцькі хати з дірявими солом'яними стріхами.

Щоб не вмерти з голоду, біднота наймитувала у куркулів та в панів або ходила на далекі заробітки. Де тільки не зустрічалися батраки з Богушкової Слобідки! І в шахтах Донбасу, і в криворізьких копальнях, і в німецьких колоніях у Таврії, і на чорноморських рибних промислах. Оце злиденне життя та класове гартування на заробітках зробили село одним з найактивніших центрів революційного руху в повіті.

Восени 1917 року сільський ревком, очолюваний М. Клименком, конфіскував панську землю і розділив її між безземельними. Коли продажні буржуазні націоналісти для розправи з революцією закликали на Україну кайзерівські війська, жителі Богушкової Слобідки утворили партизанський загін на чолі з матросом Дмитром Куксою і громиили окупантів. У роки громадянської війни 310 добровольців з села влилися в Червону Армію. Більшість з них воювала у прославленій 25-й Чапаєвській дивізії.

У 1923 році дивізія цілих три місяці відпочивала в Богушковій Слобідці, і багато воїнів з місцевих селян повернулося до мирної праці. За їх клопотанням село було перейменовано в Чапаєвку, а в 1929 році іменем легендарного комдива назвали і колгосп.

Під час Великої Вітчизняної війни фашистські окупанти спалили село дощенту. Згоріли 640 хат, школа, лікарня, клуб, електростанція, ферми, ветеринарна лікарня, майстерні, було знищене все артільне майно — майже на 84 мільйони карбованців. Люди жили в землянках, мерзли й голодували, але не корилися окупантам, вірили, що Радянська Армія розгромить ворога і принесе визволення. Гордий і непокірний дух легендарного Чапаєва ні на мить не залишав його спадкоємців.

І визволення настало. Сталевою лавиною прийшли зі сходу доблесні радянські воїни: росіяни і українці, грузини і латвійці, казахи і туркмени, татари і чуваші — сини всіх братніх народів соціалістичної Вітчизни. Потім з усіх республік почали прибувати хліб, одяг, взуття, техніка, худоба, насіння. Життя знову увійшло в свою колію.

За післявоєнні роки в Чапаєвці збудовано більше тисячі жител, десятки приміщень виробничого і культурно-побутового призначення, створено потужний машинно-тракторний парк, високопродуктивне і рентабельне тваринництво, організовано культурне землеробство. Все це плюс мальовнича природа — сині соснові ліси з цілющим чистим повітрям, Кременчуцьке море з піща-

ним пляжем, кучеряві вишневі садки уздовж вулиць — робить село одним з найкращих на лівобережній Черкащині. Ще радісніше майбутнє чекає його після того, як буде завершена генеральна реконструкція, що нині проводиться.

У 1962 році, коли радянські люди відзначили 75-річчя з дня народження легендарного комдива, чапаєвці зав'язали листування з його земляками. Так зародилася велика дружба між двома однойменними колгоспами — Золото-ніського району на Україні і Вурнарського — в Чувашії. І ось тепер, сказав собі голова, коли навіть у космосі відбулося братання представників українського й чуваського народів, час подумати нам про обмін делегаціями.

Все. Вирішено. Сьогодні ж офіційно запросимо в гості.

Але тоді були жнива, і друзі з Чувашії не могли приїхати. Прибули вони тільки в січні 1963 року. Крім голови колгоспу Олександра Трохимовича Горбунова, у складі абизовської делегації були секретар парторганізації Максим Іванович Алексеев, бригадир Ананій Михайлович Михайлов, тракторист Ілля Костянтинів, доярка Римма Краснова, інструктор парткому Вурнарського виробничого управління Софія Григорівна Силантьєва та редактор обмінних передач Чуваського радіо Олександр Олександрович Дурасов. Зустрічали їх, як рідних братів і сестер, з відкритою душею. Колгоспниця Євдокія Микитівна Диккуль та бригадири Никифор Трохимович Заїка і Микита Іванович Кибальник за давнім українським звичаєм піднесли гостям хліб-сіль. А увечері в сільському клубі відбулася зворушлива зустріч чапаєвців з берегів Дніпра і Волги.

Первая вурнарско-абизовская делегация в колхозе им. Чапаева Золотоношского района (в первом ряду справа) — председатель Владимир Шаповал.

Від'їжджаючи додому, делегація з Абизова запросила чапаєвців до себе. Запрошення було прийняте з великою радістю. Думали зустрітись в березні, але обставини склалися так, що довелося відкласти поїздку на кінець року.

Тим часом О. Т. Горбунов писав своєму колезі: «Після того, як ми повернулися з України і взяли на озброєння ваш досвід, наші зусилля увінчалися успіхом. Колгосп зайняв перше місце в районі по всіх показниках. Коли ви до нас приїдете, то побачите, що маєте достойних суперників по змаганням.

Звичайно, побувати в Чувашії хотілося всім. Але на зборах вирішили: поїдуть тільки ті, хто доб'ється найвищих виробничих показників. І розгорнулося змагання за право увійти до складу делегації! Щастя усміхнулося ланковий Д. Бабікін, доярці М. Марченко, трактористові П. Заїці, бригадирові М. Кибальнику, завідувачу фермою В. Вовку. Крім них до складу делегації були включені голова колгоспу В. Шаповал, секретар парторганізації П. Чуйкевич, а також представники парткому виробничого управління та обласного радіо. 17 грудня 1963 року посланці Чапаєвки відправились у Чувашію.

Земляки Чапаєва зустріли їх у своїй столиці — Чебоксарах. Гості познайомилися з містом, побували на ряді промислових підприємств, були прийняті керівниками обкому партії і уряду республіки, розмовляли з журналістами, виступали перед трудящими Чувашії по телебаченню.

Оглянувши Чебоксари, посланці Чапаєвки разом із своїми гостинними господарями поїхали у Вурнари, а звідти в село Абизово. Тут їх зустріли з розкритими обіймами і оточили зворушливою увагою. Покуштувавши чуваського домашнього пива і знаменитого шюрбе, делегація з головою поринула у вивчення колективного господарства абизовців.

Шаповала по-справжньому захопили масштаби і розмах капітального будівництва. Подумати тільки: за один рік колгосп збудував корівник на 200, телятник на 300, свинарник на 200 голів і одночасно вивів стіни другого корівника та заклав фундамент під третій!

Доброю школою для наших чапаєвців було знайомство і з іншими колгоспами Вурнарського району, особливо з кольцовським імені Леніна.

— Дуже багато побачили ми у вас хорошого, немало дум передумали, — відповіли чапаєвці. — Ми ніби чужими очима подивилися збоку на себе і на свою роботу. Точніше оцінили свої досягнення, зрозуміли промахи. Словом, поїздка виявилася дуже корисною.

— Якщо так, то давайте розширимо масштаби змагання! — запропонували вурнарці. — Змагатимемось район з районом. Від цього всі ми тільки виграємо.

РАЙОН З РАЙОНОМ

Бажання вурнарців розширити змагання двох колгоспів імені Чапаєва до районного масштабу відповідало і нашим планам. Тому, коли чапаєвці привезли з Чувашії офіційну пропозицію, Золотоніський райком партії відразу ж встановив контакти з Вурнарським райкомом. Визначили рубежі за які вирішили боротися, розробили договір на соціалістичне змагання, обговорили і затвердили його на районних нарадах передовиків сільського господарства. А в травні 1966 року на запрошення вурнарців наша районна делегація виїхала до них для перевірки виконання договору. Очолив її перший секретар райкому партії.

Нам пощастило взяти участь у районній нараді працівників сільського господарства. Було дуже приємно, що тут, за півтори тисячі кілометрів від Золотоноші, чуваські трудівники знають про досягнення нашої доярки-героїні Валентини Миколаївни Левчик та багатьох інших знатних людей. А ще приємніше було зблизька побачити і послухати прославлених майстрів високих урожаїв і передових тваринників Вурнарського району.

Виступали з трибуни і члени нашої делегації. З величезною увагою слухали всі розповідь бригадира тракторної бригади колгоспу імені 50-річчя Жовтня Миколи Григоровича Даценка. Багатуший досвід боротьби за високу культуру землеробства нагромадив колектив механізаторів, який він очолює. Вміло організував бригадир також підвищення кваліфікації трактористів. Словом, було чим поділитися йому з своїми колегами.

На цій же нараді ми уклали новий договір на соціалістичне змагання обох районів і передали Вурнарському райкому партії та райвиконкомові прапор для вручення колективу-переможцю.

В останній день гостювання в Чувашії нашу делегацію запросили взяти участь у республіканській нараді тваринників, на якій Чуваській АРСР вручали перехідний Червоний прапор РРФСР та ВЦРПС. На знак непорушної, все міцніючої дружби між українським і чуваським народами ми передали націй нараді першому секретареві обкому партії Іслюкову шкатулку землі, взятої з могили великого українського Кобзаря Тараса Григоровича Шевченка.

А через місяць Золотоноша приймала в свої обійми представників трудящих Вурнарського району на чолі з першим секретарем райкому партії Анатолієм Вікторовичем Ємельяновим. До складу делегації входили: голова колгоспу «Янгорчино» депутат Верховної Ради СРСР В. И. Романов, директор м'ясокомбінату В. М. Павлова, голова колгоспу «Правда» І. Ф. Кошкін, бригадир колгоспу імені Чапаєва А. М. Михайлов, завідуючий молочною фермою колгоспу «Самолет» В. Ф. Федотов, директор побуткомбінату Н. Т. Биков, доярка колгоспу «Ленинец» К. Я. Яковлева, свинарка колгоспу імені Ульянова А. П. Скороходова та інструктор райкому ВЛКСМ В. І. Іларіонов. Весь перон вокзалу був заповнений зустрічаючими. Стихійно виник зворушливий мітинг.

На снимке: На вурнарском железнодорожном вокзале торжественно встречают золотоношских гостей.

Доярка колгоспу «Більшовик» Герой Соціалістичної Праці В. М. Левчик піднесла гостям рум'яний, як сонце, коровай, а піонери — букети квітів.

П'ять днів знайомилися вурнарці з районом. П'ять днів кожний колектив жив напруженим чеканням: «Чи завітають до нас гості? Що ми їм покажемо, чим похвалимося?» Не один голова колгоспу перехвилювався тоді, як на державному екзамені, не один творчий задум народився у наших людей.

Кульмінаційним моментом цього свята був прощальний вечір.

Коли буря овацій ушухла, перший секретар Вурнарського райкому КПРС Анатолій Вікторович Ємельянов сказав:

«Дорогі українські друзі! Ми з великим хвилюванням ступили на вашу прекрасну землю, яка народила Богдана Хмельницького і Тараса Шевченка. З перших хвилин перебування на цій землі ми відчули тепло ваших сердець і глибоко полюбили ваших чудових людей, ваші чарівні пісні, вашу багату природу.

Дружба чуваського й українського народів має глибоке коріння. Вона бере початок з тієї давнини, коли великий поет-демократ Тарас Григорович Шевченко, повертаючись із заслання у 1857 році, пропливав Волгою повз Чебоксари і залишив у своєму щоденнику рядки, в яких висловив братні почуття до чувашів, що терпіли від колонізаторської політики царизму. Ця дружба

розвинулась і розквітла в щасливі роки Радянської влади, зміцніла і загартувалася в годину найтяжчих випробувань — під час Великої Вітчизняної війни проти німецько-фашистських загарбників.

Нашою мовою перекладено найкращі твори Шевченка, Коцюбинського, Лесі Українки, Тичини, Рильського, Гончара.

У вашій землі покоїться прах великого сина чуваського народу, зачинателя чуваської радянської поезії Сеспеля. Михайло Кузьмич Кузьмін, який обрав собі цей літературний псевдонім, що в перекладі на українську мову означає «пролісок», був полум'яним комуністом і талановитим співцем щасливої долі чуваського народу. Перший голова Ревтрибуналу Чуваської автономної області, співробітник РОСТА, завідувачий обласним відділом юстиції, член облвиконкому і обкому комсомолу, натхненний поет — усе це він пройшов лише за 23 роки свого яскравого, як факел, життя. Сеспель помер і похований на Україні, в парку міста Остер на Чернігівщині. На його могилі ніколи не в'януть квіти. Вірші поета перекладені на українську мову, а ваш письменник Юрій Збанацький на основі його біографії створив роман, удостоєний першої премії імені М. Сеспеля.

Народний поет Чувашії Педер Хузангай у роки війни писав:

Заветный есть для чуваша
На Украине уголок.
Давно рвалась к нему душа,
Но путь был труден и далек.

Вонзились в небо тополя,
Могила скромная в саду.
Уходит враг, топча поля,
Я с ротой вслед за ним иду.

В короткой передышки миг
Я посетил безлюдный сад.
И к насыпи простой приник,
Где спит мой вдохновенный брат.

Родимый! С волжских берегов
От светлой Родины, в борьбе
Услышавшей твой ясный зов,
Передаю поклон тебе.

Прости: не смог у очага
Тебя я медом помянуть.
На запад, в сторону врага
Три выстрела — и снова в путь.

Дружественная делегация Вурнарского района Чувашии в Золотоношах (слева направо): глава делегации, первый секретарь Вурнарского райкома КПСС А.В.Емельянов, председатель колхоза «Правда» И.Ф.Кошкин, бригадир колхоза имени Чапаева А.М.Ананьев, председатель колхоза «Самолет» В.Ф.Федотов, заместитель директора Вурнарского химического завода Н.Т.Быков, первый секретарь райкома ВЛКСМ В.И.Илларионов.

Священна Украина-мать,
Грудь Сеспелю дала она.
Пока земля не спасена,
Мой меч не будет ножен знать.

Не один Сеспель спочиває у вашій землі. Тисячі чувашів полягли в боях за її визволення від фашистських загарбників. Український народ береже пам'ять про чуваських воїнів, які віддали життя за його свободу і незалежність. Ось чому сивий Дніпро для нас такий же дорогий, як роздольна Волга для українців. Усі шістдесят тисяч гарячих сердець, що б'ються у нашому невеликому районі, шлють вам, рідні, братерський саям. Хай день у день розширюється й міцніє соціалістичне єднання народів нашої великої Батьківщини!»

На пам'ять про перебування на Золотоношині чуваська делегація передала районному комітетові партії свій Червоний прапор з написом: «Дорогим українським друзям від трудящих Вурнарського району», вітальний адрес райкому КПРС, райвиконкому та виробничого управління сільського господарства, Книгу пошани з портретами своїх передовиків, магнітофону плівку із записом чуваських пісень, фотоальбом та кінострічку, в яких відображений перший візит золотонісців у Чувашію.

Були укладені нові договори на соціалістичне змагання, зокрема між колгоспами імені Леніна (с. Домантове) і «Правда», «Комуніст» (с. Зорівка) і

«Янгорчино», між Золотониським птахокомбінатом і Вурнарським м'ясокомбінатом, між комбінатами побутового обслуговування та районними відділами народної освіти. Вечір закінчився піснею «Хай завжди буде сонце».

Відтоді такі обміни делегаціями стали регулярними, щорічними.

ИЗ ЗАБАВНЫХ ИСТОРИЙ

* * *

Председатель колхоза имени Чапаева Шаповал пригласил председателя колхоза имени Чапаева Горбунова в гости.

— Олександр Трохимович, сейчас ждет нас баня, — хитровато подмигнул хозяин села Чапаевки.

Когда чувашский мужик растянулся на полке, зашел усатый банщик, достал замоченные березовые веники и начал хлестать по его жилистой спине так... Гость, получив удовольствие, крича от обмякших костей, соскочил на пол, в знак благодарности захотел обнять своего мучителя и... обомлел: перед ним, широко улыбаясь, стоял его колхозник, мастер на все руки Павел Абызов.

— Как ты сюда попал? А новый свинарник когда сдашь?

— Тогда, когда в три раза больше батьки Шаповала будешь платить.

В предбаннике Горбунова ждала миловидная девица в украинском национальном костюме с кувшином и огромным бокалом пенистого пива:

— Пожалуйте, Александр Трофимович, отведайте нашего чувашского хмельного...

— И мою доярку Анну Апнерскую сумели умыкнуть, оказывается, вы, Володимир Ничипорович?

— А як же, — довольный, тоном победителя захохотал на весь золотонешский край Шаповал.

Дальше — больше. Горбунов на ферме встретил свою чемпионку Вурнарского района по откорму украинских свиней сальной породы Маньку Сендмиркину, в поле — знаменитого по всей Чувашии тракториста Антона Анатаса.

Не волнуйтесь, Олександр Трохимович, — пошутил земляк, — все равно мы работаем в колхозе имени Чапаева, все — чапаевцы. Разница только в длинных рублях-карбованцах.

На другой день у входа в правление Горбунов повесил объявление:

«Граждане хохлы! Производится набор лучших механизаторов, животноводов, строителей, банщиков в колхоз имени Чапаева Вурнарского района ЧАССР. Оплата — золотом».

К завершению дружеского визита чувашской делегации у правления собралась огромная толпа жителей Чапаевки с поклажами.

— Что ж, — нахмурился Шаповал, горестно взглянув на своих золотоискателей, — дружба наша уходит вглубь и расширяется вдаль.

Возвратившись из очередной поездки в Золотоношу, глава стукнул по столу:

— Хватит жить в дремучем лесу! Пора открывать окно в Украину. Надо знать о них всё, как своих пять пальцев.

Вскоре Абызовская сельская библиотекарша привезла из Вурнар целый воз книг и начала показывать председателю:

— Вот Сковорода.

— Молодцы, хохлы! Даже про простейшую сковороду написали такую пухленькую как Библия книгу. Немедленно в колхозную столовую ее. Пусть наши кухарки научатся жарить поросят для золотоношцев.

— А вот Кочерга. Куда?

— Тоже на общественную кухню.

— Патон нашелся еще.

— Ах, шельмы, всему мастерству хотят поучать. Нам тоже не мешало бы испечь патоны по-украински. В пекарню ее. А это что?

— Гончар.

— Это, конечно, в кирпичный завод. Давно надо открывать там гончарное производство. Глиняная посуда в ходу. Пусть станет настольной книгой для наших мастеров.

— И до Вишни добрались.

— Садоводу подкинь. Пускай Гриша Грушин ознакомится с передовым опытом и привезет нам западные сорта. Винокурню смастерим не хуже Золотоношской. И у нас будет чем угощать гостей.

Веревку еще выпросила у завмага. Последнюю дала. Говорит, что хранила под прилавком для своего хахаля.

— Как ты догадалась, милушка? Только что мне стукнуло в голову: надо и нам поставить это производство на массовую основу. Откроем мастерскую, наберем команду и, переняв их опыт, завалим украинцев веревкой. Соревноваться, торговаться будем. Веревка, она, милая, пригодится всем, в любой момент.

Увидев, как глава пощупал свою тонкую шею, библиотекарша моментально подсунула ему толстую книгу в позолоченном переплете:

— Взгляните?

— А-а, Леся Украинка? Наша родимая Леся. Знаем, как апнерская дивчина сама сочиняла стихи, сама подыскала к ним музыку и сама пела под баян. Помнишь, ведь ее только в прошлом году выдали замуж за украинского соловья, а уж успела стать настоящей славной украинкой. Даже книгу натворили о ней. Вот какой живой подарок мы им преподнесли. Давай, милая, такую необыкновенную громкую читку организуем по радио о нашей героине... Пусть знает народ. А что еще?

— Тарас Бульба.

— Ах да, помню, помню. Есть у них в Чапаевке такой молодец, соревну-

ющийся с нашим Антоном Анаткасом, передовой механизатор Тарас Бульба. И вот он получил с каждого гектара по 500 центнеров этой бульбы-картошки, даже переплюнул голландцев. Мировой рекорд! Не только книгу надо было написать о нем, надо кино снимать про него! Передай книгу агроному. Когда получим новый сорт картошки, назовем его «Тарасом Бульбой».

— У меня тут не только Бульба, но и Буряк найдется. Смотрите.

— Охо, хорошо. У них там на языке-то один буряк. Из буряка получают молоко, из буряка — свинину, из буряка — горилку, из буряка.... Нам тоже треба нынче сеять больше сахарной свеклы. Пусть подружится и с Буряком агроном.

— В море книг и на Рыбака наткнулась.

— Рыбак, говоришь? Какие они богатые насчет рыб... Реки, моря. Сколько наслушались рыбацких байков? Есть чему поучиться у украинских рыбаков. Пускай читают и наши рыбаки о рыбаке украинском и рыбке днепровской. Для друзей будет такая абызовская уха... Все, что ли?

— Погодите, не все. Богомолец остался на дне мешка.

— Эта уж неважная штука. Передай в партком, пускай атеисты разберутся. Не надо мутить голову строителей коммунизма с этой книгой.

Библиотекарша выполнила строгий наказ главы, за день аккуратно раздала по всем указанным адресам книги о золотоношском поэте и философе Григории Сковороде, украинских писателях Олесе Гончаре. Иване Кочерги, Остапе Вишни, Леси Украинки, Борисе Буряке, Натане Рыбаке, об академике сварки Борисе Патоне, о композиторе Григории Вережки, знаменитом микробиологе Александре Богомольце, да и «Тараса Бульбу» Гоголя не забыла.

* * *

Шаповал, впервые приехавший в Чувашию соревноваться, встретив на крыльце правления Абызовского колхоза имени Чапаева живого Чапая, удивленно спросил:

— А где сам голова?

— Я! — щелкнув каблуками офицерских сапог, гордо представился гостю Горбунов. — Самых дорогих гостей у нас издавна принято встречать по форме.

К приезду вурнарцев председатель колхоза имени Чапаева Шаповал тоже переоделся.

Глянув стоящего на крыльце правления здорового атамана Махно, Горбунов чуть не упал и дрожащим голосом стал пытаться:

— Як можно разыскать Чапаевского голову?

— Я батько, — протянул пудовую руку Шаповал. — Самых желанных гостей издалека и у нас издревле принято встречать по форме национального горя — по-козацки.

* * *

Золотоношцы всегда отдыхали в номерах «люкс» Вурнарской районной гостиницы. На этот раз их повели в поселковую баню и сказали: «Будете жить и здравствовать здесь — на втором этаже».

— А что, наша «Дружба» сгорела, что ли? — глядя на дымящуюся длинную трубу, спросили украинцы.

— Нет, дружба наша живет и процветает, а гостиницу «Дружба» мы подарили прокуратуре для укрепления дружбы с правоохранительной службой, — объяснили хозяева.

— Нам здесь еще лучше, — обрадовались гости. — И днем, и вечером — под паром.

* * *

Подбегает адъютант Чапаева Петька и докладывает:

— Василий Иванович, прибыл эшелон «Черкассы—Чебоксары» с золотоношцами!

— Золото реквизировать и сдать в мой музей, а хозяев — срочно ко мне. Балакать будем... по-балаковски.

* * *

На вокзальной площади станции Вурнары собрались толпы людей. В первой, малочисленной, — солидные, с выпуклыми животами представительные мужи и на подбор полные, накрашенные дамы, а в оппозиционной, в многочисленной, разнородной — веселая молодежь и ясельно-садиловская детвора с красным транспарантом: «От души зустрічаєм вас, рідніе батькі і дідулі!»

Со стороны Москвы приближался пассажирский поезд с золотоношской делегацией. Когда гости вышли на перрон, они прямо двинулись навстречу прыгающей и шумящей толпе и загорланили хором: «Хай живе, наші дітки і внуки!»

Подошедший к ним глава района улыбчиво сказал голове украинской делегации:

— Милости просим и поздравляем вас с праздником — сорокалетием украинской — золотоношской диаспоры на Вурнарской земле.

— Дружба и любовь наша навека, — тепло пожал ему крепкую руку голова золотоношцев.

Памятник В.И. Чапаеву
в Чебоксарах.

ПОСЛЕСТАРТОВСКИЕ ПОБЕДНЫЕ ПОСТУПИ

Итак, был дан старт на трудовое состязание и дружественное соперничество между представителями двух народов. Трасса гонки — сложная, длинная. Как преодолевались препятствия на этом трудном пути, всенародно известно было от сообщений лидеров соревнования.

Первым об этом миру оповестил секретарь Вурнарского райкома КПСС Анатолий Викторович ЕМЕЛЬЯНОВ:

НАДО УСКОРИТЬ ТЕМПЫ

Недавно в Вурнарах побывал заместитель председателя колхоза имени Чапаева Золотоношского района Алексей Дорофеевич Кукса. Он наш частый гость. Это неспроста, ведь они с 1963 года соревнуются с абызовским колхозом имени Чапаева. В первую очередь гость поинтересовался электро-механизацией животноводческих ферм. Они, из села Чапаевки, живут в пригородной зоне Черкассы, поэтому заметен отток населения в сторону столицы, им в связи с этим давно пришлось механизировать трудоемкие работы. Многие абызовские жители тоже ходят на заработки в ближайший поселок Вурнары. Положение одинаковое. Наши чапаевцы поняли вкус механизации, посетив украинское хозяйство, переняли их опыт. И они завершают это новое дело.

Кукса внимательно следил за подачей кормов животным, уборкой нечистот из помещений под воздушным давлением прямо в траншею, системой обогрева коровников и свинарников электрокалориферами, за монтажом котлов мощностью по сто киловатт для ошпаривания горячей водой молочных бидонов и ведер, и для поения теплой водой коров.

— Вы в этом деле обогнали нас, дорогие друзья, придется и нам перенять ваш опыт, — сказал Алексей Дорофеевич.

После этой встречи я задумался. Молодцы, проворными оказались абызовские чапаевцы, дружно взялись за механизацию. А если бы гость посетил другие хозяйства?.. Мы ведь только в следующем, 1972 году начнем разворачивать механизацию животноводческих ферм в колхозах «Янгорчино» и имени Ленина. Они тоже действуют по примеру золотоношцев.

Об украинских новинках только и был разговор между председателями и специалистами. Энергичный руководитель Георгий Захарович Захаров дважды съездил в Золотоношу, заключил договор соревнования с колхозом имени Мичурина, у них заинтересовался ходом деятельности сельского коммунхоза. Сейчас его колхоз имени Карла Маркса имеет, можно сказать, свое строительно-монтажное управление. Как не радость колхознику, когда ему без никаких хлопот построят новый дом и обустроят по-современному. Сейчас янгорчинцы разворачивают коммунхоз.

Мы воочию убедились в том, что соревнование двух районов дает много положительных плодов. Когда в прошлом году мы золотоношцам отправили

около тысячи тонн семенного картофеля, они очень обрадовались. Первый секретарь райкома Леонид Никифорович Ткачук прислал благодарственное письмо. Оказывается, нынче они получили в два раза больше урожая второго хлеба.

Хоть и тяжело нам потягаться с ними, но стараемся всеми силами, умением не отставать. А для этого нам предстоит ускорить темпы.

* * *

Секретарь Золотоношского райкома КП Украины Леонид Никифорович ТКАЧУК тоже рассказал о крепнувшей силе дружбы:

ВЗАИМНО ОБМЕНИВАЯСЯ ОПЫТОМ

В ходе соревнования взаимный обмен передовым опытом принес нам много полезного. Мы немало позаимствовали у наших чувашских друзей и, в свою очередь, делились с ними своими лучшими достижениями. Новый прилив сил вызвали постановления партии и правительства о развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников сельского хозяйства. Обязательства полеводов, животноводов, механизаторов Вурнарского района Чувашии внимательно изучались в наших хозяйствах. Были обсуждены условия соцсоревнования двух районов, приняты свои обязательства. Вперед — большие задачи, которые надо решить.

Для наших хлеборобов, как и для Чувашии, 1972 год был тяжелым. Бесснежная, холодная зима, а потом — засуха. Но и в этих условиях были достигнуты неплохие результаты. Колхозы и совхозы района собрали по 27,2 центнера зерновых с каждого гектара, 123 — картофеля, 241 — сахарной свеклы, 34 центнера кукурузы. Хозяйства района выполнили планы по продаже сельскохозяйственных продуктов государству.

Задачи на 1973 год большие и сложные, но — посильные. Чтобы еще выше поднять флаг социалистического соревнования между районами, колхозами и предприятиями, учреждены памятные Красные знамена, вымпелы, Почетные Книги трудовой славы.

Помимо деловых, крепнут и культурные связи между соревнующимися районами Украины и Чувашии. Проведены дни украинско-чувашской дружбы, обмен страницами в районных газетах. С большим успехом прошли в нашем районе гастроли Чувашского государственного ансамбля песни и танца, выступления участников художественной самодеятельности Вурнарского района. С ответным визитом приезжали в Вурнары посланцы Украины.

Большой популярностью среди жителей нашего района пользуются вечера интернациональной дружбы, вечера встреч с представителями братской Чувашии.

Значительно возрос интерес к изучению истории Чувашии, ее культуры, литературы и искусства. Ныне во всех школах, клубах, библиотеках оборудованы уголки дружбы, выставки литературы чувашских и украинских писателей — о Чувашии.

Трудящиеся Золотоношского района Черкасской области и Вурнарского района Чувашской АССР со всей ответственностью борются за выполнение своих обязательств. И залогом успешного их выполнения является наша дружба, крепнущая год от года.

В нашем селе Дмитровка проживает Валя Семенова из села Хыркасы, что недалеко от Чебоксар. Привела ее в зеленый украинский край любовь к бывшему солдату Владимиру Жук, служившему в ваших местах. Она работает не ферме, пленила всех сельчан своей открытой душой, старанием и скромностью завоевала уважение украинцев. И вот когда к нам приезжала делегация из Вурнар, дмитровчане поручили Вале от имени всего колхоза приветствовать гостей на их родном языке. После приветствия она мило улыбнулась, и на удивленные вопросы земляков, громко ответила: «У меня две Родины: одна — Чувашия, а вторая — Украина!»

* * *

Первый секретарь Вурнарского райкома КПСС Альберт Тимофеевич КУПЧИКОВ продолжил инициативу предшественников:

ВДОХНОВЛЯЕТ ВСЕХ

Недавно мы получили письмо из Золотоношского райкома Компартии Украины. Далекие друзья нас поздравляют с успешным завершением сельскохозяйственного года, одновременно сообщают и о своих успехах. Особенно отличились соревнующиеся с нашими хозяйствами колхозы «Большевик», «Украина», «Червоний прапор», имени Калинина и Ленина, которые получили с каждого гектара свыше 40 центнеров зерновых. Они и впредь намерены усилить сотрудничество с нами.

Обращение золотоношцев довели до участников совещания районного хозкультактива и решили направить ответное письмо.

Взаимное общение и нам, и им, безусловно, дает много полезного. Увидев в колхозе имени Мичурина поточный метод уборки гороха, председатель саявалкассинского хозяйства Г.З.Захаров сразу начал применять новый метод у себя. Полученные от украинцев новые сорта зерновых распространили по всему району и сразу же повысили урожайность. По их примеру улучшили агротехнику. От нас научились они полной механизации производства картофеля и очень довольны высоким урожаем. Вопросы экономического, социально-культурного развития рационально разрешаются, используя лучшее в соревнующихся районах. На Украине специально изучили ведение внутрихозяйственного расчета и сейчас в двенадцати хозяйствах начали его внедрять. Нас удивило, что у них в каждом хозяйстве действуют детские ясли-сады. И нам это под силу. В колхозе «Янгорчино» скоро откроется детский комбинат. Еще одно новшество нашли мы у них: выращивание пропашных культур полностью механизировано. Так пришлось создать в районе 34 звена, которые славно поработали на полях и показали значительный экономический эффект. Этот метод думаем расширить и при выращивании зерновых. Взаимовыгод-

ное сотрудничество во всех сферах жизнедеятельности вдохновляет наши народы на новые творческие замыслы и успехи.

О А.Т.КУПЧИКОВЕ:

Наша дружба с ним началась еще в шестидесятых годах. Когда проводили Анатолия Емельянова на учебу в высшую партийную школу, Альберта избрали на его место — первым секретарем Вурнарского райкома ВЛКСМ. По поручению его помощника Анатолия Малова я в районном доме культуры сходу освещал работу конференции в сатирическом тоне. После этого на меня нагрузили районный штаб «Комсомольского прожсектора».

Наша редакция райгазеты находилась рядом с райкомом партии и комсомола. И я, и он спали в кабинетах. У него на ковре занимались борьбой. Вместе ходили на танцы, провожали девушек. Была между нами всегда взаимовыручка.

Меня удивляло то, что он постоянно и неустанно учился. Закончил Капнашское педагогическое училище и учительский институт, затем Чувашский госпединститут, Ленинградскую высшую партийную школу и Академию общественных наук при ЦК КПСС и, после защиты кандидатской диссертации, работал в аппарате обкома, первым секретарем Вурнарского райкома партии.

После перехода на педагогическую деятельность, Альберт Тимофеевич возглавлял кафедру политологии Чувашского госуниверситета, стал профессором. Об отдыхе и не думал, хотя шел ему 72 год и... Так 5 сентября 2004 года внезапно остановилось сердце нашего уважаемого друга, скромного, отзывчивого, дипломатичного человека, умелого организатора и прекрасного воститателя.

На фотоснимке (слева направо): А.Т.Купчиков, Космонавт-3, дважды Герой Советского Союза Андриян Григорьевич Николаев, председатель Вурнарского райисполкома Сергей Степанович Волков, первый секретарь Чувашского обкома КПСС Семен Матвеевич Ислюков на молочно-товарной ферме колхоза «Янгорчино» Вурнарского района ЧР.

УКРАИНЦЫ — НАМ СРОДНИ

Когда в шестидесятых годах XX века между Золотоношским районом Черкасской области Украины и Вурнарским районом Чувашии установились дружеские связи, я, работавший тогда заведующим отделом культуры райисполкома, очень обрадовался. С Украиной я познакомился еще молодым парнем в годы Великой Отечественной войны.

В 1941 году участвовал в боях в обороне Киева, а в 1943 году принимал участие в освобождении столицы Украины от врага. Оттуда мы их погнали на запад.

Потому в 1969 году я с удовольствием повез в Золотоношу Вурнарскую районную агиткультбригаду. В ее составе были: Петр Алексеевич Тихонов-Ялгир — (рук.), Михайлов Гена — баянист районного дома культуры, Кондратьев Борис — солист художественной самодеятельности химзавода, Иванов Николай — танцор и солист РДК, Васильева Антонина — солистка РДК, Краснова Роза — солистка Мало-Яушского сельского дома культуры, Малова Антонина — солистка Калининского сельского дома культуры.

Пели мы там песню «Вурнарь» на мои стихи и музыку Анатолия Михайлова:

С такой приветливой красою
Другого места не найдешь.
Не зря здесь встретились с тобою,
Смотри, поселок как хорош!

Вурнары, Вурнары —
Родимый наш край,
Как сад лучезарный,
Цвети, расцветай!

Леса глядят в реку Вурнарку
И новостроек корпуса.
Поют девчата в вешнем парке,
Что химик здесь всему краса.

Когда придется нам расстаться,
Уехать в дальние края,
Вурнарских вишен и акаций
Нам позабыть никак нельзя.

Во время посещений украинских сел у нас происходили и интересные встречи. Как-то, в селе Песчаное наши девушки Тоня Васильева и Тоня Малова познакомились среди украинок с чувашской дивчиной. Она, оказывается, сюда переехала из Чувашии с мужем — украинцем и работает на молочно-варной ферме дояркой. Я их тут же сфотографировал.

На снимке (слева направо) Роза Краснова, Тоня Васильева, доярка Шура Павлова, Тоня Малова.

Второй раз украинские друзья нас пригласили в год 100-летия В. И. Ленина зимой 1970 года. В нашей агитбригаде тогда были: Тихонов-Ялгир Петр (рук.), Юдин Анатолий — баянист РДК, Егоров Порфирий — певец, писатель, учитель Апнерской восьмилетней школы, Смирнова Валентина — певица из деревни Кюльхири, Етриков Геннадий — певец-скрипач из села Ермошкино, Белова Вера — солистка хора из деревни Шинер.

К этому времени я создал стихи и мелодии песни «Вурнары — Золотоноша»:

В краю чувашском у Вурнар
Салам-поклон всем шлет ветла.
В Золотоноше возле яр
Ей вторят тополя.

Вурнары — Золотоноша
Дружбы маршрут.
Чуваши и украинцы
Рядом идут.

Ветлу и тополь никому
Вовек, вовек не разлучить.
На радость космосу всему
И нам навек дружить!

Соревнования огонь
Горит пусть ярче и сильней.
Дары земли со всех сторон
Пошлем сполна стране.

Тогда мы в концертах восхваляли Ленина и за то, что его отец Илья Николаевич Ульянов вместе с нашим великим просветителем Иваном Яковлевичем Яковлевым много заботился о чувашском народе (на снимке Петр Ялгир декламирует свое стихотворение о Ленине).

Следующая наша поездка в 1972 году в Золотоношу была посвящена 50-летию СССР. В программу включили песни, стихи, танцы о дружбе советских народов. Вурнарскую агиткультбригаду представляли: Тихонов-Ялгир Петр (рук.) — зав. отделом культуры района, Долгов Николай — баянист РДК, Быкова Людмила — певица из колхоза «Гвардеец», Сухарева — певица из колхоза «Россия», Максимова Александра — певица и танцовщица из колхоза им. Чапаева, Трофимов Геннадий — танцор из колхоза «Память Ленина».

Наши концерты, как и всегда, прошли успешно. 10 дней пролетели незаметно. В то же время мы разучивали некоторые украинские песни, тем самым обогатили свой репертуар.

Каждый раз из Золотоноши к нам также с ответным визитом приезжали украинские певцы и танцоры. Их концерты в нашем районе всегда имели большой успех.

Установление дружеских отношений с золотоношцами мне помогло расширить свои связи с Бориславом Степанюком, Олексой Ющенко, Станиславом Репяхом, Александром Петькуном и другими писателями. Я перевожу стихи украинских поэтов на чувашский язык и печатаю их. Мои стихи также переводятся ими. Они опубликованы в журнале «Украина» и в коллективных сборниках «Здравствуй, сестра», «С Волжских берегов» и др.

Свое стихотворение «Ювілей» (Золотая свадьба) в переводе известного

Поэт Петр Ялгир выступает перед золотоношцами.

поэта Украины Миколы Упеника я декламировал везде по украински. Зрители и слушатели принимали мои выступления очень тепло, так как украинским, оказывается, владею, ведь я его изучил во время войны. Как прекрасно и лирично звучит: «У краю, де серед поля пролягла Дніпрова путь...»

Отрадно отметить, что из наших агиткультбригадовцев вышли известные деятели чувашской культуры.

Кюльхиринская девушка Валентина Смирнова после Чебоксарского музыкального училища им. Фёдора Павлова окончила Саратовскую консерваторию. Сейчас она — ведущая солистка Чуваш-

кого государственного театра оперы и балета, народная артистка Чувашской Республики.

Участница художественной самодеятельности деревни Булатова Антонина Васильева после учебы в Цивильском училище культуры окончила Ленинградский институт культуры. Более четверти века является преподавателем Чувашского училища культуры. Ей присвоено почетное звание заслуженного работника культуры ЧР.

Участница художественной самодеятельности колхоза «Гвардеец» Людмила Быкова окончила Чебоксарское музыкальное училище им. Ф. Павлова. Ныне поет в государственной Хоровой капелле народного артиста России Мориса Яклашкина.

Я стал членом Союза писателей СССР, России и ЧР, автором 50 книг стихов и 250 песен, заслуженным работником культуры ЧАССР, заслуженным деятелем музыкального общества РФ, членом Ассоциации композиторов Чувашии.

Анатолий Юдин стал художественным руководителем Вурнарского народного ансамбля песни и пляски, потом ему доверили руководить районным отделом культуры.

Такие способные были наши агиткультбригадовцы. Росли на глазах вурнарцев и украинцев.

Петр Алексеевич Тихонов-Ялгир, проживавший в Вурнарах в 1945—80 г.г., работавший заведующим отделом культуры райисполкома 13 лет, заведующим отделом пропаганды и агитации райкома КПСС 5 лет, редактором райгазеты 8 лет, собкором Чувашрадио 9 лет. (2004 г.)

* * *

Руководитель Золотоношского района Олексий Тимошенко в украинской прессе очень похвально описал о пребывании вурнарских культработников:

Як рідних братів і сестер приймали чуваських культармійців трудівники Золотоніського району. Робітники виноробного і птахівничого комбінатів, хлібороби Дмитрівки і Піщаного, учнівська молодь сільськогосподарського технікуму і профтехучилища та інші колективи, з якими зустрічалися гості, бурхливими оплесками нагороджували виконавців чуваських поезій, пісень і танців. Особливо великим успіхом користувалися виступи ветеринарного лікаря Бориса Дмитровича Кондратьєва, який чудово співав «Слухайте Леніна», методиста районного Будинку культури Антоніни Василівни Васильєвої, що виконувала пісню «Я побувала на черкаській землі!», колгоспника Миколи Івановича Іванова — прекрасного виконавця веселих народних пісень та вокального ансамблю, у репертуарі якого зібрані такі перли чуваського пісенного мистецтва, як «Дочко, за Івана виходь», «Наша вулиця», «Чуваська весільна», «Пісня хмелярів», «Жель-жель, неужель» та інші.

Успіхові чуваської бригади сприяло те, що її очолював поет Петро Олексійович Тихонов (літературний псевдонім — Петро Ялгир), який працює зав-

ідуочим Вурнарським районним відділом культури. У багатьох його віршах, покладених на музику, звучить тема братерської дружби українського і чуваського народів, любові до рідного краю. І це найбільше підкупає золотонісців.

На пам'ять про першу зустріч з трудящими Золотоніського району Петро Олексійович подарував їм свій вірш «Ювілей», присвячений дружбі українців і чувашів:

У краю, де серед поля
Пролягла Дніпрова путь,
Дуб могутній і тополя
Поруч здружені ростуть...

І мені згадалась нині
Славна юність золота,
Як я мчав по Україні
В бойові свої літа,

Як зустрів я там дівчину
І навіки полюбив,
Як на кручі біля тину
Сурський жолудь посадив.

«Хай чуваський дуб, кохана,
Береже тебе від зла...»
Зашарілася Оксана,
Та руки не відняла.

«Тож нехай, — вона сказала, —
Дуб з тополею зроста:
Доля нас, мабуть, зв'язала,
Хлопче милий, на літа».

Ми пройшли поля південні —
Вшух розпечений свинець,
Зникли «білі» і «зелені»:
Всім настав один кінець!

В рідний край не наодинці
Повернувся я. Пора!
Полюбилаь українці
Наша лагідна Сура.

Ми закохані, хоч сиві,
І в Чувашії моїй
Знов справляємо щасливі
Ювілей родинний свій.

І згадали ми Вкраїну,
Бо на кручі милій там
Дуб й тополя біля тину
Й досі кланяються нам.

У свою чергу, ми постаралися показати культармійцям з Вурнар усе, що їх цікавило. Піщанські доярки продемонстрували їм роботу дойльного агрегату «Імпульс». У тому ж Піщаному гості ознайомилися з роботою середньої школи, сільського Будинку культури та бібліотеки, а увечері дивилися чергове змагання кавсепівських колективів колгоспів «Маяк» та імені Суворова.

Слідом за культармійцями такий же взаємний обмін делегаціями здійснили і працівники народної освіти. На початку квітня п'ять наших викладачів на чолі з методистом районного методичного кабінету Маргаритою іванівною Третельницькою цілий тиждень вивчали досвід навчання і виховання молоді у Вурнарському районі. Вони побували у чотирьох середніх і одній восьмирічній школах, відвідали більше тридцяти уроків, багато занять гуртків, брали участь у педагогічних нарадах, були присутні на батьківських зборах, ознайомилися з художньою самодіяльністю.

От автора: Как жаль, что Петр Тихонов-Ялгир в конце 2006 года скончался в своем рабочем кабинете, немного не дожив 85 лет.

И КАК ОНИ РАПОРТОВАЛИ ДРУГ ДРУГУ

Первому секретарю Золотоношского райкома Коммунистической партии Украины тов. **ПИЛИПЕНКО** Владимиру Никитичу.

Председателю исполкома Золотоношского районного Совета народных депутатов **ШАПОВАЛУ** Владимиру Ничипоровичу.

Горячо и сердечно поздравляем вас и в вашем лице всех коммунистов и трудящихся братской Золотонощины с 60-й годовщиной Великого Октября!

Рады сообщить вам, что высокие предъюбилейные социалистические обязательства района успешно выполняются. Соревнованием охвачено около десяти тысяч человек, три тысячи из них борется за получение высокого звания ударника коммунистического труда. 238 рабочих, 66 животноводов, 520 механизаторов досрочно справились с заданиями двух лет пятилетки.

Перевыполняется план по реализации промышленной продукции. Правовыми являются коллективы химического завода, швейной фабрики, типографии.

Серьезный экзамен выдержали труженики сельского хозяйства. По урожайности зерна и картофеля район занял первое место в республике. Выполнены государственные планы сдачи сельскохозяйственных продуктов.

Дорогие друзья-золотоношцы! И в будни и праздники всегда мы чувствуем себя рядом с вами. Мы радуемся вашими успехами. Пусть крепнет и расцветает дружба и сотрудничество между братскими районами и народами!

Первый секретарь Вурнарского райкома КПСС

А. Т. КУПЧИКОВ.

Председатель исполкома Вурнарского райсовета

В. И. РОМАНОВ.

2 ноября 1977 года.

* * *

Первому секретарю Вурнарского райкома КПСС тов. КУПЧИКОВУ Альберту Тимофеевичу.

Председателю райисполкома тов. РОМАНОВУ Василию Игнатьевичу

Трудящиеся района юбилею Октября преподнесли хороший подарок. Коллективы промышленных предприятий выполнили свои плановые задания десяти месяцев, труженики села досрочно выполнили годовой план продажи государству шерсти, яиц, перевыполнили десятимесячный план продажи молока, мяса. Получен урожай зерновых 30 центнеров с гектара. Очень хорошо поработали свекловоды. С площади 8443 гектара убрано по 401 центнеру.

По итогам юбилейной вахты коллективы ПМК-231 завоевал переходящее Красное знамя Минсельстроя СССР и ЦК отраслевого профсоюза, Пальмировского сахарного завода — занесен на областную Доску Почета, винкомбината — в областную Книгу Трудовой Славы и вручено им знамена областных организаций. Свыше 50 коллективов, 650 человек выполнили двухгодичные задания. Коллективы комбината бытового обслуживания, колхоза «Искра», 69 победителей индивидуального соревнования занесены на районную Доску почета.

Нам очень приятно, что и наши друзья-вурнарцы в юбилейном году замечательно потрудились и добились хороших результатов. Мы вместе с вами гордимся этим.

Просим передать всем труженикам района самые дружественные, теплые пожелания, крепкого здоровья, большого счастья и плодотворных успехов.

Первый секретарь Золотоношского райкома КП Украины

В.Н. ПЕЛИШЕНКО

Председатель исполкома райсовета народных депутатов

В. Н. ШАПОВАЛ

9 декабря 1977 года.

Дорогие вурнарские товарищи!

Спасибо за весточку. Ваши социалистические обязательства изучили — видим, что вам также придется в текущем году поработать с полной отдачей сил.

Вам уже известно, что ЦК КПСС одобрил социалистические обязательства Черкасской области по увеличению производства и продажи государству продуктов животноводства в одиннадцатой пятилетке. Это большая честь для тружеников области, но еще большая обязанность — ответственно работать.

Этому подчиняем все факты и методы организационной и массово-политической работы, чтобы обеспечить безусловное выполнение взятых обязательств.

Труженики района работают с большим старанием. Итоги первых четырех месяцев радуют.

Передаем труженикам Вурнарского района самые добрые пожелания. Ждем вас на нашей земле.

С глубоким уважением первый секретарь Золотоношского райкома
Компартии Украины **Р. ШЕВЧЕНКО**

20 мая 1981 года.

Колхозы «Коммунист» Золотоношского района и «Янгорчино» Вурнарского района очень плодотворно соревновались, всячески старались помогать друг другу. В один из приездов украинцев в Янгорчино (слева первый): председатель хозяйства Георгий Ильич Андреев, рядом с ним — второй секретарь Вурнарского райкома КПСС Михаил Алексеевич Васильев.

**РАПОРТ
ТРУДЯЩИХ ВУРНАРСЬКОГО РАЙОНУ ЧУВАСЬКОЇ АРСР
ДРУЗЬЯМ-ЗОЛОТОНІСЦЯМ ПРО ХІД ВИКОНАННЯ
СОЦІАЛІСТИЧНИХ ЗОБОВ'ЯЗАНЬ 1982 РОКУ**

Дорогі товариші!

1982-й рік став для нас добрим роком у справі виконання ювілейних зобов'язань. План восьми місяців по реалізації промислової продукції виконаний на 106 процентів. Великих трудових успіхів добилися колективи Вурнарського хімічного заводу, шляхового ремонтно-будівельного управління, друкарні, швейної фабрики, деревообробного комбінату. За підсумками 1981 року колектив Вурнарського хімічного заводу був удостоєний перехідного Червоного прапора ЦК КПРС, Ради Міністрів СРСР, ВЦРПС і ЦК ВЛКСМ, а за підсумками першого і другого кварталів нинішнього року — перехідного Червоного прапора Міністерства виробництва мінеральних добрив і засобів хімічного захисту рослин та Центрального комітету галузевої профспілки.

У районі вирощено добрий урожай зернових і зернобобових культур. Урожайність в середньому по району складає 25 центнерів з гектара, а окремі колгоспи, як наприклад, «Янгорчино», «Жовтень», «Гвардієць», імені Леніна, збирають по 30—35 центнерів зернових. План продажу зерна державі виконаний на 105 процентів, і надпланова заготівля хліба триває. Виконано план сівби озимих культур. Вирощено непоганий урожай картоплі.

Непогано потрудилися й наші тваринники. Перевиконується план продажу молока. Значно перевиконали плани виробництва і продажу його колгоспи імені Ульянова, «Правда», «Перемога», «Янгорчино», імені Карла Маркса та радгосп «Вурнарський».

Нинішній рік став роком дальшого зміцнення матеріальної бази народної освіти, культури і охорони здоров'я. Державне завдання по охопленню молоді середньою освітою виконано. Будівельники району докладають всіх зусиль, щоб своєчасно здати в експлуатацію об'єкти виробничого і соціально-культурного призначення. Цього року вони ввели в дію 11223 квадратних метри житла, молочний комплекс на 800 корів у колгоспі «Зірка» та інші важливі об'єкти. Сотні сімей у селищі й селах справили новосілля. У цьому році додатково почали працювати три дитячих садки на 260 місць. Ще двоє господарств району з'єднались автомобільними дорогами в твердим покриттям. Значно зріс обсяг реалізації побутових послуг і торговий товарооборот у районі.

Користуючись нагодою, дозвольте палко поздоровити усіх трудівників Золотоніського району з успіхами, побажати міцного здоров'я, щастя, благополуччя кожній родині.

**Секретар Вурнарського райкому КПРС
В. РОМАНОВ.**

**Голова виконкому Вурнарської районної Ради
народних депутатів» В. ІВАНОВ.**

ОБМЕНИВАЛИСЬ РАЙОННЫМИ ГАЗЕТАМИ

Есть у меня в Вурнарах верный друг Миша Васильев — боевой моряк Северного флота, умный, высокообразованный, культурный, неподкупный, принципиальный, неподдающийся человек, талантливый журналист и писатель. В районной газете мы с ним творили вместе, начиная свой творческий путь. Как бы его не «били» за справедливую критику недостатков, так и не смогли «добить», он остался верен своему сердцу и жизненным идеалам — вышел победителем в интеллектуальном единоборстве. Именно за это он был удостоен награды Союза журналистов Чувашии — лауреата имени Семена Эльгера и избран членом правления Союза журналистов СССР.

В ходе творческой деятельности на постах редактора газеты «Сётерү сулё» и второго секретаря Вурнарского райкома КПСС, Михаил Алексеевич внес, вместе с другими руководителями, большой вклад в развитие и укрепление дружественных связей между украинцами и чувашами. Одной из заслуг его является организация и регулярное поддержание обменных страниц в газетах «Прапор Леніна» и «Сётерү сулё». В прессе районов ежемесячно на своих языках широко освещали, распространяли все новое, передовое, что происходило в Чувашии и на Украине. Не раз приезжал в Вурнары золотоношский редактор Илья Хорошун, с ответным визитом выезжал в Золотоношу — Михаил Васильев.

ЛАСКАВО ПРОСИМО, ДОРОГІ ДРУЗІ ІЗ ЧУВАШІЙ!

24 січня у Золотоношу прибула делегація трудящих Вурнарського району Чуваської АРСР, з якими золотонісців давно зв'язують соціалістичне змагання і тісні узи ленінської братерської дружби народів. Делегацію очолює другий секретар Вурнарського райкому КПРС Михайло Олексійович Васильєв. До складу делегації входять також завідуючий районним відділом народної освіти Юрій Георгійович Захаров, голова Калінінського споживчого товариства іван Михайлович Павлов та голова колгоспу імені Карла Маркса Михайло Панасович Афанасьєв.

Першого дня гості познайомилися з Гельмязівським свиновідгодівельним комплексом, де їх по-братерськи вітали з хлібом-сіллю, і побували в но-

На знімку делегація трудящих Вурнарського району Ю.Г.Захаров, і. М.Павлов, М.П.Афанасьєв, М.О.Васильєв (справа) среди українців.

возбудованому дитячому дошкільному закладі на 320 місць та в Гельмязівському будинку піонерів.

Повернувшись у Золотоношу, делегація поділилась на окремі групи і продовжувала вивчати підприємства та установи міста, М. О. Васильєв та М. П. Афанасьєв були гостями колективу ремонтно-механічного заводу, де ознайомилися з життям і працею робітників та з реконструкцією підприємства. Ю. Г. Захаров відвідав середню школу № 3 і міжшкільний навчально-виробничий комбінат. і. М. Павлов вивчав досвід роботи торговельних організацій.

Учора друзі із Вурнар були гостями колективів Золотоніської міжрайбази облспоживспілки та плодоовочевого консервного заводу, а також взяли участь у районній нараді передовиків сільського господарства.

«Прапор Леніна», № 113, суббота, 18 вересня 1982 р.

СЛОВО БРАТІВ ІЗ ЧУВАШІЇ ПАЛКИЙ САЛАМ, ДОРОГІ ДРУЗІ!

**Із промови на районному святі врожаю в Золотоніжні керівника
вурнарської делегації В. О. ІВАНОВА**

Дорогі золотонісці! Дозвольте, передусім, від усієї душі подякувати усім українським друзям за гостинне запрошення вурнарської делегації на це світле торжество в чудовий Золотоніський край! З глибоким хвилюванням вступили ми на цю братню землю. Велике спасибі вам за такий теплий прийом!

З почуттям величезної радості ми виконуємо доручення усіх трудящих нашого району і передаємо учасникам та гостям вашого свята, всім трудящим Золотоніщини наші найщиріші побажання багатирського здоров'я, ще більших трудових перемог, щастя і благополуччя на довгі роки! Немає в Чувашії на нашій мові слова стародавнішого, вагомішого і ласкавішого, ніж слово «салам». Ми привезли вам наш величезний, палкий і сердечний салам!

Народні звичаї і традиції здавна багато в чому схожі в усіх народів нашої Батьківщини. З глибокої старовини бере свій початок наше свято Акатуй — сонячне свято весни і землеробства. Як і на Україні, тепер і в нас стає традицією також свято Врожаю. Ваше торжество — це і наше свято. Ми відразу відчули духмяний запах вашого нового хліба, відразу виявились у гарячих обіймах. Ми ніби в колі найближчих рідних. Виявляється, наші свята дуже схожі. Нам дуже приємно бачити вас у такому веселому й піднесеному настрої.

Дорогі друзі! Ми від душі радіємо вашим успіхам, і хай їх буде більше. Ми, вурнарці зокрома, щиро радіємо братерським зв'язкам з вами, українцями-золотонісцями. Нашому співробітництву уже сповнилося два десятки років. Це були роки корисного, плodотворного співробітництва, особливо для нас, вурнарців. Ми багато чого у вас навчились і будемо ще вчитись. є впевненість, що наші ділові зв'язки, наше економічне і культурне співробітництво неодмінно посиляться.

Головне і неоціненне надбання цих зв'язків — наша велика братерська дружба. Глибокі її джерела. Ця дружба народів не один раз перевірена історією, найтяжчими роками становлення Радянської влади та Великою Вітчизняною війною. Ця дружба закріплена добрим ставленням до інших народів великого українського Кобзаря Тараса Шевченка, нашого полум'яного поета-революціонера Михайла Сеспеля, легендарного героя громадянської війни Василя івановича Чапаєва, народних поетів України й Чувашії Павла Тичини і Петра Хузангая. Яскрава сторінка в дружбу чуваського й українського народів була вписана першими космонавтами Павлом Поповичем і Андріаном Ніколаєвим, 20-річчя а дня сумісного польоту яких ми недавно відзначали так урочисто. Словом, на землі і в небесах, всюди ми з вами брати. Ці зв'язки скріплені самовідданою мирною працею, кров'ю і життям у роки війни. Ми знаємо немало наших земляків — визволителів України, у тому числі й Золотоніщини від німецько-фашистських загарбників. Трьом вурнарцям за це було присвоєно звання Героя Радянського Союзу.

Немалих успіхів ми добились, але маємо й недоліки у роботі. Свої і ваші невдачі ми глибоко переживаємо, а успіхам вашим і своїм щиро радіємо, бо бачимо в них силу братерської дружби і соціалістичного змагання. Від усієї душі палко вітаємо вас с трудовими досягненнями і бажаємо здоров'я, щастя, нових успіхів.

ПОЗМАГАЄМОСЯ З ГЕЛЬМЯЗІВЦЯМИ

У гельмязівському радгоспі «Росія», де побувала делегація із Вурнарського району, мене найбільше цікавила робота промислового свиного комплексу, оскільки я керую таким же. Особливо уважно ознайомився з цехом репродукції, якого у нас ще немає і який ми плануємо створювати тільки наступного року. Досвід гельмязівців допоможе нам зробити його швидко і без помилок.

Добові прирости свиней на нашому комплексі одержують майже такі ж, як і в «Росії» — по 500—550 грамів. Різниця тільки в тому, що гельмязівці розраховують досягти проектної потужності комплексу вже нинішнього року а перед нами поставлено завдання освоїти її до кінця п'ятиріччя. Словом, наш міжгосподарський свиногокомплекс «Колос» — ще зовсім молоде підприємство, яке діє тільки другий рік. Збудували його в минулій п'ятирічці на пайових засадах 14 колгоспів і 3 радгоспи Вурнарського району. Основними підрозділами нашого комплексу є цех дорощування та цех відгодівлі свиней, а допоміжним — цех виробництва кормів. Фураж нам в основному завозять господарства-пайовики. На своєму комбикормовому заводі ми переробляємо одержане зерно. Крім того, для комплексу виділено 150 гектарів зрошуваних земель. Завдяки цьому ми вирішили проблему збуту гною. На добре угноєній поливній площі вирощуємо для власних потреб люцерну. Ось і нинішнього року протягом усього літа ми мали достаток зелених кормів для годівлі свиней.

Комплекс «Колос», розрахований на утримання 24 тисяч свиней, обслуговують 130 робітників і спеціалістів. Він збудований за 20 кілометрів від Вурнарів на пустому місці. Тому одночасно з ним ми почали будівництво поблизу і житлового масиву, до якого входять, крім житлових будинків, дитячий садок і магазин. В експлуатацію вже здано три багатоповерхові будинки. Усі спеціалісти комплексу вже забезпечені житлом. Завершення будівництва ще одного 18-квартирного будинку повністю вирішить житлову проблему. Частина робітників живе в навколишніх селах, звідки ми підвозимо їх на роботу автобусом.

Організація племрепродуктора допоможе нам швидше набрати планове поголів'я свиней і збільшити продаж м'яса державі. З приводу цього я одержав вичерпні консультації у директора радгоспу «Росія» Йосипа Григоровича Чуйка та начальника свиногокомплексу Миколи Степановича Городинця.

Користуючись нагодою висловити свої враження від перебування на Золотоніщині, я хочу підкреслити дуже корисну, благородну справу українських друзів — їхнє прагнення зберегти для нащадків місцеві пам'ятки матеріальної і духовної культури. У Золотоноші, в Піщані і в Гельмязові ми бачили історико-краєзнавчі музеї, в яких зібрано багато цінних експонатів. На жаль, у нас поки що немає музею навіть у районному центрі.

Наші райони вже двадцять років змагаються між собою. Років десять тому існувало змагання і між колективами окремих підприємств, колгоспів та

організацій. Доцільно було б відновити цю корисну справу. Це пішло б на користь і золотонісцям, і особливо вурнарцям. Ми, наприклад, вибрали б собі партнером змагання колектив Гельмязівського свиногомплексу.

Г. КРАСНОВ,
начальник Вурнарського міжгосподарського свиновідгодівельного
комплексу «Колос».

ПОВЕЗУ ВАШ ДОСВІД У ВУРНАРИ

Давня дружба єднає Вурнарський район Чувашії і Золотоніський України. Майже щороку року вони обмінюються делегаціями, щоб поінформувати друзів по змагання про досягнуте, а також запозичити зерна передового досвіду, щоб запровадити його в себе. Не можу передати тієї радості, яка охопила мене, коли мені повідомили, що я включений до складу групи, яка поїде на Золотоніщину. Разом з тим це поклато і особливу відповідальність. Адже друзям по змагання доведеться рапортувати про здобутки колгоспу імені Леніна, який я очолюю. Тому разом з усім колективом працював так, щоб не соромно було називати показники господарювання українським колегам.

Якраз перед моєю поїздкою наш колгосп закінчив збирання ранніх зернових. Урожайність їх становить 34,8 центнера з гектара. Зобов'язання хлібороби колгоспу виконали, а проти минулого посушливого літа зібрали удвоє вищий урожай зернових культур.

Колгосп розпочав копання картоплі. Перші гектари свідчать, що зберемо її не менше 200 центнерів з гектара.

Колгосп імені Леніна — господарство багатогалузеве. Крім обробітку 1800 гектарів орної землі, займаємося виробництвом молока та м'яса. Утримуємо на фермах 1245 голів великої рогатої худоби, з них 400 корів. Плани продажу державі тваринницької продукції виконуємо щомісяця. На початок вересня мали близько 2 тисяч кілограмів молока, надоєного від кожної корови. А добовий надій його становить 8,2 кілограма.

Нинішнього року ми зуміли заготовити удвоє більший запас кормів для тваринництва, ніж торік.

У колгоспі є 13 Героїв Соціалістичної Праці, деякі з яких продовжують примножувати колективні здобутки. Серед них скотар Микола Семенович Суворов, тесляр Микола Якович Михейкін та інші.

Словом, намагаємося працювати так, як і личить орденоносному господарству, адже колгоспові ще в 1940 році вручено орден Леніна.

Як і в кожному господарстві, є в нас і проблеми. Виконуючи Продовольчу програму, колгоспники повинні збільшувати виробництво зерна і тваринницької продукції. Проте у тваринництві в нас поки що не вистачає кадрів.

Правління колгоспу, на мою думку, вибрало правильний шлях їх закріплення на фермах. У першу чергу для тваринників споруджуємо житло.

Спочатку будували його господарським способом, а з минулого року — з допомогою пересувної механізованої колони. Торік тільки господарським способом спорудили чотири будинки. А нинішнього року здали вже п'ятий. В основному це 2-квартирні трикімнатні будинки з господарськими прибудовами. Ті, хто заселяється в них, мають змогу утримувати підсобне домашнє господарство. Це житло намагаємося надавати в першу чергу молодим сім'ям. За останні два роки, коли колгосп інтенсивно взявся за спорудження житла, помітно легше стало з кадрами тваринників, зросли і показники роботи ферм.

У попередні роки в нашому колгоспі побували представники колгоспів імені Леніна та «Червоний прапор» вашого району. Я ж, побувавши золотоніських радгоспах «Маяк» та «Росія», ретельно знайомився з цими господарствами, порівнюючи і абираючи те, що можна запровадити в себе. Не можу не відзначити високої культури землеробства на полях цих господарств. Особливо мене зацікавила робота агрохімцентру у Піщані. Я детально ознайомився з його організацією і структурою. Після приїзду додому планую розпочати підготовку до створення такого підрозділу і в нашому колгоспі.

М. ХРАМОВ,

голова колгоспу імені Леніна Вурнарського району Чуваської АРСР.

«Прапор Леніна» № 104, вівторок, 28 серпня 1984 р.

У НАС В ГОСТЯХ — ДРУЗІ ІЗ БРАТНЬОЇ ЧУВАШІЇ ІЗ ПРОМОВИ КЕРІВНИКА ДЕЛЕГАЦІЇ ТРУДЯЩИХ ВУРНАРСЬКОГО РАЙОНУ ЧУВАСЬКОЇ АРСР ТОВ. ІВАНОВА Д. Ф.

Дорогі золотонісці!

Від імені у членів нашої делегації дозвольте сердечно привітати трудящих Золотоніського району за запрошення на сьогоднішнє свято врожаю, за ту щирі, братерську гостинність, якою ми оточені з перших хвилин перебування на золотоніській землі.

Ми з великою радістю узнали про славні успіхи землеробів вашого району у виконанні планів четвертого року п'ятирічки. Як і належить найкращим друзям, ми постійно й уважно стежимо за вашими трудовими зусиллями і досягненнями на всіх ділянках господарського і культурного будівництва. Ваші успіхи служать для нас мобілізуючим прикладом, дають нам упевненість і силу для розв'язання завдань, що стоять перед Вурнарським районом.

У свою чергу, ми раді доповісти вам, що й трудящі Вурнарського району мають непогані виробничі показники. Працівники нашої промисловості перевиконали семимісячний план реалізації продукції на 6 процентів, або більше як на 3 млн. карбованців. Найбільших досягнень у змаганні добилися колек-

На знімку делегація трудящих Вурнарського району Чуваської АРСР з якими, ми змагаємося понад двадцять років. Зліва направо: керуючий районним об'єднанням Сільгосптехніки Федір Єгорович Пчелов, голова колгоспу «Янгорчино» Георгій Ілліч Андрєєв, свинарска колгоспу імені Ульянова Любов Іванівна Васильєва та начальник районного управління сільського господарства Давид Федорович Іванов (керівник делегації).

тиви хімічного заводу, заводу сухого знежиреного молока та м'ясокомбінату. Здійснюючи Продовольчу програму, хлібороби виростили і високоякісно зібрали порівняно непоганий урожай зернових і кормових культур. Цьогорічна весна у нас була дуже посушлива: перші дощі випали тільки 9 червня, температура повітря трималась на рівні 30—33 градусів, чого не було давно. Однак, незважаючи на складні погодні умови нинішнього літа, колгоспи «Янгорчино», «Октябрь», «Гвардеец», імені Ульянова, імені Карла Маркса одержали з кожного гектара ранніх зернових і зернобобових культур по 27—25 центнерів зерна. На полях району дозріває багатий урожай картоплі, овочів і кормових коренеплодів. Успішно працюють також тваринники. Річний план продажу вовни уже перевиконано. Дев'ятимісячний план продажу м'яса буде завершений до 1-го, а молока — до 15-го вересня.

Дозвольте ще раз передати вам, дорогі товариші, від усіх 48 тисяч громадян Вурнарського району Чувашії наш сердечний салам!

СЕНТЕРУ СУЛЕ

КПСС ВАРНАР РАЙКОМЕПЕ ХАЛАХ ДЕПУТАЧЕСЕН РАЙОН СОВЕЧЕН ОРГАНЕ

74 (6285) №

◆ Хасат 1930 сулхи ноябрѣн
1-мѣсѣнче тухла нусланѣ ◆

1982 сулхи июнѣн 15-мѣсѣ,
ытларикун

◆ Халѣ 2 лус

«Сѣнтерѹ сулѣ» 1982 сулхи июнѣн 15-мѣсѣ, 74 №

ТУСЛАХ ПЫТАР ЁМЁРЕ НАША ДРУЖБА НА ВЕКА

С душевным волнением выполняю почетное поручение бюро райкома партии, исполкома райсовета, рабочих заводов и фабрик, работников полей и ферм, всех трудящихся Золотоношского района и передаю участникам торжества горячие приветствия по случаю вашего праздника — акатуй.

Мы на Украине хорошо знаем, что акатуй это древний и вечно молодой праздник тружеников земли, всех тех, кто своими руками создает жизненные блага. Мы очень рады, что вместе с вами участвуем в этих торжествах. Примите же от ваших друзей-украинцев, проживающих недалеко от Киева, на берегах седого Днепра-Славутича, земной поклон.

Мне и моим товарищам — секретарю парторганизации завода металлоизделий Степанчук Надежде Григорьевне, председателю колхоза «Червоний прапор» Проценко Ивану Ивановичу, начальнику комплекса совхоза «Россия» Городинцу Николаю Степановичу приятно сознавать, что между берегами Днепра и Волги, Суры и Цивилия уже давно и прочно протянулись сотни нитей экономического, культурного содружества и родства.

Наша дружба начиналась и крепла издавна. Космонавты Николаев и Попович породнили нас и в космосе. Так что на земле и в небесах — везде мы братья.

Нам есть чему поучиться друг у друга. В конечном счете дружба, духовное единение, совместный опыт решения задач, стоящих перед нами, только обогащает нас.

Трудящиеся нашего района успешно трудятся над решением принятых соцобязательств. Они с достоинством справились с заданиями прошлого года: произвели промышленной продукции на 130 млн. рублей, продали государ-

На снимке: хлебом-солью встречают украинцев в Вурнарском районном объединении «Сельхозтехника» 8 июня 1985 года. Слева направо — Валентин Алексеевич Бедуля, Василий Пантелеймонович Матвиенко, Анатолий Павлович Жуковский.

ству 3,5 млн. пудов зерна, 2,5 млн. пудов молока, 854 тыс. пудов мяса, 13 млн. штук яиц и много другой сельхозпродукции. Предварительно ожидаем перевыполнение полугодового плана продажи государству продуктов животноводства.

Немало хороших дел осуществлено в торговле, быте, образовании, культуре, медицине.

Мы получаем много писем, телеграмм из вашего края, в которых вы высоко оцениваете нашу работу. Мы бесконечно благодарны вам за это.

Мы очень внимательно следим за теми большими событиями, которые вершатся в районе Чебоксар — на берегах матушки-Волги, по всей территории Чувашии и в дружественном нам Вурнарском районе.

С чувством гордости мы смотрим на ваш край, который с каждым годом становится все краше и лучше. И все это — дело рук талантливого и трудолюбивого, щедрого и жизнерадостного братского чувашского народа.

Щиро дякуємо вам, наші друзі, за дружбу і співробітництво, за те, що ви умеєте їх свито храніть і неустанно кріпять.

Душа украинская широкая. Она всегда открыта для доброй человеческой мысли, для дружбы, для вас.

Н. В. ЛУЦЕНКО,
второй секретарь Золотоношского райкома Компартии Украины.
6 июня 1982 года.

НЕСТАРЕЮЩЕЕ ДРУЖЕЛЮБИЕ

Вурнарскому району Чувашской Республики в 1997 году исполнилось 70 лет. В дни ожидания этой даты я работал в журнале писателей Чувашии «Родная Волга» и ведал отделом прозы. Главный редактор Федор Агивер согласился с моим предложением подготовить сентябрьский номер о жизни и истории моих земляков. В районной администрации одобрили эту идею.

Для откровенного разговора по этому поводу ко мне в Чебоксары специально приехали руководитель района Александр Ильич Кушков и живущий в то время в родной деревне Сендимиркино народный писатель Чувашии Анатолий Викторович Емельянов. Они, члены общественного совета спецвыпуска, вели продолжительную беседу о судьбах и перспективах вурнарцев. Вот тогда-то я попросил давнишнего своего товарища Анатолия Викторовича (ко мне он всегда обращался так же как другой друг молодости Василий Игнатьевич Романов, просто «Володя») рассказать об украинцах.

Он охотно согласился и продолжил нашу непринужденную беседу. Этот душевный рассказ и после его смерти звучит приятным голосом животрепещуще. Как жаль, что в 2000 году, после продолжительной тяжелой болезни, не стало биться пламенное сердце нашего писателя-философа, писателя-борца. Вот что он рассказал о взаимоотношениях с золотоношцами:

— Даже не верится, как мы сумели сплести живой и цветущий венок дружбы с этим богатырской душой, трудолюбивым, славным народом. Наши думы и чаяния как бы слились воедино. Вспоминая пылкое и напряженное время, хочется мне начать свои вести с одного письма.

«Уважаемый Анатолий Викторович!

Получил от вас очень долгожданное письмо, прочитав которое слезно распла-

кался: душа заныла. Я, казак, привык и к ругани, и к постоянным упрекам в свой адрес. Твои ласковые добрые слова расстроили и смягчили мою душу.

План донимает. С каждого гектара государству сдали по 16 центнеров озимой пшеницы и по 4 центнера ячменя. Теперь ждем, когда поспеет кукуруза. Если ее сдать по 4 центнера — то план выполнится. Вот какой большой план дали нам в 1965 году стараниями «нашего любимого» А.П. Тимошенко. Сам отлично понимаешь: сейчас высшее начальство может затоптать любое хозяйство в грязь. Себя я не жалею, и выговор от райкома партии не пугает меня, жалко колхоза и его людей. Колхозы с маленькими планами сколько денег содрали с государства. Готовенькие деньги. Если намереваться работать хоть немножко прибыльно, невольно приходится опустошать свои амбары. Урожайность нынче не ахти какая, лишь озимая пшеница порадовала, с гектара собрали 43 центнера.

С твоей помощью нашел общий язык с Алексеем Прокофьевичем. Теперь у нас новый секретарь райкома. Леонид Никифорович Ткачук, кандидат экономических наук. Тимошенко, видимо, пожалел свой «особняк», не перешел в область, устроился директором местной школы. Жаль, до пенсии много еще надо попотеть, и надоест ему ходить в родную деревню.

Знаю, ты не любишь курорты. В дни отпуска приезжай сюда. Создам все условия для творческой работы. Не забывается, как мы с тобой ходили на рыбалку. Чудное время природы. Начинает светать, но Зоривка пока в глубоком сне. А мы с тобой на берегу самого большого пруда удочками ловим карпов. Наловили целое большое ведро. Такого в моей жизни никогда не было.

Мы же с тобой убежали от Алексея Прокофьевича на ночевку, поговорить по душам. Утром добрались от Зоривки до Золотоноши, вашу делегацию накормили ухой, поэтому за «дезертирство» Тимошенко нас не наказал.

Завершили строительство рыбопитомника. Площади прудов перевалили за триста гектаров. Теперь расплодись советские купцы. Из Черкаска их приехало несколько. Сами денег не платят, а хотят присвоить самый большой пруд. Там карпы и сазаны выросли до пол-пуда. Даем им специальный комбикорм, растут очень быстро. Сейчас купили катер и огромную сеть. Спешу побыстрее, будем ловить рыбу сетью, и с удочками посидим.

Большой привет С.С. Волкову, В.Д. Данилову, В.А. Агафонову. Р.М. Дубининой.

30 сентября 1966 года. Василий Демиченко».

Вот такое письмо получил я от украинского товарища.

Василий Петрович хотя и не пишет стихов, но очень любит поэзию. Его Бог — Тарас Шевченко. В Вурнарах я ему подарил поэму К. В. Иванова «Нарспи» и переведенные на русский язык Петром Хузангаем стихи Михаила Сеспеля. А когда приехали мы к ним, по пути из его Зоривки в Золотоношу, он продекламировал «Нарспи» наизусть; захватывающе душу прочитал и стихотворение Сеспеля «Как умру».

— Много общего между «Катериной» Тараса Григорьевича и «Нарспи» вашего молодого поэта, — умно ответил он.

Что поделать: и мне осталось выучить «Катерину» наизусть. Молодым был тогда, память отличная, после трех-четырёх раз прочтения строки «Кобзаря» врезывались в память.

Очень жаль, что не удалось провести отпуск на Украине. В том незабываемом июне месяце 1966 года не пришлось попасть и в колхоз Демиченко, как устроился в гостинице Золотоноши, отправился в колхоз имени Чапаева: таков был маршрут нашего визита. Удивительное тут было вот что: после завершения строительства ГЭС, большой участок колхозной земли оказался под водой Днепра. Вода неглубокая, там водится множество рыб. В протяжении почти всего берега расположились утиные фермы. Берег весь белый, со всех сторон слышится крикание уток. Утят разводят в колхозе же. За два с половиной месяца они вырастают, их отправляют в Черкассы. На зиму оставляют две тысячи уток. В марте начинает работать инкубатор.

Руководитель этого богатого хозяйства В.Н.Шаповал в тот раз был в отпуске. Я о нем еще расскажу маленько. На берегу реки им построено три бани (ближе к деревне), оказывается, их поставили мои земляки — абызовские плотники. Печи топятся постоянно, если есть сила и здоровье, мойся, парься хоть целый день. Люди Чапаевки полюбили чувашские белые бани. Еще нужно сказать вот что: Вурнарское лесничество каждый год отправлял в Золотоношу по десятке срубов для бань.

В тот год мы из Украины впервые привезли семена озимой пшеницы «Мироновская-808». Боясь, что осенние всходы зимой в стужу могут померзнуть, наши колхозы побоялись сеять ее. Приходилось силой заставлять. Посеяли всего на пятистах гектарах. Только зря боялись. В 1967 году озимую пшеницу собрали более тридцати центнеров с гектара.

Каждый из нас в Золотоноше обрел по два-три друга. Расскажу-ка еще о председателе колхоза Николае Романовиче Золотаренко. В Вурнары он приехал со второй делегацией гостей. Вот тогда-то я близко познакомился с ним. Он оказался очень проворным. В Золотоношском крае так быстро сеют семена картофеля. Николай Романович увез от нас сорта «Гатчинская» и «Столовая» и посадил у себя. Чувашский подарок так обрадовал их... дал более трехсот центнеров с гектара. Небывалый урожай! Золотаренко привозил к нам семена люцерны, а из Вурнарского химического завода увозил гербициды для сахарной свеклы. Позже мы в Золотоношу ежегодно отправляли по 500 тонн сортовой картошки. И они по производству картофеля ежегодно начали завоевывать первенство в области. Мы у них постоянно закупали семена озимой пшеницы, и были довольны высоким урожаем.

В 1973 году Золотаренко ко мне приезжал со своей дочкой в Чебоксары. Таня хотела поступить на русское отделение педагогического института. На вступительном экзамене, из-за двух ошибок (она на родине все же училась на

украинском языке), не прошла по конкурсу, хотя отец и я надеялись на лучшее. Я решился было помочь по службе, уж не такое преступление совершалось бы, но Николай Романович не согласился, такие строгие правила были тогда и в общественных отношениях, и в домашней моральной среде. Чуть позже выяснилось и то, что Тане и самой не хотелось оставаться одной на чужбине, хотя рядом были друзья родителей.

Больше недели прожила в моей чебоксарской квартире семья Золотаренко. С нашим вурнарским товарищем, секретарем обкома КПСС Прокопьевым мы очень дружелюбно беседовали. Илья Павлович попросил нас провести дни отдыха на волжских берегах. Обком выделил нам катер и мы от души катались по Волге, заехали в Кувшинский дом творчества писателей, торжественно пообедали и походили в сосновом бору.

Позже Николай Романович присзжал в Чебоксары еще раза два: сначала его принял заместитель председателя Совета министров Л. И. Астапов, затем — заменивший в то время эту должность В.А. Агафонов. С Валентином Алексеевичем они познакомились еще в Вурнарах, когда Агафонов работал в райисполкоме, поэтому все вопросы, поднятые гостем, разрешались быстрее, эффективнее, на уровне дружеских отношений. Последняя с ним встреча состоялась в 1975 году. Тогда я учился в Москве в Высших литературных курсах при Литинституте. На Казанском вокзале встретил семерых украинцев. Они ехали из Вурнар. Из знакомых оказались Золотаренко и экономист колхоза «Маяк» Галина Сердюк. Остальные — новые люди. Перевезли на Киевский вокзал их вещи и на нанятом мною специальном микроавтобусе гостям показал достопримечательности столицы, на ВДНХа страны посетили павильон Украинской Советской социалистической республики и в импровизированной встрече с работающими там украинцами вспыхнули музыкально-литературные выступления. Оттуда — сразу на Останкинскую башню. Во вращающемся ресторане продолжили концерт и с высоты птичьего полета посылали приветы своим народам.

Здесь мне хочется добром отозваться о Галине Сердюк. Думаю, что вурнарские экономисты и бухгалтеры хорошо помнят ее. Она организовала семинар в сельхозуправлении по внедрению в колхозах внутрихозяйственного расчета. Помимо делегаций, ей приходилось не раз приезжать к нам по специальной учебной программе. Она очень доброжелательная дивчина, с культурным обаянием женщина. И она, и Золотаренко для меня были большого интеллектуального ума люди.

Во время проводов на Киевском вокзале земляки ее пошутили:

— Признавайся, Галя, кто там у тебя в Вурнарах жених? Что-то больше всех нас ты зачастила туда? А если муж не пустит домой?

И сейчас наяву вижу покрасневшее как спелая калина лицо украинки и ярко слышу ответ не пораженной женщины: «Это — тайна дружбы. Вурнарцы, может, мне и не смогут найти достойного хлопца, но постоянной работой экономиста обеспечить».

— Что значит нынешние Вурнары? Едва ли займутся они такими высокими почестями, вожди вурнарские уже все в Чебоксарах. Вот они-то и найдут чувашских богатырей и министерский пост для тебя, Галюшка-Златушка, — захохотал Золотаренко.

Мы же давно знаем как украинцы умело могут пошутить и подтрунивать друг над другом. Это у них, как и у чувашей, в крови. Опустив голову и плачем дело не сделаешь.

Проводив веселых друзей, я остался в Москве их шуточными сказаниями, серьезными мыслями, обещанными словами, планами на будущее.

В повседневной жизни все же чего-то не хватало. В ходе учебы постоянно хотелось глубже познать историю, быт и уклад жизни, литературные, культурные достижения украинцев. Со своими товарищами по литинституту я глубже и глубже вникал в философию слова великих народов, в огромной семье которой музыкально звучали украинский и чувашский языки. Есть, оказывается, сходственные отношения и в нынешнем соревновании двух районов — двух народов.

Уж колхоз имени Чапаева Золотоношского района Украины давно соревнуется с одноименным колхозом нашего района. Этому послужили великие люди земли нашей Василий Чапаев, Андриян Николаев и Павел Попович. А инициатором, пионером всенародного дела был украинец Владимир Ничипорович Шаповал. Этого высокого человека пожилые вурнарцы помнят до сих пор: он был очень старательным, и имеющим виды на будущее и трудолюбивым человеком. После Чапаевского колхоза одно время руководил Золотоношским райисполкомом. Затем он, как рано пробуждающийся жаворонок, поднялся все выше и выше: заместитель председателя, председатель Черкасского областного Совета народных депутатов. Большая шишка. Украина — огромная страна. Но Черкасская область в соревнованиях не раз завоевывала переходящие красные знамена по отраслям промышленности, строительства, сельского хозяйства, культуры, особенно — по строительству школ и детских садов. Это говорит о чем-то возвышенном. Время делает свое: этот неутомимый жизнерадостный человек всегда с беспокойным сердцем скончался на работе от инфаркта. Его доброе имя с честью хранят и на Украине, и в Вурнарах. Владимира Ничипоровича Шаповала обессмертили на нашей земле — он занесен на Доску почета Вурнарского района Чувашии.

Другой, расписавшийся на первом договоре о соревновании двух районов двух союзных республик, очень своенравный, изумительный чуваш, самобытный организатор и руководитель, врожденный крестьянин, всегда живой, мыслящий Александр Трофимович Горбунов, может жить даже как Робинзон Крузо, но жить с друзьями в согласии, находя общий язык — у него превыше и дороже всего. В народе говорят, что хлеб старости с отрубями и горек: сегодня одного потеряешь, затем второго, третьего... Ой, как не хочется видеть будущих опасностей, нам пока не кажется, что мы состаримся, или навсегда потеряем товарищей.

Часто у меня спрашивают: «Неужели и после развала Советского Союза Вурнары и Золотоноша будут соревноваться?» С хитринкой, со смешком или с издевкой спрашивают. По-правде, только политикам вечно нужна власть, пусть и малюсенькое государство, но каждый правитель желает стать царем великим, пользоваться благами и возвеличением. А простому народу что делить, кроме работы? Больше ничего. Но, веками сложенными устоями мудрости, ничего нет дороже, чем жить дружно всем как добрые соседи. Теперь Украина — совсем другое государство, независимое, но, как и раньше, — близкое сердцу государство. Прах незабываемого нашего поэта Сеспеля покоится там. Около города Канева — памятник Тараса Шевченко. Его похоронили там на самом высоком месте. Тарасовой горой называется. Украинский кобзарь и наш пламенный певец новой жизни указали в своем творческом порыве, где их хоронить после смерти. Бывая в Золотоноше, мы обязательно съездим в Канев, посетим Шевченко и его музей, поедem и в город Остер. Доедешь до Черкаска — далеко ли до земляка. Против мертвых никогда не идут. Народ в корне не изменишь. Наша дружба как никогда, так и продолжается. А время оно вечно меняется, в то же время и люди меняются.

Колхозом имени Чапаева в Чувашии энергично руководил А.Т.Горбунов. И сам он с натурой героя гражданской войны Чапаева, не сидел сложа руки, был острым на язык. В то время деревни Нижнее Абызово, Абызово, Старые Яхакасы и Апнер объединились в одно коллективное хозяйство, и чтобы жителям всех деревень было удобно ходить в правление и на работу, Горбунов заставил местных правителей в первую очередь построить главную усадьбу: в чистом поле выросли здания сельского Совета, правления колхоза, животноводческих ферм и машинно-тракторный парк. В ходе создания новой «столицы» и пришло письмо из Украины.

Обсуждают, спорят, сомневаются, опасаются. Тут, родной, как восхищались издревле местные жители: «Абызово идет, боевой дух идет», этим изречением жаркий пар сразу не поднимешь, что бы ни было — от страха не спрячешься в чащобе нашей сурской лесной полосы под названием Салуга. Несмотря на все опасения, соревнование началось.

В то время я спрашивал у Горбунова: «Чем думаешь удивить украинцев?» А он почешет затылок и отвечает скромненько: «Похлопочем, а там видно будет».

Когда при первом секретаре райкома партии Виталии Даниловиче Данилове разгорелось соревнование между двумя колхозами, а когда мне дали районные вожжи в руки, начали поговаривать посерьезнее: «Давайте начнем потягаться с Золотоношским районом». Мне стало как-то не по себе: «Куда нам до них?» На три года затянулся этот щекочущий вопрос: не шутка, они выращивают урожай зерновых в три раза больше нас. А если начнем соревноваться? Как бы не пришлось нам прикрыть свои лица кошмой. Была не была, подумали, и решились на рискованный шаг. В конце-то концов, и нам надо подтянуться до передовых союзных районов. Что будет, то будет, к перво-

му секретарю Золотоношского райкома КП Украины А.П.Тимошенко все же с опаской отправили письмо о согласии соревноваться, и пригласили их в Вурнары. Предводимая Алексеем Прокофьевичем делегация из десяти человек прибыла к нам после завершения весенне-полевых работ. Нет, они не придирались к нашим недостаткам и не приучали нас как сообразительнее действовать. «Толя, — не раз говорил Тимошенко, — здесь, может быть, и будет лучше, если делать так...» И как же мы сами не догадались и не сообразили, группы, упрекали себя после таких подсказок.

Сразу следует сказать: украинцы великолепно научились работать с людьми. Или из-за неуважения себя, или кичась тем, что чуваша трудолюбивы, — на чувашском небосклоне героических «звезд» не слишком-то замечали что ли, или опасались, что другие будут завидовать. А.П.Тимошенко привез в Вурнары сразу десять выпелов: «Передовой доярке», «Передовому механизатору» и т. д.. Эти подарки из Золотоноши вручали самым лучшим. Позже мы и сами начали учреждать выпела, почетные грамоты, дипломы и вручать передовикам.

В мае 1996 года мы на нашей земле еще ближе познакомились с украинцами. На празднование столетнего юбилея рабочего поселка Вурнары из Чебоксарского землячества поехали в битком набитом спецавтобусе. А золотоношцы, оказывается, прибыли в еще большем составе. Среди них были руководители района, хозяйств, бизнесмены, певцы и плясуны... Глава делегации гостей В.М.Скитан рассказал не только о том, что с начала соревнования двух районов прошло 30 лет, но упоминал и о зачинателе дружественных отношений Алексее Прокофьевиче Тимошенко и обо мне. Я и не думал о том, как быстро летит время. Стоявшие рядом со мной и бывший председатель Вурнарского поселкового Совета Алексей Осипов и Александр Горбунов тоже были не меньше меня удивлены. Неужели тридцать лет?! Как и я, они тоже оба не раз бывали на Украине. Есть и старые знакомые среди прибывших на праздник. А сколько незнакомых лиц? И торжество, и рабочие встречи, культурные выступления проходили, как всегда, на очень дружеском уровне.

Остались только воспоминания. Как мне известно, Л.Н.Ткачук, бывший секретарь Черкасского обкома КП Украины, страдает от паралича, А.П.Тимошенко и В.П.Денисенко давно на пенсии, я поддерживаю связь только с Н.Р.Золотаренко. Он живет в Черкассах.

С трудом преодолевая трудности, мы тоже в жизненном пути поднимались все выше и выше. К семидесятым годам сравнялись с уровнем наших друзей. За пять лет в два раза подняли урожайность зерновых и производство мясных продуктов.

Ой, нелегко приходилось. У нас строительная база была не так уж сильной, но каждый год пускали в ход по два здания школы и по два клуба. Первым из районов республики сумели построить свой асфальтовый завод около деревни Кюльхири. В.Д.Данилов, руководивший в то время исполкомом райсо-

вета, много сил вложил в это серьезное дело. По России мы стали третьими по строительству химической базы. Старательно помогал нам управляющий республиканским объединением «Чувашсельхозхимия» А.И.Кушков. Москва нам сразу выделила пятьдесят новеньких автомашин. После этого ежегодно стали асфальтировать свыше двадцати километров дорог. А ведь в 1966 году стыдно было встречать украинцев: в Вурнарах месилась грязь, а город Золотоноша отличался чистотой, улицы покрыты асфальтом. Наконец-то и мы избавились от стыда.

Думаю, что вурнарцы хорошо помнят: наша районная газета на своих страницах раз в месяц рассказывала о Золотоношском районе и его людях. Редактор золотоношской газеты Илья Хорошун не раз приезжал к нам. И они ежемесячно рассказывали о жизни нашего района. И наши друзья, и мы ничего не врани, друг от друга ничего не скрывали. Было честное, открытое соревнование во имя дружбы.

В 1972 году я переехал из Вурнар в Чебоксары на новую работу. Не по своей воле, конечно, перевели по партийной линии. После меня у руля района стояли Альберт Тимофеевич Купчиков, Василий Игнатьевич Романов, Александр Ильич Кушков (дважды), Валерий Петрович Наумов, они не дали гаснуть дружбе между украинцами и чувашами. Знал, что и у них есть что рассказать, — дружба продолжается.

Помнишь, Володя, и в этом году праздновать акатуй с берегов Днепра прибыла делегация. Украинцы с вурнарцами беседовали очень тепло, пели, плясали, по старой традиции посетили Кольцовку, с начальством решали воп-

Встреча делегации Золотоношского района в Вурнарах. 1973 год. Впереди идущие (справа налево): первый секретарь Вурнарского райкома КПСС А.В.Емельянов, первый секретарь Золотоношского райкома КП Украины А.Г.Тимошенко, председатель Золотоношского райисполкома Н. Л. Павленко и председатель Вурнарского райисполкома В.Д.Данилов. Фото Алексея Припалова.

росы народного хозяйства и культуры. Как было и нам с тобой радостно, весело участвовать на этих мероприятиях и от души наговориться с друзьями.

В этом году два больших праздника: 70 лет со дня образования нашего Вурнарского района, с начала основания города Золотоноши исполняется 450 лет. Я уверен, что эти торжества и другие будущие встречи еще крепче сплотят братские народы.

Эта беседа, как бы, и по сей день продолжается, хотя А.В.Емельянова с 2000 года нет в живых.

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — ТРУД

Рассказывает Александр Кушков:

— Всегда надо помнить, что главное в жизни — труд.

Какая бы не была работа, нужно ее выполнять со старанием, добросовестно, на пользу Родине, государству, тогда всем будет хорошо — в этом Счастье.

Украина — великая страна. Там проживают настоящие трудолюбивые славяне — очень талантливые, мужественные, храбрые, сильные духом люди.

Дружить с ними — большая радость, гордость и честь. Надо поблагодарить вурнарцев, руководителей района и колхоза имени Чапаева, особенно первых секретарей райкома КПСС Виталия Даниловича Данилова, Анатолия Викторовича Емельянова и председателя коллективного хозяйства Александра Трофимовича Горбунова за налаживание нерушимой дружбы с представителями великого народа. Надо дорожить этим и дальше укреплять дружбу с украинцами, необходимо углублять связи в соревновании с тружениками Золотоношского района.

Ярко вспоминается то время, когда меня в 1987 году избрали первым секретарем Вурнарского райкома КПСС. Нужно отметить, что в этот период почему-то ни вурнарцы, ни золотоношцы друг к другу не ездили. В начале своей новой работы мы встретились с бывшим первым секретарем Вурнарского райкома, писателем Анатолием Емельяновым. Я его знал еще раньше, неоднократно были вместе в Москве, много беседовали, спорили о житье-бытье, проблемах вурнарцев, чувашей в целом и в рабочих кабинетах, и в свободное время. Стали близкими друзьями. С ним можно было продолжить разговор хоть сутками. Я удивлялся его прозорливости, умения делать аналитические выводы в ходе рассуждений, образного языка. В те минуты он выступал то в роли простого крестьянина, то как руководитель высокого ранга, то как талантливый литератор. И всегда у него рождалось в голове что-то новое, ни кем нигде не примененное в жизни. Давал мне много полезных советов.

На этой встрече в Вурнарах Анатолий Викторович мне подробно рассказал о начале дружбы и последовательно налаженной с золотоношцами и рекомендовал, чтобы я, как первый секретарь, проявил инициативу и продолжил связи с ними.

Вскоре из райкома направили в г. Золотоношу телеграмму, Мы перед украинцами извинились и пригласили их приехать вновь в наши края.

Они откликнулись дружелюбно и летом делегация Золотоношского района приехала в Вурнары.

Встретили мы их по-настоящему: по-чувашски — по-вурнарски, как встречаем самых дорогих, уважаемых гостей.

В составе делегации было шестеро солидных, веселых с юмором украинцев.

У меня была договоренность с председателем колхоза имени Андрияна Николаева, поэтому на другое утро отправились в сторону Волги, в Мариинско-Посадский район.

Земляки Космонавта-3 встретили нас хлебом-солью в деревне Шоршелы и познакомили с музеем космонавтики. Далеким гостям было интересно узнать о жизни и о родине Андрияна Григорьевича Николаева, друга украинского космонавта Павла Романовича Поповича. А ведь они вместе совершили величайший подвиг в космосе.

Шоршелцы показали украинцам только что пущенный колхозный пивоваренный завод и угостили пенным ароматным, хмельным напитком.

Затем вышли на берег великой русской реки, остановились на зеленом лугу, покрытом тысячецветным ковром. Душа радовалась и все начали петь, рассказывать анекдоты...

Я был удивлен, как пели наши гости: и на украинском, и на русском языках. А песни были разные, всем известные: революционные, народные, советские патриотические, лирические. Плясали под частушки.

Когда меня попросили исполнить что-то свое любимое, я тоже взбодрился и затянул песню «Варяг», затем продолжил — «По долинам и по взгорьям...», «Забота у нас такая...» и другие.

К удивлению, эти песни все знают отлично и присоединились ко мне. Хором пели на украинско-русском языках от деревни Шоршелы аж до самих Вурнар, можно сказать, без перерыва.

Ой, я был в таком приподнятом настроении и удивлен, как украинцы могут сильно, плодотворно работать, с юмором, азартно веселиться, отдыхать

Второй приезд украинцев тоже хорошо запомнился. Тогда мы посетили известный, прославленный по всему Советскому Союзу колхоз имени Ленина Вурнарского района. Председатель Николай Семенович Храмов, продолжатель героических дел вожака крестьян, дважды Героя Соцтруда Сергея Ксенофонтовича Короткова, личного друга Никиты Сергеевича Хрущева, показал многоотраслевое богатое хозяйство, рассказал об истории русской деревни Кольцовка, представил своих односельчан — еще восьмерых героев Соцтруда. В колхозе всего их было 13. Гостей принял пасечник и угостил свежим медом. Одновременно они получили приятный лечебный сеанс чувашских пчел и все остались довольными. А как попарились в русской бане! Этот заряд одухотворенности, пожалуй, не забыл до сих пор никто из тех участников знаменитой кольцовской бани.

При мне третий раз золотоношцы приехали к нам к 70-летию Вурнарского района. Тогда, в 1997-м, я возглавлял районную администрацию. Украинцы присутствовали на открытии памятника павшим воинам в Великой Отечественной войне. С украинской делегацией тепло и весело, от души беседовал наш президент Чувашской Республики Николай Васильевич Федоров. В районном Доме культуры, на торжественном заседании, они сидели рядом, о чем-то часто переговаривались. Потом стало ясно — о дальнейшем углублении дружественных связей в масштабе Черкасской области и Чувашии. Когда радуется душа, мне всегда хочется петь. И в тот день не выдержал, в непринужденной обстановке, запел:

Ѕурхи тѣнче вӑранӑ чух,
Хавасӑ кун шӑранӑ чух
Чун савӑнать, чѣре сикет,
Ѕѣршывӑм ҫинчен юрлас килет.

Тӑван ҫѣршыв,
Тӑван ҫѣршыв,
Асран кайми
Юратӑ ҫѣршыв.
Тӑван ҫѣршыв,
Тӑван ҫѣршыв,
Мухтав сана,
Ѕуралӑ ҫѣршыв...

— Звучит мощно, патетически, — слышу голос нашего украинского гостя. — Только...

Тут же вскакивает мой новый боевой заместитель Анатолий Кузьмин и запоем на русском:

Когда весны высокий свод
Лучи живые щедро льет, —
На добрый лад судьбу верша,
О крае родном поет душа.

И я включился в дуэтное исполнение:

Поклон тебе,
О Родина,
Красавица,
На все времена.
Поклон тебе,
О Родина,
Да славится
Родная страна!

Нас поддержали другие гости, приехавшие из Чебоксар:

Отцам на смену выйдя в путь,
Ты, юность, им опорой будь.
На добрый лад судьбу верша,
О жизни большой поет душа.
Народ народу — друг и брат,
Отныне и чуваш крылат.
На добрый лад судьбу верша,
О силе людской поет душа.

Когда все сели, я сказал:

— Эта была застольной песней наших отцов и матерей. После изнурительных трудовых будней, когда все богатство полей и огородов было убрано и заложено в закрома, крестьянин радостно вздохнул от напряжения, сел за родимый праздничный стол и запел свою песню задушевную. Мы тоже выросли с этой песней. Чуваши полюбили раскрывающие философию души народной слова поэта Ильи Тукташа и лирическую, ярко национальную музыку композитора Германа Лебедева. «Песня о Родине» очень понравилась мне и своей задушевностью, и величавостью звучания. Она должна остаться на века», — такую оценку дал после прослушивания ее один из крупнейших композиторов Украины профессор Козицкий.

И, сидевший рядом с нами президент Николай Федоров, охватив всех приятным взором, вдохновенно заключил:

— После объявления конкурса о создании Гимна республики, народ поддержал именно эту песню, ставшую в послевоенный период всенародной. Так стала песня «Тăван сĕршыв» (Родина), выражающая идеи и чувства чувашского народа, официальным гимном:

Тăвансемпе пĕрлешнĕ чух,
Чăваш тĕнчи сĕкленнĕ чух
Чун савăнать, чĕре сикет,
Татах та хастар пулас килет.

На торжествах района золотоношцы вурнарцам подарили замечательную картину своего земляка, воспевающую природу украинского края.

Мне очень дорог этот торжественный момент. Как дороги и незабываемы встречи с украинцами на нашей чувашской земле. Шлю им наш чувашский салам! Будьте здоровы! Тав!

На снимке момент вручения ценного подарка: слева — глава делегации Золотоношского района Б.Г.Евмина, справа — глава Вурнарской администрации А.И.Кушков.

Картина о красоте Золотоношского края сейчас украшает кабинет главы администрации Вурнарского района Анатолия Ивановича Кузьмина.

О КУШКОВЕ

Родился в 1939 году в д. Байгулово Козловского района Чувашии. Окончил Цивильский сельхозтехникум, экономический факультет Чувашского государственного университета, высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Работал управляющим Моргаушского районного объединения «Сельхозтехника», республиканским объединением «Чувашсельхозхимия», первым заместителем, министром сельского хозяйства и продовольствия, заместителем председателя Кабинета министров Чувашской Республики, первым секретарем Вурнарского райкома КПСС, председателем райисполкома и главой администрации того же района, заместителем председателя Госсовета ЧР, главой администрации Козловского района.

Награжден орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЧАССР, заслужил Благодарность президента ЧР, Почетный гражданин Вурнарского района. Заслуженный механизатор Чувашской АССР, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации.

КАКИЕ ЖЕ ВУРНАРЫ БЕЗ ХИМИЧЕСКОГО ЗАВОДА?

Чувашский поселок городского типа вырос именно на базе этого предприятия химической промышленности Советского Союза. Еще в тридцатом году прошлого века здесь, за железнодорожной станцией, заработало первое оборудование по производству фосфоритной муки. Из двух близлежащих рудников для молодого фосфоритного завода гужевым транспортом и вагонетками по узкоколейке доставлялась руда. Через семнадцать лет вурнарцы начали поставлять сельскому хозяйству страны удобрения для защиты растений. Спустя пятнадцать лет химический завод занял одно из первых мест среди крупных предприятий данной отрасли. В середине девяностых годов он вошел в состав известной московской фирмы «Август», специализированной по выпуску препаратов для защиты сельскохозяйственных растений и получил новое название: «Открытое акционерное общество «Вурнарский завод смесевых препаратов».

Как рассказывает генеральный директор ОАО В. В. Свешников, в 1997 году для реализации бизнес-плана инвесторы вложили 11 миллионов рублей, и, умело используя эти финансовые средства, смогли всесторонне начать реконструкцию производства, запустили три новые технологические линии, что позволило увеличить выпуск препаратов в шесть раз. На второй очереди реконструкции построили и сдали в эксплуатацию новый цех по выпуску жидких гербицидов. Завод постепенно выходил из кризисного состояния. В трудовом коллективе изменилось отношение к работе, потому что в корне улучшили условия труда, в три раза увеличили заработную плату, провели большую работу в социально-культурном плане, как и раньше, начали строить жилые дома. Появились новые рабочие места для жителей района.

Победной поступью шел многочисленный героический трудовой коллектив акционерного общества к своему семидесятипятилетнему юбилею, который состоялся в 2005 году.

Объем выпускаемой продукции довели до десяти миллионов тонн в год. На одиннадцати технологических линиях одновременно производится восемь видов препаратов. Такого уровня еще не достигло ни одно химическое предприятие подобного рода! И нет в нашей стране такого завода, где можно было бы выбрать столько разнообразных препаратов сразу же, как в Вурнарах: шесть видов для предпосевной обработки семян, двенадцать разновидных гербицидов, инсектицидов — десять, фунгицидов — трех наименований...

Пуск новой установки гранулирования гербицидов на 400 тысяч литров в год, комплекса по утилизации твердых и жидких отходов, налаживание создания синтеза активных веществ для химических препаратов и внедрение других научных разработок позволили им выйти на мировой уровень. Расширяются связи с иностранными химическими фирмами, компаниями, как Томен (Япо-

ния), Байер (Германия), Дау Эланко (США), Новартис (Швейцария), Кеминова (Дания), Хиусин (Венгрия).

Ежедневно из цехов ОАО выходят около сорока видов химической продукции для сельского хозяйства, в том числе: лучшие средства для борьбы с колорадским жуком и другими вредителями — фастак, шерпа, децис, каратэ, циткор, регент, суми-альфа, кинмикс, фьюри; эффективные средства для борьбы с болезнями растений — бордосская смесь, медный купорос, побелка садовая, побелка универсальная, 80-процентный оксиком; высококачественные минеральные удобрения — Вурнарское-2, Вурнарское-3, Вурнарское-4.

ЗАО «Фирма «Август» на заводе организовало службу развития и научно-исследовательскую группу. Созданы девять складов в европейской части России, налажены тесные связи с объединениями «Сельхозхимия», станциями защиты растений. После создания шести региональных представительств налажилось проведение демонстрационных испытаний препаратов собственного производства в различных почвенно-климатических условиях с привлечением ведущих научно-исследовательских институтов. За образец при оценке проводимых работ требуется позиции ведущих мировых фирм.

Новые технологические линии завода — продукт высоких технологий, позволяющих быстро переходить на выпуск различных препаратов. В последние годы улучшилось качество упаковки и эффективность всех препаратов, что позволило увеличить объем продаж. Повышение надежности работы технологических схем, экологической безопасности производств — основное направление развития предприятия. Планируется расширение объема производства химических средств защиты растений на основе собственных разработок, выход по продажам на рынки Украины и других стран ближнего зарубежья.

Депутат Госсовета ЧР
В.В.Свешников

В самый тяжелый период существования завода, в 1995 году, собрание акционеров избрало генеральным директором Владимира Васильевича Свешникова, уроженца села Хочашево Ядринского района Чувашии и, коллектив не ошибся. Он еще в юности сильно увлекался естественными науками, окончив Физико-математические школы при Чувашском пединституте и государственном университете имени Ломоносова, получил диплом инженера в Московском физико-техническом институте, затем там же учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию.

Заслуженный работник промышленности Чувашской Республики, ученый, умелый организатор производства, интел-

лигентный, тактичный, простодушный начальник, любимец коллектива В.В.Свешников за десять лет проживания в Вурнарах стал уважаемым, своим человеком.

Мне не раз приходилось присутствовать на встречах химиков с украинцами. Владимир Васильевич от всей души, по чувашскому обычаю очень тепло принимает желанных гостей в своих апартаментах, в цехах знакомит с производством, передовиками, ведущими учеными-химиками, радуется, поселится вместе. Ему хочется, чтобы старая дружба вурнарских химиков с золотonoшцами продолжалась и из года в год укреплялась. Он всегда готов им помочь в выборе самых наилучших препаратов для использования в сельском хозяйстве Украины.

И украинцы уж убедились в том, что помощь вурнарских химиков им понадобится не только сегодня, но и в будущем. И они, наверное, думают так: «Какие же Вурнары без химического завода?»

* * *

Без сильной, надежной команды любому руководителю трудно, даже невозможно плодотворно работать. Владимир Васильевич тоже сформировал свою боевую гвардию управленцев. Свешников с удовольствием пригласил возглавить юридическую службу завода В.П.Наумова, имеющего не только специальное образование, но и большой практический опыт организаторской работы. Валерий Петрович в управленческих и правоохранительных органах района заслужил авторитет среди населения, в 2001—2005 годах возглавлял администрацию района. Особенно в то время ему приходилось постоянно и скрупулезно заниматься проблемами и делами химзавода. Иначе нельзя

На снимке: украинская делегация среди руководителей Чувашской Республики, чебоксарских предприятий, организаций, учреждений, приехавших на Вурнарский очередной акатуй. В первом ряду справа, третий — В.П.Наумов.

было, ведь предприятие — как свое детище, свои люди трудятся там, почти весь поселок — заводской. Да и налогов платит он ежегодно 20—25 миллионов рублей. Это — половина районного бюджета! Старался за лучшее — и рад за это.

Несмотря на пенсионный возраст, В.П.Наумов полон сил и энергий, в постоянном напряжении несет свою нелегкую службу в интересах акционерного общества и большого коллектива. Вместе с генеральным директором встречается каждое лето дорогих украинцев.

На открытии нового цеха ОАО «Вурнарский завод смесевых препаратов» по выпуску жидких препаратов по защите растений. *На снимке:* генеральный директор ОАО «ВЗСП» В.В.Свешников, министр сельского хозяйства Российской Федерации А.В.Гордеев, министр сельского хозяйства Чувашской Республики М.В.Игнатьев, Президент Чувашской Республики Н.В.Федоров, глава администрации Вурнарского района А.И.Кузьмин, генеральный директор ЗАО фирмы «Август» А.М.Усков.

ОБЪЕХАЛИ ВСЮ УКРАИНУ

В 2004 году Государственному ансамблю песни и танца Чувашской Республики исполнилось 80 лет. Из них 28 лет руководил этим прославленным в Советском Союзе, Российской Федерации и за рубежом крупным коллективом уроженец деревни Вурманкасы колхоза «Самолет» Вурнарского района, народный артист России Юрий Васильевич Васильев. И сейчас во главе коллектива, в 2006 году награжден орденом Дружбы. Его рассказ — о поездках на Украину.

Ю. В. ВАСИЛЬЕВ:

— Более шестидесяти лет уже нашей дружбе с украинцами. Впервые наши чувашские артисты поехали весной сорокового года прошлого века в Харьков. Они в течение недели в областном центре, городах и районах показывали свое мастерство.

Как известно из истории ансамбля, описанного в книге музыкального исследователя Михаила Григорьевича Кондратьева, наиболее значительной и успешной оказалась вторая поездка на Украину в 1954 году, которая была организована по договоренности с Главполитуправлением Советской Армии и проходила на территории Закарпатского военного округа. К этой поездке, кроме обычной смешанной программы, были подготовлены две тематические, посвященные Советской Армии и трехсотлетию воссоединения Украины с Россией. В гастрольной бригаде было 50 человек в новых чувашских концертных костюмах.

Ю. В. Васильев.

Ансамбль в течение двух месяцев выступил свыше семидесяти раз в двадцати четырех населенных пунктах, в том числе — девяти областных центрах. Теплыми были встречи с воинами-земляками. Повсеместно во время концертов сыпались десятки записок от зрителей, в которых выражалась искренняя благодарность братскому чувашскому народу.

Состоялось несколько творческих встреч с Закарпатским ансамблем песни и пляски, коллективом Львовской государственной консерватории, самодеятельными хорами и ансамблями. В городе Станиславе состоялся совместный концерт с Гуцульским ансамблем песни и пляски. Заключительным номером шла объединенная пляска танцевальных групп ансамблей — сюита «Воссоединение». Яркие концертные номера, эффективные гуцульские и чувашские костюмы, мощное звучание хора и массовая пляска, где на сцене действовало сто двадцать исполнителей, вызвали огромный эмоциональный подъем в зри-

тельном зале. «Хай живе чувашское мистецтво!» — раздавались возгласы. Ход поездки освещали украинские газеты, «Советская культура» и «Советская Чувашия».

Летом 1955 года ансамбль гастролитовал по южным областям и городам Украины.

Самым плодотворным и охватывающим стал для наших артистов год 1972. Сначала лета со своими концертами с южных краев Российской Федерации они перешли границу соседней Украины и дошли до Черкасской области, в соревнующемся с вурнарцами Золотоношском районе демонстрировали чувашское народное искусство. Осенью того же года сделали второй заход в 10 украинских областей.

Мне, выпускнику Казанской консерватории, а до этого я окончил Ленинградский институт культуры, в 1976 году доверили возглавить этот прославленный коллектив. У артистов еще живы были впечатления о недавних гастрольных концертах по украинским областям. Весенне-летние дни они провели с музыкально-песенно настроенными зрителями, восхищались успехами талантливых украинских ансамблей. Атмосфера в коллективе подсказывала мне толчок на глубокое обдумывание. Вместе со мной в ансамбль были приглашены еще два специалиста: хормейстером — Герман Егоров, годом раньше меня окончивший Казанскую консерваторию, я его хорошо знал, балетмейстером — Александр Ангаров, окончивший Московский институт культуры, успевший несколько лет проработать с художественными коллективами Закарпатья.

Нам, молодым, просто не хотелось использовать готовый репертуар прошлых лет. Я, как художественный руководитель и главный дирижер, предложил им задачу отойти от выработавшихся стереотипов и сформировать современное лицо коллектива, стремясь не утратив дух зрелищности и праздничности, традиционный для выступлений ансамбля. Мы сошлись в едином мнении и продолжили тесное сотрудничество с композиторами республики, начали применять «блочные» композиции концертов. Открыли пятьдесят третий сезон ансамбля с новой программой в селе Сугуты Батыревского района. Так наше трио внесло свежую творческую струю в деятельность ансамбля.

Избранное нами направление выдержало экзамен через два года. На Всероссийском смотре ансамблей песни и танца и ансамблей танца в Москве мы завоевали диплом первой степени. Нас горячо поздравил сам корифей танцевального искусства, народный артист СССР Игорь Моисеев и отметил в прессе, что Чувашский ансамбль талантливо умеет передать характер и образ своего народа, красоту и достоинство его души. Как писал критик Евгений Эпштейн в журнале «Музыкальная жизнь», мы стали тремя художниками и единомышленниками. Накануне 1979 года коллектив ансамбля удостоивается Государственной премии Чувашской АССР им. К.В.Иванова. Так началась наша полоса признания и успеха. Впоследствии этой награды удостоились и мы с Ангаровым, а Герману Егорову присвоили звание заслуженного артиста Чувашии.

На снимке: уроженец деревни Новые Хирпоси Вурнарского района, солист ансамбля, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Аркадий Тимофеев на сцене Черкасского театра исполняет с партнершей украинский танец «казачок».

Со своим коллективом мне пришлось выехать на украинские гастроли в 1983 году, а в 1989 году дали концерты и в Черкассах. В Золотоношу мы тогда не смогли попасть, но с золотоношцами встретились в столице области. После одного концерта к нам подошла группа людей и они радостно начали пожимать артистам руки с возгласами по-чувашски: «Салам!» «Тав сире концертш=н!» Оказывается, в свое время вурнарцы приехали на строительство завода «Пальмирацукор», крановщики и экскаваторщики так и остались на новом месте, поженились, получили квартиры. Узнали о нашем приезде и полным автобусом нагрянули в Черкасы. Вместе с ними в автобусе состоялся импровизированный концерт. Вурнарская дивчина, народная артистка Чувашии Людмила Семенова больше всех и лучше всех пела для наших земляков и украинцев.

Кроме стационарных концертов, наш ансамбль делит свое время между поездками местного и зарубежного значения. За последние годы мы побывали с концертами во многих странах Европы. В 2004 году в Испании вместе с нами выступали и украинские фольклорные ансамбли. Наши артисты с ними подружились.

Творческий рост народа обогащает современную культурную жизнь Чувашии. Пятнадцатый раз проходит в Чебоксарах Всероссийский фестиваль народного творчества «Родники Поволжья». Он проводится правительством Чувашии и Министерством культуры России в июне — в день Республики,

Максим Дормидонтович Михайлов в Кольцовке со своими земляками.

Народный артист СССР М.Д.Михайлов в роли Чуба в опере «Черевички» П.И.Чайковского на сцене Большого театра Москвы.

который собирает около шести тысяч участников, среди них представители более 30 народов Российской Федерации, в их репертуарах есть и украинские песни, танцы. Наш ансамбль тоже ежегодно участвует на этих состязательных мероприятиях.

«Большой театр еще не обеднел, великолепный голос самого Михайлова чего стоит. Завидую ему», — восторженно сказал Федор Шаляпин о знаменитом басы-солисте Максиме Дормидонтовиче Михайлове, уроженце деревни Кольцовка Вурнарского района Чувашии. По инициативе нашего президента Николая Федорова уже пятнадцать лет проводится международный оперный фестиваль имени Михайлова. В то знаменательное время на сцене Чувашского государственного театра оперы и балета показывают свое мастерство выдающиеся оперные певцы разных стран мира, в том числе — и из Украины.

И наш Чувашский государственный академический ансамбль песни и танца средствами музыки и хореографии широко раскрывает духовное богатство своего народа, рассказывает об изумительной природе Приволжского края и на Украине, и в других странах мира.

Участники XV Всемирного оперного фестиваля в декабре 2005 года дали гала-концерт на родине М.Д.Михайлова — в Вурнарах. Среди артистов с мировым именем блестяще выступила и солистка Чувашского оперного театра, народная артистка Чувашии Мария Еланова.

Талантливая, одаренная дочь простых колхозников Нины и Ивана Ухтериковых из села Янгорчино успешно окончила Чебоксарское музыкальное училище и Нижегородскую консерваторию, аспирантуру, с 1992 года работает в оперном театре. Вышла замуж, стала Елановой. Ее горячо аплодировали зрители Москвы, разных городов России, Италии, Германии, Австрии, Словакии, Турции и других стран. Вурнарскую оперную звезду не раз слушали и золототошцы, посетившие Чувашский театр оперы и балета в Чебоксарах.

**Народная артистка ЧР
Мария Еланова.**

На снимках: президент Чувашской Республики Николай Федоров и министр культуры Российской Федерации Михаил Швыдкой на открытии XI Всемирного оперного фестиваля имени народного артиста СССР М.Д.Михайлова в Чебоксарах (2001 г.).

ПО СТОПАМ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

Немало дорог было проложено чувашами, в том числе и вурнарцами, на Запад. Они были овеяны подвигом, боевой славой за свободу и независимость Родины, героическим трудом за восстановление народного хозяйства страны в послевоенный период и многими другими славными делами исторических событий. В круговороте жизненных перипетий невольно складыва-

лись дружественные отношения наших земляков с другими народами. В это течение по воле судьбы попал и пламенный чувашский поэт Михаил Кузьмич Кузьмин-Сеспель. На Украине он обрел новых преданных, человеческих друзей и вторую Родину

«Первооткрывателем дороги дружбы между нами стал Михаил Сеспель. — сказал на встрече с деятелями литературы и искусства Чувашии в 1980 году первый секретарь Козелецкого райкома партии Черниговской области Украины В.П.Дорошенко. — Ныне эта дорога и для вас, и для нас очень дорога. Мы давно соревнуемся с Канашским районом, родиной Сеспеля, не раз бывали в деревне, где он родился. Сеспеля мы считаем своим поэтом. Могила поэта в Остре — священное место. О Сеспеле наш народ слагает песни, его считает своим героем».

Герой чувашского и украинского народов — герой новой эпохи с юношеских лет был страстным борцом за справедливость, всей душой старался за утверждение идеалов будущей новой, счастливой жизни в обществе, повышал образование, знание в учительской семинарии, на курсах пропагандистов и агитаторов в Москве (там не раз слушал горячие выступления В.И.Ленина); в Чебоксарах, во главе Ревтрибунала и отдела юстиции Чувашского облисполкома, он показал свои незаурядные способности руководителя нового типа. Михаил Кузьмин ни перед какими трудностями не хныкал, доказывая правоту, защищая революционные идеи, хотел добиться именно революционного в своих действиях, но... здоровье так быст-

ро подорвалось, когда оно уже было потеряно в мальчишестве, спавши на родной сырой земле. Земля она и кормит, и лечит, и наказывает, если не слушаешься ее советам.

Во время лечения в Крыму Михаил Кузьмич знакомится с украинскими друзьями. Самым близким из них становится литератор Фёдор Пакрышень. Как он вспоминает позже, чувашский друг Кузьмин назвал их настоящими хохлами-козаками, сынами цветущей Украины, с ним больше всего говорил об Украине, о любви к Тарасу Шевченко, украинском языке и литературе.

После окончания курса лечения Михаил Кузьмин служил в частях Киевского военного округа, а демобилизовавшись, остался работать в Остерском уездном земельном отделе. Лишения и страдания, тяжелая прогрессирующая болезнь сломили даже и такого мужественного человека-борца... и в 1922 году короткая жизнь его трагически оборвалась, но, по словам одного из выдающихся мыслителей чувашского народа Атнара Петровича Хузангая, «Мишши Сеспель остался революционером в жизни и творчестве, поэтом-провидцем, поэтом «огненного сердца».

Однажды, в ходе литературного спора в Чувашском госуниверситете, мой вурнарский земляк, старый друг, очень талантливый ученый, писатель, декан факультета чувашской филологии и культуры Виталий Григорьевич Родионов громогласно заявил о том, что «Сеспеля создал сам чувашский народ для большой исторической миссии: он должен был связать глубокую этническую память с Вечностью при помощи языка». С доктором филологии, профессором, конечно, невозможно было не согласиться, и все обняли его. Родионовым написано немало замечательных научных трудов и статей о творчестве Михаила Сеспеля, им тщательно изучены истоки эволюции его поэзии, в том числе — украинские периоды творчества.

По оценке Родионова, «В крымском цикле поэт добился полной гармонии индивидуального и коллективного сознания. Возвышение личностного начала не помешало ему писать от имени миллионов. Именно в Крыму, в многонациональной среде и вдалеке от родного края, он полностью осознал себя как представителя многих тысяч чувашей».

В киевский период Сеспель мало писал, но в стихотворении «Хурçа шанчăк» (Стальная вера) поэт еще не потерял того пафоса и духа, которые изобилуют в цикле его крымских стихотворений⁷.

В последнем, Остерском трагическом периоде своей жизни, поэтом было написано несколько стихотворений на чувашском, украинском и русском языках, например, «Выдуманным глазам».

«Поэтический стиль Сеспеля находился в постоянном движении: он изменялся соответственно духу времени, отношениям к действительности», — заключает Виталий Григорьевич.

В пропаганде украинского творческого периода жизни Сеспеля значительную роль сыграл его друг Ф.Пакрышень. Именно он рассказал о нем, о их дружбе Збанацкому. Юрий Олиферович, по собранным в Остере материалам

и другим документам, используя воспоминания друзей поэта, написал роман «Сеспель». По его сценарию Киевская киностудия имени Довженко сняла художественный фильм «Сеспель», тридцатипятилетие создания которого отметили в Чебоксарах и во всех районах в начале 2005 года. Роман переведен на чувашский язык народным поэтом Чувашии Александром Алга. Автору, бывшему командиру партизанского отряда, Герою Советского Союза Збанацкому присуждена премия Комсомола Чувашии имени Михаила Сеспеля, присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР». За значительный вклад в укрепление братской дружбы между украинским и чувашским народами, за многолетнюю плодотворную работу по развитию и укреплению творческих связей между деятелями литературы и искусства Украинской ССР и Чувашской АССР, за создание романа и сценария художественного фильма «Сеспель» Ю. О. Збанацкий 28 января 1971 года занесен в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

В связи с этим событием он был приглашен почетным гостем чувашского народа в Чебоксары. Его встречали как самого дорогого гостя, как своего человека на родине знаменитого Сеспеля. Было много встреч с населением республики. Погостил он и в Вурнарском крае.

В Чувашии, по ходу событий, широко отмечали 90-летие и 100-летие Михаила Сеспеля. На юбилей в 1989 году приехали украинские писатели Станислав Репях, Борислав Степанюк, Александр Олейник, Игорь Либерда, Петро Куценко, Петро Зуб. В течение четырех дней высокие гости побывали на промышленных предприятиях столицы, в колхозах и совхозах республики, посетили деревню Сеспель Канашского района и Вурнарский район — родину народного писателя Чувашии, большого друга украинских писателей Анатолия Емельянова. А д. Сеспель от нас всего в двадцати километрах.

Самое интересное было то, что во Дворце культуры хлопчатобумажного комбината, одного из крупнейших предприятий Европы, украинцы показали чудеса искусства. Переводчик чувашских писателей Станислав Репях удивил знанием чувашского языка и всех приветствовал по-чувашски: «Хаклă юлташсем, хаклă туссем! Сире Чернигов хули ячĕпе, Десна шывĕ ячĕпе çĕррен салам! Çĕспĕл — сирĕн поэт, Çĕспĕл — пирĕн поэт. Сирĕнпе, пирĕнпе ёслет вăл. Лайăх ёслет. Туслаха сирĕплетет». (Дорогие товарищи, друзья! От имени Черниговского края, Десны всем привет. Сеспель — ваш поэт. Сеспель — наш поэт. С вами, и с нами творит он. Хорошо творит. Укрепляет дружбу). С поэтом-композитором Петро Зубом они исполнили чувашские песни под баян.

В дни на празднование юбилея Сеспеля на Украину выезжала группа писателей, артистов Чувашии. О том, как проходили дружеские встречи на земле Черниговщины, восторженно рассказала в Чебоксарах секретарь Козелецкого райкома КП Украины А. Михайличенко

Посланцы деревни Сеспель тоже побывали в Черниговской области. Члены школьной экспедиции возложили живые венки на могилы Сеспеля и Пакрышня. Они в Полесском, ранее это селение называлось Волчьей Горой,

побывали в доме, в одной комнате которого в 1922 году жили друзья Пакрышень и Сеспель, познакомились с девяностолетней хозяйкой дома Акусиной Игнатьевной Петькун. Она рассказала им о том, как Михаил страстно читал свои стихи на чувашском и украинском языках, когда собирались соседи в ее хате.

Чувашским следопытам повезло, они повстречались с еще другой удивительной украинкой Евдокией Федоровной Пенской, у которой 8 лет квартировал Федор Пакрышень. До прихода фашистов в деревню, она собрала все вещи, книги, бумаги двух друзей, сложила в сундук и зарыла его в огороде, а когда нагрянули немцы, спрятав к груди самые ценные рукописи этих странных хлопцев, тайком ушла в лес. Благодаря ее подвигу сохранились неизвестные документы и рукописи поэта Сеспеля. В знак уважения гостя издалека она назвала сына своего Михайлом. Чувашский народ очень благодарен этой украинской героине.

Вот какие добрые человеческие качества кроются в сердцах удивительных людей — людей Земли.

Годами расширялись, укреплялись дружеские отношения украинских и чувашских писателей. В свое время Юрий Збанацкий говорил, что украинцы впервые шире узнали о бедственном положении чувашей Волжского края от Тараса Шевченко. О жизненных невзгодах украинского народа оповестил чувашей звон цепей Устима Кармелюка, шагавшего по длинной этапной, так называемой в Чувашии «березовой дороге», в сибирскую каторгу. Когда засветилась заря новой эпохи, открытую, добрую чувашскую душу, богатство

Тарас Григорьевич Шевченко на набережной Волги беседует с чебоксарцами. Рисунок Петра Чичканова.

ума и красоты чувашского народа, подобно ласточке, принес Украине Мишши Сеспель.

Юрий Олиферович от души благодарит за душевное отношение к дальнейшему укреплению сотрудничества и дружбы между двумя народами и литературами народных поэтов Чувашии Семена Эльгера, Якова Ухсая, Петра Хузангая, журналиста и писателя Алексея Талвира, писателя и художника Петра Чичканова, редактора художественно-литературного журнала поэта Юрия Семендера.

Как вспоминает П.Н.Чичканов, творчество Тараса Шевченко вдохновляло наших чувашских поэтов. Побывавший на Украине Тимкки Таэр под его влиянием писал смелые стихи, призывающие к борьбе за счастье народа. Конечно, в ходе создания своей поэмы «Нарспи» и Константин Иванов не мог не творить под впечатлением чудесных образов женщин из «Кобзаря» Шевченко. Михаил Сеспель выучил украинский для того, чтобы глубже понять внутренний мир его поэзии.

Чувашская культурная общественность старательно готовилась к 125-летию со дня рождения Т.Г.Шевченко. Собрав его стихи-песни, поэмы, в 1939 году впервые в Чебоксарах издали книгу «Кобзарь» на чувашском языке. Над переводом постарались Иван Ивник и Василий Усли. Редактором был Семен Эльгер. Ивник и Усли повезли этот подарок на торжество поэта. На горе Чернечье близ Днепра, у памятника Шевченко поэты Советского Союза его стихотворение «Завещание» читали на своих родных языках. В этом многонациональном хоре торжественно звучало и чувашское слово.

И другие известные украинские мастера слова тепло отзывались о наших писателях, не жалевших творческих и организаторских сил для установления крепкого моста дружбы между ними. По этому мосту, по стопам Сеспеля, с глубокими думами и добрыми намерениями прибыли на Украину в 1959 году, в самый разгар лета, Петр Хузангай, Александр Алга, Уйп Мишши, Стихван Шавли, Аркадий Эсхель в сопровождении своего фоторепортера, журналиста-писателя Петра Чичканова. Канашский земляк, сосед вурнарцев, стал для них и проводником, и переводчиком, так как он, демобилизовавшись из армии, с 1950 года работал в Киеве главным художником журнала «Украина», писал на чувашском, украинском, русском языках, переводил украинских поэтов на чувашский, чувашских — на украинский языки.

И до этих встреч Чичканову в 1952 году приходилось сопровождать Петра Хузангая с украинскими писателями на их родине. Немало исторических встреч было в то время. И вот он 18 июня запечатлел момент дружеской беседы Павло Тычины, Петра Хузангая, легендарного партизанского командира, Героя Советского Союза Сидора Ковпака, Лидии Тычины и Тереня Масенко на даче Конча-Заспа под Киевом.

Петра Николаевича Чичканова смело можно назвать Чрезвычайным и Полномочным Послом Чувашской литературы на Украине. Живя долгое время в Киеве, работая в творческих кругах украинской интеллигенции, он стал

своим. Ему присвоили почетное звание заслуженного работника культуры Украины. Еще немало почестей украинского народа заслужил земляк Михаила Сеспеля. Когда Канашский район Чувашии начал соревноваться с Козелецким районом Черниговской области, и ему пришлось вложить немало сил для укрепления дружеских связей между двумя народами, он принимал самое активное участие на встречах с руководителями, тружениками, деятелями литературы и искусства.

Армейской гвардии майор и на литературном фронте действовал гвардейской поступью. На украинском языке издал роман-хронику «Огненное сердце» о горячем периоде жизни Михаила Сеспеля на его второй родине. Заслуженный художник ЧАССР Петр Чичканов, бывший выпускник Чебоксарского художественного училища, много пишет о выдающихся мастерах эпохи Возрождения, о русских, украинских, чувашских художниках, в их творчестве находит единую связующую нить человеческого бытия, мировоззрения народов. В 1971 году он в качестве специального корреспондента редакции журнала «Украина» побывал в сражающемся Вьетнаме, как фоторепортер, художник, журналист и писатель, с высоким творческим накалом подготовил номер, целиком посвященный героическому народу. За этот творческий отчет спецкор заслужил премии Международной организации журналистов (МОЖ). Он — популяризатор украинских, русских, чувашских писателей. Переводил на чувашский язык Т.Шевченко, И.Котляревского, П.Тычину и многих других поэтов, прозаиков. Для «Украинской советской энциклопедии» подготовил статьи о чувашских просветителях и деятелях литературы и искусства. Много его книг издано на украинском языке.

Признанного творца чувашско-украинской литературы Петра Чичканова в 1999 году киевские друзья направили с официальными полномочиями в Чебоксары в качестве своего представителя на празднование столетнего юбилея Михаила Сеспеля. Он остается как бы связующим звеном двух родин своего земляка.

Тогда, когда ехали из Чебоксар в деревню Сеспель, мы увидели стоящего на обочине шоссе мощного, крепкого, высокого мужчину. Автобус резко притормозил, и в салон вошел Петр Николаевич, весь покрасневший от студеного ветра и всегда весело улыбающийся. Оказывается, он московским поездом прибыл в Канаш и решил навестить родную деревню Яманово. Атмосфера в салоне совсем изменилась, начались расспросы об украинских писателях-друзьях...

Чичканов выступил в Канашском районе перед своими земляками, а на другой день, со сцены Чувашского драматического театра на Сеспелевском юбилейном вечере — как желанный гость дружественного украинского народа.

Год 1999-й был действительно знаменательным событием в истории чувашской нации. Президент Чувашской Республики Николай Федоров в своем ежегодном послании Государственному Совету отметил, что «1999

год должен пройти под знаком выдающегося сына чувашского народа — Михаила Сеспеля. Как и вся история двадцатого века, интересна и трагична судьба этого молодого политика, пламенного поэта-трибуна, новатора и реформатора чувашской литературы, сгоревшего в огне революции».

К столетию Сеспеля много было намечено серьезных мероприятий и в Чувашии, Татарии, и на Украине. Первый заместитель Кабинета Министров Чувашской Республики Петр Васильевич Ивантаев и руководитель Сеспелевского фонда Валерий Владимирович Тургай провели колоссальную работу по организации выполнения намеченных мероприятий. Грандиозно провели Сеспелевские дни в Остре. Черниговский край и столичная общественность Украины очень гостеприимно встречали чувашских гостей. Председателя Союза профессиональных писателей Чувашии В.В. Тургая приняли почетным гражданином города Остер.

В сеспелевские дни и Канашский район оделся в праздничный наряд. Вся республика собралась на родине своего бессмертного сына. Проходили многочисленные встречи, торжества. В деревне Сеспель открыли новое здание школы с памятником юному Мишши, автором которого является чувашский скульптор Федор Мадуров. Действительно, очень много было сделано к этой великой дате для увековечения родного края поэта.

За заслуги в организации мероприятий по социально-культурному обновлению деревни Сеспель, по дальнейшему развитию сеспелевского наследия, канашцы отблагодарили П.В. Ивантаева и В.В. Тургая. Спустя некоторое время им торжественно вручили удостоверения почетного гражданина деревни Сеспель.

16 ноября 1999 года запомнился мне и тем, что на юбилейном вечере в театре на набережной Волги, с докладом о выдающемся сыне чувашского народа выступил сам Президент Федоров. Великолепное и историческое было это Слово! На многих юбилеях корифеев нашей литературы приходилось мне участвовать, но такое впервые увидел и услышал в этом знаменательном форуме, когда о нем сам глава Чувашской Республики торжественно-образно излагал свои мысли и мысли своего народа.

И этот зал театра имени нашего выдающегося поэта Константина Иванова, собравший весь цвет чувашской нации, в это время как бы расширился: перед моими глазами в чудном мгновении примчался на аргамеке башкирских степей сам чувашский джигит Кёстенттин со своей вечно цветущей Нарспи и обнял по-братски Мишши Сеспеля, последователя своей литературной звездной стихии, и я в мыслях с ними помчался в далекую и близкую Малороссию. И там мудрецы украинские разговаривают и толкуют о житье-бытье, литературных образах народа так же, как и мы, наравне. И мысли, и образы людей у нас едины — общечеловеческие, и творим мы своими языками чудеса творчества в одном же мировом пространстве.

Вот в этой огромной литературной «бочке» в свое время оказался до этого еще показавший свой талант известный чуваш Петр Хузангай. И приня-

ли этого черноволосого удалого, языкастого мудрого волжанина такие знаменитости Украины... Украинки играли взглядами его острых глаз как с задушевыми шумными волнами Днепра и Днестра. И слышатся произнесенные в то время в адрес нашего аксакала, незабываемые слова писателя Платона Воронько:

«С переводом на чувашский язык бессмертного «Завещания» Тараса Шевченко Педер Хузангай стал проповедником нашей литературы, он издавна знаком с нашим мастером слова Павло Тычиной, с помощью и активным участием Петра Петровича многие наши произведения вышли на чувашском языке.

Мы с таким восхищением встретили книгу Хузангая «Салам, Тобі, Україна!» вышедшего в издательстве «Днипро», где поэт глубоко осмыслил о взаимосвязи нашей поэзии с творцами мировой лиры и сам образно влился в глубокую словесную нить с бессмертным «Кобзарем», восхваляя древние летописные олицетворения, мыслит с нами по-украински, по-дружески.»

Лауреат государственных премий СССР, УССР, имени Т.Г.Шевченко П.Воронько с патриотическим пафосом говорит о солдате-герое прошлой войны Петре Хузангае и о встречах с ним на своей украинской земле. По его словам, кто бы не встречался с этим удивительным чувашом, у каждого из них осталась, наверное, нитка продолжения дальнейшей дружбы; он познал нашу поэтическую, музыкальную словесность, всегда проявлял и в разговорах, и в своем творчестве притязательность человека к человеку. Вот такова главная оценка своему собрату по перу талантливого украинского друга-писателя.

В «воронку» Воронько попались и другие чувашские, украинские писатели, и они прошли через сито дружбы к славному истоку. И ныне в одном бурлящем потоке творчества плавают на одном же корабле и украинские, и чувашские творцы музыки. Среди них — с лирической улыбкой на губах, умными спокойными глазами с серьезно-задумчивым взглядом и с шутовско-прибаутовским языком Юрий Семенович Семендер. Этот поэт, мне кажется, достиг своего апогея еще тогда, когда великолепно переводил на чувашский язык «Слово о полку Игореве». Я, как знавший многие переводы этого древнерусского шедевра, был ошеломлен поэтическим даром и подвигом своего товарища по творчеству. Это был литературным подарком Юрия Семендера своему народу, для обогащения чувашской национальной культуры. И рад, что он является ныне одним из самых популярных народных поэтов Чувашии, пропагандирующих сеспелевское наследие и укрепляющих узы дружбы и сотрудничества между украинскими и чувашскими писателями. Юрию Семеновичу немало приходилось встречать украинских делегаций, сопровождать их в Чувашии и провожать на родину. Но каждый раз на ладони правой руки у него оставались следы дружественных событий до очередной встречи с ними.

О каждом пребывании в Солнечной Украине с поэтическим задором вспоминает Юрий Семендер. Сколько бы мы не начинали говорить на эту тему, он что-нибудь да интересное скажет о поездке 1977 года.

В то время Союз писателей Чувашии возглавлял Николай Степанович Дедушкин. Опытный педагог, кандидат филологических наук, литературовед, прослуживший в Советской Армии более двадцати лет, хотя не носил на плечах погоны полковника, но всегда давал понять что такое воинская дисциплина и офицерская честь. Но пишущая братия не всегда соблюдала строгий порядок и с неохотой признавала служебную субординацию. Видимо, каждый считал себя своего рода генералом и никому не хотелось стоять перед «командиром» по стойке «смирно». И писатели с легкой улыбкой обращались к нему «асатте», что по-русски означает «дед». Хотя были среди молодых творческих гениев и бывшие боевые офицеры, как Юрий Семенов-Семендер, но командующий пишущей армией Чувашии никого в адъютанты не брал. Всех одинаково считал своими товарищами, собратями по перу. На шутки не обижался.

Итак, во главе грозного и доброго командира 15 июня в Чернигов прибыл чувашский ударный отряд в составе поэтов Василия Давыдова-Анатри, Александра Галкина, Аркадия Лукина, Юрия Семендера, заслуженных артистов России и Чувашии Тамары Чумаковой и Мефодия Денисова, молодого композитора Юрия Кудакова.

В течение двенадцати дней они почти без отдыха стойко держали экзамен мудрости и таланта чувашского народа перед черниговцами и житомирцами. В городах и селах рядом с ними были и вместе выступали старые друзья Станислав Репях, Борислав Степанюк, Олекса Юшенко, Олександр Олейник, Юрий Збанацкий, Володимор Канивец, Михайло Миценко, Кузьма Журба, Михайло Колесников.

Почти на каждой встрече к посланцам Чувашии подходили земляки из Вурнарского, Канашского и других районов, работающие и живущие среди украинцев. А когда приехали в колхоз «Украина» Носовского района Житомирской области, чуваша ахнули. На висящем красном полотнище — родимые слова; «Чăваш литературипе искусство ёсченёсене — хёрӳллӗ салам!» (Горячий привет деятелям литературы и искусства Чувашии!). И на караване, преподнесенном далеким дорогим волжанам были выпечены слова гостеприимства на чувашском языке. Вскоре выяснилось, что инициатором сюрприза был местный пенсионер, уроженец Саруй Урмарского района ЧАССР В.П.Прокопьев. В послевоенный период Владимира Прокопьевича, как учителя, направили на Украину. Он в школе обучал украинских детей, работал секретарем райкома партии.

В городе Новоград-Волынском чебоксарцы посетили квартиру чувашского патриота, литератора, ослепшего и прикованного к постели героя Стечественной войны Г.И.Иванова. В это время шефствующие над больным пионеры принесли ему свежие номера областной молодежной газеты «Комсомольская звезда», где были опубликованы главы из повести Михаила Юхмы «Звезды зовут» в переводе Германа Ивановича на украинский язык. Вместе с земляками ему так захотелось спеть чувашские народ-

ные песни. Гости поддержали и хором исполнили вместе с ним все самое лучшее из национального репертуара. Артисты вдохновляли хозяина дома своим искусным исполнением. Чудесно аккомпанировал на баяне Юрий Кудakov.

— Вот это — настоящий солдат, — удивленный нечеловеческой выдержкой земляка, грустным тоном, но твердо сказал Дедушкин.

В свободные минуты от встреч «деду» было с кем от души поговорить. С Юрием Збанацким они нашли общий язык на фронтовые темы. Писатели старого поколения вспоминали литературно-критические статьи Николая Дедушкина о произведениях Олеса Гончара и других украинских писателей, опубликованных еще в военное время.

Кому было не радостно, когда выходили книги чувашских писателей на Украине и книги писателей Украины в Чувашии? Чуваши читают Шевченко с любовью на своем языке, и бессмертные творения великого поэта обогащают все библиотеки городов и сел Чувашии. А когда вышел в свет замечательный сборник лучших стихов чувашских поэтов «Очима происка» в издательстве «Днипро», не только сам инициатор издания Семендер, но и вся литературная общественность Чувашии встретили это событие как праздник своей культуры. О книге тепло отзывались украинские любители поэзии.

Если в свое время Юрий Збанацкий считал появление Михаила Сеспеля на земле Украины как чувашское образное провидение, то нашествие чувашского слова на украинском языке к столетнему юбилею Сеспеля на его второй родине стало для нас настоящим признанием чувашской литературной мысли в этой благородной стране.

На снимках (слева направо): заслуженные работники культуры Чувашской Республики Олеса Яковлевич Ющенко, Юрий Семенович Семендер, Борислав Павлович Степанюк.

Глазами первосвета-первоцвета весны названа эта книга, прилетевшая к нам ласточкой дружбы. Составителем ее был заслуженный работник культуры Чувашской АССР, поэт Борислав Степанюк, художественным исполнителем стал заслуженный работник культуры Украины, писатель Петр Чичканов. Переводчики — украинские известные поэты П. Тычина, М. Рыльский, В. Сосяра, А. Малышко, М. Бажан, О. Гончар, П. Воронько, И. Драч. Б. Олейник, В. Швец, О. Ющенко, Б. Юхимович, С. Репях, М. Лукив.

В 1952 году на Украине была издана книга Михаила Сеспеля «Сталева вира» (Стальная вера). Пожалуй, стальной верой в будущее прекрасное должны и дальше развиваться наша дружба и любовь, сотрудничество наше. Дорогу Сеспеля мы не должны забывать никогда и мост дружбы между двумя литературами и народами постоянно укреплять. И пусть этот мост всегда освещает многоцветная радуга, повисшая от Волги до Днепра.

Мост дружбы между представителями украинского и чувашского народов из года в год укреплялся. В учреждениях культуры и народного образования Золотоношского и Вурнарского районов постоянно проводились мероприятия, посвященные Михаилу Сеспелю и Тарасу Шевченко. В библиотеках и школах организовывались уголки украинской и чувашской литературы, выдающихся деятелей двух народов. В ходе дружественных визитов делегации двух соревнующихся районов посещают памятные места, связанные с именами своих национальных героев.

ЗВЕЗДНЫЕ ПОБРАТИМЫ

Чувашия всесторонне готовилась широко отметить 75-летие со дня рождения своего выдающегося сына, легендарного Космонавта-3, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации, почетного гражданина Чувашской Республики Андрияна Григорьевича Николаева. Это историческое торжественное событие состоялось бы с участием юбиляра 5 сентября 2005 года.

А до того времени, летом, в Чебоксарах наместились V Всероссийские сельские спортивные игры. Будучи главным судьей, Николаев вместе с президентом ЧР Николаем Федоровым и летчиком-космонавтом Виктором Горбатко 3 июля на их открытии горячо приветствовал участников и активно включился в судейскую деятельность. Вечером, по пути из центрального столичного стадиона в гостиницу «Спортивная», что на улице, носящей его имя, стало ему плохо... Не выдержало сердце.

Случилось так, как бы чувашский сын по воле судьбы, и по зову земли приехал навечно на свою Родину. Шоршелы — Чистые ключи притянули, что ли, как раз в то время своего знатного уроженца в свои объятия... Герой космоса до последнего момента был вместе со своим народом, с родной Чувашией.

В дни его смерти и похорон не только вся Чувашская Республика и чувашская нация, но и Звездный городок с космонавтами были в глубоком трауре. Почтить память своего любимого друга в Чебоксары прилетели его космические братья, в числе их был и Виталий Севастьянов, который в июне 1970 года летал борт-инженером космического корабля «Союз-9» с полковником Андрияном Николаевым.

А.Г.Николаева похоронили в Шоршелском музейном комплексе космонавтики, расположенном в тридцати пяти километрах от города Чебоксары. Пожалуй, Чувашия так масштабно и многолюдно никогда не хоронила никого из своих выдающихся людей. Набережная Волги у Чувашского академического театра еле вместила многолюдные колонны людей, прибывших провожать в последний путь своего любимого национального героя. И слезы, и гордость влились воедино в лица земляков. Как его любили!

В честь 75-летия великого сына чувашского народа А.Г.Николаева в Чувашском академическом театре прошел траурный вечер. Приехала из Москвы группа космонавтов. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского

А. Г. Николаев.

Союза, генерал-майор авиации Павел Попович высоко отзывался о человеческих качествах Андрияна Николаева: «То, что мы — мой звездный брат чуваш и я украинец — совершили первый групповой штурм космоса, говорит о нерушимой дружбе наших народов. Он был верный друг и товарищ. Это железно! Он всегда был нужен чувашскому народу. Он всегда будет с нами».

В интервью, данном «Российской газете» 16 сентября 2004 года, Павел Попович, в частности, говорил, что Андриян Николаев никогда не терял связи со своей родиной, часто навещал Чувашию. Нес огромный груз многосторонней деятельности. Кроме ответственной работы в Центре подготовки космонавтов, в течение трех десятилетий был депутатом Верховного Совета России, выполнял государственные дела и наказы избирателей.

Он остался национальным героем, героем не только Чувашии, но и всей России. Ах, как жаль, что случилось трагическое в его жизни. Нас было двадцать в первом отряде космонавтов. Сколько радостей и переживаний было!.. Из тех, кто побывал в космосе двенадцати друзей, осталась пятерка: я, Валерий Быковский, Алексей Леонов, Борис Волинов, Виктор Горбатко. Все мы — в строю. Все мы — за наше превосходство в космосе и за наши дальнейшие достижения во Вселенной.

«Как горько и печально, когда уже нет с нами рядом Андрияна, — с болью в душе сказал Космонавт-4. — Мы же с ним одноклассники, он был всего на месяц старше меня, но в разговорах со мной старался подчеркивать: «дорогой молодой человек». Скромным, спокойным, надежным человеком был он среди нас. В августе 62-го летали в космосе вместе: он, «Сокол», — впереди меня, «Беркута», на расстоянии четырех километров. Наши космонавты о нем говорили серьезно, что с Андрияном надежно можно свершить любой космический полет. Андриян пробыл в космосе 95 часов, облетев вокруг Земли 64 раза и проделав 2 миллиона 600 тысяч километров. Я приземлился в нескольких километрах от него, сделав 48 витков».

Вот как отзывался сам «Сокол» о «Беркуте» 11 августа 1962 года в речи, произнесенной на Красной площади в Москве: «Трудно передать, товарищи, как хорошо вдвоем было в космосе, какое это радостное чувство, которое я испытал, когда вышел на орбиту и оказался рядом со мной корабль «Восток-4», управляемый моим космическим братом Павлом Поповичем. Встреча с другом всегда радует, а встреча в космосе особенно сильно радует. Как хорошо летать вдвоем в космических пространствах! Когда чувствуешь локоть друга, и на душе становится веселее, и дело спорится».

Корабль «Восток-3» четверо суток был для меня родным домом, частицей нашей любимой Родины. Вместе с Павлом Поповичем мы радуемся тому, что в космосе был создан первый советский коллектив, первое советское землячество».

А эти строки из выступления Андрияна Николаева на пресс-конференции: «Готовясь к многосуточному полету в космосе, я хорошо понимал, что мне и стартовавшему на следующий день Павлу Поповичу предстоит ответить ученым на многие неясные вопросы, связанные с влиянием космического полета

Майор А.Г.Николаев и подполковник П.Р.Попович. Короткий отдых на набережной Волги в Чебоксарах после группового полета.

на организм человека. Я полагал, что мне придется испытать неудобства, или, как выражаются медики, дискомфорт, обусловленный реакцией вестибулярного аппарата на состояние невесомости. Однако ни на первом витке, ни до конца полета никаких неприятностей со стороны вестибулярного аппарата ни я, ни Попович не испытали. Не страдали мы также отсутствием аппетита. Пища была разнообразная, ее подбирали по вкусу Павла Романовича и по моему.

Видел созвездие Орион. Для него характерен пояс из трех звезд. Говорю Павлу Романовичу, что в правом иллюминаторе вижу созвездие Орион. И точно! В это же время и он видел созвездие Орион.

Так мы летали весело и спустились хорошо в Карагандинской области».

Павел Попович вспоминал: «Немало интересного случалось с нами во время поездок за границей. Однажды в Бразилии, губернатор штата Адемаро де Барросу через переводчика с легкой иронией спросил:

— На каком языке предпочитаете вести беседу со мной? На португальском, английском, немецком или итальянском?

В этой ситуации Андриян, мой надежный друг и, как оказалось, прекрасный дипломат, сделал шаг вперед, привлекая к себе внимание, и, как обычно не торопясь, четко произнеся каждое слово, ответил:

— Мы тоже можем предложить господину губернатору побеседовать с нами на нескольких языках — русском, чувашском, украинском... — Андриян замолчал, уравнивая счет, и вежливо улыбнулся.

И губернатор в ответ тоже улыбнулся».

Побывав на похоронах и на вечере памяти Андрияна Николаева, я вспомнил давнишнюю встречу с Павлом Поповичем в Горьком.

Я, как редактор, готовил номера газеты высшей партийной школы «Наша жизнь». Ко дню Космонавтики мне захотелось опубликовать интервью земляка Николаева и отправил вопросник в Звездный городок. Каждый день ждал долгожданной весточки. Знаменательная дата приближалась.

Неожиданно нагрянуло счастье. В Горький приехал Космонавт-4 Павел Попович и он был приглашен в ВПШ. Во время встречи в актовом зале я из его рук получил дорогое письмо с ответами Андрияна Григорьевича, за что от всего сердца поблагодарил Павла Романовича. После того, как Попович передал устное послание Николаева чувашским слушателям ВПШ, наш директор Петр Михайлович Лизунов дал команду: «Прошу встать, чувашские товарищи!»

Все чувашское землячество, состоящее из представителей партийных организаций Красноярского края, Тюменской, Свердловской, Оренбургской, Волгоградской, Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Кировской областей, Татарской, Башкирской, Удмуртской, Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик, встало как один человек. Нашелся и счетчик.

— 99, — вскоре сообщил мой вурнарский товарищ из деревни Ершипо-сы Павел Николаев.

— Да-а... — сморщился директор. — До сотни не хватает всего одного.

— Я — сотая, — смело поднялась с места наша грозная староста 62-й группы Зоя Матвиенко, бывший секретарь Ивановского горкома комсомола. — Мать моя чувашка из железнодорожной станции Вурнары Чувашии, а отец — из села Чапаевки Черкасской области Украины. — Горжусь тем, что и я, как наша Валентина Терешкова, работала ткачихой. Земляцкий привет передайте космической семье, Павел Романович !

Попович по-украински, Лизунов по-русски, мы — по-чувашски засмеялись и бурно похлопали.

— Вот такая гвардия чувашская у вашего друга Николаева. Сотня надежных дублеров-земляков. Волжский поклон ему от нас, — Петр Михайлович крепко пожал руку украинца-крепыша.

С нами в общежитии в то время жили партийно-советские работники, журналисты, приехавшие из Чувашии на курсы повышения квалификации при ВПШ. Редактор газеты «Советская Чувашия» Михаил Иванович Иванов вечером нам рассказал о том, как ему, еще молодому журналисту посчастливилось попасть 18 августа 1962 года на встречу Андрияна Николаева и Павла Поповича по их возвращении из первого в мире группового полета и на торжественный прием в Георгиевский зал Кремля, где космонавтов-героев опекал сам Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Полуобняв космических братьев, он водил их из конца в конец огромного зала. Михаил Иванович тогда стал свидетелем любопытного разговора одной пожилой женщины с космонавтами. Она спросила у звездных братьев, не видели ли они там, на небесах, Бога. Чуть улыбнувшись, ответил Попович: «Я — видел», — и указал на Андрияна.

В самом деле, Андриян. — наш Бог, а Павел — Бог своего украинского народа.

Дружили космонавты, дружеские связи были налажены между чувашской деревней Шоршелы и украинским селом Узин. Продолжается дружба между чувашским и украинским народами.

Мой учитель газетного дела Петр Алексеевич Тихонов-Ялгир со своей славной, мудрой женой Клавдией Васильевной вырастили талантливых детей. Старший Владимир дослужился в армии до полковника, братишка его Валериан — до подполковника. Отслужив военный срок, они возвратились в Чувашию, обосновались в Чебоксарах. Я их, умных мальчиков-школьников, помню еще по Вурнарам, когда с Петром Алексеевичем работал в редакции райгазеты. По моей просьбе, Тихонов рассказал мне о жизнедеятельности одного сына.

Вурнарцы при помощи Андрияна Николаева сблизились с украинцами и по космической линии. Будучи в Вурнарах Николаев рассказал о том, как они с Павлом Романовичем Поповичем вели в космосе концерт.

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды, — запел Андриян.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следа, — ответил ему Павел.

Они стали еще более близкими друзьями. Вместе приезжали в Чувашию, ездили в Украину.

В 2003 году А.Г.Николаев и П.Р.Попович участвовали в Чебоксарах на открытии жилого Микрорайона Байконур.

— Это здорово — на родине трех космонавтов — Андрияна Николаева, Николая Бударина и Мусы Манарова растет Микрорайон Байконур! — восхищался Павел Романович. Он особо благодарил за это Валериана Петровича Тихонова, уроженца поселка Вурнары, которому доводилось не раз встречаться с членами делегаций Золотоношского района Украины.

После двадцатилетней службы на Космодроме Байконур В.П.Тихонов вернулся в Чувашию и, посоветовавшись с А.Г.Николаевым, начал строить Микрорайон Байконур, Валериана Петровича избрали президентом Ассоциации содействия космонавтике, включили в президиум Федерации Космонавтики России.

Микрорайон Байконур строится, появилась улица Академика Королева. Воздвигли часовню в честь покорителей космоса. Начали жить здесь переселенцы Казахстанского Байконура и другие любители космических чудес. Кстати, Олимпийская чемпионка Олимпиада Иванова тоже проживает здесь со своей семьей.

У деятельного вурнарского парня подполковника Валериана Тихонова большие планы. Кроме жилых домов будут воздвигнуты общественно-культурный клуб «Космос» — с музеем, детская площадка, оздоровительно-реабилитационный центр.

Вурнарский энтузиаст В.П.Тихонов приглашает в гости в свой чудесный городок не только вурнарцев, но и украинских друзей.

МИР КРАСЫ БЕЗ ГРАНИЦ

ПИРОГ С ЧУВАШСКОЙ НАЧИНКОЙ

Алексей Афанасьев-Кокель

С новым двадцатым веком в мировом художественном пространстве над Россией засияла новая «звезда» — звезда молодого рисовальщика Алексея Афанасьева-Кокеля. Его дипломная работа в Императорской Академии художеств в Петербурге «В чайной», над которой он пытался три года, была удостоена высшей награды в конкурсе и стала символом победы и славы нового выдающегося мастера своего времени. О чудном живописном холсте сразу же восторженно заговорила пресса. Вот как писала газета «Правда» о доселе неизвестной звезде: «Из ста с лишним художников и скульпторов только двое отметили в искусстве общественные темы и настроения. И из двух только один удачно справился со своей задачей». Конкурсная картина стала для студента путевкой в жизнь — в мир прекрасного: он окончил Акаде-

мию художеств и удостоился права на двухлетнюю зарубежную командировку в качестве пенсионера учебного заведения для творческого совершенствования в живописи. Это знаменательное событие для чувашского молодого мастера произошло в 1912 году. Картина получила огромный резонанс на международных выставках в Мюнхене, Венеции и других городах Европы.

Побывав в Германии, Италии, Франции, Алексей Кокель был покорен талантливыми творениями мировых мастеров и, учась у них, сам работал плодотворно. Почти пол-года писал на живописном берегу Адриатического моря картину «Итальянцы» и получил заслуженную оценку на весенней академической выставке 1914 года в Петербурге. А в 1915 году его новыми художественными полотнами восхищались любители и корифеи искусства на 44-й выставке передвижников.

Поездка в западные страны, изучение шедевров мирового искусства в величайших музеях, знакомство с Анатолием Луначарским и Максимом Горьким очень помогли дальнейшему росту и расцвету его творчества при создании сюжетно-тематических картин, серии портретов русских политических эмигрантов. «Кокель показал себя мастером, способным к выполнению крупных произведений мирового класса», — такую высокую оценку получил он в печати того времени. Талант живописца, первого чувашского художника с академическим образованием был признан профессионально в среде творцов европейского и мирового искусства.

Хотя сияние новой «звезды» в многоцветье образов поразило европейское жизненное пространство, но лучи этого света проникали как свет лучины сквозь висящие туманные облака над его родным краем. Для бедной чувашской сельской общины было не до красоты и образного мышления. И чувашаи, как и другие народы Российской империи, нищенствовали, оставались полуграмотными «рабами».

Вошедший в интеллектуальный мир, Алексей Кокель все время думал о страшной судьбе своего народа, о возвышении чувашских людей до уровня мировой цивилизации, отдавал весь свой талант, работая над «Чувашской сюитой», создавая серию повседневной жизни своих земляков.

А родина тянула его все сильнее и сильнее. Родная земля, родное село Тарханы близ Сурских могучих лесов, любимая мать, родившая его 1 марта 1880 года для продолжения рода древних хуннских-тюркских племен, для размножения человечества, усиливали напор его внутреннего родника духовности. Воспоминания не давали покоя ни в Петербурге, ни в дальних странах.

Вот он, голоштанник, озорничает в гуще детворы, купается, рыбачит в сельских прудах, собирает ягоды, грибы, орехи, желуди и не как другие слушает пение скворцов, соловьев, жаворонков, кукушек, рисует по снегу фигуры собак, коров, медведей, зайцев. В ушах мальчика — музыка природы. Сам того не замечая, радуясь и размышляя своим образным понятием об окружающем мире природы, он тянется к возвышенному. А возвышенное — небосвод и кресты двуглавой сельской церкви. Там, по понятию малыша, поп и дьякон мудрствуют и творят что-то таинственное. А сельчане любят их, и тянутся к ним. Родители иногда и его затаскивают туда, помолиться и креститься. Ему кажется странным, что лица святых почему-то продолговатые, каменные, только глаза у них такие обжигающие душу, аж страшно сверкают в полутьме, а головы у всех начерчены кругом. И мордой своей, и красочным длинным одеянием они все отличаются от сельских жителей. Но все равно они какие-то притягательные и таинственные. «Как же так получается, — думал он, — неужели их нельзя было нарисовать по-человечески бодрыми, а не какими-то унылыми? И однажды Алеша всю белую поверхность печки разукрасил углем и старательно доказывал отцу, стоящему около него с кнутом, что, мол, «это ты — не мертвый церковный, а живой домашний, земной бог».

Родители простили мазилу-бедолагу, радуясь в душе красивыми рисунками сына. Душа его клокотала, требовала чего-то удивительного, а мастерить было нечем и не на что. Приходилось ему использовать все натуральное: уголь, глиняные черепки, камешки, из камешек готовить краски. Пытливому творцу старался помочь сельский учитель. Он открыл ему окно в мир прекрасного, дав первые наставления, радовался как ученик может скопировать все рисунки с учебников и книг, нарисовать по памяти зверей, птиц, лесные просторы, улицы, пруды села — все-все, что окружает их.

Голосистого мальчика устроили в церковный хор. Там он начал писать иконы и выполнять заказы сельчан. Появились и деньги. Отец покупал ему

книги. Так создалась в Тарханах первая сельская домашняя библиотека. Особенно ему нравились книги Н. Гоголя «Тарас Бульба», «Кузнец Вакула», «Сорочинская ярмарка» с иллюстрациями.

За его творениями пристально следил еще один мудрейший человек, управляющий Тархановским удельным имением Лесного департамента Российского министерства госимущества, коллежский советник Иван Петрович Левченко, по национальности украинец, который прибыл на чувашскую землю в 1891 году. Видимо, он нутром чувствовал в этом страдающем чувашском мальчишке ростки живой трепетной, мало кому доступной и данной богом творческой энергии, и протянул руку помощи. Алексей подружился с добрым лесничим. Через него многое познал и полюбил украинскую литературу, украинских писателей, художников. Уже успевшему показать в народе свое творчество иконописи, старший друг предвещал Алексею Афанасьеву прекрасное будущее и решил устроить его в иконописную мастерскую Киево-Печерской лавры. Но... в одиннадцать Алексея приковала к постели страшная болезнь костного туберкулеза, и отпустит его только через восемь лет. Мечта друзей не осуществилась. Из-за болезни его туда не приняли. Талантливого юношу Левченко звал на свою родину — Полтавщину. И эта поездка не осуществилась из-за отставки государственного чиновника. На его место прибыл из Петербурга новый управляющий имением, коллежский ассесор Вацлав Юрьевич Раубе.

Бог, пожалуй, вывел Алексея Афанасьева на зеленую дорогу, ведущую в прекрасное будущее. Жена Раубе, Мария Вячеславовна, художница, по совету Левченко, принялась за дальнейшее развитие художественного мировоззрения «чувашского Рублева». В Петербурге у нее были такие друзья-корифеи, как В. Маковский, один из руководителей Товарищества передвижников, и сами «передвижники». А привезли Раубе из столицы целый воз книг, среди которых было столько изданий по изобразительному искусству...

В то время жизнь народная в России текла мрачно. В 1899 году Поволжье охватила в свои костлявые руки засуха. Начались голод, эпидемии. Все медицинские и ветеринарные службы были направлены на борьбу с навалившейся бедой. Прибыла в село Тарханы группа студентов из петербургских медицинских и ветеринарных институтов. Состоялся трогательный и серьезный консилиум родителей, молодых лекарей и семьи Раубе насчет будущей судьбы Алексея Афанасьева. Решение было принято верное: отправить больного в Петербург на квалифицированное лечение. А как? На какие средства? Что есть в полунищем хозяйстве Афанасьевых, прозванных с давних времен Кокелями, кроме козы и трех овец? А «кокель» это — русское произношение слова «кукаль», с чувашского означает «пирог». Чувашские семьи не могли просуществовать на земле без пирога: картофельного, горохового, грибного, щавелевого, калинового, яблочного, тыквенного, лукового... Все — из подножного огородного корма, без мяса.

Мясо — только в хлебе богачей. Прародители Алексея были на все руки мастера печь пироги. Их пироги были почему-то вкуснее и слаще других. Так в народе прилипло к ним прозвище «Кукаль». Вот и Кукаль-Кокель вышел на мировую арену.

Какие славные и добродушные люди были эти господа Раубе, взявшие под свою опеку неизвестного, бедного, больного парня-чуваша. Мать Марии Вячеславовны Казимира Станиславовна Свентерженская на свои средства доставила будущего художника по длинному каретному пути до Петербурга. Близкая родственница Вацлава Раубе, студентка мединститута Мария Варганова взяла два альбома с рисунками Алексея и показала их профессору Д. Кардовскому и ректору Художественного училища Академии художеств В. Маковскому. Творения чувашского юноши поразили корифеев изобразительного искусства, и они дали автору зеленый свет. И операция ноги прошла удачно, и начало настоящей творческой жизни определилось благополучно. Он стал нормально ходить и посещать рисовальную школу (училище) при Академии художеств. Старательно занимался в домашней мастерской ректора Академии Маковского и его сына — начальника Высших педагогических курсов при академии. В 1904 году поступил вольнослушателем в Академию и стал получать уроки мастерства у выдающихся художников П. Чистякова, И. Репина, Д. Кардовского. Учителями Алексея Афанасьева-Кокеля стали вон какие признанные в мировом искусстве деятели, творившие в период наивысшего достижения реализма второй половины XIX века! И творчество чувашского живописца развивалось под влиянием передовой демократической эстетики и критики в становлении художника-гражданина. И в итоге он завершает учебу в живописном факультете со своим шедевром «В чайной», одним из лучших. Недаром в кругу известных художников Илья Репин полушутливо отзывался о своем даровитом ученике так: «Пирог с чувашской начинкой». Эта начинка была действительно из чувашской плодородной земли, которая давала из покон веков самое благородное семя живой природы.

Чугуевский чудотворец-гений, автор знаменитых картин «Бурлаки на Волге», «Иван Грозный и сын его Иван...», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и портретных галерей, любил его, и недаром рекомендовал и добился направления Алексея Кокеля в родную Харьковщину, где жизнь чувашского художника с 1916 по 1956 годы будет неотрывно связана с украинским народом. Харьковский край для него стал второй родиной.

Приглашенный молодой художник творил на новом месте с неугасимой силой и энергией. В Харьковском художественном училище занимался с украинскими вундеркиндами. Вскоре он был назначен директором художественного института, возглавил кафедру рисунка, утвержден профессором. В годы гражданской войны занимал пост главного военного художника Украины. Участвовал в организации Ассоциации художников Червонной Украины и сам ею руководил.

«Получив в Академии строгое реалистическое направление, испытал влияние таких мастеров, как В. и А. Маковские, П. Чистяков, И. Репин, И. Грабарь, Д. Кардовский, я стремился не утрачивать этого направления в своей творческой работе, старался передавать его студенческой молодежи», — вспоминал он о своей педагогической деятельности в Харькове. На многих выставках демонстрировались его чудесные картины: «Семейный портрет», «На посту», «Награждение ударницы», «Дорога на Лозовеньки», «Перед грозой», «Отдых бойцов», «Художники Украины — родному Харькову» и другие полотна.

Несмотря на болезнь, Кокель старался поддерживать связь с Чувашией. Приезжал на родину в 1905, 1919, 1934 годах. К 15-летию Чувашской автономии написал замечательную картину «Ликбез», которая экспонировалась в Чебоксарах и Горьком, чуть позже — в Ленинграде, Москве, Казани, Уфе, Ульяновске, Саранске. Она получила достойную оценку художников И. Грабаря и А. Рылова. Действительно, изучая ее, удивляешься тем, что автор в этой работе, как гуманист и реалист, достиг совершенства индивидуального, портретного своеобразия каждого лица, композиционной изобретательности и активности изобразительных средств.

Наконец-то была завершена «Чувашская сюита» — серия картин, воспевающих этнокультурные традиции своего народа, осуществил давнишнюю мечту — написал портреты чувашских мадонн.

В годы Великой Отечественной войны в Харькове были уничтожены домашний архив, документы, многие творения художника. Эту трагедию перенес он мужественно, не опускал руки, после освобождения Харькова записался ополченцем. После войны Кокель продолжил педагогическую деятельность в родном институте, одновременно писал новые картины.

Немало воспоминаний о труженике кисти, опытном педагоге, духовно богатом человеке в среде заслуженных деятелей Украины, и один из них, профессор С. Беседин писал о своем друге: «В конце жизни наш Кокель часто болел. Я постоянно бывал у него дома, где мы вели нескончаемые беседы об искусстве и литературе. Он еще хорошо играл на рояле и душевно пел. Когда он пел чувашские песни, в его глазах стояли слезы. Искусство составляло основную цель, смысл его жизни».

Так он бессмертным остался в мире искусств и после кончины. А его благодарные и талантливые украинские ученики в Харькове, на могиле Великого художника, Мастера, в 1956 году установили скульптурный памятник.

И вот он со своей украинской гвардией как бы вновь приехал на свою родину в день своего рождения — 1 марта 2005 года в возрасте ста двадцати пяти лет не как слушатель Императорской Академии художеств в Петербурге, а как признанный Мастер живописи с мировым именем. Для них раскрыты все двери Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Чувашского государственного художественного музея, села Тарханы Батыревского района. Алексей Афанасьевич представил, как он присутствовал в 1934 году на выставке чувашских художников, вспомнил «Выставку произве-

дений профессора Алексея Афанасьевича Кокеля» в 1964 году, присланной в Чебоксары Харьковским областным отделением Союза художников Украины и торжества, проходившие в 1980 году в Чувашии и на Украине, посвященные 100-летию со дня его рождения. И вот он снова в столице Чувашской Республики Чебоксарах занял достойное место в зале Чувашского университета рядом с участниками международной научно-практической конференции «Наследие А.А.Кокеля. Чебоксары — Харьков».

С огромного автопортрета, установленного у длинного стола президиума, пытливо глядел и внимательно слушал «харьковский чуваш» выступающих на торжестве. Ораторы неустанно говорили:

«Это был человек, до конца жизни оставшийся верным высоким идеалам искусства, (доктор искусствоведения А.Трофимов);

«Алексея Кокеля украинский народ признает своим, и чувашский народ считает своим художником» (проректор Харьковской государственной академии дизайна и искусств, профессор С.Рыбин);

«Художник Алексей Кокель для украинского народа, культуры и искусства, истории оставил неизгладимый след. В нашем музее хранятся 19 его работ, остальные погибли как герои, в огне войны, когда немецкие фашисты сожгли Харьковскую картинную галерею. Я восхищена тем, как на самом высоком уровне чтут в республике великого живописца и графика» (проректор Харьковского художественного музея, заслуженный работник культуры Украины В.Мызгина);

«Чувашия дала Украине Кокеля, но и украинский Харьков дал нашей республике многое. У нас тесные связи с предприятиями Харьковщины. Надеемся, что чувашская земля родит «второго Кокеля» (министр культуры ЧР П.Краснов).

«И мы, вурнарцы, от имени всемирных своих талантов, восхищены его мужеством» (писатель В.Кузьмин).

Можно сказать, что и Алексей Афанасьевич принял участие при подписании договора о сотрудничестве между Харьковской Академией дизайна и искусства и Чувашским госуниверситетом.

Самым волнующим днем стал для Алексея Кокеля встреча с земляками. С московскими, Санкт-Петербургскими, чебоксарскими, украинскими гостями долгожданный гений искусства попал в теплые объятия тархановцев — членов сельскохозяйственного кооператива «Хастар» («Трудолюб»). С рук односельчан, одетых в национальные костюмы, он со вкусом отведал пышный каравай с солью, из глиняного кувшина и деревянного бокала — пенистое чувашское пиво. Глазами он искал свой родимый дом, но его уже давно нет. Зато сохранился дом старшего брата Ивана, перевезенный из центра села на территорию школы, где открыт его музей. В немоте и духовном воображении глядел Алексей Афанасьевич с полотна автопортрета на торжество открытия мемориальной доски между двумя окнами небольшого родного дома, где он работал и жил в 1905, 1919-20 годах, в слезном порыве слушал выступле-

ние харьковского профессора живописи: «Я с нескрываемым волнением приехал в село Тарханы. Даже во сне не могло присниться, что буду открывать мемориальную доску на доме, в котором жил и работал учитель. Это был человек, учивший моих учителей». Ему стало отрадно, как тархановские таланты продолжают смело идти по его трудному пути, демонстрируя свое мастерство. Значит жив народный родной родник».

У Кокеля состоялась встреча со своим племянником. Один из зала, другой в зал смотрел «и мысленно, разговаривал» друг с другом, чувствуя пульс родной крови. Восхищаясь талантом старшего родича, В.Сергеев восторженно говорил: «Конечно, мой дядя по дедушкиной линии и сам был человеком невероятной одержимости. Не каждый, наверное, смог бы выехать с незнакомыми людьми в чужой огромный город, к тому же не зная хорошо русского языка».

Выехал из Тархан, выучил и русский, и украинский языки, и вошел в иной мир — мир прекрасного. Стал известным мастером кисти. Судьба его была почти одинаковой, как и у другого чувашского парня из Ядринского уезда Петра Егорова. По причине голода в Поволжье, он в 1742 году попал в семью князя Е.Л.Дадияни — сподвижника Петра I. Обучен российской грамоте, стал архитектором, состоял в команде знаменитого С.А.Волкова, надворный советник. Его основными работами были: проект Екатерининской церкви в Пярну (Эстония), проект и строительство Мраморного дворца, участие в строительстве Смольного монастыря, Зимнего дворца, проект и постройка ограды Летнего сада на Дворцовой набережной и другие здания Санкт-Петербурга. Все считали Егорова талантливым русским архитектором XVIII века. Так мальчик с Присурья, «родом чувашенин», как он сам писал, своим талантом вошел в историю русского зодчества.

Талантам Земли всегда напутствует удача — удача Всевышнего дара.

ВОСТРЕБОВАННЫЙ ВРЕМЕНЕМ ПРАСКИ ВИТТИ

В конце двадцатого века рядом со звездой Кокеля над Россией стала сиять новая звезда — яркая звезда другого чувашского Мастера Праски Витти.

Суровая жизненная судьба выковала единственного ребенка чувашской крестьянки, дочери Анания Лявука Праски-Перасковии Виталия в крепкого, мужественного, самобытного, принципиального самостоятельного человека. Он прошел с матерью через адское военное и послевоенное время, не унывая, твердо шагая по избранному пути, радуясь и вдохновляясь впереди сверкающим образным видением живого мира. Окончивший среднюю школу алгазинский парень с Вурнарской стороны своей сюжетной картиной под названием «Подписка на заем на колхозном току» удивил в 1954 году экзаменаторов Чебоксарского художественного училища, и из деревенской жизненной среды вошел в другой таинственный мир.

Увлеченную творческими замыслами учебу пытливого, одаренного рисовальщика временно прервал призыв в Советскую Армию. Возмужалый воин после службы еще с сильным усердием продолжил познавать таинственные и глубокие секреты художественного творчества. Проектирование и исполнение праздничного оформления набережной Волги города Чебоксары к сорокалетию Чувашской автономии (1960 г.) Виталию Петрову принесли первую профессиональную и общественную отличную оценку. Определилось и творческое направление.

«Волей-неволей поверишь судьбу, будто какая-то неведомая сила управляет твоими действиями, — вспоминает Виталий Петрович. — Тогда регионам давали лимиты, в Министерстве культуры мне вручили направление в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина. Но я ужасно стеснялся показывать эту бумагу там, будто я неполноценный, и поэтому меня проталкивают. Думал также, что этим всю жизнь будут упрекать: вот тебя министерство направило! Поэтому я, стремясь пробовать свои силы, подал заявление в «мухинку».

И стал он в 1961 году студентом Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И.Мухиной, и не ошибся. В среде твор-

ческой возбужденности работой и учебой незаметно прошли романтические годы рядом со знаменитыми мастерами, как Иогансон, Бучкин, Савинов, Кузнецов, Ольхович. Атмосфера взаимного доверия и открытости со стороны маститых профессоров и студентов, прибавляла силу и творческое мышление. Недаром для него учеба казалась сплошным праздником образных откровений. Будущий художник здесь с удивительным страстным вдохновением знакомится с изобразительным искусством всех времен и народов.

Отлично окончив отделение монументально-декоративной живописи, Виталий Петров начинает практическую творческую работу в Перми, где его встречают с объятиями, предоставив сразу ключи от благоустроенной квартиры. Предлагали и невесту прекрасную, но... у нового пришельца там училась в мединституте своя любимая. Победой во всероссийских и всесоюзных конкурсах искусства книги, он заявляет о себе громогласно как удачный оформитель. В 1971 году его принимают в члены Союза художников СССР, а через некоторое время он будет утвержден членом комиссии по монументальному искусству правления Союза.

С переездом в город Тольятти Куйбышевской области, для чувашского художника открылся новый горизонт творческой деятельности. Здесь он полностью переходит к созданию монументальных работ, творит на предприятиях промышленности. Одновременно создает серии графических и живописных работ. Не забывает и свою малую, но основную родину. В 1981 году его монументально-декоративная роспись «Моя земля» в интерьере спорткомплекса молодого города химиков Новочебоксарска признана лучшей работой по Республиканскому комбинату монументально-декоративного искусства Художественного фонда РСФСР.

Среди шедевров этого жанра особо выделяются работы Виталия Петрова такие, как мозаика «Разведчики нефти» в Кунгуре, панно «Древо жизни» в Пущине на Оке, «Связь» в Ижевске, «Стыковка советских космических кораблей» в Перми, «Автостроители» в Тольятти, «Мирный труд» в Сызрани, триптих по поэме К.В.Иванова «Нарспи», роспись «Чувашская свадьба» в Чебоксарах и другие.

В ходе творческих размышлений и поисков, он в своих работах начинает применять новый прочный материал — горячую эмаль. И эмалированное искусство полюбилось ему, в порыве вдохновения, работая без усталости, создает серию произведений по мотивам чувашского классика Константина Иванова «Нарспи». В дальнейшем, через это бессмертное произведение он воссоздает единый образ чувашской национальной культуры.

В творческих командировках, семинарах, симпозиумах в составе бригад художников Союза художников СССР он близко знакомится с виднейшими деятелями эмалированного искусства Германии, Венгрии, Испании, Соединенных Штатов Америки, учась у них, соревнуясь с ними, создает новые произведения: «Этнографические и фольклорные мотивы чуваш», «Старая венгерская архитектура», «Нарспи» и культурное наследие чуваш.

Министерство культуры и по делам национальностей Чувашской Республики
Национальная академия наук и искусства Чувашской Республики
Чувашский государственный художественный музей
Союз Чувашских художников

Заслуженный художник РСФСР • Народный художник Чувашской Республики
Лауреат государственной премии Чувашской Республики им. П.Егорова

Праски Витти

(В. Петров)

ВЫСТАВКА

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО • ЖИВОПИСЬ • ГРАФИКА • ЭМАЛЬ

Чувашский Государственный художественный музей (ул. Калинина, 60) Чебоксары 1996

Национальная тематика азартно охватила его душу после того, как он вернулся из долгих странствований по городам страны в родимый край. Был он в то время членом правления Союза художников СССР, в составах различных художественных советов союзного и российского творческих союзов, заслуженным художником РСФСР. В Чувашии его избирают членом правления местного союза художников, председателем художественного совета Чувашского творческо-производственного комбината Художественного фонда РСФСР, награждают Почетной грамотой Верховного совета ЧАССР, избирают депутатом Чебоксарского городского совета народных депутатов, утверждают доцентом, затем профессором живописи госпединститута. Художники Чувашии доверяют ему возглавить свой творческий союз. Вот сколько почестей и доверия талантливому творцу было уготовано на родимой стороне. Со всей энергией старался он исполнить долг перед всеми, кто отнесся к нему с добротой и надеждой. Несмотря на нехватку времени, Петров не перестает творить, не утопает в бюрократической трясине, участвует на всероссийских, всесоюзных, международных выставках, получая лучшую похвалу, завоевывающая первые призы и премии. Он уже и сам чувствует, что выполнил в какой-то степени свой давнишний замысел служения народу. Наградой тому послужило присвоение ему почетного звания «Народный художник Чувашской Республики», за достигнутые успехи в развитии чувашского изобразительного искусства. Он этим гордится.

С первого знакомства со своим удивительным вурнарским земляком я начал чувствовать в нем бурление сильного внутреннего творческого начала. Ему все кажется не так, как другими воспринимается. В личном видении окружающей среды, людского потока, природы он хочет показать через призму таланта наивысшие достижения, красоту и радостное ликование своего народа. Так интересны и глубокомысленны его рассуждения обо всем. Беседуя с ним, попадаешь в русло раскрепощенного мышления о философии человеческого бытия, всемерном развитии литературы и искусства, о творце всех этих мудрствований — человеке Земли. И никогда не устаешь слушать его высказывания с точки зрения индивидуума — творца. Виталия Петровича, оказывается, еще со времен учебы в Чебоксарской «академии художеств» сильно интересует древняя история чувашского народа, и он всячески старается вооружиться всей доступной информацией по этой тематике и использовать выхваченное мозгом полезное в своем творчестве.

«У каждой нации много тайн, которые трудно и невозможно полностью разгадать, — скороговоркой пытается он растолковывать свою мысль. — Сложно понять, как чувашаи дошли до нынешнего века без государственного формирования, политической элиты, дипломатии. Мне кажется, что помогло мировоззрение, культура духа, язычество. В плане уважения этих ценностей меня можно назвать национальным художником. Я рисую канонический образ чувашей в космогонической системе, и я один из индивидуумов древней куль-

туры своего народа. Мои работы можно понять только через призму менталитета чувашского народа».

Петров рад, что его работы носят национальный колорит, и что в них заложена смысловая нагрузка, пробуждающая в зрителе гордость за то, что укладывается в законы красоты.

Я никогда не видел своего друга в мерном поведении, вокруг него всегда рождается и разгорается разговор на актуальную тему, и тогда он выступает и доказывает со всей страстью истину начатой темы убежденно. Диалоги с ним гармоничны, крылаты. В ходе дискуссий и споров о судьбе чувашской нации, художник вдохновенно и гордо выражает свое мнение: «В моем народе прекрасно все — гармоничное устройство, узнаваемость. И у меня масса причин и поводов отразить это на холсте».

По его словам, он еще не полностью реализован в Чувашии и не хочет остаться на обочине потребительской жизни, и стремится получить удовольствие в каждой исполненной работе и оттачивает инструмент своего искусства для олицетворения лучших качеств народа. С пристрастием, неустанно работает и самостоятельно, и по заказам, по-новому, самокритично оценивая свое творчество. Даже и не думает халтурить, тиражируя для коммерции свои картины. Каждый экземпляр у него — шедевр. Удачно вышло панно из литого многоцветного стекла для витража фасада нового Дома правительства в Чебоксарах. По поручению Минстроя Чувашии, он в конце 2004 года месяц трудился с другом, художником-монументалистом из Ижевска Станиславом Медведевым на опытном стекольном заводе «Художественные промыслы». Получилось уникальное произведение искусства диаметром в 6 метров, где размещены 1300 деталей. Литейщик очень доволен своим очередным монументальным подвигом.

Такими широкими и твердыми шагами пришел к своему семидесятилетию мастер монументально-декоративного искусства, живописи, графики, эмали заслуженный художник России, народный художник Чувашской Республики, лауреат государственной премии Чувашии имени Петра Егорова, многократный участник и руководитель творческих семинаров и симпозиумов по монументально-декоративному и эмальерному искусству в СССР и за рубежом, лауреат международных выставок Праски Витти.

Летом 2005 года, в честь дня Чувашской Республики, в Вурнарах демонстрировалась выставка его картин «Родная земля».

В своей деревне Алгазино на берегу реки Цивиль Виталия с детства прозвали Праски Витти. Ему становилось тогда как-то не по себе, и он даже дрался за насмешки с постоянно дразнившими ребятнишками. Разве он виноват, что его отец погиб на фронте и живет только с матерью. Да, было такое унижение со стороны пацанов, имевших отцов. А впоследствии стал гордиться тем, что он не только Виталий Петров, а именно Праски Витти. Когда-то во время всемирного симпозиума ему стало дурно и он обратился за медицинской помощью. В Венгрии, оказывается, при оформлении медицинской карты, необхо-

димо указывать и имя матери. Получилось складно: Праски Витти. И доктор вежливо обращался с пациентом так же. И для новых друзей-мадьяр во время совместной творческой работы и в обиходе он стал Праски Витти. Так и с тех пор Виталий Петров начал подписываться под своими творениями просто Праски Витти. Осуществил и давнюю мечту — прославил свою любимую мать, роженицу — воспитательницу в образе чувашской мадонны.

Как-то его друг с детства Виссарион Афанасьев, тоже мечтавший стать художником и выросший хорошим специалистом и руководителем сельского хозяйства в Алгазине, поехал с группой туристов в Испанию и, возвратившись оттуда, с таким воодушевлением рассказал о том, как он на Пиренейском полуострове встретился с Праски инке (тетя) и привез от нее для сына деревенский привет.

Вначале Виталий Петрович подумал, что сосед шутит, а тот с серьезным тоном продолжил свой рассказ: «Знаешь, Виталий, в Барселоне мы посетили городской музей, там, рассматривая картины, я вдруг обомлел. От неожиданности даже руку к груди приложил: перекрестился. Ой, чудо: на меня с добрыми привлекательными глазами смотрит Праски инке и как бы с мольбой обращается ко мне: «Дорогой сыночек Виссар, пожалуйста, забери меня с собой в деревню, мне здесь очень скучно, душа тянет на свою родную чувашскую землю».

Виталию Петровичу пришлось объяснить ему историю этой картины. Тогда почти месяц он, засучив рукава, работал с испанскими, американскими художниками в портовом городе. Там организовали выставку его работ. Картина эмальберная — портрет матери — понравилась не только коллегам, но и многочисленным посетителям музея. О ней появились в местной прессе хвалебные статьи. Автор ходил в восторженном состоянии. Музейное руководство высоко оценило эту удачную работу и добилося постоянной прописки для нее. Так и «с силой» отняли мать от сына. Пришлось ему подчиниться. С грустью вернулся художник на Родину с родимым художественным образом и прямо с поезда помчался в Алгазино, к своей матери, чтобы утолить жажду грусти.

Кроме портрета матери, его работы хранятся и демонстрируются в музеях и частных собраниях Чувашии, России, Украины, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Словакии, Франции, Англии, США. Через его творчество многомиллионная часть человечества знакомится с историей, бытом, символами чувашского мира.

О предыстории нашего чувашского народа немало версий. По ним можно понять, что чувашские предки жили очень давно, что чувашская культура древняя, была довольно развита и устойчива, основы ее сохранились в целом как фольклорная культура: принципы построения быта, обработки земли, поклонения своему Богу. А сугубо чувашское изобразительное искусство, по утверждению Праски Витти, существует не более ста лет. Первые чуваша, которые стали изучать светское изобразительное искусство — сюжет, компо-

зицию, бытописание, пейзаж, натюрморт, — появились совсем недавно. Их не более трех поколений художников. Традиционно у древних чувашей не было такого вида искусства в европейском понимании, как изображение быта, человека, праздников, процессов различных работ. У чувашей существовал свой вид изобразительного искусства — тёрё (вышивка). Через вышивку из многоцветных ниток чувашские мастерицы внутренним чутьем композиционно отображали в высшей степени очищенное представление о мире, о своем Боге, земледелии, быте, предсказаниях. Там есть человек как философская категория, есть дерево и его природное и божественное значение. Об этом мой друг мне доказывал давно, и я тоже, углубляясь в тонкости вышивок своей матери Надежды Матвеевны, в философском размышлении пытался проникнуть в жизненный процесс своих предков. Работы доктора искусствоведа Алексея Трофимова еще глубже и шире раскрыли тайны орнамента чувашской вышивки.

Когда чуваша стали заниматься изображением видимого мира, как европейцы, наши творцы тоже многому научились, начали входить в европейскую культуру как народ, способный научиться и пользоваться достижениями высочайшего искусства. Виталий Петрович определяет этот долгий процесс так.

По нему, первое поколение художников Чувашии, это: Андреанов, Александров, Кокель, Спиридонов, Сверчков — получило хорошее, профессиональное обучение и показало нам и всему миру, что чуваша, не имеющие традиций в изобразительном искусстве, могут обучаться рисованию и достичь определенных высот в своем развитии. Недаром первые художники Чувашии были участниками многих всемирных выставок.

Второе поколение показало, как говорит Праски Витти, что мы не только можем научиться, но сами можем учить и воспитывать целую плеяду известных художников.

К третьему поколению Виталий Петрович включает и себя. Оно может еще и состязаться в своем мастерстве и побеждать. Он прав в этом заключении. В последние годы он сам, Юрий Матросов и Юрий Николаев удостоились первых премий на всемирных выставках.

В ходе своей деятельности, Праски Витти (Виталий Петров) подружился и с украинскими деятелями изобразительного искусства.

И вот я снова в его творческой мастерской на Московском проспекте города Чебоксары. Когда коснулись разговора на эту тему, он вдруг преобразился и с юношеским задором продолжил беседу.

— О-о, это было время моего перерождения! Во время учебы в Чебоксарском художественном училище, мы были еще наивные, не различали, кто украинец, кто белорус, кто русский, все были вместе, почти в одинаковой гольдыбе, жизненный период был такой трудный. В наших краях всем доставалось поровну. А когда я уже в «мухинку» поступал, во время вступительных экзаменов меня поселили вместе с молодыми интересными, красивыми, ясноглазыми высокими парнями. К моему удивлению, они оказались из запад-

ноукраинских городов Ужгорода, Мукачева... И фамилии у них не такие, как наши: Богович, Немец, Калман, Шлихтляйтнер. Они с первого взгляда поразили чистоплотностью, внешним видом и духовностью. Начитанные парни общались между собой на украинском, польском, чешском, словацком, венгерском языках. Кроме этого они свободно читали газеты и журналы, поступающие в киоски Ленинграда из Англии, Германии и других стран. У меня расширились глаза, я был так удивлен, что к этому возрасту они всему научились и думал про себя, что, мол, мы, хилые, отстающие, выросшие холодом и голодом военных и послевоенных лет, стоим далеко от них, мы в художественном училище находились как в пыльном мешке, не было, широкого простора, вольнодумского развития, просто нам закрывали рот, завязали наши мозги крепким жгутом. Удивительно было и то, что им известны были волжские города Горький, Казань, Ульяновск, Сталинград, а о Чебоксарах даже не слышали. Кое-как разыскав на географической карте территорию Чувашской АССР, расхохотались и все пожали руки дружбы. Несмотря на национальные, языковые различия, они не выставались и не гордились лучшим знанием. Между нами завязались тесные узы интимной повседневной жизни, помогали во всем друг другу. Я с ними дружил все шесть лет пребывания в стенах высшего художественного училища имени Мухомовой. На них, умных и даровитых парней, всегда можно было опираться в нравственном отношении. После получения диплома мы разъехались. Богович стал главным художником Мукачева, Нимиц уехал в Алма-Ату, Шлихтляйтнер работает в Венгрии архитектором. Я с ними не раз встречался.

Был у меня еще один заядлый друг — студент из Украины Шандор Шихерман. Удивительной души человек. Покорил меня своим умственным развитием. Любил западную музыкальную, театральную культуру. С украинскими парнями мы часто ходили в ленинградские театры. Для этого и мне, на заработанные вне учебы время деньги, пришлось купить нарядный костюм. Рядом с культурными парнями и мне было ходить так-сяк очень стыдно. Шандор старательно занимался со мной танцевальными уроками, наконец-то и из чувашского захолустного парня вышел «джентльмен». Я свободно научился исполнять «чарльстон». Хэ-хэ, для меня это был как паралич. Чуваш из деревни Алгазино в шикарном костюме, при бантах, остроносых блестящих туфлях кривляется с иностранной дамочкой под грохочущую музыку и радуется до ушей. Увидела бы мать эту ужасную картину, думал я после танцев, упала бы от удивления. Ведь она представить не может своего любимого сына в таком смехотворном состоянии.

Да, многому хорошему научился я у новых своих друзей. Огромную радость подарили они мне своей добротой, взаимовыручкой, культурным поведением, глубоким познанием красоты жизни. Очень легко и свободно было с ними учиться и творчески работать.

Жизнь она длинная. На симпозиумах, художественных выставках приходилось встречаться, поговорить, поспорить со многими украинскими худож-

Вурнарцы только в 1996 году дождались публичной демонстрации произведений Праски Витти. Выставка великого художника стала знаменательным событием в истории Вурнарского района. Одними из первых посетителей были его друг с детства писатель Михаил Васильев с женой Татьяной Архиповой.

никами. Как-то нашли мы общий язык с талантливым киевлянином Александром Андреевичем Бородаем. Этот потомственный художник — просто гений. Его жена и прекрасная дочь Юля — тоже славные художники. А дядя его, академик Бородай, занимается эмальерным искусством, живописец, график. Его великолепная скульптура из нержавеющей стали, олицетворяющая мать-родину, установленная в столице Украины, известна всему миру. Для Александра Бородая, монументалиста, и эмальерная живопись, и живопись, и графика близки сердцу. Можно смело сказать о том, что он умеет делать все. Недавно он мне домой прислал громадный гобелен собственного исполнения. Ой, ему подвластна вся технология искусства, при том он — роскошный художник. Нам многократно приходилось совместно работать по эмальерному искусству в международном творческом центре, в венгерском городе Кечкемете, там то он, то я получали первые премии за лучшую работу года. По его инициативе я выставлял и демонстрировал свое творчество перед киевлянами. На свои творческие выставки он не раз приглашал меня.

Другой украинский друг-коллега тоже удивил своим талантом. Кищенко жил в Минске, соткал самый крупный гобелен на свете, где изображены истори-

ческие и современные личности Белоруссии, за что попал в международную Книгу Гиннеса. Президент Лукашенко часто выступает на фоне этого гобелена. Сейчас для его демонстрации строят специальное здание, т.к. его нигде не могут поместить в развернутом виде.

Когда я открывал свою персональную выставку в Париже, разыскал «мухинца» Володю Макаренко. Этот украинский вундеркинд еще в Ленинграде удивлял своими дарованиями, живет в столице Франции уже свыше сорока лет. Выжил среди западных творцов. Быть профессионалом там не легко, не каждый выдержит в конкурентной борьбе, ведь в Париже свыше пятидесяти тысяч даровитых мастеров кисти. Работать приходится очень много и изнурительно. Побывав на Западе, я убедился, что ты должен, вынужден рисовать в год 450—600 работ, иначе не выживешь. В это время к нему как раз приехал Бородай. Радость-то какая была! Сашка с Володей побывали и на моей выставке. Каждый день встречались. Столько было разговоров!

Потом у меня есть друзья-товарищи: в Киеве — Гайдамака, в Днепропетровске — Данилов, в Ужгороде — Монайло.

Это — дружеский, творческий круг моих украинцев. Для меня они — таланты, украшение моей жизни. Вместе с ними я полюбил этот великий славянский народ, их быт, древнее и современное украинское искусство. Через меня они постигали азы чувашской древней культуры, я их учил петь и плясать по-чувашски, они меня приучили к своему песенному искусству, танцам.

Это — песенный, красивый народ. Для меня было откровением. Все эти художники без исключения одарены широким воззрением, глубокими знаниями, талантом и прекрасно работают, показывая всему миру украинское искусство. Их чтят на своей родине и за рубежом.

Вот взять хотя бы наши вышивки: сами мотивы орнамента, способы вышивки близки к марийским, удмуртским, мордовским, прибалтийским и украинским. Если мы внимательно взглянемся в украинские народные вышивки, в них тоже, как и у нас, много красного цвета на белом фоне, орнамента идет по счету, вышивка с крестом, и технология очень схожа с нашей вышивкой. Это говорит о том, что мы в свое время находились в культурном объединении вместе.

Но вот мы ездили на Черниговщину, где похоронен наш поэт Михаил Сеспель. Нас приняли очень добродушно. В музее я оставил несколько своих графических работ, посвященных Сеспелю, Иванову и нашему просветителю Яковлеву. Находясь в культурном объединении вместе, директор Каневской городской средней школы в шутовском тоне говорил, что, мол, мы, украинцы, произошли, наверное, от чувашей. Мы это так легко воспринимаем, но каждый, если с улыбкой воспримет это высказывание, но это не совсем будет правильно, потому что тот древний ореол единой культуры охватывал вон сколько славянских, финно-угорских, тюркских племен. Да к тому же мы схожи со своими друзьями Бородаями. У его семьи очень большое внимание к украинской и чувашской культуре. Александр Андреевич с удовольствием рисует украинские мифологические сюжеты, сюжеты народных песен. Я тоже всю жизнь увлекаюсь этим.

Москва. 16 января 1989 года. Украинский художник Александр Бородай (слева) и чувашский художник Праски Витти.

В городе Каневе я был ошеломлен, когда украинские дети без акцента пели чувашские народные песни. Они, оказывается, на полном серьезе изучают чувашский язык, читают чувашские книги, с ними можно общаться по-чувашски. Мне тогда один местный поэт без преувеличения говорил: «Ваша песня «Шя́нкяр-шя́нкяр шыв юхать — Шыв юхать те, чул юлать» схожа с украинской мелодией. Это — гениальная песня. Вы — великий народ». В ответ я ему сказал: «Вы, украинцы, — очень талантливый, лиричный, очень контактный и открытый, дружелюбный народ».

Есть у меня давнишняя мечта — создать коллективный портрет своих украинских друзей, образно отражая все наилучшие человеческие черты этих великолепных художников, представителей мира Прекрасного.

* * *

В безграничном пространстве Мудрости творят по-своему все представители народов мира, в том числе чувашские и украинские мастера — в одном Созвездии Образа Красоты.

с. Янгорчино

Картина художника
Н.П.Карачарскова

Торговый дом в с. Янгорчино

Золотоношская делегация в колхозе «Янгорчино».

Владимир Кузьмин

ЧУВАШСКАЯ КРАСАВИЦА

О дружбе, сотрудничестве, любви между чувашскими художниками и сельчанами образным языком рассказывается в этой книге. бригада мастеров кисти во главе с Караваевым помогает открыть первую в Чувашии сельскую «Третьяковку». А сам главный передвижник встретится со своей пылкой любовью, которую олицетворяет в картине «Чувашская красавица», на московской выставке светилы изобразительного искусства сравнивают её со знаменитой «Джокондой» Леонардо да Винчи. Действия происходят в селе Янгорчино и деревне Хоризор.

ФЕДЕРАЦИЯ КОСМОНАВТИКИ РОССИИ

Региональное отделение ФКР
в Чувашской Республике

Ассоциация содействия
космонавтике
«БАЙКОНУР-ЧЕБОКСАРЫ»

Микрорайон «БАЙКОНУР»

*В МКР «Байконур» осуществляется
строительство жилья для ветеранов
космодрома Байконур*

*Начальник космодрома ге-
нерал-лейтенант Баранов
Л.Т. и президент АСК «Бай-
конур-Чебоксары» Тихонов
В.П.*

*Открытие МКР «Байконур» в канун
75-ти летия А.Г. Николаева с участием
космонавтов:: Поповича П.Р., Бударина
Н.М., Мусабеева Т.А.*

*Андрей Григорьевич Николаев
12 апреля 2004 года
г. Чебоксары*

*43-й украинско-
золотоношский
каравай с рушником -
вурнарцам.
(Июнь 2007 г.)*

*Министр образования и молодежной политики Чуваш-
ской Республики Г.П. Чернова вурнарцам вручает награды.*

СОДЕРЖАНИЕ:

Радуга в дуге. Повесть	3
Не переплыв Волгу. Повесть	112
Золотоноша — Вурнары.....	144
Какие же Вурнары без химического завода?.....	209
Объехали всю Украину.....	213
По стопам Михаила Сеспеля.....	218
Звездные побратимы.....	229
Мир красы без границ.....	234

Владимир Прокопьевич Кузьмин

ПОД РАДУГОЙ ДРУЖБЫ И ЛЮБВИ

Редактор М. А. Васильев.

Подписано к печати 18.07.07. Формат 60х84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать Офсетная. Тираж 1500 экз.
Заказ № 116 Цена свободная

Отпечатано в типографии Издательства «Новое время»

МИХАЙЛОВ
Доримедонтович
(дер. Копыловская),
инженер-архитектор СССР,
дважды лауреат
государственной премии
СССР, солист
Большого театра
(1945-1958 г.)

ПЕТРОВ Виталий Петрович -
Праски Витти (дер. Айгиши),
заслуженный художник России

Тридцать с лишним
лет назад взшла и
долго не угасала
звезда балерины
Надежды Павло-
вой. Ей рукоплес-
кали залы Европы,
Америки.

ПАВЛОВА
Надежда Васильевна
(дер. Шинеры),
народная артистка
СССР

